

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ
НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть двадцать восьмая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико - Хирургической Академіи.

1829.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXVIII-й ЧАСТИ.

Исторія Римскаго Права въ Среднія времена (изъ меченіе изъ книги Савиньи : <i>Geschichte des römischen Rechts in Mittelalter</i>).....	3, 133	✓
Отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія: <i>Вве- деніе въ Географію и Исторію</i> (соч. Докто- ра Яшребцова).....	267	
Взглядъ на состояніе Литтературы и просвѣ- щенія въ Американскихъ Соединенныхъ Шта- тахъ (соч. Фенимора Купера).....	387	✓
Кергизъ - Кайсакъ (<i>первая и вторая главы романа</i>).....	35, 165	✓
Вѣднѣй Дикъ, или неконченная рукопись (по- пытъ, соч. Ломбра де Лангра).....	283, 427	✓
Смѣхотворенія:		
Споѣ Цереры (изъ Шиллера.—Пер... Колаче- скій).....	57	
Голосъ малтера съ того свѣта (М. Н. Ли- тининъ).....	62	
Къ XII-му году (Ф. Н. Глинки).....	64	
Въ Альбомъ (Н. . . . Колачевскаго).....	163	
Завѣда Завѣсть } .Соч. Ф. Н. Глинки.....	164	
Отрывокъ изъ новаго перевода трагедіи <i>Мак- бетъ</i> (А. Г. Ротчева).....	417	
КРИТИКА.		
Сочиненія Ф. Булгарина. 10 частей. Спб. 1827 и 1828 гг.— <i>Иванъ Выживинъ</i> . Соч. Ф. Булгарина, 4 ч., Спб. 1829 г.....	65	

<i>Сельскій Субботній вѣторъ адъ Шотландіи.</i>	
Вольное подражаніе Р. Борнсу, И. Козлова.	
СПб. 1829 г.....	195
<i>Черная немота, повѣсть М. Погодина.</i> М.	
1829 г.....	312
Constantinople et le Bosphore de Thrace, pendant les années 1812, 1813 et 1814, et pendant l'année 1826 (Константинополь и Босфоръ Тракійскій въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, и въ 1826 году). Соч. Графа Андреосси. Парижъ. 1828. Itinéraire de Tiflis à Constantinople; par le Colonel Rottiers (Описаніе пупи отъ Тифлиса до Константинополя; сочиненіе Полковника Роттье). Вриссель. 1829 г.....	465
АНТИКРИТИКА.	
Замѣчанія на статью о <i>Стихотвореніяхъ Барона Дельвига</i> , помѣщенную въ No 11-мъ Телеграфа.....	185
Современная Русская Литтература 1829 года.	
	80, 211, 328 и 482
СМѢСЬ.	
Новый Живописецъ общества и Литтературы.	
	104, 252, 373 и 518
Литтературныя извѣстія.....	199 и 380
Русскій Театръ.....	116, 233, 357 и 500
Г-ну Раичу-Амфитеатрову.....	127 и 230
Письма съ береговъ Лены.....	226 и 352
Поправка.....	250
Прогулка на Чапыръ-дагъ (Г. Левашова).....	493
Письмо къ Издашелю Телеграфа.....	533
Отвѣтъ на оное.....	—
Парижскія моды.....	129, 261, 381 и 534

При сей Части находишся шесть картинокъ новѣйшихъ, дамскихъ и мужскихъ модъ. Въ Прибавленіи къ Телеграфу четыре изображенія мебели и проч.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРИЯ РИМСКАГО ПРАВА ВЪ СРЕДНІЯ ВРЕМЕНА (*).

Его Превосходительству, П. И. Дегану,
посвящаетъ Переводчикъ.

Въ Исторіи посипановленій и поватій, оказавшихъ на міръ вліяніе сильное и продолжительное, Римское Право представляетъ не второстепенную роль. Какое было первоначаль-

(*) Поставляя обязанностью знакомить нашихъ читателей съ новыми идеями и важнѣйшими предметами, обращающими на себя вниманіе современной Европы, стаспливаемы себя почитаемъ, что въ нынѣшнемъ году, объяснилъ важность Нибурова сочиненія о Римской Исторіи, Телеграфъ можетъ показывать сущность и другаго, не менѣе важнаго, Германскаго творенія: *Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter*. Сіе сочиненіе, на которомъ всего болѣе основана слава знаменитаго Берлинскаго Профессора Савиньи, совсѣмъ неизвѣстно у насъ въ Россіи. Статьи,

ное его происхожденіе, мы еще не знаемъ; но каковъ былъ жребій его, свѣтъ знаетъ это, ибо еще донынѣ онъ подчиненъ отчасти предписаніямъ и основаніямъ Римскаго Права. Сие законодательство, коего колыбель перенесъ въ преданіяхъ и мѣстахъ древней Италіи, мало по малу, освобождалось отъ завѣсъ и символическихъ образовъ, дабы достигнуть чистаго разума и опредѣленнаго генія политики. Оно, при помощи завоеваній и по слѣдамъ Римскаго орла, посылало Препорокъ покорять своимъ уставамъ значительную часть міра. Оно потомъ, на обломкахъ Республики и подъ державою Императорскою, преобразившись въ зачатіе ученыхъ и императоровъ, сдѣлалось безсмертнымъ изученіемъ всѣхъ законодательствъ, уваженное Христіанствомъ, поставившимъ подлѣ устава нравственности, переданнаго Христомъ, основанія закона, почерп-

здѣсь предлагаемая, даетъ понятіе о сущности сего сочиненія. Хотя Юриспруденція собственно не входитъ въ составъ Телеграфа, но мы никогда не откажемся помѣстить въ немъ любопытное юридическое изслѣдованіе или сочиненіе: чѣмъ разнообразнѣе журналъ, тѣмъ лучше, только-бы разнообразился онъ съ умомъ и пользою. Впрочемъ, книга Савиньи не просто юридическая, но вполне историческо-философическая. Три, четыре такія статьи, каковы статьи о книгѣ Нибура, и статья о книгѣ Савиньи, пламятъ уже долгъ журналиста публикѣ. *Изд. Тел.*

пуната въ философіи Юстиниана. Не умеченное по-
ривомъ наводненія варварскихъ народовъ, быв-
шее правомъ побѣжденныхъ, на ряду съ Салий-
скими и Ригуерскими законами, умягчавшее посте-
пенно права и нравы побѣдителей, оно, послѣ без-
молжнаго владычества въ течение четырехъ вѣ-
ковъ, блжстательно ожило въ Испаніи, изъ сей
древней оплочки своей перешло въ Германію, гдѣ
сдѣлалось общимъ правомъ, во Францію, гдѣ управ-
ляло уже повелительно положеніемъ сирани, и на-
конецъ, кромѣ своего положившаго могуще-
ства, существуетъ въ наше время средѣ новѣй-
шихъ законодательствъ, какъ несокрушимый на-
мѣтникъ, какъ вѣчное и паннонженное училище
принциповъ и мыслителей: таково Римское Право,
таковы его могущество и продолжительность.

Всего поразительнѣе въ судьбѣ Римскаго Пра-
ва его непрерывность, скажемъ болѣе, его без-
смертность. Со времени самыхъ первыхъ Царей
Рима (juz rаругіанum) до нашихъ временъ, оно
всегда дѣйствовало на общество, безъ перерыва,
безъ междуцарствій. Между нѣмъ, не смотря на
свидѣтельство Исторіи, сираниное мнѣніе утвер-
дилось у многихъ: вообразили, что нашествіе
и владычество варваровъ на нѣкоторое время за-
ставили Римское Право уничтожиться, исчез-
нуть, и что потомъ, чрезъ нѣсколько вѣковъ
промежутка, случай снова воскресилъ его. Уже

съ давняго времени, особливо въ Германіи, по-
ливно-ученые юристы приняли сіе повѣрье, со-
ставлявшее легкомысліе и невѣжесмысль. Но
въ нѣмцѣхъ, повѣрье это все еще сохранило ка-
кой-то родъ общей увѣренности, и никогда не было
предметомъ особеннаго и полнаго ороверженія.
Сей недосдашокъ новѣйшей Литтературы довол-
нила въ наше время *Исторія Римскаго Пра-
ва въ Среднія Времена*, сочиненная знамени-
тымъ Савиньи. Это была блестящая побѣда надъ
предразсудкомъ, и книга Савиньи, возмущая все
сущность Римскаго Права, угасительно пока-
зала непрерывность и продолженіе оного въ Сред-
ніе вѣки, будучи сама по себѣ замѣчательнѣе уче-
ности и удивляющаго усовершеннаго трудолюбія
времѣнъ новѣйшихъ.

Сначала Авторъ хотѣлъ составить чисто-ли-
ттературную Исторію Римскаго Права, со вре-
менъ Иулія (Iulius) до нашихъ временъ. Но
вскорѣ, сей планъ показался ему слишкомъ по-
верхностнымъ; и дѣйствительно, онъ основанъ
былъ на раздѣленіи, совершенно ложномъ, самой
Исторіи Права отъ Литтературой его Исто-
ріи. Оставивъ предпріятіе, которое было недо-
стойно ума, столь глубоко Историческаго, Ав-
торъ остановился на другой мысли, совершенно
опытной и болѣе обильной послѣдствіями: онъ
рѣшился перенести начало своей работы да-
лѣе, и изслѣдовать подробно происхожденіе по-

нѣйшихъ Правъ; его сочиненіе представляло вѣрныя, доказательствы, что основаніе Юриспруденціи въ время нѣмѣйшихъ, во всемъ томъ, что основано въ ней на Римскомъ Правѣ, было не дѣло случая, но волею и безъ всякаго перерыва перешло къ намъ изъ Западной Имперіи, развитіемъ естественнымъ и преобразованіями послѣдствительнымъ.

Слажемъ общее заключеніе наше о твореніи Савинья. Преслѣдовать Римское Право, въ его измѣненіяхъ и его многообразной участи, общими воззрѣніями и частными разысканіями; искасть во времена варваровъ всего, что было Римское, узнавать нѣмѣйшіе слѣды его, съ особенною способностью, и, наконецъ, доказать непрерывную продолжительность Римскаго Права въ вѣкахъ: таково цѣль, общность и характеръ книги Савинья. Во всемъ, что пишетъ Авторъ о Германцахъ и ихъ постановленіяхъ, показываетъ онъ величайшую обширность крѣпкихъ, и огромною своею ученостію, но крайнею кѣпкою, равняешихъ другимъ писателямъ, занимавшимся одними съ нимъ предметами. Что касается до живовиса и понятій о Германскихъ правахъ, о жизни варваровъ, надобно признаться, что Савинья раздѣляетъ недостатки, общіе многимъ ученымъ Германцамъ: эта часть труда его есть ученая диссертація, а не Исторія, и какъ бы ярко блистаетъ свѣтъ, разливаемый Савинья на многіе предмети, но, онъ не даетъ намъ пол-

иде и совершеннаго пониманія о варварскихъ народахъ Среднихъ Врементъ; ихъ правахъ, быту и ихъ помыслахъ. Посему въ извлеченіи, ионикъ кошимъ показавъ читателямъ нѣкоторые существенныя изворскія Сказанія, мы посмѣемся обращаться вниманіе на то, что собственно касается Римскаго Права, уяснимъ его среди варварскихъ народовъ и въ Среднія Времена, посмѣемся заняться собственно жизнеописаніемъ сего удивительнаго законодательскаго, съ той поры, когда оно потеряло власть надъ Капитоліею.

Въ Римѣ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, первоначальныя Права основывались на традиціяхъ и обычаяхъ. Не было писаннаго закона; были Архивы и Вѣра. Между нѣмъ политическія отношенія привели Римлянъ къ составленію *Двенадцати Таблицъ*, на коихъ была основана большая часть древнихъ обычаевъ. Вотъ почему, Двенадцать Таблицъ Римскихъ законовъ сдѣлались и основались основою Права Гражданскаго, даже до времени Юстиніана. Древнее Право состояло собственно изъ собранія символическихъ актовъ, коихъ формулы были опредѣленны и необходимы, и коихъ познаніе и приложеніе составляло главнѣйшее дѣло юристовъ: они были, какъ-бы хранилища древней и строгой самобытности Права. Но, когда Римъ, повелѣвая Италіи, распростеръ свое владычество на другія страны, Древнее Право должно было упростить свое извѣстное

неопредѣленность, дабы сдѣлаться общае. Уже до вышнупленія Римлянъ изъ предѣловъ Италіи, явился въ кругу ихъ Народный или Гражданскій Правомъ Римлянъ (*jus civile*), родъ Права Общаго, Естественнаго (*jus gentium*): неизбежное слѣдствіе сношеній и торговли съ иностранцами. Вмѣстѣ, сіе новое Право служило только для иностранцевъ, и надзираемо было особыми Преторами; но вскорѣ Римляне обобщили сіе Право для самихъ себя, и такимъ образомъ взяли они въ гражданскій бытъ и *jus gentium* и *jus civile*. Истиннѣйшія и адиктны Преторовы удивительнымъ образомъ служили къ распространенію и устройству сего переворота; напротивъ, юристы отрицали оный, и слагались въ своихъ писаніяхъ сокращать только Древнее Право. Такъ въ концѣ республики, Двенадцать Таблицъ и Адиктны Преторовъ были двумя основными Права и законодательства.

При Императорахъ важность эдиктовъ Преторскихъ долженствовала увеличиться; народный характеръ и религиозное уваженіе къ древности нѣмнѣжилось, и тогда юристы увидѣли себя въ новомъ положеніи. Право перенесло шестни революцій, и надобно было соображать безчисленное множество источниковъ и изворишешовъ, дабы достигать простыхъ выводовъ для практикы. Это составляло занятіе, требовавшее времени и знаній; превосходившихъ силы и судей

и Претеровъ, записки, подспорное средство: наука могла исполнить надлежащую образованность. Общественства были благопріимны; сношенія Рима съ Греціею поддѣрживали его литературный гений, и во всѣхъ направленіяхъ умъ Римлянъ простигался потребностью производимъ. Могла-ли Юристы, заключавшая въ себѣ столько сокровищъ, не разделять общаго движенія? Въ древней Республикѣ, кромѣ войны, два души вели къ значительности и славному имени: Красноречіе и Юриспруденція; но Красноречіе пало съ Римскою свободою, и съ нею вмѣстѣ утратило свою почесть, свою силу, свой блескъ. Напротивъ, въ Юриспруденціи сохранялся, болѣе нежели въ чемъ-либо другомъ, древній духъ Рима, и потому все, что мыслило еще по Римски, стекалось сюда, и ученіе Правъ сдѣлалось принадлежностью самыхъ доблестныхъ умовъ, самыхъ высокихъ характеровъ. Опы сего въ Римской Юриспруденціи, во вѣпоромъ и впрѣдѣхъ уикъ, было неслыханное велеліе ума, какого не представляли намъ ни одна эпоха, ни одинъ народъ. Но столько величія среди общаго упадка долженствовало быстро погибнуть; люди высшаго образованія вкорѣ исчезли, а великіе юристы времъ Каракаллы и Александра Севера не имѣли послѣдователей.

Постановленія Императоровъ еще болѣе увеличили истощеніи Правъ. Сначала Императоры

давали только распоряженія, но не съезды, повеленія при исполненіи законовъ, утвержденія мѣстных чиновниковъ и частныхъ людей. Но при Констанціи, Императорское законодательство приняло другой характеръ. Христіанство, объявивъ открытую войну древнимъ нравамъ, необходимо должно было прибѣгнуть къ законамъ; повеленія Императоровъ умножились и сдѣлались исполненіемъ законовъ. Такими образомъ, въ началъ вѣка, источники Права были слѣдующіе: для теоріи, древніе уставы Плебеевъ (*plébiscites*), постановленія Сената (*senatus-consultes*), адикты Римскихъ судей, неписанныя обычаи, и, наконецъ, Дѣвнадцать Таблицъ; но для дѣйствій, для практики, принимались только писанія великихъ юристовъ и постановленія Императоровъ, и между ними пражника предоставляла еще великія трудности. Безъ сомнѣнія, много сдѣлали юристы для судей, обрабатывая древніе источники; но ихъ творенія были многочисленны, самими съ ними многоцѣнны; взаимно юристы часто противорѣчили другъ другу, и гдѣ можно было найти высшее сужденіе, способное разрѣшать споры? Знаменитое постановленіе Валентиніана III-го, 426-го года, показало правцамъ, какъ судьи должны были употреблять писанія юристовъ: сочиненія нашихъ изъ нихъ, Папинія, Павла, Гаія, Ульпіана и Модестина получили силу законовъ, за исключеніемъ противна-

ній Ульпіана и Павла на Папинія. Упопребленіе Императорскихъ постановленій было шенке весьма не легко; нѣ члѣдъ и снѣшеніе дѣлали изученіе оныхъ весьма многотруднымъ; впрочемъ, при покровительствѣ власти, собраніе ихъ не могло затрудняти. Первымъ въ семъ отношеніи былъ кодексъ Григоріанскій и Гермогенскій, предназначенныя только для рескриптовъ; но кодексъ Θεодосіа II-го, 429-го года, нѣдѣ совсѣмъ особенную важность. Соотавленный въ Константинополѣ, онъ содержалъ адикты, даніи со времени Констанціана. Многочисленныя Новеллы были послѣ того обнародованы. Вошъ тѣмъ доказывається ошибка, въ которую впади многіе позднѣіе писатели; между прочимъ Монтескьѣ (*), полагаая, что въ эту эпоху, одно Θεодосіево Право составляло всѣ законы Римлянъ.

- Но всѣ снѣ, послѣдовавшіа одно за другимъ, раздѣленія законовъ, еще не ограничили собою многообразія Римскаго законодательства. Передѣленіе законовъ, какъ мы видѣли, еще не восходило разумѣніа тогдашняго времени. Но, много спустя послѣ разрушенія Западной Имперіи, въ теченіе прицлѣнн лѣтъ, четыре оштва кодексовъ были предприняты, у четырехъ различныхъ народовъ: адиктъ Θεодорика, Короля Остро-Готскаго, въ 500-мъ году; *Visigiarum*

(*) *Esprit des lois*, XXVIII, 4.

Африка; Норманъ Базилъ-Готтескаго, въ 508-мъ году; *Напленъ* Бургундскій, вскоре послѣ 500-го года; наконецъ, книги Юстиниана, составленные сначала для Восточной Имперіи, отъ 528-го до 534-го годовъ. Далѣе мы будемъ говорить о трехъ первыхъ кодексахъ; что касается до книгъ Юстиниана, превышающихъ оные кодексы сборомъ, присланнымъ, безъ несправедливости, конечно не могущимъ опровергнуть насъ въ своемъ уваженіи и въ своей благодарности. Соединеніе оныхъ произведено было съ разборчивостью, здравомъ и умомъ провинциальнымъ, и кодексы Юстиниана, по прошествіи 1300 лѣтъ, все еще передаютъ намъ духъ Римскаго Права, не смотря на безмѣрные промежутки нашихъ историческихъ познаній.

Отъ законовъ, собственно такъ называемыхъ, перейдемъ къ постановленіямъ. Древняя Республика прославляла свое могущество на Италію и на области. Такое раздѣленіе, само по себѣ разнѣжилось, неоднократно измѣняемое, сохранилось во все время Имперіи, и служило правиломъ въ послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ.

Войны въ Италіи безвозвратно покорили Риму многочисленныя республики, его окружавшія. Но послѣ покоренія своего, побѣжденные города получали городовыя права, и въ поже время сохраняли свое внутреннее управленіе. Такая свободная конституція городовъ (или Муниципальное Право) составляла политическій характеръ Ита-

аим. Слѣдующее нами касается Муниципалитетъ и Колоній; въ послѣдствіи имъ будетъ говорить особо о Претектурахъ. Два предмета вызывающіе теперь наше вниманіе: народъ и сенатъ, воля- ныхъ городовъ и ихъ судейство (*magistratures*).

Въ Италійскихъ городахъ, такъ-же какъ и въ Римѣ, народъ имѣлъ власть верховную въ своихъ собраніяхъ. Не только назначалъ онъ судей, но составлялъ законы и издавалъ декреты. Что въ послѣдствіи всюду, такъ какъ и въ самомъ Римѣ, власть перешла отъ народа къ сенату, нѣтъ ничего удивительнаго: это было неизбежное подрѣ- жаніе монархіи Тиберія.

Сенатъ, коего обыкновенное имя было: *ordo decurionum*, или просто: *ordo*, а попомъ: *curgia*, и коего члены назывались: *decuriones*, или *curiales*, былъ обязанъ управлять городомъ, обще съ судьями. Только декуріонъ могъ быть избранъ въ судьи, и избраніе дѣлалось сенатомъ. Судья, находясь въ должностн, могъ представлять своего преемника; но такое право было болѣе тягостью, нежели преимуществомъ, ибо, представленіе преемника возлагало на судью всю отвѣтственность за предсавленного имъ. Посему судьи часто пред- оставляли выборъ Правителю области.

Въ свободномъ Римѣ было два рода гражданъ: одни участвовали въ владычествуящемъ могущест- вѣ; другіе были изъ онаго исключены (*ortimo*

jure, non optimo jure cives). Право участвовати въ выборахъ и возможности были избранными въ различные судейскіе должности, составляли истинное гражданство (*suffragium et honores*). Такое различіе гражданъ можно приложить къ Италійскимъ гражданамъ; но въ семь случаевъ, одни декуріоны должны были считаться настоящими гражданами, и остальной народа составляли граждане низшіе (*cives non optimi jure*). При Августѣ учинилось такое измѣненіе: онъ позволялъ одному муниципальнымъ гражданамъ (*) присылать ихъ суверена въ Римъ. Конечно, что отъ этого, званіе декуріоновъ пріобрѣло почести и важность, и кто смѣлъ сомнѣваться въ этомъ, тотъ можетъ убавить себя чтеціемъ Иракліевой таблицы. Но когда деспотизмъ задушилъ совершенно гражданскую жизнь, декуріоны упали; пришли въ жалкое положеніе, и ничто не можетъ дать истиннаго понятія о внутреннемъ разслабленіи Римской имперіи, при Императорахъ христіанскихъ, какъ многочисленныя конституціи Феодосіева Кодекса о декуріонахъ. Плебей не хотѣлъ вступать въ декуріи, а декуріоны, всѣми возможными средствами старались избѣжать своего достоинства. Многие изъ нихъ скры-

(*) Безъ сомнѣнія, съ того времени, слово: *municipes*, означавшее прежде всѣхъ гражданъ, начали употреблять болѣе въ смыслъ однихъ декуріи.

важны, въ рѣдахъ, тридцать, а иногда до пятидесяти, членовъ : вслѣдствіе ихъ, всѣхъ и, наконецъ, двоглавы въ куріи. Преступными, въ сѣнѣ, незаконно осуждались — были декуріонами : дѣло, импреторное въ послѣднихъ указахъ Ослодоя. Но Жидовъ и ерещиковъ, безпрещасивно, возводили въ декуріоны; незаконные дѣла получали права законныхъ, если по волѣ соглашались, возмущались въ сословіе декуріоновъ. Такое несчастное смѣшеніе правъ, не было сдѣлано, въ конституціи, но плодомъ самовольнаго и произвольнаго приложенія законовъ къ дѣламъ. Правители областей, по своей волѣ и прошивъ всѣмъ справедливости, распространяли опшнспрессивности, судей, преслѣдовали своими прихвѣненіями, главѣйшихъ гражданъ, и состояніе самое низкое было единственнымъ средствомъ спасенія.

Непосредственное правленіе дѣлъ муниципальныхъ было вѣрено судьямъ. Мы будемъ говорить здѣсь только о шѣхъ, которые управляютъ правосудіемъ, о нѣкоторыхъ другихъ, дохъ, сдѣды еще смѣшавшихся и по разрушеніи Имперіи (*duumviri, praefecti, quinquennales, defensores*) и чиновникахъ, принадлежавшихъ къ судебнымъ канцеляріямъ. Всѣ снъ роды, чиновниковъ, имѣли въ рукахъ своихъ *jurisdictio contentiosa et voluntaria* (*). Надъ ними шагнѣло только

(*) Не говоримъ здѣсь объ уголовномъ судопроиз-

судопроизводство Императорскаго Прависеда, установленное въ Италіи съ втораго вѣка.

Первоначальное судейство Италійскихъ городовъ можетъ быть уподоблено Римскому Консульству, до отдѣленія отъ него Преторства. Судьи надзирали надъ внутреннимъ управленіемъ, предсѣдали въ Сенатѣ, и исполняли правосудіе. Они назывались: *duumviri J. D.* (*juri dicundo*) или *quatuorviri*, сномъри потому, сколько ихъ было: двое или четверо. Вскорѣ, назначеніе судей сдѣлалось собственно ихъ дѣломъ. Обязанность, или должность каждаго, продолжалась не болѣе года. Не легко опредѣлить точнымъ образомъ границы ихъ судопроизводительной власти. По видимому, во время Республики она была неограниченна, я ограниченія, какія мы находимъ въ источникахъ Римскаго Права, сдѣланы были въ послѣдствіи. Съ вѣроятностію предположить можно, какимъ образомъ введены были ограниченія. Такъ, напримѣръ, когда Цизальпійская Галлія, образующая нынѣ Ломбардію, утратила свою собственную конституцію и была включена въ Италію, повиновѣ Римлянъ должна была избѣгать слишкомъ рѣзкаго перехода отъ свободы къ порабощенію. Города сохранили свое судопроизводство,

которое весьма скоро отнято было у муниципальной власти; при томъ, оно и не сохраняло въ себѣ преданія о Римскомъ Правѣ. —

Іюль 1829.

2

но ограниченно; важнѣйшія дѣла должны были бытъ переносимы въ Римъ, предъ судилище Претора. Адріанъ раздѣлилъ всю Италію, за исключеніемъ одного удѣла (district), непосредственно подчиненнаго Претору Рима, на четыре Консульства. При Маркѣ Авреліи Консульства были замѣнены *Юридиціями* (juridici), имѣвшими тѣже права, но безъ консульскихъ почестей. И такъ, конспишущіе не были уничтожаемы, но переживали все другое при власти Императорскихъ правителей, и весьма правдоподобно, что правила судопроизводства, бывшія въ дѣйствіи для Цизалпійской Галліи, распространились и на остальную Италію, сокращая болѣе и болѣе свободу Муниципаловъ. Вообще система законовъ, по коюрой управлялась Галлія (lex Galliae cisalpinae): судья могъ избирать чиновника, называвшагося *judex*, и уславовишь *judicium*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое судопроизводство было неограничено, въ другихъ, какъ-то: въ займахъ, когда сумма превосходила 4500 сестерцій, оно не было уже подлежащимъ суду; онъ могъ требовать порукъ, *propter damnum infectum*, и если поручительство не было представлено, опредѣлялъ количество вознагражденія убытковъ. Другія, частныя распоряженія, какъ-то: власть произносить рѣшеніе по поводу *judicium familiae herciscundae*, доказываютъ также силу судей. Кроме того, судья имѣлъ *imperium*, и, какъ знакъ своего высокаго

достоинства, tribunal. Но судьи городов не долго хранили такое многоиміе. Дигестъ и писанія Павла означаютъ ихъ подъ именемъ только magistratus minores; у судей оставили imperium, potestas и tribunal.

Послѣдующее судейство Италійскихъ городовъ составляли Префекты. Во многихъ городахъ они замѣнили Дуумвировъ. Уставъ ихъ состоялъ въ томъ, что управленіе правосудіемъ вѣрялось судьямъ, коихъ выбирала города; но во многихъ Италійскихъ городахъ, Префектъ былъ ничто иное, какъ praefectus juri dicundo, ежегодно назначаемый въ Римъ, посылаемый изъ Рима, и отправлявшій должность судьи. Города, получавшіе префектуру, оплачивались отъ другихъ только именемъ судьи, замѣщавшаго собою Дуумвира. Они имѣли свои сенаши, наименовывали другихъ судей, назывались одни муниципальными, другіе колоніальными, и когда мы видимъ одинъ и тотъ-же городъ, именуемый по муниципальнымъ, по префектурнымъ, въ сей разности наименованій итъ ли пропитворствій, ни несвойственности. Условіи гражданскаго быта въ префектурахъ не различались отъ гражданственности муниципальной. Иначе, могли Цицеронъ, гражданинъ Арпинскій (*),

(*) Фестъ говоритъ, что Агриппа и Роншолес были префектурами.

сдѣлашья Консуломъ народа Римскаго? Слѣдственно: въ важную ошибку впадали шѣ писатели, которые утверждали, что претектуры выходили уже изъ конспирпуцій, и что званіе гражданъ въ претектурахъ было менѣе почетно, нежели въ муниципальных городахъ.

Третьяго рода судей называли: *сензор*, *сигатор*, или *quinquennialis*: при названіи, означавшія одинакую должность. Смотри по времени и мѣсту перемѣнялись имена. Довольно вѣрно можно себѣ представитъ судей сего рода, соединивъ вмѣстѣ Цензуру и Квестуру Римскую. Курапоръ надзиралъ надъ строеніями и казенными работами, утверждалъ недвижимыя имѣнія, и управлялъ капиталами города.

Не можемъ оспавить судей Италійскихъ городовъ безъ замѣчанія о томъ, что они могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ передавать свои должности частнымъ людямъ, принимавшимъ тогда названіе: *agentes vices* (*).

Можно подумать, что переходя изъ Италіи въ области, мы увидимъ совершенно особенное зрѣлище, ибо, еще до покоренія власпи Рима,

(*) Дабы дополнить исчисленіе чиновниковъ по городамъ, надобно прибавить къ нимъ людей, составлявшихъ канцелярію. Ихъ наименованія часто перемѣнялись.

областныя имѣли свою самостоятельность, и подъ владычествомъ Рима продолжали удерживать нѣкошорую часть оной. Но власть Императоровъ Римскихъ умѣла до всего достигнуть съ своимъ деспотизмомъ и однообразіемъ формъ. Такъ, муниципальныя куріи введены были повсюду, съ малыми различіями; такъ, большая часть декуріонныхъ консульствъ называла постепенно владѣть во многихъ частяхъ Имперіи, до того еще времени, когда Кодексъ Феодосія сдѣлалъ ихъ повсюду непремѣннымъ закономъ. Вотъ почему, все, что мы говорили о Сенапахъ Италійскихъ городовъ, ихъ принадлежностяхъ и паденіи, можешь и должно бытъ прилагаемо къ областямъ. Но судейство представляло въ нихъ важныя различія. Въ слѣдствіе Римскихъ попятій, было два рода гражданскихъ службъ: съ одними соединялось достоинство и личное оплчаніе (*honor*); другія не представляли сихъ преимуществъ (*munus*).

Областные города, какъ-то: города Галліи, имѣли большое число должностей сего втораго рода (*munera*); были и въ нихъ почетныя должности (*honores*), особливо въ отношеніи къ религіи и богослуженію, но никогда не было въ сихъ городахъ высшихъ достоинствъ, подобныхъ Италійскому дуумвирству, управлявшему, какъ мы видѣли, городомъ и курією, и опправлявшему правосудіе.

Нѣкоторые изъ областныхъ городовъ, но особенно благосклонности, пользовались однакожъ *Италійскимъ правомъ* (*jus italicum*). Сіе право, не дававшее гражданину ошдѣльно никакихъ преимуществъ, но дававшее ихъ только городу, состояло во многомъ, ибо, оно давало городу *квиритское* (*quiritaire*) раздѣленіе земель, *соптерсіумъ*, и въ слѣдствіе того право ошдачи въ собственность, давности владѣнія, преслѣдованія, также изъеилемость изъ поземельной юрисдикціи. Сими еще не все ограничивалось: городъ, имѣвшій *jus italicum*, имѣлъ свободную конспитицію, подобно городамъ Италіи, дуумвировъ, *quinquennales*, эдиловъ, и, преимущественно, свое судопроизводство; такимъ образомъ, свое судопроизводство принадлежало только привилегированнымъ городамъ. Это всего яснѣе видно въ Галліи Цизальпійской. Когда сія страна подняла власти Римлянъ, то, народонаселеніе оной составляли независимые другъ отъ друга народы (*civitates*); всѣ они имѣли аристократическую конспитицію. Можешь быть и подъ владычествомъ Рима сохраняли они нѣсколько времени свой политическій союзъ; но когда система декурій развилась и распространила повсюду однообразіе въ областяхъ, то продолженіе древнихъ конспитицій, кажется, сдѣлалось невозможнымъ. Дворянство Галліи, безъ сомнѣнія, должно было удалиться изъ помѣщійствъ,

соединялись въ куріяхъ главныхъ городовъ, и тамъ поддерживалъ свою важность. Но привилегій уже не было, и всѣ города были подвергнуты одинаковой зависимости, одинаковому судопроизводству, подъ властью Правителя области. И въ послѣдствіи, города Галліи, такъ-же какъ и области, не имѣли судей, соотвѣтствующихъ дуумвирамъ. Кодексъ Феодосія весьма опредѣляетъ, касательно образованія Галлійскихъ курій (*). Онъ устанавливаетъ, что первый изъ декуріоновъ долженъ править куріею, и, такимъ образомъ, быть главою дѣлъ муниципалитета (*ordinis administratio, gubernacula urbium, curiam regere*): сей главный назывался *principalis*. Когда онъ удалялся, и когда его надлежалъ преемникъ, второй послѣ него членъ (*usque*

(*) *Placuit principales viros e curia in Gallicis non ante discedere quam quindecennium in ordinis sui administratione compleverint... Sane quoniam principalem locum et gubernacula urbium probatos administrare ipsa magnitudo deposcit, sine ordinis praejudicio, consensu curiae eligendos esse censemus, qui contemplatione actuum omnium possint respondere iudicio. Eam vero, qui, usque ad secundum evectus locum, administrationem aut aetate implere aut debilitate nequiverit, suffragium meritorum et transactae testimonium vitae, tanquam primus constituto tempore curiam rexerit, obtinere conveniet. — 171, Cod. Th. de decur. (12 — 1).*

ad secundum eVectus locum), былъ слишкомъ старъ или слабъ для управленія дѣлами, Сенатъ производилъ выборъ, не нанося нѣмъ предосужденія надлежащему преемнику, который соблюдалъ и председательство и преимущества свои (sine ordinis praejudicio). Principalis долженствовалъ оставаться въ должности всю свою жизнь, или, по крайней мѣрѣ, не прежде 45-ти лѣтъ службы могъ быть уволенъ: случай, впрочемъ, весьма рѣдкій для председателя Сената. Несправедливо будемъ воображать себѣ, что principalis былъ судьей: онъ былъ тоже, что нынѣ президентъ коллегіи; судья, напротивъ, былъ чиновникъ частный и личный. Впрочемъ, какими-же образомъ судья у Римлянъ могъ-бы имѣть должность на всю жизнь? По всему должно положить весьма вѣроятнымъ, что principalis, совершенно не имѣвшій званія судьи, не имѣивался въ судопроизводствѣ.

Судопроизводство въ областяхъ принадлежало Правителю, наместнику Императорскому, который опправлялъ его самъ лично, или чрезъ довѣренныхъ особъ; мы уже объяснили, что изъ сего должно исключать города, пользовавшіеся *Италійскимъ Правомъ*: они имѣли собственное судопроизводство, съ апелляціею къ Правителю.

Что классическіе юристы часто говорятъ о

муниципальныхъ судьяхъ, это весьма естественно. Они жили въ Италіи, гдѣ такое поспановленіе было повсемѣстно. По образцовой причинѣ, кодексы Феодосія и Юстиніана, чрезвычайно подробные во всемъ, что касается декурій, почти ничего не говорятъ о муниципальных судьяхъ, ибо, оба сіи кодекса, приготовленные хотя и для обеихъ Имперій, были составлены въ областяхъ, гдѣ декурія составляла общее правило, а судейство исключеніе.

Области оплачивались еще отъ Италіи установленіемъ *Защитниковъ* (*defensores*). Мы находимъ сіе званіе въ первый разъ, съ видимыми признаками постоянного учрежденія, въ 365-мъ году. Титулъ такихъ чиновниковъ былъ: *defensor civitatis, plebis, loci*. Ихъ избирали не одні декуріи, но весь городъ. Главное дѣло ихъ состояло, какъ и самое имя показываетъ, въ зашитѣ городовъ отъ пришествія Правителей. Впрочемъ, они были облечены правомъ низшаго судопроизводства, которое со временъ Юстиніана возвышено было до 300 солидовъ. Имъ даваемъ былъ одинъ *exceptor* и два чиновника. На рѣшеніе *Защитниковъ* аппеляція шла къ Правителю. Въ уголовныхъ дѣлахъ, они принимали участіе только совѣтуя другимъ, но Юстиніанъ позволялъ имъ рѣшать нѣкоторые уголовныя дѣла небольшой важности.

Таковы главныя черты, ознаменовывавшія судей-

ство въ Италіи и въ областяхъ. Намъ остается бросить бѣглый взглядъ на внутренній составъ Городовыхъ Сенашовъ. Законное число сенаторовъ было, кажется, сто; но правило въ семь случаевъ не всегда наблюдали. *Album* декurioновъ оплачивалъ почетныхъ членовъ (*patroni*) отъ членовъ обыкновенныхъ. *Патронами* именовались декurioны, достигшіе великихъ степеней въ государствѣ, или знаменитыя особы, которыхъ Сенапъ включалъ въ составъ свой, изъ уваженія или по гордости. Вотъ порядокъ Сенаша, какъ представляеть его намъ *Album* города Канузіа, въ 223-мъ году:

30 *Patroni*, CC VV. (*id est*, *clarissimi viri*).

2 *Patroni*, EE. QQ RR. (*equites romani*).

7 *Quinquennialicii*.

4 *Allecti inter quinquennales*,

22 *Duumviralicii*.

49 *Aedilicii*.

9 *Questoricii*.

24 *Pedani*.

34 *Prætextati*.

448.

Для дополненія представленнаго нами изображенія Италіи и областей, намъ остается объяснить принадлежности Императорскихъ Правителей и порядокъ управленія правосудіемъ. Начальники Императорскіе были опредѣляемы сна-

чала въ областяхъ, пошомъ въ Италіи, и константинопольскія Константинины показывають уже ихъ повсюду, не различая Италіи отъ областей. Только въ такомъ случаѣ, когда городъ имѣлъ свое собственное судейство, его отношенія къ Правительству были особенныя и болѣе благопріятныя. Раздѣленіе гражданскаго управленія и воинской власти было главнымъ основаніемъ Константиновой константины. Но Юстиніанъ, въ концѣ своего царствованія, соединилъ обѣ части въ рукахъ однихъ и тѣхъ-же чиновниковъ. Гражданское управленіе принадлежало наместнику, именовавшемуся: *rector, iudex, iudex ordinarius*. Было три рода такихъ наместниковъ: *consulares, correctores* и *praesides*. Они различались между собою важностью и обширностью областей, имъ вѣренныхъ, но полномочіе ихъ было всюду одинаково. Военная власть, подъ надзоромъ высшихъ чиновниковъ: *magistri militum*, вѣрена была чиновникамъ высшимъ: *duces*, изъ коихъ многіе именовались еще: *comites*. Сии чиновники не вовсе удалены были отъ судопроизводства. Они судили уголовныя дѣла, когда преступникъ былъ воинъ, и гражданскія дѣла, когда одинъ изъ тяжущихся служилъ въ воинскихъ рядахъ, а другой согласенъ былъ судиться по военнымъ законамъ.

Послѣ всего сказаннаго нами, легко изложить систему судебнаго устройства. Обозримъ сна-

чала судопроизводство вольное. Въ Италіи, и въ привилегированныхъ городахъ, первую инстанцію составляли суды; апелляцію Правитель (*). Въ обласныхъ Правитель имѣлъ власть судопроизводства первой инстанціи, до половины IV вѣка; въ это время Правители замѣнены, въ качествѣ судей, Защитниками городовъ. Впрочемъ, форма процессовъ не измѣнялась послѣ древней Республики, и система всегда была одинаковая. Судья велъ судъ, устанавливалъ: какое изъ основанийъ Права должно было быть приложено къ дѣлу, и давалъ условное рѣшеніе. Тогда, одинъ изъ частныхъ людей, для сего назначенный (*judex*), разбиралъ тяжбу, разсматривалъ сущность ея, и сіе разсмотрѣніе сводилъ съ ученымъ основаніемъ, даннымъ судьей; все это вмѣстѣ составляло судъ относительный. Такая система суда называлась *ordo judiciorum privatorum*, а все утвержденное судьей, въ чемъ не участвовалъ *judex*, производилось *extra ordinem*. Подобное судопроизводство было въ Римѣ и въ муниципальных городахъ. Но при Императорахъ, въ которыхъ дѣла были производимы судьями такъ, что *judex* въ нихъ не участвовалъ (*extraordinarię*

(*) Впрочемъ, Правитель составлялъ первую инстанцію для особъ привилегированныхъ, и для дѣлъ, возвышавшихся до известной суммы, которая впрочемъ намъ неизвестна.

cognitiones). Наконецъ, Діоклетианъ совершенно уничтожилъ прежнюю систему: Прازیтели сами рѣшали всѣ дѣла, и *iudex* былъ призываетъ по исключенію, когда накоплялось много тяжбъ; Юстиніанъ говоритъ уже рѣшительно, что въ его время институція прежней системы суда не существовала. Не трудно понять, какимъ образомъ въ Римѣ двухъ Преторовъ достаточно было для всѣхъ тяжбъ Римлянъ и чужестранцовъ: *iudex* при каждомъ дѣлѣ дѣлалъ это возможнымъ. Какимъ-же образомъ могло доставать судей, когда Діоклетианъ уничтожилъ это званіе? Еще въ древней Республикѣ, Преторы имѣли при себѣ юрисконсультовъ, съ которыми совѣщались, особливо, когда самъ судья не занимался приготовительнымъ изученіемъ законодѣнія. Императоры, обращавшіеся къ юрисконсультамъ во всѣхъ дѣлахъ государства, вскорѣ принуждены были образованъ изъ нихъ родъ коллегій (*consistorium auditorium*), отправлявшихъ дѣла всѣхъ родовъ, и дававшихъ рѣшенія на всѣ вопросы о Правахъ, переносимые на рѣшеніе Императора. Опять Императоровъ институція сошла къ Намѣстникамъ, имѣвшимъ также свои коллегіи ассессоровъ. Такимъ образомъ рѣшали дѣла почти такъ-же, какъ въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, съ тою разницею, что опредѣленіе всегда зависѣло отъ воли Президента. Судьи въ муниципалахъ, Записники въ областныхъ городахъ, долженство-

вали подражашъ Правншеламъ, *iudex* замѣнялся декуріонами, и *курія* сдѣлалась мѣстомъ опира-
ленія правосудія.

Судопроизводство *вольное* обнимало два раз-
личные рода дѣлъ: торжественные акты Древ-
няго Права (*legis actiones*) и акты новѣйшихъ
формъ. Къ первымъ относились *vindicatōe*, со всѣ-
ми ихъ приложеніями, увольненіями, принятіями,
освобожденіями, что составляло систему выша-
го Права, предоставленную Судьямъ Римскаго
народа, на что судьи муниципальные и Защит-
ники не имѣли ни малѣйшаго права. Что каса-
лось до актовъ новѣйшей формы, они образо-
вались со временъ Императоровъ. Тогда начали,
въ дѣлахъ всякаго рода, составлять протоколы
передъ публичною властью (*gesta, acta*). Сии про-
токолы сдѣлались даже необходимыми въ случаѣ
дѣровъ, составленія духовныхъ и ихъ раскрытія.
Такіе акты производились передъ Правншеламъ
обласни; но часпо, для облегченія плѣхъ, кого
они касались, позволяли составленіе ихъ при *ку-*
ріяхъ. По одной изъ констипуцій Гоноріа про-
токолы должныствовали считаться законными,
если при ихъ составѣ находился судья, при *prin-*
cipales и одинъ *exceptor*. Гдѣ не было Судей,
Защитникъ присуствовалъ при составленіи ак-
товъ, о коемъ можемъ мы имѣть поняіе весь-
ма ясное, по докуменшамъ, дошедшимъ до насъ.
Принимавшій участіе въ актѣ, являлся лично, и

прошколоу былъ не что иное, какъ разговоръ его съ судьей.

Таковыми являюся намъ инспирити Римской Имперіи, когда она клонилась къ паденію. Пріоложили къ нимъ инспирити и Права ея побѣдителей и повелителей, варваровъ.

Когда Готамъ, Бургундамъ, Франки и Лонгобарды основали свои новыя государства, они могли располагать побѣжденными Римлянами различными образомъ, могли по выбору, или испреблять Римлянъ, или оставлять имъ жизнь, на уставахъ новыхъ, принудивъ принять нравы и законы побѣдителей; но варвары не дѣлали ни того, ни другаго. Многіе изъ Римлянъ были изгнаны, погублены или обращены въ рабство; систематическое-же разрушеніе цѣлаго народа никогда не было намѣреніемъ варваровъ: два народа, сѣвши-ваясь на земляхъ, соблюдали свои нравы и свои законы, и тогда-то Право Гражданское представляло противоположность законовъ о лицахъ съ законами о земляхъ. Мы, новѣйшіе, беремъ въ основаніе, что Право устанавливается землею: живъ въ какой-либо странѣ, значитъ подчиняешь ея законодательству свою собственность и гражданскія отношенія; отличіе гражданина отъ иностранца у насъ слабо, и иностранное происхожденіе имѣетъ вліяніе небольшое. Иначе было въ Среднія Времена. Въ одной странѣ, въ одномъ городѣ, Лонгобардъ цовиковался законамъ Лонго-

бардскимъ; Римлянинъ Римскому Праву; тоже различіе было между другими Германскими народами: Франкъ, Бургундецъ, Готы жили въ одномъ мѣстѣ, подчиненные различнымъ Правамъ, и сие изъясняется то, что Епископъ Агобардъ писалъ къ Людовику Простодушному: «Часто «бываетъ, что изъ пяти, вмѣстѣ соединенныхъ «человѣкъ, даже двое не подлежатъ одинакому «закону.»

Но сіе личное Право, долженствовавшее быть слѣдствіемъ не случая, а необходимости, когда начало оно первенствовать? Монтеескье говоритъ (*), что «основаніе личныхъ законовъ существовало у варваровъ, прежде нежели они двинулись съ своихъ основныхъ жилищъ,» и что «сіе основаніе законовъ перенесли они въ покоренныя ими земли.» Онъ приписываетъ это любви варваровъ къ независимости и свободѣ. Справно приписывать такія слѣдствія такимъ причинамъ! Что Германецъ, живущій въ чуждомъ народѣ, желалъ быть судимъ по Праву опечесствленному, это понятно; но какъ чуждый ему народъ могъ быть принужденъ къ исполненію его желанія? Это непонятно вовсе. Предположимъ даже терпимость со стороны сего народа: пусть найдемъ только склонность къ гостепріимству, а не любовь къ независимости; впрочемъ, какъ при-

(*) *Esprit de lois*, XXVIII, гл. 11.

веситъ это въ правду? Если Готы жили между Бургундами, кто могъ опирались для него правосудіе по законамъ Готскимъ? Конечно, не сами Бургунды, ибо они не знали чуждаго закона. Готамъ? Но какимъ образомъ въ чуждой землѣ соединились для сего достаточное число Готовъ? Надобно обратиться къ понятіямъ болѣе правдоподобнымъ. Личное Право долженствовало сдѣлаться необходимымъ и возможнымъ, только при сполкновеніи народовъ-побѣдителей съ побѣжденными Римлянами; оно долженствовало явиться только въ новыхъ государствахъ, основанныхъ варварами на Римскихъ земляхъ. Огъ того смѣшались законы варваровъ и Римское Право, явилось новое законодательство. При началѣ завоезаній, самые Германцы, въ ихъ поколѣній и въ Имперіи, не были судимы по своему Праву; но въ послѣдствіи, когда варвары сразились одинъ съ другимъ, побѣдители позволяли побѣжденнымъ, во всемъ пространствѣ своихъ владѣній, жить по ихъ собственнымъ законамъ, какъ позволено было это Римлянамъ. Такимъ образомъ, на Сѣверѣ Галліи, при началѣ владычества Франковъ, только Франкскій законъ и Право Римское были принимаемы; но при наслѣдникахъ Карла Великаго мы видимъ Права Визиготовъ, Бургундовъ, Аллемановъ, Баварцовъ и Саксоновъ введенными во все государство, и если имъ не должны присовокуплять къ сему исчисленію Права

Іюль 1829.

3

34 История Римскаго Права въ средніе вѣки.

Лонгобардскаго, по единственному тому, что Италия никогда не была областью Франкской монархіи.

Такимъ образомъ, во все эпохи завоеванія; такъ же какъ и въ бышесствѣ первыхъ варварскихъ нашествій, при всей гордости шимката владѣтельства побѣдителей, Право Римское оставалось и существовало: неоспоримыя историческія доказательства это подтверждаютъ. У Франковъ, законъ Салическій, древнѣйшій по своему составленію всѣхъ другихъ варварскихъ законовъ, установилъ цѣну за убійство, различаетъ только два рода людей: Франковъ и другихъ Германцовъ, и Римлянъ. Законъ Рипуерскій, не столь древній, предполагаетъ, напротивъ; на ряду съ закономъ Франковъ, Право Бургундцовъ и *Аллеманновъ*. Въ Италіи, во время владѣтельства Королей Лонгобардскихъ, было предписано нотаріямъ писать акты, или по закону Лонгобардскому, или по закону Римскому. Ясно, что тогда Право Римское играло важную роль *Права Лицъ*, когда, въ тоже время, Право Германское, сильное мечемъ побѣдителей, простирая свое владѣтельство на чужеземцовъ, было истиннымъ Правомъ Земель.

(Окончаніе въ слѣд. кн.).

КИРГИЗЪ-КАЙСАКЪ.

Первая глава изъ романа.

«Сереженька! Сереженька! милотка! что?»
 — Ма! отвѣчалъ Сережа. — «Что, ма, другъ мой?» —
 Му! — «Ну, вотъ что еще! ма, му! душевѣйка!»
 И молодая Княжна расцѣловала розовыя щечки сво-
 его маленькаго двоюроднаго брата. — Посмотрѣвше,
 сударыня, сказала няня, какъ онъ читаетъ. — «Ты
 читаешь, Сереженька! читаешь? Прочитай что
 нибудь!» Няня, съ простосердечною улыбкою,
 такъ хорошо выражающею у всѣхъ женщинъ ихъ
 непритворное чувство любви къ младенцамъ, взяла
 съ окна какую-то исписанную бумагу и положила
 предъ Сережею, который, сидя на столѣ какъ
 Турецкій Паша, придвинулъ бумагу къ согну-
 тымъ ножкамъ, и, съ важнымъ видомъ, похло-
 пывая по оной правою рученкою, началъ выго-
 варивать: ма, ба, ша, бамъ, бу и проч., что
 ябло по видимому похоже на чтеніе Алкора-
 на. «Славно, мой дружокъ, прекрасно!» го-
 ворила Княжна, прихватывая своимъ розовымъ
 губками нѣжные пальчики младенца. «Да что это
 за бумага?» спросила она у няни. — Не знаю,
 сударыня, Третьяго дня, когда я ходила на Ох-

ту, то подняла на Набережной. « Не нужна-ли, надобно посморгнуть, » сказала Княжна, опинившая полуизмятую бумагу у мамочки. Есть повѣрье, что младенцы имѣютъ даръ предчувствій, подобно всѣмъ благотворнымъ гениямъ, слагается предосиеречь оцѣ поступковъ, могущихъ имѣть худшія послѣдствія. Не мудро! Если каждое живущее существо имѣетъ своего Ангела-Хранителя, то около непорочнаго младенца долженъ быть цѣлый сонмъ сихъ небесныхъ вѣстителей, исполненныхъ любви къ созданію общаго Творца. Сережа, мальчикъ крошкѣй и веселѣй, вдругъ разуверился, ухватился обѣими рученками за бумагу, и громкимъ плачемъ оказывалъ свое неудовольствіе. Если-бы ты могла, прелестная Софія! угадать это невинное предзнаменованіе, то въ минуту успокоила-бы своего любимца, отдавши ему пагубную бумагу, которая къ вечеру была-бы измята, изорвана, и ты не узнала-бы содержанія оной. Но, видно мой рокъ управляетъ иногда родомъ смертныхъ, и не рѣдко самые невинные поступки бывають первымъ шагомъ къ бѣдствіямъ. Прекрасная Княжна велѣла нянѣ успокоить младенца, и дала ему въ утѣшеніе театральную амузу, побѣжала въ свою комнату. Женское любопытство непостижимо! Самое сопротивленіе Сережи какъ будто подстрекнуло Княжну, и исписанная бумага, о коей она и не думала нѣсколько ми-

леть пошу назадъ , сдѣлалась для всѣхъ епикъ-женивою , какъ древняя рукопись для Археолога. Эти три листа прѣщовой бумаги , сшнанные голубымъ шелкомъ , могли бытъ не много что , какъ опрѣнокъ изъ сочиненія какаго либудъ утѣшителя , въ данную тему. Легко могло снаться , что Сошя наша-бы въ немъ сколько-же смысла , только заключалось онаго , въ зреніи Сережи. Но нѣкоторое тайное предчувствіе , дѣлало сію рукопись драгоценною для развѣдъ и пмадой осмѣдѣннѣйшей дѣвушки. Напрямъ дожно угадывать , что шутъ написанъ ! Съ снмъ рѣшеніемъ , Князь изверла дверь своей комнаты и начала разбиралъ курьозный манускриптъ. Это было парлп-гулярное писмо. Сверху , у самаго образа бумаги , было что-то написано , но малюшка обор-мла это и Сошя наша только : ...лп , 48... Поверхъ былъ очень красивый и чрезвычайно мѣ-нѣй. Любопытной красавицѣ удалось разобрать писмо , и воптъ что она прочитала :

«Теперь , амісе , я смѣло могу сказать , что мое свое отечество. Два мѣсяца живу я въ представительницѣ онаго. Кто бывалъ въ Пари-жѣ , потъ знаетъ и Францію и Французовъ. Москва , находящаяся въ центрѣ Россіи , еснъ рѣшительно панорама нашего обширнаго цар-ства. Слажу болѣе : ее можно сравнить съ ар-мизонъ , въ коемъ хранятся драгоценныя акшн

преобразования; ученикаго однихъ изъ величайшихъ людей. Мановеніемъ своею мощною десницею, безсмертный Пётръ заставлялъ Россію содѣлать наконецъ шагъ младенчества къ зрѣлому возрасту. Мисоистратецъ, вѣропитавшій Олсари и посвящавшій наше отечество въ настоящее время, едва будетъ вѣрить глазамъ своимъ. Неужели это нѣбитъ самый край, который Сюлли, не болѣе духъ сонъ лѣтъ тому назадъ, исключалъ изъ списка Европейскихъ державъ, при составленіи проекта о вѣчной мирѣ? Неужели обитатели сей Гинсборейской страны, суть тѣ самые Москвиты, съ коихъ Монтеスキе приказывалъ сдирать кожу, заплѣтъ, чтобы заставить ихъ что либо почувствовать? Другъ Классикъ! Брось любимыя твои превращенія давно умершаго Овидія! Не восхощайся болѣе эпичными нелѣпыми описаніями разжалованія бѣдныхъ Нимфъ въ медвѣдицъ, или болтливыхъ дѣвушекъ въ сороки. Приѣзжай въ Москву! Ты увидишь такую метаморфозу нравственнаго міра, которая не вымыслена и гораздо чудеснѣе всѣхъ превращеній снараго волохиты Юпитера. Мы, родившіеся и выросшіе въ Пешербургѣ, мы, вытвердившіе наизусть Исторію Карамзина, не имѣемъ понятія о древней или, лучше сказать, о недавней Россіи. Разъѣзжая по красивымъ улицамъ нашего любезнаго Пешербурга, мы только можемъ благодарить Великаго Пешира за его подвигъ, но о

предобывшемъ ми сколько-же нѣтъ войнѣ по преданіямъ, сколько Археологи нѣбоятъ онаго о давно исчезнувшихъ народахъ. Въ Москвѣ найдешь ты удѣвляющія *prisci ævi vestigia*. Въ Москвѣ, добренькая старина, какъ, будто сидитъ подлѣ новаго исполнѣна, который оперившись о вѣчные льды сѣвера, командуетъ всѣмъ міромъ. Здѣсь сравни Россію XVII столѣтія съ настоящимъ, и ты почувствуешь... Но я право самъ не знаю что пишу! Въ мысляхъ моихъ такой хаосъ... дай отдохнуть.

« Не дивлюсь ятому, любезный Филаретъ, что Байронъ, безпокойный и ничѣмъ недовольный, обрѣскалъ поэзія весь свѣтъ, между тѣмъ какъ счастье, въ комъ мы все являемся, можно приобрѣсти и подлѣ тѣмъ зенитомъ, подлѣ коимъ мы получили жизнь. Байрону хотѣлось, по собственному его призванію, пересмотрѣть всѣ страницы великой книги, называемой міромъ. Едва ли я самъ не мучимъ такимъ-же демономъ. Съ малыхъ лѣтъ досадовалъ я на то, что могъ на картѣ Россіи провести карандашемъ длинную чершу по мѣстамъ, мною объѣзженнымъ, о коихъ я понималъ не вѣю. Четырехлѣтній младенецъ, везомый зимою на быспровогихъ пошovýchъ лошадяхъ, конечно былъ тамъ и тамъ, но что-же онъ видѣлъ? По моему мнѣнію, быть гдѣ-нибудь, значить увидѣть и сдѣлать свои

замѣтила. И плакъ теперь я въ первый разъ, въ Москвѣ, вижу и наблюдаю коренную мамушку Россіи. Чужіе края мнѣ знакомы! Посмотримъ, посравнимъ, а шм не поскутай моимъ описаніемъ своего, вновь видѣннаго.

« Не знаю почему, я чрезвычайно люблю сѣверъ, въ которомъ никогда не бывалъ во дни правопшвеннаго моего бытія. Равнинъ нашего ошествоснва, по узрѣніямъ пушешеснвенниковъ, пошно унодобляюща пущинавъ, въ особешности ашною. Но я видѣлъ только Бѣлоруссію и Ошвейскія провинціи, и шо лѣтомъ. Свѣтлый Эмбахъ, опрущійся по зеленымъ лугамъ, не могъ мнѣ дать понятія о безводныхъ, ковилемъ поростшихъ берегахъ Чернаго моря, или объ окрешностныхъ гордаго Кавказа. Хваленая Саксонская Швейцарія наводила на меня уныніе. Этихъ вратныхъ ошамъ, ашш сшѣсненными долинами, похожими на большія дороги Бѣлорусскихъ губерній, обсаженными вѣшвѣшшими березами. Ъдешъ, ѡдешъ, все одно и шоже видишь! Куда ни обратишь взоръ, вездѣ препона, какъ ширенная стѣна. Плодоносными и обработанными поля Германіи ошзмывающа нишшожносшью рода человѣческаго. Все разштрено, все размежевано, все показываешъ ошрашченность гордаго царя земли, ашого сущесшва, по созданіи кошего Богъ ошочилъ ошъ шрудовъ своихъ. Люди, какъ ошая голодныхъ волковъ, гризуща въ раздѣленіи единашвенной сво-

ей добычи, прекрасной илангем, все въ угодность ихъ производящей. Математическими разсужденіями стараются они означить свою собственность, какъ будно въ напоминовеніе шифрой, могильной собственности, которымъ есть необходимъ удѣлъ всѣмъ живущихъ. Властелины природы! Я знаю тебя, какъ послѣднее и лучшее твореніе Вѣчной Премудрости. Но ты мнѣ жалокъ, въ закленахъ своего просвѣщенія, своей общественнои жизни, своихъ безпрестанныхъ мучдъ и въ снѣсенномъ невольническомъ племени быту! Я не узнаю твоего первобышнаго состоянія! Сланимы города образованныхъ націй, душевные кабинеты мудрецовъ и ученыхъ, какъ будно служантъ восхитаніемъ для крикливыхъ стаи гадовъ и воронъ, свободно летающихъ по воздуху, надъ сими суеверными и случайными впечатлѣніями разумныхъ шварей!... Не разсердись, угрозы мой другъ просвѣщенія! Закрой лежащую предъ тобой книгу, милый Филаретъ! и прочитай шерстливо истиннаго мон. Я родился и воспитанъ въ Петербургѣ. Я посвященъ въ таинства условнаго образованія Европейскихъ народовъ. Я привыкъ жить въ обществѣ. Следовательно, все мои помышленія, чувства мои, должны носить отпечатокъ сихъ привычекъ. Но выходитъ противное! Весьма часто въ сновидѣніяхъ моихъ я вижу какую-то необозримую степь, какихъ-то дикихъ сыновъ природы, ищащихся на

бодрыхъ коняхъ; я слышу шепотъ напѣвъ; какъ будто мы знакомые, я люблю на безчисленныхъ снадахъ, бродящихъ по омуту зеленому ираваному морю, и, повзришь-ли?... когда въ ясную лѣтнюю ночь я въ задумчивости глажу на звездное небо, мнѣ кажется, что это не та самая нечеловѣческая степь, устланная бѣловолныстыми овцами; мнѣ кажется, что это небо я видѣлъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ оно сливалось съ неизмѣримою землею равниною, подобно тому, какъ для мореходца оно сливается съ поверхностью океана. Ксташи о морѣ! Я хотѣлъ поплавать на кораблѣ; поноситься какъ на крыльяхъ, по зыбкимъ валамъ пространной стихіи: но когда я осматривалъ узкія каюты, темные переходы, множество напутанныхъ веревочъ, которые подобно паутиной заграждаютъ видъ свѣтлаго неба и обширнаго моря, то все очарованіе мое исчезло. Я увидѣлъ, что на кораблѣ буду также немножкомъ! Нѣтъ! мнѣ хотѣлось-бы, какъ Бедуину, пожить на безопасномъ нашенкѣ, въ необозримой степи, вдали отъ городовъ, отъ скучныхъ обществъ, отъ утомительныхъ привѣчій, отъ несносныхъ ученыхъ преній, отъ суетныхъ заботъ, и отъ жалкаго разочарованія пространства и времени, раздѣленныхъ на миллионы drobныхъ часней у просвѣщенныхъ народовъ, между шибъ какъ дикіе пользуются ими гуршомъ, безъ дѣленія!... Отъ чего это происходитъ? Ум!

И не нахожу другой причины, кромѣ непостоянства человеческого! Великодушный Князь Тавриды, сяди за пышнымъ столомъ, приказывалъ подать себѣ широкую солдатскихъ щей и кусокъ гробовскаго хлѣба; человекъ, упомянутый удѣльными жителями, съ завистью смотритъ на рѣзную толпу мальчиговъ, уволенныхъ отъ учения и веселыми скачками и криками изъясняющихъ нежную свою радость! Пресыщеніе есть удѣлъ ихъ смертныхъ! Я родился въ пышной столицѣ, жилъ всегда въ богатомъ домѣ, давнымъ давно обиткомился съ удовольствіями сполнажной жизни; сладости наукъ и просвѣщенія знакомы мнѣ не по слухамъ; мудрено-ли, что душа моя, насыщенная пышью кельи и у всѣхъ другихъ, сдѣлалась равнодушною ко всемъ вышнимъ благамъ жизни, и жаждетъ чужихъ вѣбъ другихъ наслажденій? Она, можетъ быть, и чувствуетъ, что идеальскій бытъ рода человеческого вполне удовлетворилъ-бы ея желанію. Отъ этого мнѣ тѣсно, душно въ городѣхъ, и я завидую птицамъ, летящимъ по поднебесью. Словомъ, я люблю степи и равнины, такъ-же какъ Швейцарецъ любить родныя горы.

«Но, смотри пожалуй; въ какія унылыя разсудки пустился твой веселый, беззаботный другъ? Поправлюсь! . . . Несись въ коляскѣ по прекрасному шоссе, выѣхали мы наконецъ изъ Вессинскаго, и пусть въ первый разъ въ моей

жизни, исполнилось пламенное желаніе видѣть степь. Вообрази себѣ необозримую, зеленѣющую равнину, занимающую ровно полпути небосклона; по ней, какъ дорога, вывѣшена гладкая дорога; рощицы и лѣсныя чернѣющія въ дальности; куполы церквей и шпиль дождикомъ мелькающіе на горизонтѣ. Это Москва! Это magnificentное изображеніе обширной равнины, составляющей мою родину! Этотъ городъ, разбросанный на плакомъ пространстве, такого не занимаетъ ни одна столица Европейскихъ державъ, какъ будто кузень усталъ съ небомъ и разсыпался на прекрасной равнинѣ. Изъ оконъ моего кабинета видно почти все за-Москворѣчье и нѣсколько кварталовъ прилегающихъ къ рѣкѣ, болѣе пятидесяти церквей и монастырей, и нѣсколько тысячъ домовъ разной вышнн, что производитъ пріятнѣйшее разнообразіе! Видъ прекрасный, торжественный какъ будто кажетъ образованную степь! Посмѣйся надъ этимъ выраженіемъ снисходительнаго!... А право, какъ хочешь! Петербургъ похожъ на красавицу, величественнаго строенія Гвардейскаго Корнуса въ парадѣ. Москва уютоблѣнилась безчисленной ордою Чингисъ-Хана, а безпорядкѣ оплывающей на спешахъ за-Уральскихъ. Улицы здѣсь такъ длинны, такъ распылуны, а гостепріимство и ожиданія посѣщеній во всякихъ концахъ города такъ радушны, такъ непринужденны, что я всакій день совершаю путешествіе.

онія, снѣжкія переводы съ одной снѣжки на другую. Третьяго дня я вынужденъ былъ изъ Лесертовской заспик ѣхать на Дмитіе поле. Мнѣ казалось, что я проѣхала нѣкое Германское княжество. Для Нѣмца или для Француза, это нѣтъ очень дальній путь; Русскій отнесетъ за бездѣлку проѣхавъ это разстояние, а въ три дня посѣтитъ окресты въ Цесарбургъ. Такъ и въ Москвѣ, дошорую я называю предшазнательницею Россіи. Десять верстъ въ одинъ конецъ не значить много, ни для лошадей, ни для сидока. Сначала затрудняли меня адресы на изсѣлахъ. Въ какомъ-то приходѣ, въ какомъ-то переулкѣ! Я нислу разбираю! У насъ въ Цесарбургѣ часты и кварталамъ, здѣсь деревни означаютъ куда должно ѣхать. Названія улицъ очень сѣтныи; наприимѣръ: *Болвановка*, *Шаболовка*, *Плющиха*, *Козиха*, *Заува*, *Балчуа*; все это что-то спаранное, ошмывающееся владическимъ Татаръ и незыскательностію древнихъ обычаевъ. Прѣзжай въ полдень мимо Кремля: вѣпаны Посланниковъ и Гераломъ какъ будно догоняютъ одинъ другой; красныя колесни, въ конѣхъ сидятъ разряженныя дамы, иташея по дуршой, ласкомъ ушпанной носовой; со всѣхъ споромъ слышны громогласное: *надм!* Толпы пѣшеходовъ пѣсноты и перебѣгаютъ черезъ улицы между акиниками. Прѣзжай оппуда на Тверской бульваръ; по-

оприобщенные безвестными дружинами цвиговъ: пифагорей, шаловой, мундровъ, модныхъ, ершковых, мальчишъ въ прекрасной аллей. Сильно можно сказать, что шеверы ни одинъ городъ въ мірѣ такъ не обитаетъ, какъ древняя столица. А погода, красота не позабудешь и небу Авзоніи. Завершишь только оныя бульвара на право, за Зеленой вѣтъ, котораго и слѣдуетъ идти: по изданному ты попалъ въ другой городъ. Искривленные переулки и закоулки, деревянные дома съ садиками и садами, на улицахъ безмолвіе и тишина; рѣдко, рѣдко услышишь сѣкутъ дрожки или нагнѣвъ разнощика, продающаго свѣжіе огурцы, которыхъ запахъ я такъ люблю, потому что онъ напоминаетъ лѣто; пѣтухи коуютъ со дворахъ споронъ и даже слышишь лавканье индѣекъ и хваленіе утокъ, потому что въ этихъ кварталахъ живутъ, какъ въ деревняхъ, полныя хозяйствомъ. Выѣзжай за заставу: поле, степь; пущины, въ двухъ вершкахъ отъ небольшой площади, на холмѣ; въ столицѣ просвѣщенной націи, собраніи предпавшихъ вѣхъ Европейскихъ государствъ. *Да, баюшка, едва найдется гдѣ столько, какъ Москва!*.... Вся эта смѣсь старатаго и новаго очень меня веселила: и обичай, и строение, все это отличное отъ Европейскаго и намъ родное, можетъ занять не только меня, беззаботнаго, но и величайшаго изъ наблюдателей современнаго права, если найдемся ли-

кой Генералъ былъ нѣтъ милосерднѣе, чѣмъ далъ имъ полную свободу гулять; лишь кончала разводъ, мы слетѣли во всю прыть, въ разныя стороны, а дѣлами занимаемся нашъ суетливый Андрей. Когда мы возвратились въ Петербургъ, спроси у него, что онъ видѣлъ въ Москвѣ? Вѣрно скажетъ: «Когда мнѣ было смѣлѣе! я во выходилъ изъ канцеляріи; далъ миліоны!» Подумаетъ, что онъ рѣшалъ судьбу царствъ! Чудакъ, а предобрый человекъ!....»

Вдругъ зашумѣла ручка замка, и Софія, взошедши со спуска поспѣшно, отперла дверь. Въ комнату вошла Клавдія Ризникова, хозяйка дома и родная тещка Княжны. «Что это знаешь, Sophie? Чѣмъ ты занимаешься такъ секретно?—Ничего, отпечтала закресившіеся прелесть Софія: я читала бумагу, которую нѣмъ поджала на улицѣ. — «Что за бумага?» — Не знаю! Вѣроятно журнальная свѣдѣнія, или отрывокъ изъ какого нибудь романа.—«Покажи!» Клавдія подала письмо и усмѣхась своего первого лишнего коснунка, потому что она очень хорошо знала, что эта рукопись не была назначена для журнала, начала обидчивать засохшія листья съ цѣтшвъ, украшавшихъ окна ея комнаты, подходила къ фортепьяно, наигрывала что-то на послѣдней октавъ, разглядывала давно знакомые ей эстампы, развѣшенные по стѣнамъ, словомъ, была въ какомъ-то разсѣяннѣ, сама не зная отъ

чего. Тамъ впрямь, дородная Графиня, усти-
 шикъ въ кресла и держа правою рукою лорнетъ
 передъ глазами, внимательно читала швейцар-
 ную бумагу. Графиня Ртищкова, меньшая сестра
 покойной матери Княжны Софьи, воспитала
 свою племянницу, лишившуюся родителей на
 седьмомъ году своего возраста. Графиня была
 тиха и добра, но штиъ не меньше благоразумна
 и осторожна. Она знала, какими искушеніемъ под-
 вержена бываетъ молодая наследница огромнѣй-
 шаго имѣнія. Рачительно надзирая за своею пле-
 мянницею, Графиня не употребляла той спро-
 сости, внушенной предусмотрительностію, ко-
 торая научаетъ молодыхъ дѣвицъ прошивопо-
 ложной предусмотрительности, а именно хв-
 просить и уловлять въ дѣлахъ, касающихся
 ихъ юного сердца. Софья во всемъ вѣрила своей
 доброй шепкѣ, а сія никогда не оскорбляла ее
 подозрѣніемъ, замѣчаніемъ и всѣми подобными
 маневрами надзорщицъ, преданныхъ ревизовать
 Итальянскимъ или Испанскимъ опекунамъ. «Нѣтъ,»
 сказала Графиня, по прошеніи письма, «это
 не журнальная спашы, а формальное признаніе
 въ любви.» — Кому? спросила Софья покраснѣв-
 шимъ? — «Тебѣ. Да! тупѣ съ пламеннымъ вос-
 торгомъ говорятъ о Княжѣ Софѣ Павловнѣ
 Любской! Развѣ есть какая нибудь другая? Толь-
 ко, привѣтъ твой очень вѣрно описанъ.» — Воз-
 можно-ли! Я даже не знаю, кто это писалъ. —

«Я также не знаю. Но послушай, милая! тебѣ не должно скрыватьсѣ отъ меня. Скажи чистосердечно, какъ попала въ твои руки эта бумага?» — Увѣрю васъ всѣхъ, что для меня свято, опивчала Софья сквозь слезы, что я даже не дочитала этого письма, которое получила у Сереженьки. Желала-бы я знать, кто осмѣлился это написать — прибавила она нахмурившись и прощипавши губки, съ видомъ сильной досады. — «Не сердись, *ma chère*,» сказала проткнуто Графиня, вплекая ее по розовой щекѣ. «Я тебѣ вѣрю. Дочитай, если хочешь, эту пустую бумагу. Только поскорѣе; уже пора обѣдать. Графъ сію минушу придетъ.» Съ этими словами Графиня встала съ креселъ, и, переваливаясь на обѣ стороны, вышла изъ комнаты. Слез прелестной Книжки въ минушу высохли. При тепленькѣ должно было обидѣться признаніемъ въ любви незнакомаго мужчины, а безъ тепленьки можно и полюбимъ-тепнѣвать! Это еще первое любовное объясненіе! Какъ не узнать, въ какихъ выраженіяхъ оно написано, и кѣмъ писано? О! это можно угадать! У осмнадцатилѣтней дѣвушки довольно ума на подобныя догадки. Софья воспитанно перевернула листъ и продолжала чтеніе.

«Но оставимъ нашу канцелярію, и будемъ продолжать разсказъ о мапушкѣ Москвѣ. Здѣш-

Іюль 1829.

4

нее гостепріимство въ полномъ смыслѣ ошмы-
вается простотою древнихъ обычаевъ, конхъ
слѣды уже давно исчезли въ Европѣ, а у насъ
еще доселѣ сохранились. Просвѣщеніе, вещь пре-
красная, милый другъ! Но не подумай, чѣмъ
оно за собою влекло одно лучшее, и повѣрь, чѣмъ
дурное не описываетъ отъ этого божества, столь
много чинимаго и перевозносімаго. Взрослый че-
ловѣкъ не согласился бытъ опять младенцемъ,
но признайся, чѣмъ пріятно видѣшь въ мужѣ
опытномъ и образованномъ нѣкоторыя черты
прелестныхъ дѣтскихъ лѣтъ! Человѣкъ, о ко-
емъ можно сказать, что онъ по сердцу своему
настоящее дитя, въ моихъ глазахъ есть чело-
вѣкъ безцѣнный. Не шодн-же бываетъ и съ наро-
дами? Идемъ впередъ, впередъ, расшемъ, зрѣ-
емъ, дѣлаемся умнѣе и опытнѣе, а все такъ-то
радуемся, когда гдѣ замѣшимъ слѣды первоиз-
начальнаго и кореннаго быта! Необычайный успѣхъ
романовъ Валтеръ Скопша есть ясное доказа-
тельство, что родъ человѣческій съ удоволь-
ствіемъ воспоминаетъ о своемъ младенчествѣ.
Чѣмъ описывалъ знаменитый Шотландскій рома-
нисиъ? По большей части обманъ, которые
давно уже истребились и коимъ нѣкто не за-
хочетъ возобновить. Въ моихъ глазахъ, и Мос-
ква похожа на романъ Валтеръ Скопша. Я не-
давно ѣздилъ въ Коломенское, и съ умиленіемъ
глядѣлъ на каменные кресла церковной паперти,

на коихъ послѣ обѣдин опдыхалъ добрый Русскій Царь Алексѣй Михайловичъ. Мнѣ казалось, что я вижу его, съ окладистою бородою, въ широкой богатой ризѣ, разговаривающаго съ своими боярами. Въ воображеніи моемъ представлялся и малолѣтний Петръ, беззаботно смотрящій на Москву и на окрестныя поля, и никакъ не помышляющій о исполненномъ шагѣ, который онъ со временемъ заставитъ сдѣлать свое обширное Царство... Опять пустился въ мечтанія!... Выводашъ! Обращимся къ Федосьѣ Андреевнѣ.

«По приѣздѣ въ Москву, я, какъ водится, остановился въ домѣ, приготовленномъ для лашаго Шшаба. На другой день я поѣхалъ къ почтенной старушкѣ. Боже мой, какъ она разсердилась! Осыпала меня упреками, почему я прямо не вѣхалъ въ ея домъ; увѣрала, что стыдно мнѣ, ея любимцу, сыну ея двоюродной сестры, котораго она маленькаго носила на рукахъ, такъ мало заботиться о родныхъ, и думать, что въ ихъ домѣ нѣтъ ни пріюта, ни довольства. Эти укоризны живо напомнили мнѣ все, доселѣ слышанное о Московскомъ гостепріимствѣ. *Nolens volens*, я исполнилъ желаніе названной моей пестушки и переселился въ ея домъ, гдѣ по видимому меня хлопоты окормить. По обязанности службы я долженъ часто, или лучше сказать, всякій день у кого нибудь обѣдать. А у пестушки, дворецкій безпрестанно меня спрашиваетъ,

что я прикажу изготовить къ обѣду, и Федосы Андреевна изволишь гнѣваться, что я не хочу раздѣлишь съ нею хлѣба-соли. Извиняюсь, какъ могу! За то уже мой Николашка какъ будто въ рай попалъ! Я даже боюсь, чтобы его не ополн чаемъ и кофе. Иванъ ѣздитъ со мною за коляскою, а прозванный шобомъ: *Милостивѣйшій Государь Николай Никифоровичъ*, осматывается дома безъ всякаго дѣла. Даже мундиры мои и сапоги числятся другіе, и его важная обязанность состоятъ единственно въ приспегиваніи эполетовъ и развѣшиваніи аксельбанта. Онъ уже снялъ военную ливрею, и нарядился въ синий фракъ. Недавно встрѣпилъ я его съ цѣпочкою въ петлицѣ и въ узорчатой - вышитой манишкѣ. «Гдѣ пимъ это взялъ?» спросилъ я. — Дѣвушки подарили — отвѣчалъ онъ съ самодовольною улыбкою. Желаю дальнѣйшихъ успѣховъ и радуюсь его радости! Да! кспали объ успѣхахъ!... Много было намъ наполковано о прелестныхъ Московскихъ барышняхъ (такъ называютъ ихъ здѣсь до сихъ поръ), а я, опъявленный волокиша, признаюсь, что не нашелъ въ нихъ ничего хорошаго. По моему мнѣнію, онѣ очень глупы, именно опъ того, что слишкомъ умны. Это не парадоксъ, милый Филаретъ!... Всѣ эти *барышни* прекрасно говорятъ по Французски, танцуютъ какъ Испомина, играютъ на фортепьяно какъ Мейеръ, рисуютъ какъ Дезарно, ну, словомъ, талантовъ ихъ не перечтешь!

Одного только не достаешь : таланта править-
ся и завлекать нашу братью мужчинъ ! Въ Вар-
шавѣ, напримѣръ, прелестныя *панны* не имѣютъ
никакой надобности выдерживать экзаменъ въ
образованности. Онѣ плѣняютъ такими средства-
ми, такими уловками, которыми знакомятъ обо-
жателя прекраснаго пола и съ Армидами и съ
Эхзарисами. Въ Москвѣ совсѣмъ не то. Мнѣ ка-
жется, что чинность двора Людовика XIV-го и
преціозность гостинной прекрасной Аршенисы,
поселились въ нашей древней столицѣ. И шеперь
лежишь передъ моими глазами записка, на Фран-
цузскомъ языкѣ, отъ одной родственницы здѣш-
наго дома, также барышни. Содержаніе этого
исповѣданія таково, что взявшихъ у меня книгу
не возвращають за шѣмъ, чтобы я забира самъ
за ними прѣхалъ, и къ одолженію прекраснымъ
сочиненіемъ прибавилъ одолженіе моего прису-
ствія на цѣлый день. Просто сказать: меня зо-
вуть обѣдать. И все это написано самымъ луч-
шимъ Французскимъ языкомъ, прекрасною моло-
дою дѣвицею. Умно, любезно: въ этомъ должно
сознаться; но все что-то опшывается свѣтскимъ
хеманствомъ. *C'est recherché!* То-ли дѣло въ
Варшавѣ ! Тамъ, бывало, при отсылкѣ нотъ или
книгъ, получишь записочку на лоскуткѣ бума-
ги въ шестнадцатую долю, запечатанномъ ро-
зовою облаткою. Ни правописаніе, ни правила
Французскаго языка не соблюдены, но въ замѣнъ

ного, въ концѣ маленькой странички, выставлено: *tournez, ш. е. обороти, а на оборотѣ найдешь очаровательныя слова: Demain après la messe nous irons nous promener au Jardin de sage.* Засимъ: *vous...* и нѣсколько шотекъ; шамъ заглавныя буквы прелестнаго имени!... Такую записочку расцѣлуешь! И можеть-ли все упоенное искусство будуарной Ришорики сравниться съ эшимъ ловкимъ и простымъ назначеніемъ мѣста свиданія? И какія-же наслажденія приносили эти невинныя *rendez-vous*? Пожатіе миленькой ручки, снраспный взглядъ, пустой, но пріятный разговоръ, словомъ, всѣ безвредныя сладости тайныхъ свиданій Софьи Павловны съ Молчалинымъ! А пророз! Я здѣсь также нашелъ Софью Павловну, по имени, для кошорой охотно сдѣлался-бы Чацкимъ. Представь себѣ прелестное, милое швореніе, семнадцати или осмнадцати лѣтъ, съ кругленькимъ личикомъ, какъ у кошечки, съ волосами, кошорымъ позавидовалъ-бы самъ Фебъ, съ голубыми глазами, кошорые сверкають какъ два сапфира, и кошорые по видимому внушили злобой Шиллеровой Турандотѣ ея прекрасную загадку. Прибавь къ шому необычайный умъ, дѣтскую веселость и ангельскую привязанность къ мамушкѣ!... Если-бы это плѣнительное существо имѣло душу пламенную, способную любить, то вся гордая половина рода человеческого преклонила-бы колѣна предъ нею. Мнѣ кажется, что

она не изъ Москвы, а изъ очаровательной Варшавы! И подлинно, окончаніе ея фамиліи на—ская не означаетъ-ли въ ней Польскаго происхожденія, подобно тому, какъ мое Азіятское лицо, можетъ быть, доказываетъ лучше всякой родословной, что я происхожу отъ одного изъ опившихъ сонупниковъ Башня? Ты спросишь: не влюбленъ-ли я? Разумѣешь! Есть-ли въ цѣломъ мірѣ иной уголокъ, гдѣ я не нашелъ-бы предмета своей любви! Впрочемъ, будь спокоенъ. Я даже ни слова не говорилъ съ Княжною Любскою. Видѣлъ ее на домашнихъ вечеринкахъ, и только однажды, на балѣ у Сардинскаго Посланника былъ избранъ ею въ копіллонъ; повальсировалъ, поддерживалъ правою рукою ея гибкій станъ, впитывалъ въ себя ея сладостное дыханіе, наслаждался пріятнымъ запахомъ ея помады, воцѣпъ и все!... Она меня не замѣтила, но я ошмыскалъ ее среди шмюль красавицъ, я узналъ ее, благодаря моему зеркому глазу!... Мой другъ! я не влюбленъ, но... долженъ открыть тебѣ одну тайну моего сердца. У насъ въ домѣ есть пышна-цашмѣтпвій мальчикъ, мой шѣзка, съ маленькою, оспрохонечною рожницею, совершенно похожею на спаравныхъ куньи мордки. Я люблю дѣшей и подружился съ нимъ на другой день нашего знакомства. Не рѣдко люблюсь я изъ окна, когда рѣзвый мой пріятель наньчишь въ садикѣ двухлѣтнюю Машу. Но съ шѣхъ пошъ, какъ я замѣ-

шилъ, что Викторунка бѣлокуръ, что у него глаза небеснаго цвѣта, что онъ любитъ младенцовъ... мнѣ показалось, что онъ съ родни моей идеальной Софѣ! Я привязался къ милому отроку, и воображаю, что это *она*, переодѣтая въ мальчика. Мнѣ пріятно цѣловать его, пріятно разговаривать съ нимъ, какъ будто-бы онъ былъ повѣреннымъ ея сердечныхъ тайнъ; а впрочемъ, я спокоенъ... Тоска, мученія, сомненія бываютъ признаками сирасни. Истинная, чистая любовь сопровождается невинными наслажденіями!... Но, пора кончить! Вотъ тебѣ длинное посланіе въ замѣнъ двухмѣсячнаго молчанія. Я їду въ театръ, полюбоваться талантами Щепкина и Рязанцова. Желаю веселиться, и не забывать пивого В. С.»

Лишь только Княжна окончила чтеніе, какъ горничная доложила ей, что уже пошли кушать. Софѣ было не до обѣда!... Не смотря на то, она съ веселымъ видомъ побѣжала въ столовую.

В. У.

СТОНЪ ЦЕРЕРЫ.

(Изъ Шиллера).

Не весна-ль привѣтно вѣснѣ
 Надъ воскресшею землею?
 Холмъ на солнцѣ зеленеетъ,
 Нѣтъ одежды ледяной.
 Ясность Зевса отражаетъ
 Въ голубомъ спеклѣ пошохъ,
 Съ юной жатвой пшанъ играетъ
 Легкокрылый вѣтерокъ.
 Пробудилось въ рощахъ пѣнье,
 Ореады слышатъ гласъ:
 Тщешно элаковъ оживленіе,
 Доць швоа мертва для насъ.

Долго я мечтѣ внижала:
 На землѣ найдешь, ницъ!
 Тщешно всадъ за мей усала
 Всѣ Тишановы луча.
 Ни одинъ сквозъ мракъ глубокий
 Не проникъ въ ея предѣль.
 День всерящъ; но всршлоській,
 Онъ погибшей не нашель.
 Зевсъ-ли хищникъ Прозерпины?
 Иль красой ея пльнѣнъ,
 Къ брегу Орковой пучины,
 Въ мракъ учаль се Паушонъ?

Кто-жь ей вѣстникомъ сердечной
 Будешь горести моей?
 Чезнь отъ берега мчится вѣчно,
 Но уносить лишь тѣней.
 Взоръ блаженный къ той долини
 Отъ вѣковъ не проникалъ,
 И въ клубящейся пучинѣ
 Жизни Спиксъ не отражалъ.
 Ты ступеней сводишь къ ночи,
 Ни одна не возвратишь;
 Слезь ея нишо предъ оти
 Скорбной матери не мчишь.

Матерь Пиррика кѣтна,
 Жертва смерти, золь и бѣда,
 Не держаетъ-ли, сожженна,
 За любимымъ чадомъ въ слѣдъ?
 Лишь блаженнымъ воспрещаетъ
 Берегъ свой мрачнаго рѣка,
 Божества лишь не караетъ
 Парки грозная рука.
 О, низриньте, погрузите
 Въ вѣчный мракъ меня съ небесъ!
 Какъ богиню, не щадите
 Жерству материнскихъ слезъ!

Я туда сойду, въ дѣвчачьей
 Тронъ съ супругомъ въ нукъ ей;
 Съ тѣнями тѣнию прозрачной
 Я предстану передъ ней.
 Ахъ! отъ слезъ потухшихъ взоромъ
 Тщесна дѣнь она зоветъ;

За далекимъ звѣзднымъ горомъ
Взоръ на мать не падешь.
Но наступишь часъ свиданья :
Съ грудью грудь солешь восторгъ ,
И восплачешь , сосираданья
Полонъ , самъ суровый Оркъ .

Тщесный стонъ ! Мечта пусная !
Той-же кашишься спезей
Колесница дня злая ,
Недвижимъ Олимпъ надъ ней .
Ошъ печальной той шемницы
Ошвратилъ Зевесъ свой зракъ .
Невозвратна для денницы
Разъ умчаемая во мракъ !
Прежде шемный брегъ Авда
Якъ Авроры озарить ,
Провозвѣстница-жъ Ирида
Свѣтлой радугой Коцишь .

Что-же , что съ береговъ изгнанья
Сильно матери привесить ,
Какъ залогъ воспоминанья ,
Сердца любящаго нѣтъ ?
Иль межъ матерью и дочерью
Узы прерваны на вѣкъ ?
Иль Андъ той страшной дверью
Смерти съ жизнью связь пресѣкъ ?
Нѣтъ ! Исчезла не безъ слѣда
Изъ очей моихъ она !
Нѣтъ ! отрадная бесѣда
Намъ предвѣчными дана !

Сходишь осень; буря съ свистомъ
 Все дыханіемъ мертвѣишь;
 Блещешь лисъ въ цвѣтѣхъ душистымъ,
 Грустно кусть нагой стоишь.
 Рогъ Вершумна я вскрываю;
 Взявъ злѣшное тамъ зерно,
 Въ жершву Стиксу обрекаю
 Жизни тайное зѣно;
 Погружаю скорбно въ землю,
 Къ сердцу дочери — и пущь
 Скажешь дочери: въ немъ приѣмлю
 Я любовь твою и грусть!

Вошь, какъ гостья, вновь слетаетъ
 На крылахъ Часовъ Весна,
 Поцѣлуемъ пробуждаешь
 Фебъ Природу ото сна,
 И зародышь, погруженный
 Хладной персти въ глубины,
 Пылко рвется въ обновленный,
 Лучезарный храмъ Весны.
 Снебель всходитъ къ солнцу міра,
 Корень робко въ мракъ бѣжитъ;
 Сила Стикса и Эира
 Съединяясь ихъ хранишь.

Частью къ смерти проникая,
 Частью къ жизни возносясь,
 Онъ мнѣ вѣсть изъ дальня края,
 Отъ Коциша сладкій гласъ!
 Пущь зародышь въ царство шѣней,
 Въ бездну мрака погружонъ;

Въ юной отпрасли весенней
Слышанъ мнѣ отпрудный стонъ ,
Что вдали златаго свѣта ,
Тамъ , гдѣ сумрачный Андъ ,
Все любовью грудь согрѣта ,
Сердце къ мнѣ все лепишь.

Зелѣйте-жь , процвѣтайте ,
Чада юные луговъ !
Пышный вѣнчикъ напойте
Чистымъ испаромъ боговъ !
Я лучамъ взыграшу ,
Я Приднвой дугой
Расцвѣчу одежду вашу ,
Какъ Авроры ликъ молодой.
На вѣру земномъ весною
И въ осеннюю грозу ,
Да раздѣливъ всякъ со мною
И восторгъ мой и слезу.

Коллєвскій.

ГОЛОСЪ МАТЕРИ СЪ ТОГО СВѢТА.

(Посвящено памяти А. П. Н—в—р—в—ой).

Сынъ.

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя родная?
 Увижу-ль я когда тебя?
 Ты, можешь, въ небесахъ, свяшая:
 Дай мнѣ хоть тамъ обнять себя!

Мать.

Что просишь ты? Я вѣкъ съ тобою:
 Тебя дыханіемъ живишь,
 Тебя воздушной пеленою
 И свѣтомъ солнечнымъ даришь,
 Слешаешь на душу упованьемъ,
 Будишь безсмертья голосъ въ ней,
 Лобзаешь природы лобызаньемъ,
 То Вышній заповѣдалъ ей!

Сынъ.

Тебя, въцавшую, не знаю,
 Твой голосъ непоявленъ мнѣ;
 Я мать родную призываю,
 Чей взоръ свѣтлѣлъ мнѣ на землѣ!
 Она въ моихъ объятыхъ нѣжныхъ
 Давно-ль, давно-ль еще была...
 Въ шопъ міръ, гдѣ нѣтъ заботъ мятежныхъ,
 Ее младую смерть взяла!

М а т ь.

Безумецъ ты! я не умѣю
 Тыдеснымъ словомъ ошлѣчать;
 Еще ты въ шлѣ, я не смѣю
 Сей тайный узелъ развязать:
 Его развяжешь, но не нынѣ.
 Мнѣ непонященъ стоить людеи!
 Чтѣ мнѣ ты говоришь о сынѣ?
 Я мать безчисленныхъ дѣтей:
 Рождаю ихъ, въ нихъ сущесшную,
 И возраждаю съ смерщю ихъ!

С ы н ъ.

Чтѣ съ ней? Увижу-ль я родную?

М а т ь.

Не постигаешь тайнъ земныхъ,
 И что-жь? О тайнахъ-чужихъ? не знаю,
 Какъ мнѣ назвашъ Его?... дерзнешь
 Ты вопрошашъ? Я умолкаю...
 Знай: самъ ты въ немъ, во мнѣ живешь.

М. Иахонинъ.

КЪ XII-му ГОДУ.

Двадцатый годъ! могу-ль тебя забыть!
 Огнемъ и кровію написана картина
 Войны за право: *быть или не быть!*
Бородино, великихъ дѣлъ долина,
 На памятныхъ листахъ время блещешь ты:
 Твой воздухъ—дымъ, твой лѣсъ—изъ стали
 Былъ въ страшный день. Тамъ пышно расцвѣтали
 Геройскихъ подвиговъ цвѣты
 Вождя, плѣнителя могущей Эривани,
 Который собралъ лавръ и золотыя дани,
 Востоку Полночи покоря,
 Молебень пѣлъ подъ штыю Арарата,
 И знамя Русскаго Царя
 Возвѣдалъ на челѣ священнаго Эврата.

Федоръ Глинка.

— Сочиненія О. Бугарина. 10 часней. 1827 и 1828 годовъ.

— Иванъ Выжигинъ. 4 часней, 1829 г. *два издавія.*

Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржѣ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи Сочиненія Г-на Бугарина, и особенно Иванъ Выжигинъ, составляютъ предметъ разговоровъ. Просвѣщенные и незнаны, умные и неразумные, дамы, старшии, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти шолкують о Бугаринѣ, о его успѣхахъ литераторскихъ. Разговоры о Иванѣ Выжигинѣ составляютъ приправу холодныхъ визитовъ, скучныхъ посѣщеній, сподковеній дѣловыхъ людей и сборищъ за сыпными обѣдами. Все это показываетъ, во первыхъ, что сочиненія Г-на Бугарина читаются во всей Русской Россіи, во вторыхъ, что они обращаютъ на себя общее вниманіе, и наконецъ, въ третьихъ, что намъ пора вымолвить нѣсколько словъ о себѣ, о семъ достопримѣчательномъ явленіи. Тѣмъ необходимо это, что сколько ни прислушивались мы къ разнороднымъ сужденіямъ, сколько ни старались, сообразивъ для себя чужія впечатлѣнія, опредѣливъ общее мнѣніе, успѣхъ нашъ въ семъ случаѣ ограничивается слѣдующимъ: всѣ читають сочиненія Бугарина, и всѣ спрашиваютъ другъ у друга, отъ чего Писатель сей имѣетъ столь огромный успѣхъ? Эта неопредѣленность приговора даетъ поводъ журналисту услужить читающей публикѣ своимъ мнѣніемъ, ибо кто-же болѣе дѣятельнаго издателя журнала знаешь зага-

Іюль 1829.

5

дочное существо, называемое публикою, и понимается липптературными пружины разнохарактерныхъ мнѣній? Кто съ такимъ усердіемъ и безкорыстіемъ объяснитъ публикѣ собствєнныя ея впечатлѣнія? По крайней мѣрѣ мы постараемся исполнить свою обязанность какъ можно искреннѣе и основательнѣе.

Кажется, мы не сказали лишняго, назвавъ успѣхъ Г-на Булгарина огромнымъ, необыкновеннымъ. Пропивъ несогласнаго съ сичъ, можемъ представитъ въ свидѣтели всю Россію. Книги которыя въ мѣсяцъ распродаютъ тысячами экземпляровъ, ставшія предметомъ разговоровъ всюду, у всѣхъ, и вызывающъ общаинныя нападенія въ нѣкоторыхъ журналахъ, эти книги, несомнѣнно имѣютъ успѣхъ огромный. Дѣло неоспоримое: Сочиненія Г-на Булгарина и его Иванъ Выжигинъ удостоились сего успѣха.

Успѣхъ есть не иное что, какъ побѣда, одержанная издѣ пропивающеюся силою. Умный секретарь одерживаетъ побѣду надъ властію своего начальника и надъ затрудненіями его должности; Наполеонъ побѣждаетъ непріятелей Франціи и овладѣваетъ всѣми умами и силами; медякъ схватываетъ разрушительную силу смерти и прогоняетъ ее изъ груди своего пацієнта. Обо всѣхъ этихъ людяхъ говоряшъ, что они имѣли успѣхъ. Какія противоположающія силы долженъ побѣдитъ Русскій писатель?

Кругъ нашей читающей публики весьма ограниченъ. Повѣряшъ-ли, что при великомъ множествѣ образованныхъ людей, у насъ успѣхъ лучшей кни-

ги ограничивается шмслѣно или не боате какъ полушороу шмслѣно чмшашелѣй, разумѣя здѣсь однихъ покупающихъ книги? Это боынею частію люди средняго состоянія, молодое поколѣніе, отличающееся непреодолимою жадностію къ просвѣщенію. Одобреніемъ сихъ-то людей долженъ дорожить всякій Русскій писатель. Но мы на сей разъ не будемъ говорить о нихъ, а упомянемъ еще о шѣхъ чмшашелѣхъ, которыхъ можно назвать мнвалдами, кандидатами, заднею шеревгою образованной публики. Это по боышей частм люди богашые, времена *Олаковскыхъ* и *покоренія Крыма*, члены нѣкошорыхъ клубовъ, любмшелм вмсша, псовой отомы и подобныхъ невмнннхъ упражненій. Они когда-то и какъ-то выучмслсь граомшѣ и упошребамюшѣ это драгоцѣнное знаніе на дѣловым нмсмм, на подпмсаніе текселѣй, на сочмненіе просьбъ и обмясненій въ Прмсущствемннм мѣсша, на чмшеніе вывѣсокъ и значковъ, прмбмшыхъ къ домашъ, и прочія *сущестамнм* прмнадлежностм жмзмн. Чмшеніемъ книгъ они замммаются ошѣ нечего дѣлашъ, ошѣ скуки, ошѣ невольнаго усамненія, когда должно бышѣ дома: для этого у нмхъ хранмтся Академическій и Брюсовъ Календарм, Москоскія Вѣдомостм, Левшмнн книги о Хомзмствѣ, и проч. Есмѣ еще шревшй классъ чмшашелѣй: это Русскіе Французы, вскармленные и возделемны на Французскыхъ романахъ и на нѣкошорыхъ Французскыхъ классмкахъ, но не мнѣющіе лмшшерашурнаго образованія. Къ этому классу прмнадлежамъ дамы, юные смхмшмворчмкм и заммс-

ныя посѣщивали театровъ, баловъ и публичныхъ гуляній.

При такомъ состояніи публики, дѣйствуя на однихъ просвѣщенныхъ людей, невозможно имѣть огромнаго успѣха. Надобно расшевеливъ задніе ряды читателей, пробудить отъ умственнаго сна псовыхъ охотниковъ и любителей вѣсна, прожектеровъ, суягъ, дамъ и законодательницъ баловъ и вечеровъ. Тогда имя писателя загремитъ по всей Россіи! . . . Но какъ дѣйствовать на нихъ? Они не заботятся о бѣдныхъ литераторахъ, не покупаютъ ихъ сочиненій, и только изрѣдка обращаются къ знакомымъ своимъ съ жесноткимъ словомъ: *почитать книжечку*. Къ нимъ доходятъ вѣсти о литературныхъ событіяхъ черезъ просвѣщенный классъ, и слѣдовательно, прежде всего надобно побѣдить этого неугомонный народъ. Впрочемъ, може можно замѣшить вездѣ и во всемъ. Наполеонъ не долженъ-ли былъ покорить главные умы, дабы свободно дѣйствовать на массы? Не должно-ли во всякомъ обществѣ привлечь на свою сторону главныхъ лицъ, дабы повелѣвать всѣми? Новѣйшіе Философы справедливо говорятъ, что никакая власть не бываетъ насильственною; ей покоряются по волѣ: во власти Турецкаго деспота участвуетъ воля каждаго изъ его рабовъ. Перейдемъ отъ сего великолѣпнаго примѣненія къ автору, и къ автору Русскому. Онъ уже имѣетъ власть надъ своими читателями, если покорилъ ихъ вниманіе и заставилъ читать. Кажется, стоило-бы всѣмъ читателямъ согласиться забыть о немъ, и не вѣдать его книгъ; но это для нихъ невозможно. Они

не работники, они подданные его; они сами вручили ему жезлъ повелительства надъ ними, и не могутъ освободиться отъ его власти. Въ этой покорности участвуютъ даже тѣ, которые думаютъ быть его прошивниками.

Послѣ всего сказаннаго намъ, ясно, что Г-нъ Булгаринъ долженъ былъ привлечь къ себѣ вниманіе просвѣщенной части нашей публики, передавъ ей извѣстность его всѣмъ, кто слышалъ о немъ, ибо огромный успѣхъ въ Россіи есть уже слѣдствіе: онъ бываетъ только отраженіемъ кобды надъ немногими законодателями литературными. Спорить противъ этого невозможно; противъ же сіе изложеніе, мы можемъ объяснить себѣ малый успѣхъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей Русскихъ, неопытныхъ въ свое время притиснутыми судьбами, и слѣдственно не имѣвшихъ извѣстности въ толпѣ, ибо люди обыкновенные слѣдуютъ дѣлать, безпечно и всего меньше любятъ дѣйствовать своимъ умомъ, своими силами. Но единожды утвердившись въ какомъ-либо мнѣніи, они съ трудомъ отказываются отъ оного. Такъ довѣренность къ уважаемому, любимому автору обращается у насъ въ суевѣрное благопоклонство: они не видятъ въ немъ уже никакихъ недосыашковъ, и все, исходящее изъ подъ пера его, кажется имъ означеннымъ печатнымъ штихемъ.

Теперь мы должны заняться главнымъ предметомъ нашей задачи: дѣйствительно-ли заслуживаетъ успѣхомъ пользующійся рассматриваемый нами авторъ, и что примичною себѣ успѣха?

Мы могли бы послаться на сказанное выше: сего, что успѣхъ не достигается даромъ, что дѣ авторъ

ръ, похвальному вниманію публки, непременно должны были доставляться, ибо прежде всего онъ долженъ одержать побѣду надъ просвѣщенною частію публки; но мы хотимъ показать, въ чемъ именно состоятъ причина успѣховъ и сила Г-на Булгарина.

Надобно вспомнить, что въ то время, когда Писатель сей явился на поприщѣ Русской Литтературы (1821-й годъ), сія послѣдняя дремала въ совершенномъ бездѣйствіи. Карамзинъ ошдѣлялся отъ современныхъ писателей и шелъ своимъ путемъ; Башушковъ не писалъ; Жуковский также оставилъ прозу; Князь Вяземскій, писатель остроумный, одаренный талантомъ, не принималъ дѣятельнаго участія въ Словесности, и, по своему обыкновенію, ограничивался королевскими, изрѣдка являвшимися въ журналахъ спашейками; О. Н. Глинка остановился на Поззін; Москва, бывшая всегда сердцемъ Русской Литтературы, ошдѣлала послѣ Наполеоновыхъ громовъ и не показывала никакого знака Литтературной жизни. Удивительно-ли, что писатель, явившійся въ сіе время, съ умомъ, съ дѣятельностью, разгадавшій потребности своихъ читателей и посвятившій всего себя ихъ служенію, удивительно-ли, что онъ ошдѣлялъ дѣянія всѣхъ своихъ сверстниковъ? Чего надобно было Русской публкѣ? Какойнибудь книжки, дѣятельности—полюбо. Она рада была читать даже рассказы и возгласы Г-на Свинына, въ послѣдствіи не утѣмляго поддерживать одобренія публки. Дѣятельность и новосць изгяда, потому что тогда все было ново: вотъ два основныхъ начала успѣховъ Г-на Булгарина. Нынѣ его упрекать въ односторон-

или, въ повтореніи одного и того-же; но забывающъ, что за 8-мъ лѣтъ это было для Русскихъ чужеземцевъ совершенною новостью. Авторъ *Воевой* и *Модной* лезетъ все шомъ-же; онъ даже сталъ нѣтъ гораздо совершеннѣе; но нубанъ и пробованія ея перемѣнились.

Не къ чести Русскихъ чужеземцевъ, надобно сказать, что собраніе многихъ драгоценныхъ вещей, которыя Г-нъ Булгаринъ подавалъ въ видѣ періодическаго сочиненія, называемаго *Сѣвернымъ Архивомъ*, не было оценено по достоинству. Въ этомъ собраніи видны одно скучное *Вироченъ* и *Издатель* (какого было не правъ, нѣтъ это журнала издателя и сборникъ историческіхъ и географическихъ вѣдомостей. Онъ скорѣе самъ увидѣлъ это и началъ дарить публику критическо-диамитропурными сшашейками, которыя несли убожъ необшиновенный, ибо казались дѣленіемъ воды. На слѣдующій, 1824-й годъ, у него не десняло даже *Вироченъ* *Диамитропурный* *Литшкови*. Въ альманахахъ, родившихся почти въ то же время, писали сшашей Г-на Булгарина. Въ журналѣ, издаваемомъ снз Писателя, писали съ Г-нъ Греченъ, сшашей о правахъ добрыхъ ссншаваловъ записывающаго для *Вироченъ* *Литшкови*. Но самъ *Диамитропурный*, лишь пора ему перемѣнить свои сшашей *Вироченъ* *Литшкови*, ибо уже успѣли сшашей сшашей, что заниманы, веселыя лѣтъ, у него десняло въ умѣ, и сшашей, и дѣлалось. Онъ писатель-романъ, въ *Вироченъ* раскупалъ былъ по сшашей *Вироченъ*, ибо *Вироченъ* по сшашей *Вироченъ* *Литшкови*, было невозмож-

но. Знали *Булгарина*, и были уверены, что получаютъ книгу достойную вниманія, любознательную, занимательную.

Да не упрекнута насъ, что мы не сказали еще своего мнѣнія объ истинномъ достоинствѣ Сочиненій Г-на Булгарина. Мы хотѣли прежде всего объяснить, почему Сочиненія сіи имѣютъ необыкновенный успѣхъ, и, кажется, объяснили это. При бездѣйствіи другихъ писателей, дѣйствительность, умъ, наблюдательный духъ, вотъ всѣ причины успѣховъ Г-на Булгарина, вотъ всѣ его оружія! Онь въ высокой степени гармонизируетъ съ Русскими читателями; ему слышатся о правахъ, его Вымигнѣ, сумѣ именно та успешная вещь, какою пребудетъ наша публика. Для нея Валтеръ Селстѣ несовершененно понятенъ и занимателенъ; описанія сего послѣдняго умалютъ ее и наводятъ ей скуку. Напротнвъ у Булгарина она, понимаетъ все, видѣтъ въ сего карикатури- своихъ друзей и враговъ, и не утомилась продолжительною книгою одною, мастерски выражаемою мыслию.

У Автора Вымигнѣ нѣтъ проницательнѣй и завязка послѣднихъ дѣло; часто у него даже вовсе нѣтъ завязки. Онъ обращаетъ все вниманіе свое и читателей своихъ на ошдѣланный паршивый, желтый выразитъ свою мысль и достигнуть цѣли. Мы говоримъ это о сочиненіяхъ его, вѣдѣннымъ подмазаніемъ *Правды*. На что-же и пребываетъ онъ сего рода сочиненій, какъ не мысли санитрической, правдивой, облеченной въ пріятную форму? У Стерна, Аддисона, Жюль, Поль де-Кока, она находится; ибо сей родъ сочиненій требуетъ того. Все

удивляемые писатели часто берутъ даже какую-нибудь поговорку, или поговорку, и только прикидываютъ ее къ дѣлу, но есть развивающіе мысль, истинно знающую, передъ истиною находящуюся, но гадать на нее по своему. Объяснитесь подробно.

Сатирическія описанія нравовъ родились въ Англіи. Такъ и надлежало быть. Равнообразность и оригинальность сатиры, неразлучныя съ характеромъ Британскихъ остроумцевъ, живутъ столь рѣзкое выраженіе, что люди, одаренные наблюдательнымъ, сатирическимъ умомъ, не могли не замѣтить сего. Въ наше время Жюль обновили сей родъ сочиненій во Франціи и породили многихъ подражателей. Честь и слава Г-ну Булгарину, что онъ первый рѣшился испробовать свои таланты въ наблюденіи нравовъ! Успѣхъ увѣчалъ его за сей подвигъ. Что-бы ни говорили противники его, но публика не могла не награждать сего Писателя полнымъ одобреніемъ. Всякое новое стремленіе должно уважать, и особенно если оно исполняется умно и дѣльно, ибо человекъ живетъ дѣятельностью: тогда она показываетъ ему собственное его достоинство, безъ словъ и намековъ на сравненіе къ совершенству. Умники наши и догорыши наблюдатели Г-на Булгарина: пусть скажутъ лучше его! Зачѣмъ словесно доказывать то, что можно доказывать на самомъ дѣлѣ! Но куда же вѣнчалъ у насъ современникъ Жюль, Аддисонъ, мы будемъ утверждать, что лучше Булгарина у насъ никто не описывалъ Русскихъ нравовъ. Если у него издается недостаткомъ, что оно ничего не доказываетъ: Булгаринъ человекъ. Говорить, что онъ

односторонность, пошлость всегда одно и то же; и что, въ его описаніи, являлось дружелюбіе, вѣжливость, общей, хотя и аляповатой, добротой и любезностью, а не дурно. Согласился на, минуточку съ этимъ обвиненіемъ, и спросимъ: что-же это доказываетъ? Что такое направленіе ума Булгарина-пошлого. Давно въ томъ, каково развивалось это его одушество. Кажется, всякой согласится, что у Булгарина есть нарочитыя живыя, яркія, выразительныя, и что вообще онъ обладалъ изъ прекрасныхъ, слогомъ. Но не говоря о слогѣ, который у него почти вездѣ хорошъ, указываемъ на слѣдующія: *Модная лавка*, *Подписка на Журналы*, *Человѣкъ и Совѣсть*, *Хладнокровное путешествованіе по гостиницѣ*, *Сцена изъ гостиницы* въ 2022 году и *Чертополохъ*, гдѣ изображеніе и краски весьма мастерскія.

Историческія статьи Г-на Булгарина имѣютъ достоинство по оригинальному взгляду и разсказу, а это уже много значить тамъ, гдѣ пишутъ Г-да Каченовскіе и Погодины, приводящіе чиншомъ въ описаніи своихъ слогомъ и тѣмъ. И сего рода статьи Г-на Булгарина неслучайно должны нравиться Русской публикѣ, ибо ирритъ Карамзина, едва ли кто удачно его писалъ историческіе очерки.

Повѣсти и военные разсказы, по нашему мнѣнію составляютъ одну изъ лучшихъ, если не лучшую часть Сочиненій сего Писателя. Военную жизнь, Ужасную войну, Военную музыку, и проч., можно признать много правды, и восторгъ съ новыми удовольствіями.

Мы не можемъ здѣсь перечислить всѣхъ статей, заключающихся въ Сочиненіяхъ Булгарина, и не показана обширнѣйшаго достоинства каждой изъ нихъ. Мы можемъ только пояснить характеръ сочиненій Булгарина вообще, и, указавъ на нѣкоторыя подробности въ оныхъ, скажемъ, что нѣкоторые сочиненія его, отличающіяся вкусомъ, увлекательнымъ разсказомъ и множествомъ пріятныхъ чертъ, должны были привлечь къ себѣ нашу публику, издавна ошученную отъ пріятнаго чтенія. Послѣ сего успѣхъ Выжигина понятенъ, и намъ остается сказать о немъ свое мнѣніе.

Почти всѣ Гг-да критики, которыхъ было до сего двое (Восточно-Европейскій и Апенейскій), разбирая Выжигина, не находили въ немъ единства. Мы думаемъ совсѣмъ напрасно, и не только не винимъ Автора за то, что онъ сокрылъ силлогизмъ своего романа, но признаемъ ему сіе въ достоинство. Требовашъ онъ романа такого плана, такого единства, какіе разумѣютъ Гг. упомянутые критики, все равно что требовашъ Французскихъ единствъ отъ Драмагической пьесы. Единство заключается не въ видимыхъ частяхъ сочиненія, но въ внутренней мысли, оживляющей оное. Иначе жизнь человѣческая покажется намъ не имѣющею единства, связи и смысла, хотя на дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое. Слѣдственно, должно спросить: есть-ли въ Выжигинѣ одна, главная мысль, связывающая сіе созданіе? Мы находимъ, что основною мыслью Автора было представить бѣдѣ средняго сословія Русскаго народа. Послѣ сего, онъ не могъ уже увлечься энту-

перенною жизнью своего героя, описывать его интимнѣе, и писать его, но съема нравственное существо среди воднений жизни, главною цѣлю. Онъ долженъ былъ изображать, и изображалъ, духъ, жизнь и наружность средняго состоянія, и только въ отношеніи къ оному все другое.

Вотъ единство Выжигина! Подобное сему мы находимъ въ превосходнѣйшихъ созданіяхъ: спомнишь вспомнишь объ Ученыхъ жевщинахъ, Мольтера, о Донъ Кихотѣ, Сервантеса, о Горѣ отъ ума, Грибоедова, о Жиблазѣ, Лесажа. Неужели и въ снѣхъ безсмертныхъ твореніяхъ нѣтъ единства? Осознать его въ нихъ не лзя, потому что оно находится въ главной мысли, оживляющей каждое изъ снѣхъ сочиненій.

Но изображеніе, или даже сказать основа, на коей Авторъ изобразилъ свою мысль, удовлетворяетъ-ли она требованіямъ Критики? Признаемся, что главная мысль, о коей мы упоминали, требовала большей простоты. Завязка Выжигина, и счастливо ходу всего романа, удивительно какъ вредятъ скачки въ Киргизскую степь съ ея принадлежностями, въ Венецію, въ Перу, ибо здѣсь Авторъ забываетъ уже главную свою цѣль, и части ои становятся несообразны съ цѣлымъ. Не игру судьбы, не интересъ завязки долженъ онъ быть приводить въ дѣйствіе, а живую картину быта Русскаго. Въ семъ отношеніи мы многакъ недовольны въ Выжигинѣ. Все чудесное не встаетъ среди обыкновенныхъ явленій образованной жизни нашего времени.

Главное, чѣмъ долженъ былъ дѣйствовать Авторъ: Русскій бытъ избраннаго имъ круга, изображенъ во многихъ частяхъ хорошо, но вообще неудовлетворительно. Авторъ не добрался до живаго, и часто задѣвалъ то, что уже умерло безъ умышленій сатиры, или находясь въ преклонной дряхлости, близкой къ смерти. Ему надлежало изображать не сшечныхъ помѣщиковъ, не взяточниковъ—судей и исправниковъ, не душегубцевъ и ларешниковъ, обыкновенно скрывающихся за кулисами общественнаго быта, но явно господствующіе пороки и злоупотребленія общества нашего, въ противоположности съ добромъ, котораго въ Россіи не меньше зла. Представляйте намъ устарѣлыя, несовременныя понятія многихъ нашихъ ученыхъ, зависть, злобу и невѣжество, существующія во многихъ храмахъ просвѣщенія, представляйте эгоистовъ—филантроповъ, либераловъ на словахъ, но мерзавцевъ въ домашнемъ и общественномъ быту, представляйте глупую спесь, низость и невѣжество многихъ *благородныхъ*, уничтоженіе *благородныхъ* классовъ народа, представляйте намъ Скалозубовъ, Фамусовыхъ, Кожедраловыхъ, и вѣсть изображите мудрость законовъ нашихъ, благодѣянія Правительства, и наконецъ этошь добрый, славный, умный Русскій народъ, достойный удивленія шагъ, гдѣ онъ является въ неподдѣльной ярости своей. Вотъ матеріалы для Русскаго Лесака! Вотъ неисчерпаемый источникъ картинъ разительныхъ, ужасныхъ, утѣшительныхъ. Русскій Жилбазъ непременно долженъ представить намъ полупросвѣщенное общество, быстрыми шагами

спремиающееся къ совершенству и благу, то есть паршину добра и зла, гдѣ первое во всемъ беретъ преимущество. Напрощивъ Выжигинъ изображаетъ частными явленіемъ, изъ коихъ многія отдѣланы прекрасно, но цѣль Автора не достигнута, ибо мы не видимъ нашего быта. Передъ глазами нашими какіе-то феномены добра и зла, а не основныя характеры и господствующіе наши пороки и добродѣтели.

Кажется, никто не упрекнетъ насъ въ при-
спрасшіи къ Г-ну Булгарину! Мы ошеровенно го-
воримъ ему всю правду.

Исполнилъ-ли ожиданія своихъ читателей Г-нъ Булгаринъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Онъ написалъ имъ сочиненіе, какого не было въ Русской Литте-
ратурѣ, и съ которымъ невозможно сравнивать
понышюкъ его предшественниковъ. Скажемъ въ за-
ключеніе одну черту сего Писателя, составляю-
щую главное его достоинство. Онъ всегда идетъ
впередъ нашей публики и угадываетъ ея требова-
нія; потому-то Французскій богъ, *dieu de l'a pro-
pos*, всегда награждаетъ его успѣхомъ. Писателей
можно раздѣлить на два рода: одни возвышаютъ
публику до себя, другіе наклоняются до публики;
Г. Булгаринъ несомѣнно принадлежитъ къ послѣд-
нему разряду. Можешь быть это вредитъ его ша-
ланшу, но вмѣстѣ и дѣлаешь его любимцемъ пуб-
лики. Наши словесные судьи говорятъ, что въ немъ
мало современности: напрощивъ, онъ совершенно
въ современной Русской сферѣ. Не достигая высо-
ты своихъ Европейскихъ собратьевъ по Литтерату-
рѣ, онъ самый сильный изъ Русскихъ Литтерато-

ровъ. Публика наша едва достигаетъ до высоты Булгарина. Если-бы онъ поднялся еще выше, то наши читатели не увидали-бы его и онъ не произвёлъ-бы на нихъ впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ не Русскими прозаиками оспаривать у него пальму первенства; отъ нихъ мы еще покуда въ ожиданіи, то есть ни при чемъ; онъ, напротивъ, дѣйствуетъ. Когда онъ спалъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ читателей своими описаніями нравовъ, то пистей наши закричали: «Сваро! дурно!» Но уже успѣлъ его быть совершенный. Теперь явился Выжигинъ, и онъ тоже кричитъ: «Дурно!» Мы не втретью этому! Говоримъ: «Въ Выжигинѣ много несовершеннаго, лишняго и недосказаннаго, но,» прибавляемъ: «это самое громкое и блестящее явленіе въ современной намъ прозаической Словесности Русской, гдѣ всѣ спятъ спокойнымъ сномъ, и жалуются, когда пробудившись видятъ, что человекъ дѣятельный далеко ушелъ впередъ.» Укажи же на кого забудь изъ нынѣшнихъ Русскихъ прозаиковъ, равнаго достоинствомъ Булгарину, и мы откажемся отъ своего мнѣнія. Но въ ожиданіи сего, мы думаемъ, что сочиненія Булгарина по праву должны занимать почетное мѣсто. Что будетъ далѣе, увидимъ. Теперь, какъ слышно, готовишься до десяти-ли романовъ Русскихъ. Что-то еще заснавишь дѣлашь своихъ возвышенныхъ кришковъ эшошъ односторонній Г. Булгаринъ!

N. N.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

КНИЖИ 1829 ГОДА.

— *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ, Славянскихъ и Россійскихъ, хранящихся въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенагора, Двора Его Императорскаго Величества Дѣйствительнаго Канцлергера и Кавалера Графа Федора Андреевича Толстова.* Издавъ Павелъ Строевъ, Императорской Академіи Наукъ Корреспондентъ и путешествующій Археографъ, Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ и Кавалеръ. Съ 24-мя гравированными изображеніями шрифтовъ. М. въ ш. Седлаковскаго. 1829. XXIV и 592 стр. in 8.

Нужно-ли повторять читателямъ нашимъ извѣстіе о существованіи знаменитой Библіотеки Графа Толстаго? Мы не одинъ разъ имѣли случай писать объ оной. Нынѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о выходѣ въ свѣтъ любопытной и важной книги, составленной Г-мъ Строевымъ. Онъ исполнилъ свое дѣло какъ знатокъ и мастеръ. Въ хронологическомъ порядкѣ описаны въ ней (сколько можно понять изъ Предисловія) до 1727 года напечатанныя церковными буквами и находящіяся въ Библіотекѣ Гр. Толстаго книги. Изъ позднѣйшихъ означены самыя рѣдкія. Помѣще-

ны книги и гражданской печати, изданныя въ 1708 и 1726 годахъ. При описаніи книгъ, Г-нъ Спиревъ высказывалъ заглавія вполнѣ; упоминалъ объ имени автора, издателя или типографщика, если оно находится не на заглавномъ листкѣ; означалъ число листовъ и страницъ и типографскую пометку по тетрадамъ; описывалъ изображенія, заставки, чертежи, ноты и проч. Занимствуемъ изъ Предисловія Г-на Спирева означеніе драгоценнѣйшихъ печатныхъ памятниковъ, хранящихся въ Библіотекѣ Графа Толстаго: «Первое мѣсто неоспоримо занимають здѣсь: *Часословъ* и двѣ *Тріоды*, напеч. въ Краковѣ 1491 года, и *Псалтирь Слѣдованная*, въ Цешинѣ 1495: единственные экземпляры, доселѣ извѣстные. Также мѣсто нигдѣ столь поднаго и хорошо сбереженного собранія 22-хъ книгъ Св. Писанія (Всѣхъ Заветовъ), изд. Докторомъ Францискомъ Скориню, въ Прагѣ 1517—1519 г.; его-же *Апостолъ* и *Каноники*, напеч. въ Вильнѣ 1525. Къ симъ весьма рѣдкимъ и древнѣйшимъ памятникамъ Славянскаго книгописанія, можно причислить: *Апостолъ* Угровлахійскій (безъ выхода) и *Катихизисъ*, напеч. въ Несвижѣ 1562 года—книги не менѣе рѣдкія.

«Московскихъ изданій (церковной печати) въ нашемъ книгохранилищѣ 77. Рѣдчайшія изъ нихъ: *Апостолъ* (первопечатный) 1564, *Тріодъ постная* 1592, *Апостолъ* 1597, *Минея Общая* 1600, *Служебникъ* 1602, *Тріодъ Цветная* 1604, *Апостолъ* (*)

(*) Напеч. при Алексѣ-Димитріи. Выходные листы, Июль 1829.

и *Евангеліе* 1606, *Тріодъ Постная* и *Миня Службная* 1607, *Миня Общая* 1609 и *Уставъ Церковный* 1610. Упомяну также: *Уложеніе Царя Алексея Михайловича* и *Ученіе ратнаго стрелка* (съ полными рисунками) 1649, *Кормчую книгу* 1653, *Библію* 1663, *Жезль Правленія* 1666 и другіе.

«*Альзовскихъ изданій* 20. Замѣчательны по рѣдкости: *Апостолъ* 1574, *Грамматика Еллинско-Славянская* 1591, *О Свещенствѣ* 1614, *Октоихъ* 1630, *Евангеліе* 1636, *Апостолъ* 1639, *Анеологіонъ* 1643, и др.

«*Виденскихъ изданій* 24. Изъ нихъ рѣдкія: *Евангеліе* и *Псалтирь* 1575, *Октоихъ* 1582, *Службникъ* 1583, *Статута Литовскій* (*) 1586, *Апостолъ* 1591, *Псалтирь Сладованная* 1593, *Евангеліе Толковое* 1595, *О Антихристѣ* и *Грамматика* *Знанія* 1596, *Апокрисисъ* 1597, *Евангеліе* 1600, и проч.

«*Острожскихъ изданій* только 10, но всѣ оченъ рѣдкія: *Новый Заветъ* 1580, *Библія* 1581, двѣ *книжцы* (противъ Уніатовъ) 1589 и 1598, *О Постничествѣ* 1594, *Маргарита* 1596, двѣ *Псалтири Сладованная* 1598, *Искарство на ослалый улысь* 1607 и *Никона Черногорца* 1640.

«*Книги, изданныя иноками Вилеизкаго Свято-*

въ экземплярахъ сего изданія, были (въ правленіи Царя Михаила Феодоровича) испребляемы и полныхъ извѣстна доселѣ три. Стр.

(*) Сей книги извѣстна не болѣе пяти экземпляровъ, изъ коихъ только одинъ полный. Стр.

Духова монастыря, въ Есю (маетности Князей Огнискіхъ), почитаются не менѣ рѣдкими. Ихъ 6: *Новый Заветъ* 1611, *Діоптра* 1612, *Анеологіонъ* 1613, *Евангеліе Учительное* 1616, *Грамматика Смотрискаго* 1619, и *Діоптра* 1642.

«Изобильно изданій Кіевскіхъ (числомъ 50). Замѣтимъ: *Часословъ* (первопечатный, 1617, *Анеологіонъ* 1619, два *Помоканона* 1620 и 1624, *Толкованіе на Апокалипсисъ* 1625, *Апостолъ* 1630, *Анеологіонъ* 1636, *Евангеліе Учительное* 1637, *Служебникъ* 1639, *Ерхологіонъ* 1646, *Паверикъ Петерскій* 1661, и проч.

«Изданій Кушейнскаго монастыря (также рѣдкихъ) 6: *Часословъ* 1632, *Житіе Св. Варлаама и Іоасафа* 1637, *Тревологіонъ* 1647, *Діоптра* 1651, *Лексиконъ П. Берынды* 1653 и *Діоптра* 1654. По переводеніи, Памр. Никономъ, тамошней типографіи въ Иверскій (Валдайскій) монастырь, напечатаны: *Радъ мысленный* 1659 и *Брашно Духовное* 1661—книжки нынѣ рѣдкія.

«Черниговскіхъ изданій 17. Изъ нихъ *Перло многоцѣнное* 1646 неизвѣстно Библіографамъ. Могилевскіхъ, *Максима Воцанки*, 6; Уневскаго монастыря типографіи столько-же. Нѣкоторыя примѣчательны.

«Во многихъ-ли книгохранилищахъ найдемъ: *Евангеліе Учительное*, напеч. въ Заблудовѣ 1569, *Служебникъ* въ Спиряшинѣ 1604, *Евангеліе Учительное* въ Кризостъ 1606, книгу *Θомы Кемпійскаго* въ Дельскомъ монастырѣ 1647, *Евангеліе Учительное* въ Рохмановѣ 1619, *Псалтирь* въ Четвертинѣ 1625?

Двѣ послѣднія книги суть произведенія козовой типографіи.

« Изъ книгъ напечатанныхъ въ Западной Европѣ (нынѣ несма рѣдкихъ), находятся : *Исповѣданіе вѣры* въ Римѣ , 1648 ; *Восденіе въ Исторію , Грамматика Латинская , Езоповы Притчи , Тактика Льва Мудраго и Морское Плаваніе*, всѣ пять изд. Илією Кошіевичемъ (*), въ Амстердамѣ , 1699—1700; *Символы и Емблемата*, тамъ-же, 1705; *Новый Заветъ*, въ Гагѣ , 1717 (**); *О истинномъ Христианствѣ и Наставленіе Анастасія проповѣдника*, въ Гагѣ , 1735; *Мѣсяцословъ и Исторія Сербин*, въ Вѣнѣ , 1771 и 1793.

« Въ заключеніе упомяну о нѣсколькихъ книгахъ, изданныхъ (въ прошедшемъ столѣтіи) Уніатами и Старовѣрами, въ Почаевѣ (числомъ 4) и Супраслѣ (7). Примѣчательны также : *Апостолъ* на печ. въ Яссахъ 1791, и *Книга Исаака Сирина*, въ Нѣмецкомъ (Молдавскомъ) монастырѣ 1812.

(*) Сей молодой Вѣлоруссъ , бывшій Голландскій кандидатъ-пасторомъ , по повелѣнію Императора Петра Великаго, сочинялъ , переводилъ и печаталъ въ Амстердамѣ книги для употребленія народа Русскаго. Стр.

(**) Изданіе ошмѣнно рѣдкое, на Голландскомъ языкѣ, къ коему, въ Санктпетербургѣ, припечатывали шестъ Славянской Вибліи. Два экземпляра (очень чистые), находящіеся въ нашей Вибліотекѣ, драгоцѣнны. Стр.

«Книги гражданской печати (*), издаваемы при Императорѣ Петрѣ Великомъ, нынѣ вообще рѣдки. Въ нашей Библіотекѣ ихъ до 80. Нѣкоторые пополняютъ собою Библіографическую роспись Сопикова и, за исключеніемъ очень немногихъ, всѣ экземпляры ихъ чисты.

«Единственное собраніе *Вѣдомостей* (Газетъ) 1703—1726 годовъ, нынѣ опитѣнно рѣдкихъ, и *Календарей* тогожь періода (числомъ 13), довершаетъ библіографическое богатство Патриота-Собираателя.»

Ошдавая полную справедливость тяжкому шруду Г-на Спроева, мы думаемъ, что почтенному Археографу должно было и ограничиться *своими* дѣломъ, а не входить въ философскіа разсужденія о типографскомъ искусствѣ, которыа и неуиѣстны и смѣшны. Полагая, что книгопечатаніе было источникомъ всяческаго просвѣщенія, онъ говоритъ между прочимъ: «Исторію *книготисно-*

(*) Начало *окръченія* Славянскаго шрифта, по образцу Латынскаго, видимъ на заглавныхъ листкахъ (грав. на мѣди) книгъ, изд. *Илією Конисевителѣмъ*, въ Амстердамѣ (см. Описанія № 193, 196 и 200, и въ Палеогр. Снимк. Табл. XI, № 22). Первая книга гражданской печати вышла изъ Московской книгопечатни въ 1705 году. При вѣдомостяхъ 1710 г. Маѣ 31 приложенъ: «Реестръ книгамъ гражданскимъ, которые, по указу Царскаго Величества, напечатаны новонаобрѣтенною Амстердамскою азбукою, по 1 число іуля нынѣшняго 1710 году.» Стр.

нѣ можно, весьма справедливо, назвать картиною развитія умовъ народныхъ. » Кажется, лучше ее назвать картиною размноженія и улучшенія типографій. Далѣе у него сказано: «Одно искусство типографіи успокоило Церковь:» это и несправедливо и странно! Можно-ли вѣковые успѣхи просвѣщенія приписывать частной причинѣ? Не такъ-ли Гельвецій утверждалъ, будто все просвѣщеніе человѣческое происходитъ отъ того, что у людей на рукахъ пальцы, а не копыта! Но подобные взгляды на просвѣщеніе пора оставить! Мы беремся доказать Г-ну Шроеву, по собственной его философіи, что главною причиною просвѣщенія были — гуси; не менѣе главною старыя приемы, сажа, масло, и проч. и проч. Куда заведутъ насъ такіа усмѣяванія?

Замѣтивъ еще одну ошибку почтеннаго Ариэграфа: онъ думаетъ, что въ типографскомъ дѣлѣ употребляются *металлическія буквы* (см. первыя строки его Предисловія). Довольно буквы дѣлаются изъ состава, или композиціи, которую не лзя назвать мешаломъ, ибо *металль есть тѣло простое*.

— *Словарь Нѣмецкой и Французской купеческой Юриспруденціи*, съ присовокупленіемъ въ алфавитномъ порядкѣ сокращеній, употребительныхъ въ языкахъ Латынскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ, составленный Михайломъ Перенго. *Изданіе второе, исправленное и умноженное*. СПб. въ ш. К. Крайя. 1829. IV и 228 стр. (въ 456 столбцахъ), in 16.

Извѣстно, что въ купеческихъ дѣлахъ приняты въ употребленіе весьма многіе особенные термины. Г. Паренго оказываетъ большую услугу изданіемъ Словаря, объясняющаго сей загадочный для многихъ языкъ. Это тѣмъ важнѣе, что большей части сихъ словъ, выраженій, сокращеній и знаменъ, не лѣзя найдши въ обыкновенныхъ словаряхъ мыковъ. Изъясненія Г-на Паренго кратки и точны. Вообще трудъ его долженъ заслужить одобреніе и сдѣлаться необходимою книгою для купеческихъ конторъ. Мы не понимаемъ одного: почему книга сія названа Словаремъ купеческой Юриспруденціи?

— *Подвига о терпѣннѣ*. Сочиненіе Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. М. въ т. Селивановскаго. 1829. 32 стр. in 8.

Московский Поместительный о шюрнахъ Комитетъ издалъ сіе пасшырское разсужденіе, для задачи оваго несчастнымъ, содержащимся въ шюрнахъ. Подвигъ прекрасный и дѣлающій великую честь Комитету! Не лѣзя было избрать книги, болѣе приличной для назначаемой ей цѣли.

Росписъ вещамъ, выставленнымъ съ первую публичную выставку Россійскихъ изданій, въ Спбургѣ, 1829 года. Съ приложеніемъ Высочайшии утвержденныхъ правилъ оной выставки. Спб. въ ш. Экспедиція заготовки. Государств. бумагъ. 1829. — *Дополненіе къ росписи вещамъ, представленнымъ въ первую публичную выставку 1829 года.* Въ обѣихъ книжкахъ XV, 112, XVII и XXVI стр. in 8.

Взглядъ мысли просвѣщеннаго Правительствѣна приведена въ исполненіе самымъ блестящимъ образомъ! Выставка Россійскихъ издѣлій въ С.Петербургѣ изумила посѣщателей богатствомъ, разнообразіемъ и изяществомъ предметовъ! Полагая, что читатели наши знаютъ уже цѣль, средства и подробности исполненія сего мудраго предпріятія, мы не будемъ распространяться въ описаніи того, что много мѣсяцовъ было предметомъ общихъ разговоровъ и о чемъ мы уже писали въ прошедшемъ году. Въ книжкѣ, о которой объявляемъ нынѣ, помѣщены слѣдующія списки: — Высочайше утвержденныя правила объ устройствѣ выставки Россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій. — Имена Членовъ Комитета выставки. — Предувѣдомленіе (гдѣ описано устройство помѣщенія издѣлій). — *Роспись вещамъ* (подробная) — и за нею слѣдующая *краткая роспись* того-же, кошорую мы списываемъ здѣсь вполнѣ, какъ сущность или извлеченіе всего, заключающагося въ сихъ двухъ брошюрахъ, въ концѣ коихъ приложена еще *алфавитная роспись* всѣхъ особъ и мѣстъ, представившихъ свои издѣлія для выставки.

Истисненіе всѣхъ предметовъ, находившихся на 4-й выставкѣ Россійскихъ издѣлій, съ означеніемъ, отъ какого лица или заведенія были оныя доставлены.

МАШИНЫ И ИНСТРУМЕНТЫ.

С.Петербургскаго и Александровскаго Литейныхъ заводовъ — Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заво-

дошъ — Императорской Александровской мануфактуры — Придворнаго Экипажнаго заведенія — Заводовъ Каммергера Всеволожскаго — Слесарныхъ мастеровъ: Гельфера — Бремера — Вологодскаго купца И. Мясникова — С. Петербургскаго инструментальнаго заведенія — Технической школы при С. Петербургскомъ Арсеналѣ — Механика Прейса — Химика Маббу — Механиковъ: Шедела — Беллу — Часоваго мастера Фиксена — Механика Крумзиха — Столярнаго мастера Опица — Механика Шперлинга — Спб. купца Домаера и золотыхъ дѣлъ мастера Янсена.

Часы.

Заводовъ Каммергера Всеволожскаго — Часовыхъ мастеровъ: Клейна — Гауша — Гейде — Носова — И. Толстаго съ братьями — Шпигеля — ученика П. Юренева — Эрница — ученика М. Савинова.

Химическія произведенія. Краски.

Фабрикъ: К. Брюненгаузена — Московскаго купца Претра — Спб. купца Гердау — Спб. купца Ст. Усова — И. Гульшта — купца Фрезе — Оберъ-Гмштенфервалшера Друри — Фабриканта Бабурина — Помѣщика Одинцова — Спб. фабриканта Джона Робука — Бѣльнаго мастера Кочешова — Фабриканта и Химика Бауера. — Ржевскаго купца А. П. Волоскова.

Металлическія издѣлія.

Платиновыя вещи.

Соединенной Лабораторіи при Горномъ Корпусѣ.

Серебряныя вещи.

СПб. мастеровъ: Янцена — Прагста — Лауферша-
Фишера — Миллера.

Плакированныя вещи.

Придворнаго Экипажнаго заведенія — СПб. и Алек-
сандровскаго лишейныхъ заводовъ — Фабрики купца
Кузнецова.

Томпаковыя вещи.

Тульского оружейника Маликова.

Мѣдныя вещи.

Адмиралшейскихъ Ижорскихъ заводовъ — Заводовъ
покойнаго Демидова наследниковъ — СПб. и Алек-
сандровскаго лишейныхъ заводовъ — СПб. мастера
Бека — Фабрики Траншеля и Буха — Булавочнаго ма-
стера Г. Шульца — Крестьянина Спешанова.

Оловячныя вещи.

Оловянныхъ дѣлъ мастера Свининукова.

Железныя и стужиныя издѣлія.

Изъ Музеума Горнаго Кадетскаго Корнуса — С.-
Петербургскаго и Александровскаго лишейныхъ за-
водовъ — Олонецкихъ казенныхъ заводовъ — Придвор-
наго Экипажнаго заведенія — Завода Генералъ Маіо-
ра Пашкова — Инструментальной фабрики Графини
де Брогліо — Завода гвардіи Корнета Яковлева —
Заводовъ наследниковъ Башашева — Заводовъ покой-
наго Тайнаго Совѣтника Демидова наследниковъ —
Заводовъ Г-дъ Шепелевыхъ — Завода Маіора Князя
Бибарсова — Завода Дѣйствительной Тайной Со-

винницы Книгини Вѣдосельской — Вѣдозерской — За-
ядохъ Дѣйствишельнаго Каммергера Всеволожска-
го — Тульской фабрики кушеческаго сына Чернико-
ва — Слесарныхъ фабрикъ: крестьянина Щипакина —
Литмана — Фабрикъ Стаишской Совѣтницы Полшо-
рацкой — СПб. мастера Сваляга — Ножевой фабри-
ки Генераль-Маіора Варенцова — Тульского масте-
ра Барыкова — Шпажныхъ дѣлъ мастера Шафа —
Тульского оружейника Шпанова — ружейныхъ ма-
стеровъ Кнота — Дежена — Гарбера — Цеховаго ма-
стера Кананца.

Издѣлія изъ свинца.

Александровскаго литейнаго завода — Адмирал-
шейскихъ Ижорскихъ заводовъ.

Шерсть и шерстяныя издѣлія.

Овечья шерсть.

Завода Князя А. К. Разумовскаго — СПб. купца
Загемюля — Пишшенскаго кореннаго овчарнаго заво-
да въ Курляндской губерніи — Завода Сенатора Е.
Н. Мечникова.

Сукна.

Фабрикъ: Дѣйствишельнаго Тайнаго Совѣтника
Н. Н. Новосильцова — Генераль-Адъютанта Графа
Комаровскаго — Тайнаго Совѣтника Графа Толста-
го — Генерала ошъ Инфантеріи Князи Горчакова —
Тайнаго Совѣтника М. П. Миклашевскаго — Мо-
сковскихъ 1 гильдіи купцовъ Ивана Рыбникова и
братъевъ Бабкиныхъ — Московскаго купца Дефрена

и К. — Тульскихъ фабриканшовъ — фабрикъ Каширскихъ купцовъ брашневъ Поповыхъ—Тайной Совѣтницы Машлевой—Московского купца Гейшена—Бѣлостокскаго помѣщика Лыщинскаго—Московского купца Кожевникова—Еврея Ореля Шліомовича.

Шам.

Фабрикъ: Воронежской помѣщницы Шишкиной — Бѣлшскаго Совѣтника Колокольцова — Нижегородской помѣщницы Г-жи Мерлиной.

Ковры шерстяные.

Фабрикъ: Тайной Совѣтницы Машлевой—Тайнаго Совѣтника Миклашевскаго—Ротмистра Шубина — Московскаго купца Епанечникова — Императорской Шпацерной Мануфактуры—Фабрики Графа Заводовскаго.

Костровыя издѣлія.

Фабрики Коллежск. Секретаря Есмоншовскаго.

Бумажная пряжа и бумажныя издѣлія.

Бумажная пряжа.

Императорской Александровской Мануфактуры—Фабрики Московскихъ купцовъ Вандергюта и Претра—Фабрики ошшавнаго Подковника Рененкампа—красильнаго мастера Ашмана.

Бумажныя ткани, бѣлыя и набивныя.

Императорской Александровской Мануфактуры — Фабрикъ: Спб. купца Бяшенана — Московскаго 1-й гильдіи купца Тишова—Карла Теша, въ Ямбургъ — Шлссельбургскаго 2-й гильдіи купца Вебера — Московскаго 2-й гильдіи купца Урусова—Московского 1-й гильдіи купца Трешякова — Московскихъ куп-

съ Прохоровыхъ — Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ: Я. Титова и И. Прокофьева — Московскаго 2-й гильдіи купца И. Прокофьева — Шуйскихъ 1-й гильдіи купцовъ братьевъ Посманныхъ — Тульского купца Швецова — Серпуховскаго 2-й гильдіи купца Коншина—Рика, въ СПб.—Рудерта, въ СПб.—Клаузера, въ СПб.—Кресса, въ СПб. — Москковского 2-й гильдіи купца Борноова — СПб. 2-й гильдіи купца Чурсинова—Московского 2-й гильдіи купца Верешеникова—Купчихи Меньшиковой, въ г. Юрьевъ—Рижскихъ 1-й гильдіи купцовъ Хлебниковыхъ сыновей—Рижскаго 2-й гильдіи купца Пихлау—купца Чижова, въ СПб.—Ланге, въ СПб.—Шуйской 2-й гильдіи купчихи Болошовой съ сыновьями — Шуйскаго купца Корнидова—Московского купца Бѣлова—Цеховаго мастера Васильева, въ СПб.—Колониста Кемпера, въ Царскомъ Селѣ.—Рудольфа Вебера и К. въ СПб.

Льняная и пеньковая пряжа и издѣлія изъ оной.

Императорской Александровской Мануфактуры — Ярославской мануфактуры Г-дѣ Яковлевыхъ—Фабрикъ СПб. купца Нейенгана—Тайнаго Совѣтника Миклашевскаго—Тайнаго Совѣтника Графа Толстаго—Купца Никифорова, въ Вологдѣ — Московскихъ первосшашейныхъ купцовъ, братьевъ Куманиныхъ—Визникковскаго 2-й гильдіи купца Елизарова—Костромскаго 1-й гильдіи купца Дурыгина — Костромскаго 1-й гильдіи купца Угличанинова — Серпуховскаго 2-й гильдіи купца Дм. Плотишкова — Серпуховскаго 2-й гильдіи купца И. Плотишкова — Нарвскаго 1-й гильдіи купца Торубаева—Купцовъ Хлебниковыхъ—Калужскаго 1-й гильдіи купца Билибина

меньшого—Серпуховской 2-й гильдіи купчихи Сариковой—Калужскаго 1-й гильдіи купца Зотова — Калужской 1-й гильдіи купчихи Григоровой—Гвардіи Поручика Полторацкаго — Надворнаго Советника Генчарова—Козельскаго 1-й гильдіи купца Брызгина—Алексинскихъ 1-й гильдіи купцовъ братьевъ Масловыхъ—Механика Германа въ Москвѣ. — Фабрикъ 1-й гильдіи купчихи вдовы Темериной съ дѣтьми — Коспромскаго 1-й гильдіи купца Солодовникова — Шуйскаго купца Носова—Серпуховскаго 2-й гильдіи купца Коншина—СПб. купца Сазонова—Шуйской 2-й гильдіи купчихи Болотовой—Московскаго 2-й гильдіи купца И. Прокофьева.

Шелкъ.

Фабрики Кастелла и К. въ Тифлисѣ.

Шелковыя издѣлія.

Кузавинской фабрики Дѣйствительнаго Тайнаго Советника Князя Юсупова—Фабрикъ : Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ: Колокольниковъ, Поликова, Левина—Московскихъ 1-й гильдіи купцовъ Кондрашевыхъ—Московскихъ купцовъ Рогожниковъ — Богородскаго 2-й гильдіи купца Карпова съ сыновьями — Московскаго 2-й гильдіи купца Щеглова — Московскаго купца Аксенова—Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ Прошопопова, Сонова—Московскаго 1-й гильдіи купца Доброхотова—Бинара и Пемецридера, въ СПб.—Московскихъ купцовъ: Дютева, Шелковникова, Добрынина—Тульскаго купца Швецова—Московскаго 2-й гильдіи купца Борисова—Ярославскаго 2-й гильдіи купца Оловянишникова—Тильмеса, въ СПб.—Московской 2-й гильдіи купчихи Саножковой—Мо-

славскихъ купцовъ : Тучкова , Вилова , М. Волкова , въ Москвѣ — Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ Шишовыхъ .

Позументныя , золотомошныя и вышитыя вещи .

Фабрикъ СПб. купцовъ: Лихачева, Залемана — Бисерныя издѣлья дочери Вологодскаго купца Александры Никифоровой — Шитье по канцѣ Баронессм фонъ Будбергъ — Придворной аполетной фабрики Бишнера, въ СПб.—Заведенія Спашской Совѣтницы Безобразовой, въ СПб. — Золотомошвейнаго мастера Залемана , въ СПб.—Фабрики Нашалия Павловой.

Басоны и тесьма .

Придворнаго экипажнаго заведенія — Басоннаго мастера Вебера, въ СПб. — СПб. фабриканша Жукова—Басоннаго мастера Гильдебрандта, въ СПб.—Тесемнаго фабриканша Цинзерлянга, въ СПб.

Волосная матерія .

Фабрикъ купеческаго сына Пытухова, въ СПб.— СПб. 3-й гильдіи купца Ламата—Пораша, въ СПб.— Волосныхъ дѣлъ мастера Савельева.

Волосныя издѣлія .

СПб. мастерицы Стефаницы.

Вощики , клеенки и ластильные коври .

Фабрики СПб. 2-й гильдіи купца Чурсинова.

Кожи , сѣляны и кожевныя издѣлія .

Московской сѣлянной фабрики купца Чеканова—Порядковской фабрики Тайной Совѣтницы Мямлевой—Заводовъ СПб. 2-й гильдіи купца Гиншера—Са-

равскаго 2-й гильдіи купца Пичугина—Кунеческаго сына Ромгана, въ Спб.—Фабрики братьевъ Уилгофъ въ Спб.

Лайковыя и оленіи перчатки.

Фабрикъ : Московскаго купца Полякова—Спб. 2-гильдіи купца Бунина—Жено , въ Спб.—Московскаго мѣщанина Еланечникова—Шафера, въ Москвѣ.

Кожевенныя лакированныя издѣлія.

Фабрикъ мастеровъ: Карла Лауферта, въ Спб.—Юганна Лауферта, въ Спб.

Стекло , фарфоръ и фаянсъ.

Хрустальная посуда.

Императорскаго Стекляннаго завода, въ Спб.—Фабрикъ : отставнаго Гвардіи Поручика Бахмешева . Г-дъ Мальцовыхъ—Коллежскаго Ассессора Паншина—Генералъ—Маіора Орлова.

Зеркальныя стекла.

Императорскихъ Выборгскихъ стеклянныхъ заводовъ—Зеркальнаго завода Дерптскаго 2-й гильдіи купца Амелунга съ сыномъ.

Оконныя стекла.

Заводовъ Генералъ—Лейшенанта Рихтера , извѣстнаго подъ названіемъ Герардова—Спб. 3-й гильдіи купца Анисіева.

Фарфоровыя вещи.

Императорскаго фарфороваго завода—Фабрикъ Г-а Гарднеровъ — Спб. купца Бошенниа—Помѣщика А Незера.—Наслѣдницъ Князя Чаршорійскаго—Заводъ купцовъ братьевъ Фетисовыхъ, въ Шадринскѣ.

Фаянсъ и глиняная посуда.

Фабрикъ: Ауербаха—Наслѣдницъ Князя Чаршорійскаго—Надворнаго Совѣтника Поскочина—Купца Соколова, въ Вышнемъ Волочкѣ — Купца 2-й гильдіи Глишера, въ Спб.

Издѣлія изъ камня.

Скульпторныхъ мастеровъ: Мадерни, въ Спб. — Трескоши, въ Спб.—Скульпторнаго ученика Кармакова—Издѣлья Московскаго мѣщанина Кузнецова.

Бронзы, люстры и лампы.

Бронзовыхъ мастеровъ: Герена, въ Спб. — Дипнера, въ Спб.—Шрейбера, въ Спб. — Скульпторнаго мастера Крейтсона, въ Спб. — Ламповаго мастера Бейхера, въ Спб. — Фабрики Леонарда Геде, въ Спб.—Ламповыхъ дѣлъ мастера Мопперша, въ Спб.

Перломутовыя, черепаховыя и костяныя издѣлія.

Токарнаго мастера Эша, въ Спб. — Гребеннаго мастера И. Бараева, въ Спб. — Спб. 3-й гильдіи купца Тиханова—Футлярнаго мастера Цешке, въ Спб.—Токарныхъ мастеровъ: Третьякова, въ Спб.—Эша—Угольниковъ, въ Спб. — Крамера, въ Спб.—Свободскаго мѣщанина Макарова — Гребенныхъ мастеровъ: Бараевыхъ, Ларіонова, крестьянина Балдина, купца Михайлова.

Шляпы.

Пуховыя.

Московскаго 2-й гильдіи купца Спужина—Шляпнаго мастера Баррейнера, въ Спб.

Іюль 1829.

7

Соломенныя.

Фабрикъ: Юнкера, въ Спб.—Княгини Рѣпинино въ Почепѣ — Богадѣльни Императорскаго Воспитательнаго Дома.

Шелковыя.

Фабрикъ: Спб. купца Гершума, Юнкера, въ Спб. Цешке, въ Спб.

Тростниковыя.

Фабрики Юнкера, въ Спб.

Бумага писчая и издѣлья изъ оной.

Бумага.

Бумажной фабрики Дѣйств. Спашской Соѣзницы Кайдановой—Фабрикъ: Князя Гагарина, въ Ярославѣ—Г-дѣ Усачевыхъ — Барона Раля, въ Спб.—Карла Кибера, въ Ригѣ—Углицкой, 1-й гильдіи купца Попова наследниковъ.

Бумажные обои.

Вѣдомства Кабинета Е. И. В. Царскосельской обоевой фабрики—Жилинской фабрики Ротмистра Шубина—Фабрикъ иностранца Фукса, въ Спб.—Живописнаго мастера Шафа, въ Спб.

Издѣлья изъ битой бумаги (papier maché).

Мастера Яна, въ Спб.—Фабрикъ: Боля, въ Спб.—Московского 2-й гильдіи купца Лукушина—Мастера Волленштейндера.

Лакированныя вещи.

Фабрики И. Муллерша, въ Мишавѣ—Денидовскаго завода жишеля А. Шестакова — Фабрики Печа въ Спб.

Сахаръ.

Изъ колоніальнаго цеску.

Заводовъ Барона Шинглица, въ СПб. — СПб. 1-й гильдіи купца Геймбюргера—7-го класса Берда—Г-дъ Молво съ сыномъ—СПб. первосташейныхъ купцовъ, Жадимировскаго сыновей.

Изъ свеклоуицы.

Заводовъ Генераль-Маіора Герарда — Г-на Мальцова—7-го класса Берда.

Разныя вещи.

Свѣтъ восковыя.

Фабрикъ Тайной Совѣщницы Мяншлевой—Князя А. К. Разумовскаго.

Свѣтъ салныя.

Заводовъ фабриканша Сшивевсона, въ СПб.—Вологодскаго купца Никифорова, въ Вологдѣ.

Сургучъ.

Фабрики сургучнаго фабриканша Петерки, въ СПб.

Музыкальные инструменты.

Мастеровъ: Шульца—Вирша—Батова—Транцшеля—Дитрихсена—Шредера—Людеке—Нильсена — Гердау—Ваншейда—Титнера.

Кареты.

Фабрики Іохима.

Мебели.

Придворнаго Механика Гамбса — Столярнаго мастера Битнера.

Искусственные цветы.

СПб. Масшерицъ: Лавиной—и А. Споль.

Мозаики.

Художника Векаера.

*Зонтики.*Мастера Шаппера, въ СПб.—масшерицы Дежю-
ванни, въ СПб.*Корзины.*

Масшеровъ Тодша, въ СПб.—Юнкера, въ СПб.

Оптическіе инструменты.

Оптическаго мастера Рейхенбаха.

Печати.

Рѣщика Можечкова, въ СПб.

*Табакъ.*Фабрикъ: Купцовъ, Аванасьева, въ СПб.—Миллера,
въ СПб.—Шилля, въ СПб.—Жукова—Годовкина.*Графленая бумага.*

Слесарнаго мастера Янсена.

Помада, духи, мыло, курительные порошки.

Фабрики Герке, въ СПб.

Напитки.

Купца И. Ленца.

— *Стихотворенія Александра Пушкина. Вторая часть.* СПб., въ т. Дец. Нар. Просв. 1829 г. 176 стр. in 8.

Въ сей второй части помѣщены мѣлкія стихотворенія, написанныя Пушкинымъ въ 1825-мъ,

1826-мъ , 1827-мъ, 1828-мъ годахъ , и одно стихотвореніе , написанное въ 1829-мъ году. Кажется , съ последнее нигдѣ не было напечатано, и потому, надѣемся доставивъ удовольствіе нашимъ читателямъ , выписывая оное вполнѣ :

Е. Н. У*** вой.

Вы избалованы природой ;
Она приспращина къ вамъ была ,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно ,
Что васъ любить не мудрено ,
Что вѣрнымъ взоромъ вы Ариэда ,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида ,
Что ваши алыя уста ,
Какъ гармоническая роза. . .
И наши рифмы , наша проза ,
Предъ вами шумъ и суеша.
Но красотою воспоминае
Намъ сердце шрогаешъ тайкомъ ,
И спрокъ небрежныхъ натерпанье
Вношу смиренно въ зашъ альбомъ.
Авось на память , по неволѣ ,
Придешъ вамъ томъ , кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни , какъ Пр*** поле
Еще заборъ не заграждалъ.

Кромѣ означенныхъ годами , въ сей части помѣщено 25-тъ стихотвореній разныхъ годовъ. Такимъ образомъ , мы имѣемъ теперь полное собраніе мелкихъ стихотвореній Пушкина. Радуеться , вѣроятно

вмѣстѣ со всею Русскою публичкою, сему пражескому подарку.

Замѣтимъ, что въ стихотвореніи: *Андрей Шеня*, выставлены цифры, указующія на прилѣчанія, но въ настоящемъ изданіи снѣгъ прилѣчаній нѣтъ. Это недосмотръ Гг. Издателей. Наружность второй части точно такая-же, какъ и первой.

— *Посланіе къ воспитанникамъ Коммерческой Академіи*, о достоинствѣ гражданина. Сочиненіе Сергія Глинки. М., въ п. Селивановскаго. 1829. 7 стр. in 4.

Стихотвореніе сіе было читано въ торжественномъ Собраніи Коммерческой Академіи. Посѣщители сего Собранія были между прочимъ обрадованы приятною печальностью. Въ числѣ разныхъ рѣчей и стихотвореній, въ программѣ назначены были для прочтенія Французскіе стихи: *Le déluge*. Всѣ готовились услышать обыкновенные Французскіе возгласы, но юноша, которому должно было произнести оныя, прочиталъ, вѣроятно по распоряженію Г-на Директора, *Описаніе Полтавской битвы*, изъ Мазепы Пушкина. Это сдѣлало нѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что было неожиданно, и весьма къ спашу: Собраніе происходило 27-го Іюня, то есть въ самый день знаменитой Полтавской битвы! Превосходные стихи Пушкина, кажется, въ первый еще разъ оглашали своды одного изъ разсѣдниковъ посвященія. Вообще Собраніе сіе было замѣчательно: знаменитые и образованные Посѣщители съ удовольствіемъ замѣтили успѣхи учащихся въ Коммерческой Академіи и внутреннее устройство сего заведенія.

По окончаніи Акша, всѣ залы были открыты для любопытствовавшихъ.

Кс. II.

— *Ивану Выжигину, отъ Сидора Пафнутьевича Простакова, посланіе, или отрывки бурной моей жизни.* М., въ Унив. ш. 1829. 112 стр., in 12.

Книжечка, весьма похожая на романъ Г-на Булгарина наружносью, но внутренними красками своими ошещающая ошъ оваго на далекое, неизмѣримое разстояніе. Впрочемъ, Издашело нужно было только названіе *Выжигина*, и онъ, какъ говорить, не ошибся въ расчесть, ибо распродалъ довольно много эпистолы Сидора Пафнутьевича. Многіе подумали, что это прибавленіе къ роману Г-на Булгарина!

— *Зимцерла, Альманахъ на 1829-й годъ.* М., въ ш. Семивановскаго. 1829. VIII, 224 и 94 стр., in 16. Съ антропографическими рисунками, поршрешомъ и ношамн.

Одна изъ пустѣйшихъ книжонокъ, издаваемыхъ въ Москвѣ подъ названіемъ альманаховъ. Въ ней записаны знанія и умъ мальчиковъ приходскаго училища и шребованія семинарской учености. Наружность сего Альманаха подъ пару въ содержанію оваго, шо есть, столько-же неопрышна и неуклюжа. Удивляемся, какинъ образомъ ния Г-на Барановскаго попалось между именами Г-дъ Тюринныхъ, Шереметевскихъ и прочихъ?

С М Ъ С Ъ.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТЕЛЕГРАФА.

Не знаю почему, М. Г., вообще вышли изъ моды у Русскихъ Журналистовъ сшашь, донинѣ кнзюція право гражданства въ журналахъ и газетахъ иностранныхъ. Я говорю о мѣлкихъ сшашейкахъ, которыми Европейскіе Журналисты охотно даютъ мѣстечко, сшашейкахъ, которыя, какъ перецъ кушанье, приправляютъ ученые диссертаціи, полишку, кришку журнальную. Въ нихъ ярко ошсвѣчиваются странности, шадости, глупости людскія, ве обременяя чшашелей продолжительнымъ чтеніемъ, не упомяая ихъ ошвлеченными выводами о томъ, почему это хорошо, а шо дурно: научающъ шуш.

Въ старые годы изъ такихъ спашеекъ составлялись цѣлые журналы. Дѣдушка мой Живописецъ нѣтъ чести забавлялъ и научалъ такимъ образомъ поколѣніе семидесятихъ годовъ. Тогда еще свѣжа была слава Аддисоновъ и Спшлей. Но съ тѣхъ поръ переводились Живописцы, и перевелись въ наше время совершенно. Явился Французъ Жунъ, ввелъ въ моду свои систематическія статьи о нравахъ, написалъ нѣсколько томовъ, и ушелся. Онь чего? Онь того именно, что ему хотѣлось философствовать, методически преслѣдовать пороки и глупости, и непременно въ листъ и въ два листа вытѣщать свои повѣствованія. Онь надѣвалъ маску пустынника, умиралъ, оживалъ, наряжался въ Гвѣанскій костюмъ... Къ чему все это? Къ чему такой затруднительный парадъ? Не лучше-ли безъ всякаго требованія на пустынничество, продолжалъ-бы по старому, писалъ много и мало, какъ удастся, описывать, что попало подъ руку. Жунъ хотѣлъ не только изображать, но и утѣшать людей. Бездѣланца! Неужели описатели нравовъ думаютъ, что душу спашеекъ о нравахъ составляетъ ихъ философствованіе? Неужели они думаютъ убеждать правоутеніями? Какъ они ошибаются!

Мой дѣдушка—Живописецъ не думалъ шакъ, и поступалъ совѣтъ иначе. Онь выписывалъ въ свои листочки, безъ системы и метода, все что встрѣчалось ему достойнаго осмѣянія, спраннаго, смѣшнаго, писалъ, какъ удавалось, не думая о краснорѣчіи, не философствуя, показывалъ зеркало, въ кошоромъ отражалась вся бессистемная пестроша людская, въ кошоромъ безобразіе видѣло себя и

хохотало, чтобы не показать своего *самопознания* : извините, М. Г., ученое слово ; но самопознание , какъ-бы оно мало ни было , всегда полезно. Надъ вратами какого-то Греческаго храма было написано : « *Познай самого себя*, » и Греческіе мудрецы дивились уму человека , сдѣлавшаго эту надпись. Надъ спальнейками оправахъ, надобно надписать : « *Узнай самого себя*; » спать не будешь дивиться , но польза ему будешь не мѣнѣ шой , кака была ошъ надписи на Греческомъ храмѣ.

Изъ всѣхъ журналистовъ Русскихъ, только О. В. Бугаринъ знаетъ цѣлу спальныхъ о правахъ. Онъ умѣетъ , но лѣнившись писать ихъ. Зачѣмъ вы, М. Г., упускаете изъ вида яшюшъ родъ журнальных спальныхъ , совсѣмъ немаловажный? Вы хотите пользы? Что-жъ болѣе въ настоящее время принесетъ пользы, какъ не живое , современное изображение пороковъ и глупостей? Вы хотите, чтобы васъ читали? Повѣрьте, что на спальныхъ вашихъ о Нибургахъ, Макиавеляхъ и Жанъ-Поляхъ не найдется и въ десятую долю столько чина-телей, сколько на спальейку, которая дастъ щелчекъ криводушнѣ судьи , чванству какого нибудь князька, кокетству прихворной Агнесы , глупости рифмача и высокоумнѣ неданна. Зачѣмъ оспаривали вы *Прибавленіе* , которое придавали къ своимъ книжкамъ въ началѣ 1825-го года? Продолжите его М. Г. и будьте увѣрены, что добрые скажутъ вамъ спасибо , а злые сдѣлаете вы добра болѣе , нежели дѣлаете его разысканіями своими объ Англійской торговлѣ, Русской спалишникѣ и Турецкой географіи.

Вы скажете, что вамъ нѣкогда, что вы неумѣете (извините!) писать легкимъ сплатеемъ о врагѣ. Я и не начиналъ-бы моего письма къ вамъ, если-бы не имѣлъ средствъ пособить подобному недоумѣнію.

Все, что пишу я къ вамъ, говорено было мною и нѣсколькими моими знакомыми, дня съ два тому, когда мы перебирали новыя книжки Русскихъ журналовъ. Мы вѣнчася согласились писать къ Изда-телю Телеграфа и предложить слѣдующее:

Не угодно-ли вамъ, М. Г., печатать то, что мы будемъ посылать къ вамъ? Если вы согласны, то для каждой книжки Телеграфа будете получать отъ насъ пакетъ.

Мы не будемъ списывать Жуи, не будемъ называться студентами Недоумками, лазить на чердаки переулковъ близъ Патриаршихъ прудовъ, не будемъ переселяться въ Лужники или въ Бѣлый городъ, не будемъ вамъ говорить о питьѣ чаю съ Пафнушемъ Евсигіевичемъ и жаловаться на большыя наши ноги. Нѣтъ! мы будемъ невидимы и безыменны для васъ и для публики. Вы будете получать извѣстія наши о глупостяхъ, нелѣпостяхъ, странностяхъ, какія намъ попадутся въ обществѣ, книгахъ и журналахъ. Мы имѣемъ обширную корреспонденцію съ городами уѣздными, губернскими, заштатными; многіе товарищи наши живутъ по деревнямъ; есть и за границею. Все, что получится отъ нихъ, будетъ доставлено къ вамъ. Если вы согласны, то горе педан-

шамъ, шалунамъ и шазунамъ, взяточникамъ, кроводушнымъ вельможамъ, либеральнымъ вгоншамъ ихъ дѣйствія, слова, ихъ поршрешы будущъ дѣлкомъ въ листочкахъ Живописца! Пусть не думаютъ они, что толстыя спѣны спасутъ ихъ отъ насмѣшки и позора, что знатное званіе защитишь ихъ отъ пера Живописцова внука!

Объщаемъ вамъ М. Г. не касаться личности, не сказывать именъ, не говорить ничего, почему можно-бъ было узнать оригиналы нашихъ портретовъ: это обязанность каждого просвѣщеннаго гражданина, въ отношеніи къ другому. Описывайте вѣрно, но не называйте по имени. Пусть невидимая рука даетъ щелчки невидимо-видимому пороку. Въ замѣчаніяхъ о Липшерашурѣ и журналахъ мы не будемъ прибавлять никакихъ укоризнъ, ничего осуждающаго: мы не судьи, а живописцы. Спимъ глупость, нелѣпость, и пусть судитъ ее кто хочешь.

Есть пороки, недоспашки, дѣла, которыхъ не можешь преслѣдовать правосудіе гражданское, и которые только свистъ сатирической дозы заставляешь шрепешать. Нападая на нихъ, преслѣдуя ихъ, мы исполняемъ долгъ благомыслищихъ гражданъ, споспѣшествуемъ — осмѣливаемся такъ сказать — благимъ намѣреніямъ Правительства, которое, разлазывая умъ и руки своими мудрыми учрежденіями, шребуешь, чтобы мы соотвѣтствовали благимъ его подвигамъ.

Изъявите ваше согласіе, и въ будущій № Теле

графа мы приѣдемъ къ вамъ начало спашей нашихъ. Чесъ нѣю бышь, и проч.

Живописецъ.

ОТВѢТЪ.

М. Г.!

Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, и готовъ служить вамъ въ каждой книжкѣ Телеграфа нѣсколькими страничками. Я радъ былъ всегда помѣщать въ моемъ Журналѣ спашьи о нравѣхъ, зная всю пользу ихъ, и умѣя различать саширу отъ личностей и пасквилей. *Прибавленіе* къ Телеграфу въ 1825 году было составляемо не мною, и прекратилось потому, что редакторы его перестали писать, а я самъ не нѣю ни досуга, ни способностей для такого рода лишпературныхъ заявій. Что дѣлать! Направленія трудовъ бываютъ различныя, смотря по направленію ума и способностей. Тѣмъ не менѣе они не мѣшаютъ одно другому, и разнообразіе ихъ бываетъ причиною пользы и удовольствія. Чесъ нѣю бышь, и проч.

Издатель Телеграфа.

Литтературныя извѣстія.

Тишина морская обыкновенно предвѣщаетъ бурю, удушающій лѣтній жаръ грозу, и всякая чрезмѣрность противоположное оной состояніе. Въ послѣдніе годы, Амшпература наша была какъ-

бы въ разслабленномъ состояніи; нынѣшній годъ кажется, показываетъ переходъ въ дѣятельности крѣпости и силъ. Почти по всѣмъ направленіямъ въ нашей Литтературѣ становящіяся замѣтны желаніе дѣйствовать, и стремленіе не къ безощемому подражанію, но къ созданію чего нибудь болѣе прочнаго. Дай Богъ, чтобы замѣчаніе сіе было справедливо!... Постоянно извѣщая читателей нашихъ о всѣхъ новыхъ, замѣчательныхъ явленіяхъ Литтературныхъ, показывающихся въ свѣтъ, мы хотимъ, и даже должны, извѣстить ихъ о нѣкоторыхъ ожидаемыхъ книгахъ, и изданіяхъ, не входящихъ въ составъ Библіографіи нашего Журнала.

Въ Петербургѣ печатается *Театръ* Н. И. Хмельницкаго, то есть собраніе всѣхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ сего отличнаго Писателя. Намъ извѣстно, что ненапечатанные пьесы его (напримѣръ: *Нервительный*, *Новый Парисъ*) донынѣ ходили по рукамъ въ спискахъ, большею частію невѣрныхъ, и что многіе давно желали видѣть полный *Театръ* Г-на Хмельницкаго. Слѣдственно, исполняя сіе желаніе, Издашеть (Е. В. Аладьянъ) оказываешь большую услугу любителямъ Драматическаго Искусства. Изданіе *Театра* Г-на Хмельницкаго будетъ хорошее, въ 2-хъ томахъ въ большую осьмушку, украсится портретомъ Автора и нѣсколькими гравюрами, и выйдетъ въ свѣтъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года (*). Предпріят-

(о) Цѣна, на лучшей бумагѣ 22 рубля, съ пересылкою.

не сіе шлімъ боато достойно хвалы и одобренія, шо денежныи выгоды онаго предославаляюшся въ пользу одного благороднаго семейства, доведсннаго обстоятельствомъ до совершеннаго раззоренія и обремененнаго долгами. Съ шою-же цѣлію будешъ изданъ къ Декабрю мѣсяцу сего года *Невскій Альманахъ* (*). Внутреннее достоинство онаго и богатство варужности будешъ шаковы-же, какъ въ прошедшемъ году. Подписывашся на обѣ сіи книги можно во всѣхъ книжныхъ лавкахъ въ Спбурѣ и въ Москвѣ, и въ Конторѣ М. Телеграфа.

Вильгельмъ Тель, Шиллера, переведенный Г-мъ Ротчевымъ, скоро будешъ изданъ. Таланшъ Персюдника извѣстенъ уже Русской публикѣ. Одинъ ошрывокъ изъ его перевода Вильгельма Теля былъ напечатанъ въ М. Телеграфѣ нынѣшняго года.

Почтенный ветеранъ нашей Словесности, Н. М. Шамровъ, намѣренъ издашь собраніе своихъ сочиненій. Эшого давно ожидали всѣ уважающіе талантъ сего Автора, одного изъ лучшихъ предлагаемыхъ Псалмовъ.

Можемъ сообщить читателямъ нашимъ весьма пріятную новость (во всемъ смыслѣ сего слова), дошедшую къ намъ изъ вѣрнаго источника. *Гайдамакъ*, сочиненіе Г-на Байскаго, доселѣ являвшійся въ ошрывкахъ, и возбуждавшій живѣйшее любопытство образованной публики, скоро будешъ из-

(*) Цѣна 13 рублей, съ пересылкою.

данъ исполнѣ. Этошъ романъ можно назвашь однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной Словесности, если онъ весь такъ хорошъ, какъ отрывки изъ онаго, напечатанныя въ альманахахъ и въ *Сынѣ Отечества*. По крайней мѣрѣ можно ручаться, что Малороссійскій быль и разсказъ въ *Гайдамакѣ* совершенно оригинальны. Самое предпріятіе сіе и выборъ предмета для онаго, показываютъ, что Г-нъ Байскій написанъ не чужими вдохновеніями. Въ его душѣ есть что-то свое, сильное, пламенное, а этого-то намъ и надобно. Просимъ Г-на Байскаго не медлить, и поскорѣ опдаться въ типографскіе шиски Малороссійскаго Карла Моора, ожидаемаго нами вѣсепрѣланно, ибо мы надѣемся, что онъ доставитъ намъ истинное наслажденіе.

О. М. Сомовъ издастъ нынѣшнею осенью 2 тома своихъ *Разсказовъ Путешественника*, гдѣ будешь до осьми новыхъ повѣстей и нѣкоторыя прежнія сочиненія его въ семъ родѣ, передѣланныя. Это также показываетъ, что наши Литераторы не вѣчно будутъ подражать. Настало время и Русской жизни. Отъ Г-на Сомова всѣ ожидаютъ повѣстей изящныхъ, ибо онъ, своими веселыми, умными, прелестными разсказами, потѣщавшими въ альманахахъ, далъ своимъ читателямъ право ожидать отъ него изящнаго. Можемъ примолвить, что повѣсти Г-на Сомова будутъ изданы красиво, съ хорошими картинками, которыя рисуетъ одинъ ошачный художникъ, а гравировать будутъ лучшіе Петербургскіе гравёры.

Г-нъ Булгаринъ пишетъ новый романъ , историческій , котораго содержаніе заимствовано изъ исторіи Самозванца. Ожидаемъ отъ него хорошаго разсказа , судя по напечатанному отрывку. О цѣломъ созданіи шенерь не лзя говорить. Впрочемъ , съ увѣренностью можемъ предречь Г-ну Булгарину большой успѣхъ: его *Выжигинъ* ручается за это. Попробуй-ли , что сей послѣдній возбуждалъ такое вниманіе , какого въ Россіи не возбуждала ни одна книга. Не говоримъ о томъ , что Выжигинъ шенерь находится во всѣхъ углахъ Русскаго Государства. Въ Москвѣ пишутъ на него кришки , изъ коихъ одна будешь въ 4-хъ томахъ , другія въ 2-хъ : не шути , а въ самомъ дѣлѣ. Не знаемъ , будутъ-ли напечатаны сіи кришки , а что онѣ пишутся , въ этомъ осмѣливаемся увѣрить.

Г-нъ Загоскинъ сочиняетъ романъ , содержаніемъ также относящійся къ временамъ междоусобицъ въ Россіи. Онъ намѣренъ написать , для противоположности , другой романъ изъ нашего времени , дабы въ обоихъ изобразить 1612-й и 1812-й годы. Удерживаемся отъ всѣхъ сужденій , хотя о слогѣ Автора и могли-бы сказать нѣчто , судя по отрывку , напечатанному въ *Русскомъ Зрителѣ*. Мысль Г-на Загоскина кажется намъ нѣсколько замысленною.

Извѣстное сочиненіе Г-на Аделунга *О Корсунскихъ вратахъ* , переведено на Русскій языкъ и переводъ представленъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Общество поручило одному изъ сочленовъ своихъ , И. Н. Камашеву-Среднему ,

Іюль 1829.

пересматривая Русскій переводъ. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что важная книга Г-на Адельунга явившись на Русскомъ языкѣ въ достойномъ видѣ: за сіе ручаются знанія и искусство Г-на Камашева-Средняго, прекрасно переведшаго на нашъ языкъ сочиненіе Г-на Кеплена *О древностяхъ сѣвернаго берега Дона*.

У насъ часто говорятъ, что Рускіе любятъ читать на Французскомъ языкѣ даже сочиненія своихъ авторовъ. Представляемъ доказательство противъ сего мнѣнія. Уже другой годъ издается въ Москвѣ Журналъ: *Bulletin du Nord*, на Французскомъ языкѣ. Видимъ помѣщаются переводы лучшихъ сташей изъ Русскихъ книгъ и журналовъ, любопытныя извѣстія о Россіи и Русской Литтературѣ, оригинальныя, пріятныя сташейки о нравахъ, и проч. Недавно, пересматривая сей Журналъ за прошедшій годъ, мы внутренно хвалили богатство содержанія онаго и трудолюбіе Издавателя. Что-же? Сколько подписывающихся на сей, весьма хорошій и любопытный Журналъ? *Менѣе ста!*.. Не явно-ли, что, если у насъ мало читаютъ Русскихъ сочиненій на Русскомъ языкѣ, то еще менѣе читаютъ ихъ на Французскомъ. Говорятъ, будто Г. Делаво (Издатель упомянушаго Журнала) пишетъ по Французски не такъ, какъ современные намъ Французскіе Литтераторы. Положимъ, что Г. Делаво не Бенжаменъ Констанъ, не Гофманъ, не Фелетъ, не Charles Régnier, но все онъ пишетъ на своемъ языкѣ лучше нежели многіе изъ Русскихъ Литтераторовъ пишутъ по Русски. По крайней мѣрѣ содержаніе сташей его Журнала

неоспоримо занимательно и важно; причиною-же неудачи Г-на Делава то, что Рускіе не читаютъ своего по Французски. Въ подтвержденіе сего прибавимъ, что подписчики на Журналь Г-на Делава, сколько ихъ есть, почти все Французы, живущіе въ Россіи. Если Французы подписываются на сей Журналь, то Рускіе не берутъ его конечно не пошому, что онъ писанъ дурно по Французски.

Однако-жъ неудача сія не устрасила другаго Французскаго Литтератора, Г-на Сень-Жюльена, который съ 1-го Іюля сего года началъ издавать въ Пешербургѣ газету, на Французскомъ языкѣ, выходящую дважды въ недѣлю, подъ названіемъ: *Le Foret*. Мы получили сего Журнала первый номеръ (при *Journal de St. Pétersbourg*), но желали-бы видѣть онаго болѣе одного листка, дабы сказать свое мнѣніе о семъ новомъ явленіи. Наружность 1-го номера очень красива.

Эстона, весьма хорошая Нѣмецкая газета, издаваемая въ Ревелѣ Г-мъ Шлейхеромъ, также достойна вниманія всѣхъ читающихъ по Нѣмецки, ибо въ ней помѣщаются переводы (изъ конхъ многіе прекрасны) лучшихъ Русскихъ сочиненій касательно Изыщной Словесности. По желанію Г-на Издашеля *Эстоны*, мы приложимъ при Телеграфѣ подробное извѣстіе о его газетѣ.

Русскій Театръ.

Рауль сняя борода, балетъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ; *Воспитанникъ любви*, или какъ она измѣнилась, комедія-водевиль въ 4-хъ частяхъ (!); *Дивертисманъ* (Бенефисъ шанцовщицы: Г-жѣ М. Ивановой и Ленской).

Когда Людовикъ XVIII-й возвратился въ столицу предковъ своихъ, послѣ двадцатилѣтняго странствованія, то, по собственнымъ словамъ знаменитаго несчастливца, онъ уже не узнавалъ ни страны, ни народа, надъ концы законныя права заставляли его снова царствовать. Сей умный и бѣдствіями испытанный Государь увидѣлъ большую разницу между остававшимся имъ, и вновь найденнымъ Королевствомъ, между Французами, причесанными à l'oiseau mort, и Французами, обстриженными à la Titus. Мудрый Монархъ догадался, что чужое восстановление спарато невозможно, и что должно сообразоваться съ господствующимъ духомъ времени. Не говоря о политическихъ его учрежденіяхъ, имѣли удовольствіе имѣть потребности новаго поколѣнія, упомянемъ только о любви Короля къ Драматической Словесности, и о переизнанъ, или найденныхъ въ оной. Во дни безмятежнаго царствованія благословеннаго поколѣнія Бурбоновъ, Графъ Прованскій былъ ревностнѣйшимъ любителемъ сценическаго искусства. Онъ удостоивалъ своего знакомства славнаго Декеня; онъ почти зналъ наизусть всѣ произведенія тогдашней трагической Музы.

Наслышавшись о необычайномъ талантѣ знаменитѣйшаго Тальмы, Король, по воспріятіи вѣща предковъ своихъ, призывалъ къ себѣ прославляемаго трагика, и назначивши представленіе одной изъ новѣйшихъ трагедій, соблагОВОЛНѢЛЪ изречь славному актѣру: «Я, можетъ быть, буду строгъ въ моихъ сужденіяхъ, Г. Тальма! Но вы меня извините!... Мнѣ трудно угодить, потому что я видѣлъ и хорошо зналъ вашего предшественника Лекеня.» Само собою разумѣется, что подобныя, лестныя выраженія Монарха, покровители искусствъ, окриляли гений незабвеннаго актѣра. Тальма превзошелъ самого себя въ присущствіи вѣщеноснаго судіи. Король, восхищенный игрою сего любимца Мельпомены, сказалъ: «Это не Лекенъ, не безсмертный Лекенъ, которому я столько удивлялся: это нѣчто другое, въ новомъ родѣ, удивляющее меня не менѣе, и едва ли не болѣе!» Вообще Людовикъ XVIII-й, истинный и просвѣщенный знатокъ, нашелъ большую перекладину въ игрѣ амшѣровъ своего и новѣйшаго времени. Онъ уже не видѣлъ ни стѣсненной сцены, ни величавой походки, ни распудренныхъ головъ, ни *богковъ* (*vertugadins*) театральныхъ царицъ — тѣмъ не менѣе онъ былъ доволенъ и даже увлеченъ успѣхами трагической декламациі. Всѣ сіи подробности не выдуманы. Мы были свидѣтелями незабвенной для Франціи эпохи возстановленія законной власти, и анекдоты, нами приводимые, могутъ любопытные отыскать въ журналахъ, современныхъ сему важному событію. Мірѣ, какъ физическій, такъ и нравственный, подверженъ безпрестаннымъ перемѣнамъ. И въ томъ и въ другомъ ош-

пошевіи, одно исчезаетъ, другое рождается. Правда, что создае свѣтъ одно и тоже отъ созданія нашей планеты, и что хорошее, современное началу міра, не потеряетъ своей цѣны до скончанія онаго, но... все согрѣваемое лучами свѣтлаго дневнаго, и все прозябающее благотворнымъ вліяніемъ хорошаго, измѣняется въ видахъ своихъ, и какъ будто съ благоразумною предусмотрительностію старается сообразоваться съ потребностями, или, лучше сказать, съ приходами каждаго времени. Эта непрерывная дѣятельность природы нравственной и физической, есть настоящая жизнь. Эта частая переменѣ потребностей, каждаго вѣка, есть главнѣйшая пружина, приводящая въ движеніе промышленность и изобрѣтательность рода смертныхъ. Мы жалуемся на нововведенія, на скорое забытіе истинно-хорошаго, которое приглядѣлось нашимъ современникамъ, на безпрестанныя требованія чего-либо новаго, на мучительную работу, ежедневно задаваемую удовлетворившимся потребностей; но едва-ли всѣ сіи жалобы основательны. Никто не ропщетъ на неумолимое время за то, что оно ежeminутно дѣлаетъ человека старѣе и старѣе, одно поколѣніе замѣняетъ другимъ; никто не съшуется о томъ, что дѣше сохраненія нѣкоторыя черты родителей, не совершенно похожи на нихъ, а имѣютъ собственныя фizioноміи. И такъ, если сама природа спорадически производитъ новое и новое, востребляя изустарѣвшее, то почему-же намъ хотѣть положить преграды дѣятельности ума человеческого? Зачѣмъ намъ воспрещать ему замѣнять старое новымъ?

болѣе приличнымъ времени и обстоятельству? Старое, не только хорошее, но даже изящное, можно уподобить почтенной бабушкѣ, которая нѣсколько десятиковъ лѣтъ назадъ была предметомъ пламенныхъ желаній молодыхъ мужчинъ, а нынѣ, когда и слѣдовъ не осталось ея прелестей, едва помнишь, что она въ свое время нравилась. Добрая старушка будешь съ удовольствіемъ перерывать архивъ своей долголѣтней жизни, и рассказывать, какъ она, во дни юны, въ блѣдомъ атласномъ роборѣ, разрумяненная и обаянная мушками, ѣхала къ вѣнду, или какъ на свадебномъ балѣ постукивала остренькими каблучками, выдѣлывая *тоулъ па* въ конгр-дансѣ; какъ въ то время умѣло глядя на нее всѣ мужчины, и съ какою завистью смотрѣли на молодую красавицу всѣ наши взрослые дочери. Воспоминаніе пріятное! Но вѣрно дряхлая бабушка не подосадуешь на своихъ прелестныхъ внуковъ, за то, что они заступили ей мѣсто, и, кружась въ рѣзвомъ кошилонѣ, обращаютъ на себя лорнепы влюбчивыхъ мужчинъ, между тѣмъ какъ старушка должна сидѣть въ смиренномъ уголкѣ. Благое Провидѣніе всему опредѣлило свое время, и старое, какъ-бы хорошо ни было, должно уступить новому, которое въ свою очередь уступитъ и сѣтнѣтся другимъ.

Изъ чего-же бьются теперь упорные Классики, работящие поклонники шаррины, заклые враги, какъ называемаго, Романшизма и попытокъ современныхъ писателей угодишь господствующему вкусу своего вѣка? Изъ чего хлопочуть эти ревностные защитники старинныхъ формъ и слога, зауны-

но вопіющіе: *О Сумарога!* меда и сота сладкайша сунъ козлогнѣнъ твои, и се не зримъ нѣ въ благо-
лѣпнои видѣ, пренккусными лицедѣями, на оелтражъ
нашихъ представленныхъ! . . . Эшнѣи господамъ не-
премѣнно хочеться обратишь все новѣйшее похотѣ-
ніе къ обожанію древнихъ, обвѣшталыхъ красотъ,
ковмъ нѣкогда дивились сіи Парнасскіе старовѣри.
Не уподобляются-ли они въ семъ случаѣ тому па-
рикмахеру, которій, по возвращеніи Бурбоновъ въ
наследственное Королевство, прѣѣхалъ въ Парижъ
послѣ двадцати пяти-лѣтней ошлучки, и объявлялъ
въ журналахъ, что онъ, *имярекъ*, пользовавшійся ю
дни оны парикмахерскою славою, паки нѣмѣренъ
убирашь Французскія головы *en fer de cheval*, à l'oi-
seau-royal, aux ailes de pigeon, etc; что онъ будетъ
съ ошланнымъ вкусомъ причесывать Греческіе шупи
трагическихъ актрѣвъ и танцовщицъ Большой
Оперы; что онъ дѣлаеть по заказу круглыя парик-
ки съ шафшиною накладкою для аббатовъ, большіе
Испанскіе парики à huit et douze marteaux, для ма-
гистратовъ, и проч.; что онъ, *имярекъ*, продасть
красивѣйшіе кошельки для косъ, крѣпкія помадиніе
палки, для прочтѣйшаго улаживанія шупеесъ, и
лучшую пудру à la maréchale, не уступающую въ
добротѣ бывшей Фаржоной? И когда всѣ спали
снѣлись надъ предложеніями паричнаго старовѣри,
онъ съ неистовствомъ возопіялъ, что послѣ столь
счастливыхъ перемѣнъ, незаконно, грѣшно и бого-
противно видѣшь Французовъ со снѣриженными во-
лосами; что честь, совѣсть, національная гор-
дость, нравственность, здравый разумокъ, вкусъ,
соблюденіе приличій, ослѣщенныхъ вѣками, не

позволяютъ Парижанамъ показывать настоящій цѣпъ ихъ волосъ, и обязываютъ убѣлять ихъ, отъ чего-де и вся Франція будетъ имѣть одну голову, а резолюція не отъ чего другаго произошла, какъ только отъ несходства головъ. Всѣ сіи убѣжденія моралиста-парикмахера не подѣйствовали на легкомысленныхъ Французовъ, и они доселѣ стригутъ волосы и не пудрятся. Не только моды, но и самыя естественныя потребности человека подвержены такимъ-же измѣненіямъ. Намъ извѣстно, что древніи Грекамъ не чужды были упоенныя наслажденіемъ жизни, что они также приносили усердныя жертвы Комусу. Но желалъ-бы я знать, кто изъ нашихъ современниковъ согласится промѣнять наши рыхлыя кулебяки, вкусныя телячьи печенки à l'Italienne, и молодыхъ цыплятъ braisés et à la Française, на лепешки съ медомъ Гиметскимъ, на кабаньи печенки, на маленькихъ пшичекъ съ сыромъ, облитыхъ уксусомъ и масломъ, и на кузнечиковъ съ оливковымъ масломъ, конии Классическіе Греки услаждали вкусъ свой на воспитанныхъ ими пиррахъ? А весьма вѣроятно, что эти кушанья были изготовлены очень хорошо, если они такъ нравились законодателямъ изящнаго. Жители благословенной Аштики совершали шрапезы свои растянувшись на мягкихъ ложахъ; мы, новѣйшіе жители Европы, обѣдаемъ сидя на стульяхъ; обѣдали Аѳинъ вкушали дары Вакха изъ мetailлическихъ чашъ, украшенныхъ цвѣтами; мы, столичные гасстрономы, пьемъ вина изъ хрустальныхъ бокаловъ и стакановъ. Греки, въ продолженіе веселыхъ своихъ пировъ, услаждали слухъ свой звуками флейты и пѣ-

ніемъ хора , аккомпанируемаго, единошаннымъ шестрахордомъ; при нашихъ большихъ обѣдахъ играетъ оркестръ , составленный изъ скрипокъ , альтовъ , басовъ , кларнетовъ , гобоевъ , фаготовъ , валторнъ , тромбоновъ , трубъ и литавръ , производящихъ такой шумъ , что уши говорливыхъ Ассиянъ вѣрно не выдержали-бы онаго. Но этии сравненіямъ различныхъ вкусовъ и наслажденій двухъ ошдаленныхъ янохъ не было-бы конца. Довольно сказать , что каждое поколѣніе пользуется благами жизни по своему.

Пища умственная развѣ не подвержена такимъ-же необходимымъ и неизбѣжнымъ измѣненіямъ ? Не вдаваясь въ глубокомысленныя изысканія успѣховъ наукъ у древнихъ , уважемъ на близкое къ нашему вѣку предпріятіе Энциклопедіи. Не болѣе семидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ , когда Дидеро и Даламбертъ , отважнымъ своимъ подвигомъ обратили на себя вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей того времени. Всѣ думали , что многотомная Энциклопедія останется на грядущіе лѣта сокровищницею познаній человѣческихъ , и самымъ зрѣлымъ плодомъ усилій разума. Теперь спрашиваемъ : кто заглядываетъ въ это многотомное изданіе , съ другимъ намѣреніемъ , кромѣ удовольствіи своему любопытству : знать , какъ было прежде ? Всѣ отрасли наукъ , съ такою подробностью описанныя въ Энциклопедіи , приняли нынѣ совсѣмъ другой образъ и другое направленіе. Самые свѣдѣнія о Математическихкихъ наукахъ , менѣе другихъ подверженныхъ перемѣнамъ , сдѣлались недостаточными. И такъ , если-бы что-нибудь изъ праяерженцовъ Эн-

диалогіи задумаъ воніать прошивъ новыхъ от-
крытій по ошрасламъ познаній человѣческихъ, и си-
ялся-бы обративъ всѣ образованные народы къ
правиламъ, конми руководствовались ученые люди
первой половины прошекшаго столѣтія, шо не бу-
дешъ-ли такой проповѣдникъ обвѣщалаго мудр-
ствованія, предметомъ насмѣшекъ, даже для уче-
никовъ? Не то-ли самое дѣлають нынѣ Литте-
ратурные старомѣры? — Козлинымъ голосомъ кри-
яють они: *Слѣпоствующіе! безумствующіе! оцы
заблудшія! Обратитесь на путь истинны! Принди-
те пакн подъ сѣнь піитикъ: Аристотелевой, Гора-
ціевой, Видасовой и Буазовой! Чтите достохваль-
ныя трн. единства. Пишите достославными шести-
стопными, амбами, или-же усаждадся слухъ нашъ,
in dicitur istis. Благоговѣйте предъ правилами, ра-
чительно установленными, съ помощію конхъ мы,
драхмы и номощныя жрецы Классицизма, нѣкогда
управляли міромъ литературнымъ. А нынѣ!...
увы! нарушены всѣ законы Словесности, и буйные
рыцари нововведеній торжествуютъ надъ поборни-
ками древнихъ вѣорій! — Что отвѣчать снмъ госпо-
жамъ? Само собою разумѣется, что бодрые и мощ-
ные рыцари нововведеній должны побѣднть драх-
мыъ и безсильныхъ поклонниковъ старины! Таковъ
законъ природы физической и нравственней, и ис-
полненіе его мы видимъ (*)!...*

(*) У насъ на святой Руси, ревностнѣе всѣхъ сто-
итъ за старину Г-нъ Каченовскій. Нечего скнзать!
Рапуешъ елико можетъ! Но не смотря на всѣ его

У подношья Французскаго Парнасса была шамошня, такъ снраго воспрещавшая ввозъ Романшизма, что самыя шамошни временъ континентальной системы были едва-ли не снискодительнѣе. Но подобно тому, какъ въ царствованіе Наполеона, колоніальныя произведенія прокрадывались при всей бдительности Герцога Ошраншскаго, духъ Романшизма протѣлъ на Французскій Парнассъ, не взирая на грозное ополченіе всѣхъ Членовъ Академіи. Современныя Парижскіе журналы безпрестанно толкуютъ объ успѣхахъ богатыря-Романшизма. Дѣлать нечего! Упорныя Классики начинаютъ соглашаться, видя, что всѣ ихъ новыя творенія не наслаждаются долголѣтіемъ и безусловно отправляются *ad patres*. А мы, пропѣвши *Requiem* Классической Литтературы, будемъ дозволять пользоваться новѣйшею, каковы-бы ни были ея формы, лишь-бы только была она хороша!

Но кто-бы подумалъ, что эшотъ Романшизмъ, овладѣвши поэмами и трагедіями, распространялъ свое вліяніе и на... на что, почтенные читате-

еетизескія убѣжденія, на его *снелуцистическіе* порывы, на елны и ужнцы, конны шнщпса отъ олоемизировать свой влалый Журналъ, никто не чнпаетъ. Вѣспннка Еаропы, и всѣ раскупаюшъ шерзаемыя онымъ сочиненія Пушкина. Внлюсь предъ чнпашедьми въ упошребленіи вараарскнхъ и неблагозвучныхъ выраженій: онны заимствованы изъ Вѣспннка Еаропы, въ который мы, за грѣхъ мой, довелось заглянуть. Внредъ сего не будетъ! Отпрекаюсь отъ Вѣспннка Еаропы, отъ всѣхъ дѣлъ его и отъ кулачныхъ бойцовъ, въ ономъ подвнзающихся!

ли? угадываете! На невинный, веселый водевиль, на этого младенца Драмаштической Словесности, который поигрывал доселѣ на свирѣхъ, и простыми напѣвами пѣшилъ невыскашелей любитель за-
 бавъ!... Нынѣ, уже не говоря о несоблюденіи
 трехъ единствъ, по самому содержанію своему во-
 девильныя пьесы прикомандировались къ Романши-
 ческой школѣ. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ, игра-
 ной на здѣшнемъ Театрѣ 5-го Іюля сего года, ужь
 чего-то нѣтъ! И нападеніе мошенниковъ, и избав-
 леніе опѣ оныхъ незнакомой красавицы, и насиль-
 ственное сватовство, прерванное появленіемъ бил-
 лярнаго маркера, и драка въ шракирѣ, и беско-
 рышный поступокъ, и дуэль, и два года упошре-
 бленныя на преобразование себя, и печальная встрѣ-
 ча на балѣ, и разрушенный планъ похищенія, и ро-
 мантическая женихъба: чего хочешь, того про-
 сись! Господа спесивые Французскіе Классики!
 Вы, которые трагедіи безсмертнаго Шиллера на-
 зываете романами съ разговорами (*romans dialogués*),
 что скажете вы о семъ новомъ произведеніи наше-
 го соотечественника? Это уже цѣлый романъ съ
четырьмя частями, пропѣтый водевильными купле-
 ными! Послѣ этого не удивительно, что Маркизь
 Маскарналь хотѣлъ всю Римскую Исторію перело-
 жить въ мадригалы!... Но оставя шушки, ска-
 жемъ чистосердечно, что комедія-водевиль: *Вос-
 татинихъ любви*, очень хороша, и была принята
 публикою съ большимъ одобреніемъ. Всего болѣе
 понравилась первая часть, названная: *Кофейный
 домъ*. Это самое вѣрное и живое изображеніе шра-
 кирной жизни молодого, беззаботнаго повѣсь!

Пьеса была разыграна довольно хорошо. Роль Жана Дюрана, который, любви ради, изъ буяновъ сдѣлался степеннымъ и образованнымъ человекомъ, игралъ Г-нъ *Сабуровъ*. Мы не слишкомъ благодарны были ему за преобразование! Сколько былъ онъ милъ въ костюмѣ бильярднаго героя, съ длинными волосами, съ густыми бакенбардами, съ тяжелою палкою въ рукѣ, которая въ случаѣ нужды служила ему вмѣсто оружія, шолько, напримѣръ, онъ былъ вялъ и скученъ, въ модномъ фракѣ, на балѣ и на дачѣ. Но въ этомъ виноваты не актёръ, а сочинитель, который по видимому въ первыхъ двухъ частяхъ занимался своимъ героемъ сопомаго, а въ остальныхъ абрисовалъ его кое-какъ. — Г-жа *Сабурова* занимала роль знатной молодой вдовы, избавленной отъ нападенія мошенниковъ добрымъ и отважнымъ повѣсою, Жаномъ Дюраномъ. Эта прекрасная актриса, по обыкновенію своему, играла очень хорошо. Жаль шолько, что ея дородность препятствуетъ ей съ надлежащимъ усиліемъ занимать роли любовницъ. — Роль Риголара, шанцевальнаго учителя и крестнаго отца героя Романтическаго Водевеля, была не удовлетворительно исполнена Г-мъ Живокини. Каждый изъ зрителей могъ замѣтить, что крестный папа моложе своего крестника. Наши Г-да Артисты очень ошибаются, полагая, что нѣсколько черточекъ, проведенныхъ на лицѣ жженою пробкою, и камергерскій распудренный парикъ (какого ни одинъ Парижскій шанмейстеръ не носитъ) достаточны для превращенія молодаго актёра въ представляемаго имъ старика. Не шутъ-шо было! Твердый голосъ, два ря-

да бѣлыхъ зубовъ и молодецкіе приемы, безпрестанно выказываютъ расположенія дѣла модѣльнаго старца. Хорошіе актёры заботятся о наружности! Вотъ все, что можемъ мы замѣнить *плохими* актёрамъ, самымъ рано убаюканнымъ похвалами зрителей!... Прочія роли выполнены хорошо, а кто ихъ занималъ — могутъ любопытные чинашомъ узнать изъ афиши.

Балетъ: *Рауль синяя борода*, такъ извѣстенъ, что упоминать о содержаніи онаго почишаемъ за излишнее.—Дивертисманъ былъ — дивертисманъ; все обстояло благополучно и новаго ничего не было.

В. У.

Г-ну РАИЧУ - АМФИТЕАТРОВУ.

М. Г.!

Не понимаю, почему угодно вамъ дѣлать меня лжецомъ въ вашемъ Журналѣ. Мнѣ кажется, вамъ должно быть очень памятно, какъ я прислалъ къ вамъ письмо, въ которомъ объявилъ, что стихи: *Видѣніе Вазазара*, доставлены лично самимъ Авторомъ мнѣ, для передачи въ Телеграфъ. Еще разъ повторяю вамъ, что вы не могли получить сихъ стиховъ прямо отъ Автора, слѣдственно не могли уличить Г-на Издателя Телеграфа въ перепечаткѣ стиховъ. Предугадываю уловку: въ Галазеѣ можешь явиться письмомъ, будто-бы отъ Автора стиховъ, какъ доказательство вашей правоты.

Все подобное, какъ вы сами говорили мнѣ, позво-
лительно дѣлать нашей-братии журналистамъ (*):
повторяю *ваши собственные слова*. Я никогда не
просилъ васъ не помѣщать письма моего, разъ на-
писавъ его для помѣщенія въ Галашеѣ; но вы мнѣ,
своими спросами, посылками, и увѣреніями въ
шомъ, какъ дурно связывались съ журналистами
молодому Линшератору, такъ надѣли, что я, не
вида письма моего помѣщеннымъ въ 10-мъ, 11-мъ и
12-мъ NN° Галашен, радъ былъ шому, что вы оста-
вили меня въ покоѣ, и согласился, что время ушло,
и что письмо бесполезно.

Вошъ какъ было дѣло, М. Г. — Теперь можете
вооружиться на меня всею непристойностью вашей
полемики: *печально* оповѣчать вамъ не спаву.

Александръ Ротчевъ.

(*) Смѣло увѣряю, что къ этому братству я не
имѣю несчастія принадлежать. *Изд. Телеграфа.*

П А Р И Ж С К И Я М О Д Ы (*).

Dans quelques magasins, on coud bord à bord des rubans de gaze à raies satinées, pour en former une espèce d'étoffe jaune et bleue, rose et verte, etc. Cette étoffe est convertie en chapeaux, à l'aide de petites baleines: la garniture consiste en fleurs des champs composées de plumes et en boucles de ruban.

En place d'une grosse fleur ou d'une plume étroite, d'un saule, on met quelquefois sur les chapeaux de paille d'Italie une plume très-large.

Des capotes de crêpe lisse bleu très-clair, dit bleu *anglais*, ou vert très-pâle, dit vert *des Indes*, à forme ou calote beaucoup plus basse d'un côté que de l'autre, sont plissées à gros tuyaux. De nombreuses boucles de ruban entourent la forme et retombent sur la passe.

Le prix des chapeaux de carton imitant un tison de paille, a considérablement baissé, lors même que ces chapeaux sont de la fabrique de Bristol, ou comme l'on dit dans les magasins, des *bristols-anglais*.

Les capotes de paille à passe longue et horizontale ressemblent tout-à-fait aux anciennes *glaneuses*; mais on leur a donné un nouveau nom: capotes en *plaisir* (en façon de gauffre, dite *plaisir*).

Dans les robes de mousseline à larges raies, l'une est souvent d'une nuance tendre, l'autre d'une couleur dure;

(*) До 1 июля (н. с.) 1829 г.

vert-thé, par exemple, et chamois; vert-thé et cerise; vert-thé et arbre de Judée.

Nous avons entendu parler d'une façon de robe que les dames anglaises appellent *Dona Maria*. Le corsage est à la vierge; et les manches sont serrées de distance en distance par des nœuds de ruban. La gaze de laine que l'on emploie pour robes à la *Dona Maria* réunit les couleurs du Brésil et du Portugal.

—

Les bracelets les plus nouveaux sont en écaille plus ou moins brune, noire ou blonde; le corps ou tour du bracelet est orné de *sujets* en or, estampés et appliqués en relief; pour plaques, au milieu des bracelets, ce sont, ou des têtes antiques (camées), ou des peintures au coloris sur porcelaine (dites sur émail), ou bien des portraits sur ivoire ou encore des oiseaux formés de plumes à reflets métalliques. Ces bracelets s'ouvrent et se ferment à la manière des carcans.

A la campagne, pour déjeuner, on étend sur la table une espèce de tapis en tissu de paille très-fin, que l'on appelle *nappe russe*.

Un usage que les médecins, dit-on, ne blâment point, est celui de prendre des glaces une heure ou deux avant le dîner.

—

Des habits d'un nouveau genre, qu'on appelle *américains*, ont un collet très-large, des revers étroits, des basques larges et longues et un seul rang de boutons; nous en avons vu plusieurs en drap noir, avec collet pareil et boutons de drap.

Головные уборы. Въ нѣкоторыхъ модныхъ магазинахъ явились шляпки изъ лентъ : шьются въѣстъ газовыи, съ атласистыми полосками ленты, отъ чего составляется родъ полосатой матеріи, желтой съ голубымъ, розовой съ зеленымъ, и проч. Изъ такой матеріи дѣлаютъ шляпки, устроявая ихъ на пружинкахъ изъ китовыхъ усомъ ; уборку составляютъ полевые цвѣты, изъ перьевъ, съ ленточными бантиками. — Въѣсто огромнаго цвѣтка, узкаго пера, изы, убираютъ иногда желтыя соломенные шляпки широкимъ перомъ. — У шляпокъ-капотовъ, изъ лощеного крепа, голубаго, весьма свѣтлаго цвѣта, называемаго : *bleu anglais*, или зеленаго, весьма блѣднаго, называемаго : *vert des Indes*, перъ тульи дѣлается наискось, съ одной стороны ниже, а съ другой выше, и съ большими складками. Множество ленточныхъ бантовъ окружаетъ тулью, концы ихъ падаютъ на полъ. — Картонныя шляпки, дѣлаемыя на манеръ соломенныхъ, весьма подешевы ; даже Бристольскія шляпки, извѣстныя въ магазинахъ подъ именемъ : *bristols-anglais* — не дороги. — Соломенные шляпки-капоты, съ огромными и прямыми полями, совершенно похожи на тѣ шляпки, которыя въ старину называли : *glaneuses*; поля имъ дали пенець новос : *carottes en plaisir*, по причинѣ гофрировки ихъ, называемой : *plaisir*.

Модныя платья. На полосатыхъ кисейхъ, употребляемыхъ для платьевъ, часто одна полоса бѣлѣе нѣжнаго, другая гущеаго цвѣта, напримеръ : зеленаго-чайнаго и серны; зеленаго-чайнаго и вишневаго ; зеленаго-чайнаго и Іудина де-

рева. — Англичанки ввели въ моду платья, называемыя: *Донна Марія*, по имени Португальской Королевы, находящейся нынѣ въ Лондонѣ. Корсажъ у такого платья дѣлается *à la vierge*, и рукава нѣсколько разъ перекидываются завязками изъ лентъ. Шерстяная тонкая матерія, употребляемая на сіи платья, соединяетъ въ себѣ цвѣта Бразильскаго и Португальскаго государства.

Модныя нѣлочи. Браселеты по новой модѣ дѣлаются чешуйчатыя, съ золотыми украшеніями; они застегиваются камсень, эмалеею картинкою, портретомъ на слоновой' кости, или изображеніемъ птички, замыкаясь и отмыкаясь на манеръ кармана. Въ деревнѣ, къ заштраку, столы покрываютъ рогожкою, сдѣланною изъ тонкой соломы; такой соломенный коверъ называютъ *Русскою скатертью*. Не думаютъ-ли въ Парижѣ, что мы заштракаемъ на рогожкахъ? — Вошло въ моду ѣсть мороженое за часъ и за два до обѣда. Говорятъ, что лекаря не осуждаютъ этой моды.

Моды мужскія. Явился новаго фасона фракъ, называемые *Американскими*. У нихъ бываетъ широкій воротничекъ, узкіе лацканы, широкія длинныя фалшны и одинъ рядъ пуговицъ. Много Американскихъ фраковъ шьютъ изъ чернаго сукна, съ суконнымъ воротничкомъ и суконными пуговицами.

На предложенной картинкѣ:

Дама. Шляпка соломенная, съ газомъ. Кисейное платье. Гроденаплевый галстухъ (*cravate*), вышитый и обрѣзанный по краямъ зубчиками.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

к ъ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 13. *Іюль* 1829.

ЗАМѢЧАНІЯ

О Бель-Рокскомъ маякѣ въ Шотландіи.

Въ Англіи, гдѣ на каждый дюймъ земли усpreмляется вниманіе жителей, гдѣ нѣтъ ни одного уголка, изъ котораго не хотѣли-бы извлечь всей возможной пользы, попеченіе о приморскихъ мѣстахъ давно составляетъ предметъ особенныхъ стараній Правительства и частныхъ людей. Если устройство дорогъ и каналовъ показываетъ степень гражданской образованности государства, то, попеченіе объ устройствѣ береговъ въ Англіи, ясно показываетъ намъ сильную, просвѣщенную державу, совершенно знающую, что сила ея многимъ обязана владычеству надъ моремъ. Не посѣщавъ никогда Англіи, читайте *Путешествіе въ Великобританію* Дюпена, идите при его руководствѣ по берегамъ Англіи и Шотландіи, и вы убѣдитесь, что

геній Британскихъ острововъ истощилъ всѣ усилія своею дѣятельностію, усмиривъ, укрѣпивъ, безопася, украшая берега Британскіе. Къ числу важныхъ для мореплаванія предметовъ безспорно принадлежатъ маяки. Не будемъ говорить о потерѣ капиталовъ, разстройствѣ общественнаго порядка, производимаго гибелью мореплавателей по неимѣнію маяковъ: будемъ людьми, прежде нежели станемъ разсуждать, какъ политическіе экономы. Опасности и труды, коимъ подвержены мореходцы, столь велики, столь многочисленны, что одною изъ самыхъ полезнѣйшихъ цѣлей, какія могутъ себѣ предполагать знанія и науки, должна быть забота, хотя нѣсколько уменьшитъ труды и опасности мореплавателей; между опасностями-же нѣтъ ни болѣе неожиданной, ни болѣе неизбѣжной, какъ гибель, причиняемая мѣлями и подводными камнями, окружающими приморскіе берега. Сколько часто, посѣтивъ отдаленнѣйшія страны, несчастный плаватель гибнетъ у самыхъ береговъ родины! Избѣгнувъ пучины далекихъ океановъ, свирѣпости бурь и убійственнаго чуждаго климата, онъ видитъ уже берега отчизны, сердце его бьется при надеждѣ скоро обнять родныхъ и милыхъ сердцу, и — смерть принимаетъ его въ свои холодныя объятія, потому что, что спасительный свѣтъ маяка не предостерегъ его на пути къ подводному камню и опасному берегу.

Зная и чувствуя все это, Англичане повсюду воздвигли маяки на шхъ мѣстахъ, куда шоргоны и дѣятельность общественныхъ сношеній прилекаешь мореплавателей: повсюду мореплавецъ извѣщенъ объ опасности. Но нѣкоторые изъ Англіійскихъ маяковъ, будучи на важныхъ и опасныхъ мѣстахъ, представляютъ собою прешуественно чудеса смѣлости, ума и общественной роскоши. Въспомъ извѣстнѣйшій знаменитый Эдиспонскій маякъ, построенный въ 1756—1759 гг. въ морѣ, на скалѣ, въ трехъ Англ. миляхъ отъ Плимута. Не менѣе замѣчательнъ, по похвѣ, съ какимъ усердіемъ, по трудностямъ, какія надобно было преодолѣть при построеніи, по важности мѣста, имъ занимаемаго, маякъ *Белль-Рокскій*, когото изображеніе мы представляемъ читателямъ при сей книжкѣ Телеграфа.

Слѣдуя по восточному берегу Великобританскаго острова, отъ Темзы къ Сѣверу, мы встрѣчаемъ множество знаменитыхъ гаваней и мѣстъ, каковы: Гарвичъ, Ярмутъ, Скарборугъ, Шилдъ, Бервикъ; но изъ всѣхъ ихъ заливъ Уаспскій и заливъ Гумберскій, въ Англіи, представляютъ огромнѣйшіе разливы водъ. Таковы-же находящіеся далѣе къ Сѣверу, въ Шотландіи, два огромные залива, образуемые Фейоскимъ полуостровомъ, по правую сторону коего впадаетъ въ море рѣка Фортъ, по лѣвую рѣка Тай. Сія два

залива, касаясь важнѣйшей части Шотландіи, родины Бакона, Адама Смита, В. Скотта, суть главные пункты торговли и общественной дѣятельности Шотландцевъ: тутъ находятся города Дунбаръ, Эдинбургъ (имѣющій болѣе 140,000 жителей), Киркальди, Дейзартъ, Букгавенъ, Сентъ-Андрю, Пертъ, Дундей, Аберброуикъ, и множество другихъ. Такое мѣсто сполна заболѣло, кошоры могли-бы обезопасить плаваніе и торговлю. «Заливы Форпскій и Тайскій,» горюхъ Дюпенъ, «освѣщены маяками, по системѣ удивительно хорошо разсчисленной.» Близъ Эдинбургскаго порта, или города Лейта, на островѣ Инчкелпъ построены маякъ; другой находится на островѣ Меъ; на скалѣ Каррской, между обими заливами, учреждены въшповые знаки (beacon); на сѣверѣ, въ концѣ Тайскаго залива еще маякъ. Но въ 20 километрахъ отъ берега Фейтскаго полуострова, въ морѣ, лежитъ скала, Белль-Рокская. Она вся покрывается водою, и видна только отчасти при ошавѣ; положеніе оной таково, что все идущіе изъ Англіи, съ Сѣвера Шотландіи, изъ Норвегіи, Бальійскаго моря, Даніи, Голландіи корабли встрѣчаютъ опасность величайшую. Еще въ XIV вѣкѣ, какъ увѣряютъ, повѣшенъ былъ на сей скалѣ колоколь, предувѣдомлявшій плавателей, и отъ того, какъ говорятъ, произошло самое имя скалы (Bell-Rock, колокольная скала). Въ

послѣдовавшее время, всегда чувствовали важность устройства маяка на семъ мѣстѣ. Особенно послѣ ужасной бури 1790 года, когда корабли, вырванные изъ Англійскихъ восточныхъ гаваней, погибли на Белль-Рокѣ, Правительство опредѣлило непременно построить путь маякъ. Описание построенія онаго есть описаніе торжества человѣка надъ стихіями. Всѣ новыя усовершенствованія механики, инженернаго искусства и архитектуры, показаны были въ полномъ блескѣ на Белль-Рокской скалѣ. В. Скошпъ, посѣдивъ Белль-Рокскій маякъ, осмотрѣвъ его устройство, механизмъ освѣщенія, прочность и красоту, съ восторгомъ импровизировалъ слѣдующіе стихи, вписанные имъ самимъ въ книгу, находящуюся на маякѣ, для записки именъ посѣщителей:

Far in the bosom of the deep
O'er the wild shelves my watch I Keep.
A ruddy gem of changeful light,
Bound on the dusky brow of night,
The seaman bids, my lustre hails,
And scorns to strike his timorous sails.

Белль-Рокская скала находится. подѣ $56^{\circ} 29'$ Сѣв. широты и $2^{\circ} 22' 3.$ д. отъ Гринвича. Ширина ея во время отлива представляетъ пространство въ 70 метровъ, длина въ 130 метровъ; но подводная часть динны простирается гораздо далѣе. Поверхность скалы весьма неровна;

самую скалу составляли пещаникъ, подобный составу каменейъ на противоположащихъ берегахъ Шотландіи. Можеть быть, въ незапамятные времена, скала Белль-Рокская составляла островокъ, находившійся поверхъ воды; нынѣ она голый камень; на ней видимъ только наносныя морскія растенія; здѣсь мѣсто отдыха птицъ, во время ошлива.

Въ сооруженіи Эддисонскаго маяка, главнѣйшее затрудненіе состояло въ малоснѣи мѣста для постройки. На Белль-Рокѣ этого неудобства не было, но представлялись другія, не меньшія. Работать можно было только во время ошлива, днемъ, и ночью, при свѣтѣ факеловъ. Тутъ надлежало размѣривать и строить, спасаясь послѣ крашкѣ работъ отъ свирѣпости прилива, который, какъ мы уже сказали, совершенно покрываетъ волнами Белль-Рокъ.

Составленіе проекта поручено было Г-ну Спенсену, извѣстному инженеру, и онъ оправдалъ надежду на его опытность и ошвагу. Въ 1800-мъ году Спенсенъ осмопрѣлъ Белль-Рокъ подробно, и представилъ планъ и смѣту. Диаметръ перваго ряда камней предположилъ онъ въ 42,840 мепровъ, высоту строенія 30,300 мепровъ, объемъ 809,470 мепровъ; смѣта расходовъ была 60,000 ф. с.

Сборъ суммы задержалъ исполненіе. Въ 1806 г. билль о постройкѣ утверждёнъ Парламентомъ; въ 1807 году начались работы; Феврали 14-го

1844 года засталъ въ первый разъ огонь на маякѣ; все было окончено съ небольшимъ въ три года, и стоило 61,334 ф. с.

Работники, какъ мы уже сказали, могли работать только тогда, когда море не покрывало Белль-Рока, но переездъ на берегъ оппыхалъ-бы и затруднялъ работниковъ. Посему прежде всего утвердили на Белль-Рокѣ brandy-вахту, гдѣ на время зажженъ былъ и вѣсевой огонь. Разныя суда укрѣплялись къ brandy-вахтѣ и посредствомъ ихъ производилось сообщеніе съ берегомъ. Гранишъ, копорышъ обложенъ маякъ, и пещаникъ, изъ коего складена внутренность маяка, обдѣлывались въ приморскомъ городкѣ Арбрашъ. Августа 7-го 1807 г. самъ Стивенсонъ переехалъ на Белль-Рокъ; немедленно очистили мѣсто отъ морскихъ распушій, разсмотрѣли основаніе, и прежде всего начали строить временное килье для рабочихъ и разныхъ занятій. Изображеніе сего убѣжища, построеннаго на скалѣ, ежедневно покрываемой моремъ, находившя у Дюпена. Для постройки зданія укрѣпили въ скалу шесть переводинъ, каждая 15-ти испровъ въ длину, желѣзными скобами (вѣсомъ каждая въ 63,560 киллогр.), вбитыми на 5-ть центиметровъ въ камень. Сія переводины, сведенныя угломъ къ верху, и скланныя желѣзомъ, были фундаментомъ убѣжища. На этомъ основаніи, выше волнъ, построенъ былъ домъ, въ копоромъ находились

машинскія и жилы. По желѣзнымъ дорожкамъ вскапывали на Белль Рокъ камни, пригошовленные на берегу, попомъ машинными подымали и везли ихъ по мосту на самый маякъ.

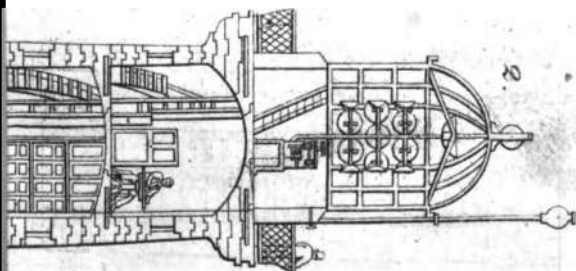
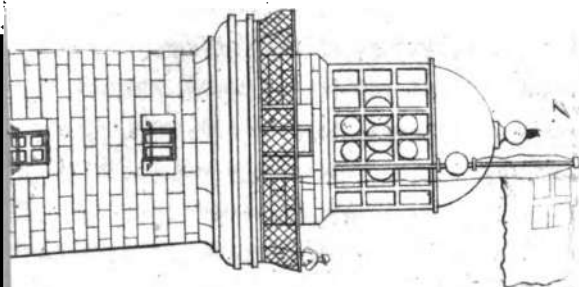
Нѣсколько разъ бури и волны угрожали спроектированнымъ совершенною гибелью. Однажды брандываху снесло порывомъ вѣтра, и работники оставались на скалѣ въ совершенномъ отчаяніи жизни. Къ счастью успѣли съ берега подать имъ помощь. Въ другой разъ волны такъ быстро хлынули на маякъ, едва возвысившійся надъ поверхностью прилива, что работники не успѣли убѣжать на суда и въ свое убѣжище, и нѣсколько часовъ были въ опасномъ на неконченномъ и несовершенномъ зданіи своемъ.

Полное описаніе вѣхъ трудовъ, подѣланныхъ при постройкѣ маяка Белль-Рокскаго, было помѣщено въ Глазговскомъ *Mechanic's Magazine* (1826 г.). Но читатели, желающіе имѣть надлежащее понятіе объ искусствѣ строителей, должны прочесть описаніе Белль-Рокскаго маяка въ Дюпеновомъ: *Voyages dans la Grande Bretagne* (дешевое, но, не смотря на то, превосходное изданіе сей книги сдѣлано въ 1827 г. въ Брисселѣ, съ апласомъ. *Первое и второе*, Парижскія, напечатанныя великолѣпно, весьма дороги). Дюпенъ посвящалъ сему знаменитому произведенію искусства особую главу (п. VI, стр. 174 - 189), и въ подробныхъ рисункахъ показавъ всѣ подроб-

ности постройки, механизмъ освѣщенія и устройство, на какомъ основано содержаніе Бель-Рокскаго мала. Мы прилагаемъ здѣсь только изображеніе наружнаго вида мала и изображеніе разрѣза его, во всю вышину. Сей рисунокъ можетъ дать только нѣкоторое объ ономъ понятіе.

Желательно, чтобы Русская публика болѣе ознакомилась съ упомянутымъ нами Дюпеновымъ Путешествіемъ въ Англію, особенно, чтобы наши журналы, преимущественно посвящаемые военному, морскому искусству, торговлѣ и мануфактурамъ, представляли намъ поболѣе выписокъ и рисунковъ изъ онаго. Ожидать, чтобы швореніе Дюпена было вполне представлено Русской публикѣ, значило-бы ожидать несбыточнаго, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени. Что-жъ можетъ знакомить теперь Русскихъ читателей съ предпріимчивостью, дѣятельностью, обиліемъ способовъ Англіи, въ отношеніи военномъ и торговомъ, со всѣмъ тѣмъ, чему Дюпенъ сдѣлалъ столь вѣрное описаніе, если не повременныя наши изданія? Не всѣ Русскіе читатели имѣютъ средства читать и имѣть Французскій подлинникъ.

Wm. W. Wood. Nov. 1891

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРИЯ РИМСКАГО ПРАВА

ВЪ СРЕДНІЯ ВРЕМЕНА.

(Окончаніе).

Продолжимъ наши замѣчанія. Есть множество доказательствъ, что Римское Право не испреблалось. У Визы-Готтеовъ Breviarium, Римскій сборникъ, не оставляетъ въ сомнѣніи ни малаго сомнѣнія; у Бургундцевъ, народный законъ былъ основанъ на дѣйствительности Римскаго Права, и впоследствии Бургундцы сами допустили составленіе книги Римскаго Права; у Франковъ, существованіе Римскаго закона доказываеиця учрежденіемъ, обнародованнымъ въ 560 году Клоширемъ. Черезъ сию лѣтъ послѣ сего (въ 660-мъ) основаніе законовъ личиыхъ ясно вписано въ формулахъ Маркульфа. Наконецъ, Капитуляріи Карла Великаго и Людовика Простодушнаго признають Римское Право. Въ Ломбардіи Луйтирандъ не зналъ иныхъ законовъ, кромѣ Лонгобардскаго и

Римскаго (*); но съ господствомъ Карловинговъ, въ Италію перешла система законовъ личныхъ и разнообразныхъ ея отношенія.

(*) *Lex romana*, *lex salica*: въ какомъ именно смыслѣ должно понимать здѣсь слово: *lex*? *Lex salica* не значитъ, какъ многіе думаютъ, книгу, дошедшую до насъ, но означаетъ общность существующаго Права народнаго. Мы имѣемъ изъ онаго только небольшое извлеченіе, жалкій остатокъ сего, столь любопытнаго, Права. Слѣдственно *lex* означаетъ не потъ или другой законъ, но самое Право. Такъ, по аналогіи, *lex romana* значитъ Римское Право и всегда соотвѣтствуетъ въ понятіи пишущаго сіи слова частному собранію Римскихъ законовъ, какое онъ зналъ. При семъ случаѣ весьма важно пояснить мнѣніе, опирающееся на уважительный авторитетъ Дюканжа, Бренкмана и Рипшера, которые доказываютъ, что *lex romana* означаетъ исключительно *breviarium*. Конечно сіе собраніе читали именемъ: *breviarium*, но не исключительно передъ всѣми другими; это доказываетъ *Папіанъ*, котораго Автору былъ неизвѣстенъ *Breviarium*, и въ которомъ *lex romana* всегда означаетъ не иное что, какъ вообще Римское Право. Прибавьте еще, что переписчики *Папіана* назвали сей кодексъ *lex romana*. Одна изъ капитулярій Карла Плѣшиваго, отъ 865 года, ссылается на распоряженіи Римскаго Права, *lex romana*, находящіяся въ *новеллахъ*, а не въ *breviarium*. Наконецъ, въ заключеніи сихъ избранныхъ доказательствъ, скажемъ, что въ одномъ рѣшеніи Труасскаго Синода, отъ 878 года право Юстиніаново названо *leges romane*.

Какъ примѣняли къ дѣлу Право личное, утвержденное повсюду (*) ? Было поспѣваемо правиломъ, чтобы всякій жилъ на основаніи права своего народа, онъ котораго онъ происходилъ по отцу. Изъ сего правила исключались женщины, подвергавшіяся законамъ своихъ мужей, духовные, и кѣмъ съ самою Церковію пользовавшіеся Римскимъ Правомъ, и наконецъ, у нѣкоторыхъ народовъ, вольноотпущенные. Въ Италіи, гдѣ, какъ мы видимъ, существовало величайшее разнообразіе въ правахъ лицъ, введено было въ обычай означать въ юридическихъ актахъ право принадлежащихъ и свидѣтелей. Впрочемъ мы находимъ сіи означенія (*professiones*) только въ Ломбардіи, но не знаемъ, какъ поступали при столкновеніи выгодъ между принадлежащими разныхъ народовъ. Однакожъ, по дошедшимъ до насъ документамъ, можемъ утвердительно сказать, что приговорокъ преступленій составлялись по закону виновной стороны, что въ гражданскихъ дѣлахъ судъ бывалъ произносимъ по закону защищавшагося, и что въ юридическихъ актахъ, касательно при-

(*) Въ семъ случаѣ, Лупи, Итальянскій Авторъ, былъ писатель истинно классическій. Онъ побѣдомословно опровергъ заблужденія своихъ предшественниковъ, Г. Савиньи признается, что онъ почти исключительно пользовался его трудами, кой-гдѣ измѣнивъ.

саянъ, договоровъ и завѣщаній, слѣдовали закону дѣлающаго актъ. Но Бургундцы писали завѣщанія и по Бургундскому и по Римскому закону.

Система законовъ личныхъ мало по малу пришла въ упадокъ и такимъ образомъ въ Италіи Германскіе законы уступили мѣсто Римскому Праву и снатушамъ городовъ; но измѣненіе сіе произошло тамъ не скоро. Напронивъ у Франковъ, Право личное, и слѣдственно Право Римское, весьма рано потеряло свою власть во многихъ мѣстахъ ихъ спраны. Отъ чего произошло сіе столь быстрое измѣненіе? Извѣстно, что во время составленія гражданскаго уложенія, Сѣверная Франція руководствовалась правомъ основаннымъ на обычай, а Южная правомъ писаннымъ. Происхожденіе сего различія весьма отдаленно. Въ одной декрешалъ 4220 года, говорится о семъ измѣненіи, какъ о дѣлѣ, съ давняго времени совершившемся: «*In Francia et nonnullis provinciis laici romanorum imperatorum legibus non utuntur.*» Такое-же свидѣтельство находимъ въ упомянутомъ эдиктѣ Карла Пятивого, 864 года, и мѣсто сіе особенно любопытно, какъ явное доказательство, что Римское Право никогда не было опмѣнено положительными законами: «*Super illam legem (romanam) vel contra ipsam legem nec antecessores nostri quodcunque capitulum statuerunt nec nos aliquid constituimus.*» Но, въ томъ

время равносильна законодательству ясно означена?
 « In illa terra in qua judicia secundum legem
 romanam terminantur, secundum ipsam legem
 judicatur. Et in illa terra in qua judicia se-
 cundum legem romanam non judicantur, etc. »

« Отъ чего, спрашиваетъ Монтескьё (*), Пра-
 « во Римское испребилося у Франковъ? Отъ по-
 « го, что чрезвычайно выгодно было оставаться
 « Франкомъ, варваромъ, по есть жить подъ
 « управленіемъ Салійскаго закона. Всѣ старались
 « оставить Римское Право и были подъ вѣдѣні-
 « емъ закона Салійскаго. » Это изъясненіе не-
 « удовлетворительно, по мнѣнію Г-на Савиньи:
 во первыхъ, оно заставляетъ думать, что въ
 то время люди могли самовольно избирать для
 себя Право, а это несправедливо и противорѣ-
 чиво достовернымъ, яснымъ извѣстіямъ; сверхъ
 того, какъ расположаны себѣ, что въ южныхъ
 странахъ, Готы, Бургунды и Римляне, жив-
 шіе подъ властію Франковъ, не слѣдовали при-
 ниму жителей сѣверныхъ и не хотѣли раздѣлять
 выгодной перемѣны законодательства? Надобно
 далѣе искать причинъ сего измѣненія и открыть
 ихъ въ самое время водворенія варваровъ. На сѣ-
 верѣ Галліи, гдѣ произошло первое вторженіе,
 Франки ворвались съ многочислѣннѣйшими орда-

(*) *Espit des lois*, L. XXVIII, ch. 4.

ни, и оказывали шугемцамъ множество вассалъ и пиренспизъ. Когда, въ послѣдствіи, они распростирали границы своего государства и прицпили во вновь завоеванныя страны, число ихъ было уже не столь велико и характеръ менѣе героическій; попому-то Франки имѣли перевѣсъ на сѣверѣ, а Римляне на югѣ. Впрочемъ это не объясняетъ еще, отъ чего утвердилось Право основанное на обычаѣ и Право писанное, попому что было-бы естественнѣе, въ тѣхъ странахъ, гдѣ находилось мало Римлянъ, оставивъ имъ собственное ихъ законодательство и не жертвовать ими большому числу. Это было-бы согласно съ духомъ Германскимъ учрежденій. Но самія учрежденія сіи исчезали вмѣстѣ съ древними племенами, и новые народы образовывались мало по малу изъ весьма многихъ, различныхъ, смѣшанныхъ элементовъ. Какъ-же могло тогда существовать Право личное, основывавшееся на различіи и силѣ поколѣній? Феодализмъ уничтожилъ льготы варваровъ, и подѣ властью его люди принадлежали уже не къ попу или другому поколѣнію, но къ такому или другому лану. На Сѣверѣ, право феодальное возвысилось надъ правомъ Германскимъ, и Римское Право, не имѣвшее силъ защищать свободу частныхъ лицъ, испребилося. За то, судьба его была совсѣмъ не такова на Югѣ: тамъ Римское поколѣніе было многочисленно и поддерживало свое власны.

Другое различіе. На сѣверѣ Франціи не оставалось ни малѣйшаго воспоминанія о первобытномъ правѣ племенъ. Слѣдственно, даже нѣмъ Салійскаго закона не было тамъ произносимо и частные обычаи заступили мѣсто древняго Права. На югѣ, напротивъ, Римское Право всегда сохраняло свою древнюю форму и свое единство, хотя поколѣвіе Римское, такъ-же какъ и поколѣніе Франковъ, исчезло въ новомъ народѣ. Въспротиву причина сей противоположности: старинное Германское право, широкое въ своемъ первобытномъ объемѣ, грубое, ограниченное, не могло примѣниться къ какому либо перевороту и даже сдѣлавъ покушеніе поддѣлившись къ оному, тогда какъ Право Римское, богатое наукою и идеями, обширное и вмѣстѣ гибкое, безъ пруда, величественно слѣдовало за движеніями общества и умѣло служить и удовлетворять ему.

Не приступая еще къ описанію судьбы Римскаго Права, которую мы уже послѣднее будемъ объяснять, покажемъ, какія учрежденія принесли съ собою варвары и какъ производился у нихъ судъ. Многіе новые писатели, между прочимъ Г. Сиемонди, предсказываютъ намъ варваровъ разбойниками, думавшими только объ истребленіи Римской Имперіи, и до вторженія въ оную не имѣвшими ни отечества, ни народныхъ нравовъ, ни учреждений. Этого легкій, поверхностный взглядъ не выдерживаетъ разбора. При-

знаємося однакомъ: намъ трудно узнатьъ сія учрежденія и нравы; первобытнихъ памятниковъ нѣтъ, и до насъ дошли только небольшія свѣдѣнія, много дошербившія отъ повѣстій, невѣжества и предразсудковъ Римлянъ. Есть однакомъ среднимъ собранъ многія справедливыя извѣстія: надобно держаться достовѣрныхъ документовъ, непосредственно относящихся ко вторженію. Узнавъ, какія однообразныя учрежденія существовали у варваровъ, во время самаго ихъ водворенія въ различныхъ странахъ, значить соберешь, по возможности, слѣды истиннаго правленія Германскаго и духа его, ибо духъ не могъ еще угаснуть въ то время, когда слѣды сохраняли свою независимость и первообразность.

У Германцевъ, народъ состоялъ изъ всѣхъ свободныхъ людей, которые одни имѣли всю власть и всѣ права. Политическій составъ основывался на томъ, что земля раздѣлена была на области или кантоны, называвшіеся гау. Въ каждомъ гау, свободные люди составляли мѣстное общество и имѣли надъ собою Графа, водившаго свободныхъ людей на войны народныя и представлятельнаго на судилищахъ, безъ рѣшающаго голоса. Рѣшеніе принадлежало всѣмъ свободнымъ людямъ, составлявшимъ гау. Они принимали Право и произносили судъ о предлагаемомъ дѣлѣ, иногда общимъ собраніемъ, иногда частно.

При Карлѣ Великомъ это измѣнилось. Избран-
ныхъ изъ свободныхъ людей предославляли пра-
во и вѣдали въ обязанность судить, не исклю-
чая впрочемъ изъ сего и всѣхъ другихъ. Сихъ
свободныхъ людей, назначенныхъ производить
судъ, мы назовемъ *старшинами*; въ зако-
нахъ и документахъ имъ даютъ имя *scabini*.

Во всѣхъ Германскихъ племенахъ, свободные
люди составляли основаніе общества и полити-
ческаго плѣна. Состояніе свободного человѣка хо-
рошо выразилъ Мозеръ словомъ *Erbe*: это сарутъ
Римлянъ. Свободные люди имѣли также преиму-
щественную собственность; это опять какъ-
бы *dominium ex jure quiritium* Римлянъ. У
Лонгобардовъ свободные люди назывались *arima-
ni*, у Франковъ *rachimburgii*, *boni homines*.
Фризоны, Англы и Саксоны конечно имѣли так-
же своихъ свободныхъ людей, но это извѣстно
намъ очень мало.

Старшинами, *scabini*, во время Карла Великаго
были установлены вездѣ. Подъ предсѣдатель-
ствомъ Графа, его помощника, или одного изъ *missi
dominici*, они занимались правосудіемъ. Почти до-
стоверно, что у Германцевъ учрежденіе сіе не
было ни древнее, ни первобытное; слово: *scabini*
не встрѣчается нигдѣ прежде Карла Вели-
каго, и можно почтишь неоспоримымъ, что
первоначально судили всѣ свободные люди. Но

когда Франки, управляемые и разбросанные въ обширной монархіи, потеряли основаніе и духъ своихъ варварскихъ правовъ, то бывшее преимущественно могло уже казаться тягостью. Право: судить равныхъ себѣ, надлежало вѣрить избраннымъ изъ свободныхъ людей, и для народа эпо. сдѣлалось обязанностью и должностью. Старшины судили вмѣстѣ и дѣла и права; они должны были принадлежать къ одному съ племени народу, дабы судить ихъ по ихъ закону. Въспомоществованіе старшинъ, означенныя ясно. Не столь удачно можемъ мы объяснить *Сахибароновъ*. Были-ли эпо, какъ думаетъ Эйхгорнъ, соплеменники старшинъ, утверждавшіе права, тогда какъ тѣ обсуживали дѣло (*)? Но въ документахъ и формулахъ Сахибаровъ никогда не именуется на ряду съ стар-

(*) См. Eichhorn, Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, т. 1, стр. 222, третьяго изданія. Впрочемъ, чтобы вполне узнать учрежденія и права Германцевъ, превосходныя изысканія Г-на Савиньи еще неудовлетворительны: надобно соединить и сравнить многочисленныя труды Нѣмцевъ о семъ предметѣ, и между прочимъ, во главу угла поставить сочиненія Мёзера, Эйхорна, Рогге и Гримма. На Французскомъ языкѣ есть *Essais sur l'Histoire de France*, соч. Гизо, гдѣ обсужены и изслѣдованы всѣ великіе историческіе вопросы, съ пятого до десятаго столѣтія. Всякій, кто хочетъ надлежащимъ образомъ изучить

щинами. Дословѣрныя наставленія должны дать другое направленіе нашимъ предположеніямъ. Законъ давалъ Сахибарону важность, одинаковую съ Графскою, и сужденія были произносимы при немъ, шакъ-же какъ при Графѣ; не лѣзя-ли заключить изъ сего, что для прошиводѣйствія выбору народному и власни Графа, Короли утредили Сахибароновъ, крѣпкъ крайнее появленіе въ Исторіи также объясняется, ибо они должны были уничтожиться съ того времени, когда Короли сами могли называться Графовъ?

Графы, какъ мы уже сказали, председательствовали при сшаршнцахъ, во время судопроизводствъ, и водили свободныхъ людей на войны народныхъ. Въ началѣ они были назначаемы народомъ, но со времени завоеванія Римскихъ земель, утвердившаго за варварами Королевскую власть, они были непосредственные чиновники Короля, назначавшаго ихъ и въправляшаго имъ гражданскую власть. Графо было варварское имя ихъ у Франковъ; сошесъ должно быть Римскій переводъ онаго. Помощникъ ихъ, судившій, небольшие дѣла, назывался *tunginus*.

И. Н.
муниципальныя учрежденія Римлянъ и варваровъ и ихъ вторженія, законы, нравы и племена, должны сравнить слѣдствія, выведенныя Г-мъ Гизо, въ превосходномъ его сочиненіи, съ мнѣніями Г-ни Савиньи и другихъ писателей Нѣмецкихъ.

или *centuriis*; они являлись еще другими, чрезвычайными помощниками. Учреждение Гравовъ было у варваровъ всеобщимъ. Вы найдете ихъ у Саксоновъ, у Баварцевъ, у Визиготовъ. Общий характеръ сего учрежденія у различныхъ племенъ есть соединеніе гражданскаго судопроизводства съ военнымъ начальствомъ. Оно было также у Англо-Саксоновъ и Лонгобардовъ, но съ измѣненіями и различіями, которыя должно изучать въ ихъ Исторіяхъ.

Что сдѣлалось съ Римскимъ Правомъ и Римскими учрежденіями во время завоеванія, когда они сплкнулись съ учрежденіями варваровъ, и когда побѣдители сѣмьшались съ побѣжденными? Измѣненія особенно должны были постигнуть высшія власти. Такъ въ Галліи и въ Италіи Правители Римскихъ областей были замѣнены Германскими Графами. Но какому жребію подверглись муниципальныя учрежденія, съ ихъ Сенатомъ, ихъ дуумвирами или защитниками, и ихъ судопроизводствомъ? Доселѣ разнѣ думаютъ о Франціи; касательно-же Италіи, испребленіе оныхъ почти самымъ несомнѣннымъ. Не принимая ни одного изъ сихъ мнѣній, Г-въ Савиньи говоритъ, что побѣда нигдѣ не уничтожила муниципального управленія.

Повторяемъ, что Германцы никогда не думали ни испреблять Римлянъ; ни передѣлывать ихъ на свои права. Нужны-ли доказательства?

Господство Латинскаго языка въ новыя язы-
 тахъ, происшедшихъ изъ сего смѣшеніи народовъ,
 и сохраненіе Гражданскаго Права Римскаго, пред-
 ставляющіе доказательство неопровержимыя. Но
 неиспробимоснѣ Римскаго Права не показывается-
 ли въ свою очередь сохраненіи, во крайней мѣрѣ
 нѣкоторой части судебныхъ учрежденій, ибо
 какъ-же-бы употребляли Римское Право безъ
 оныхъ? Впрочемъ, гражданское судопроизвод-
 ство Римскихъ городовъ могло бытъ легко при-
 мѣнено къ государственному устройству Гер-
 маніи. *Duumvir* и *defensor* съ одной стороны,
 и *centenarius* и *scultetus* съ другой стороны,
 имѣли нѣкоторое сходство; судейства высшія,
 занимавшіяся дѣлами побѣжденныхъ и побѣдише-
 лей, были подчинены власти Графа, управ-
 лявшаго и варварами и Римлянами. Декуріоны и Ра-
 хибурги, нѣкоторымъ образомъ, сходствовали
 между собою, и даже, спастся можетъ, что
 декуріонство Римское было не чуждо избира-
 вшимся и постояннымъ *scabinis*, какъ-то мы ви-
 дѣли у Франковъ. Навѣрное, Германцы, не любя
 городовъ, долго не имѣли ничего общаго съ му-
 нципальнымъ управленіемъ, и слово *habitor*,
 часто встрѣчаемое въ харшіяхъ осьмаго и девя-
 таго столѣтій, очень можетъ означать Гер-
 манцевъ, случайно проживавшихъ въ городахъ.
 Сдѣлавшись многочисленнѣе, они образовали ме-
 жду собою сообщенія, подобныя Римскимъ; впо-

слѣдствіи они соединились съ ними, и такъ побѣдишемъ и побѣжденные образовали уже одно, большое сообщество, составленное изъ двухъ различныхъ элементовъ, подъ управленіемъ коллегій Германскихъ старшинъ и *ordinis* Римлянъ. Такъ произошло сіе смѣшеніе, долженствовавшее произвести новыя народы; такъ Германскія племена и Римскій народъ сблизились и слѣлись; таковы начало и зарожденіе новой Европы. Теперь поговоримъ о каждомъ изъ варварскихъ народовъ послѣдовательно.

Мы знаемъ, какъ Бургундцы раздѣляли между собою земли, но о государственномъ устройствѣ ихъ не имѣемъ документовъ, современныхъ завоеванію. Въ Предисловіи къ Бургундскимъ законамъ говорится о Графахъ, но нѣтъ ни слова о муниципальномъ управленіи городовъ, хотя должно полагать, что оно существовало, судя по сказанному нами выше сего, и по свидѣтельству Авитуса, Архіепископа Вѣнскаго, умершаго въ 525-мъ году. Сей духовный ясно говоритъ, что во время его предшественника, *курія* Вѣнская состояла изъ великаго числа знаменитыхъ людей.

Напротивъ *Breviarium*, Римскій кодексъ, составленный въ 506-мъ году, черезъ сто лѣтъ по завоеваніи, свидѣтельствуемъ, что у Визиготовъ сохранились учрежденія побѣжденнаго наро-

да. *Breviariū* составляютъ двѣ части: выписки изъ самаго Римскаго Права и толкованіе. Римское Право въ ономъ мало служило къ поясненію государственнаго состава; напрошивъ *толкованіе* озаряетъ все Римское Право, особенно удаляясь отъ шекспира и передавая духъ времени. Всѣ историческія, выше исчисленныя нами вѣроятности о существованіи учрежденій Римскихъ, подтверждаются сими комментаріемъ. Тамъ находимъ муниципальное управленіе съ его судопроизводствомъ, *декуріонами*, и *judex*, слово, означающее иногда Графа у Готтесовъ, иногда *duumvirum*, иногда *defensorem* у Римлянъ. Впоследствии, Короли Визиготскіе, желая совершенно соединить Римлянъ со своимъ народомъ, запретили употребленіе Римскаго Права. Однакожъ, и послѣ сего запрещенія находимъ въ народныхъ законахъ имена: *judex* и *defensor*.

О сохраненіи муниципальных установленій у Франковъ есть множество доказательствъ. Объ этомъ надобно прочесть обстоятельное изложеніе Г-на Савиньи, ибо мы можемъ здѣсь означить только главнѣйшія его заключенія (*).

(*) Не забудемъ, что Дюбо, въ этомъ отношеніи довольно приблизился къ истинѣ. Г. Савиньи признаетъ это, но замѣчаетъ, что Графъ дю Бюа и Моро, писавшіе послѣ Дюбо, привели сію истину въ сомнѣніе своими увеличеніями и гипотезами. Важнѣйшій противникъ ихъ былъ Мабли.

Первое яго наложено было на Италію Одоакромъ и Герулами; но они только прошли по Италіи, и, такъ сказать, не имѣли времени управлять ею. Явились Оспро-Готы, которыхъ влѣивованіе было сильно и славно. Имя Θεодорика, такъ-же какъ имя Карла Великаго, было прославлено исторіею и поэзіею. Государственное управленіе Оспро-Готеовъ, оплечающееся отъ управленія другихъ варваровъ, уважало Римскія учрежденія. Кассіодоръ ясно свидѣтельствуетъ о муниципальномъ управленіи. Онъ объясняетъ такъ-же судопроизводство. Тяжбы между Римлянами производились по древнимъ формамъ; тяжбы между Готами рѣшались въ судилищѣ ихъ Граа; наконецъ тяжбы Римлянъ съ Готами были судимы Графомъ, въ присутствіи Римскаго юрисконсульта.

Готы были изгнаны изъ Италіи Греками, которые, въ свою очередь, вытѣснены были Лангобардами и сохранили только Равенну съ Экзархатомъ и Пеннаполою, Римъ съ его Герцогствомъ и нѣкоторые участки Нижней Италіи. Около половины осьмага вѣка они потеряли даже Римъ и Экзархатъ. При владычествѣ Грековъ внутреннее устройство Италіи поддерживалось, что доказывается раздѣленіемъ власти гражданской и военной. Оригинальныя хартіи, дошедшія до насъ отъ сего времени и изданныя ученымъ Марини ясно показываютъ существованіе муниципальна

го управленія и его судопроизводства; Писма Григорія Великаго еще болѣе подтверждаютъ сіе. Такимъ образомъ, въ седьмомъ вѣкѣ Италія была совершенно Римскою.

Но чѣмъ сдѣлалась она при владѣствіи Лонгобардовъ? Если учрежденія поддерживались, то прежде всего должно, чтобы побѣжденные жителя были сохранены. Но о судьбѣ Римлянъ въ сіе время есть двѣ противоположныя системы. Маффеи утверждаетъ; что Лонгобарды входили въ ихъ землю только въ небольшомъ числѣ, и что Итальянское поколѣніе сохранилось до нашихъ дней, почти во всей своей численности. Лупи, напротивъ, думаетъ, что Лонгобарды не пребыли все, пощадивъ только чернь, и что нѣмѣншіе Римляне суть не иное что, какъ Лонгобарды. Здѣсь преувеличеніе съ обѣихъ сторонъ, но Маффеи ближе къ истинѣ. Если-бы и не было другихъ доказательствъ, то великое число Римскихъ признаковъ, видимыхъ въ Итальянскомъ языкѣ, обличило-бы систему Лупи въ несправедливости. Сверхъ сего, поступки Лонгобардовъ, подражавшихъ Остро-Готамъ въ системѣ раздѣленія земель, и такимъ образомъ оставившихъ побѣжденнымъ большую часть ихъ достоянія, совершенно опровергаютъ мнѣніе Лупи. Если вслѣдствіе побѣды земли были раздѣлены, и высшія власти Римскаго управленія уничтожены, то

можно положить за вѣрное, что управленіе муниципальное сохранилось (*). Свобода существовала и при Лоягобардахъ, хотя неславная, темная и какъ-бы предназначенная едвѣнственнѣе предупредить будущую судьбу поколѣній, болѣе сѣдыхъ. Она произвела нѣ свободныя учрежденія двѣнадцатаго вѣка, которыя столь совершенно сходятся съ Римскими муниципалитетами, и коихъ появленіе не лѣзя было-бы объяснить, не приписавъ ихъ къ древнимъ учрежденіямъ, заштеннымъ и передѣленнымъ временемъ, но не уничтоженнымъ.

Слѣдственно, Право Римское, со своими муниципальными и судебными учрежденіями, пережило завоеваніе; но было-ли оно въ сіи времена преподаваемо въ училищахъ, и сохранилась-ли такъ-же счастливо теорія онаго, какъ практика? Во время Улпіана, Право было особенно преподаваемо въ Римѣ, и преподаватели пользовались тамъ нѣкоторыми выгодами. Въ 425-мъ году въ Констанціинополь было основано публичное училище, состоявшее изъ тридцати одного

(*) Мы не можемъ слѣдовать здѣсь за Г-мъ Савиньи въ опроверженіи противоположныхъ мнѣній Сигонія, Маффеи, Фюмагалли, Луши, Сисмонди и Шпитцлера, такъ-же какъ и въ его превосходномъ сближеніи доказательствъ, плодъ удивительной учености.

преподаватели, изъ числа коихъ двадцать восемь должны были обучать языкъ Римскому и Липперануру; одинъ Философъ и двое наукъ Права. Черезъ одинъ вѣкъ, въ 533-мъ году, Юстиніанъ обнародовалъ свою славную Констинтинскую *ad antecessores*, кою оны уничтожили все училища Права, за исключеніемъ училищъ Берингскаго, и сподчинилъ, но есть Римскаго и Константинпольскаго. И такъ, вошь при училищахъ для обширнѣйшей Имперіи. Преподаваніе константино не было тогда единственнымъ средствомъ приобрести знаніе въ Римскомъ Правѣ: сему училища изъ практики. Въ порокахъ Римскихъ, Селатюры, такъ-же какъ спаршини у Германцевъ, удравля дѣлами, поддерживали сіе знаніе и передавали его своимъ преемникамъ. Занятіе Нотариусовъ было также средствомъ распространенія онаго: *tabelliones* и *notarii* собирали переданное имъ Юрисконсультами древняго Рима, имѣвшими всегда въ рукахъ своихъ акты свободнаго судопроизводства; они машинально переписывали формулы, для нихъ непонятныя, и такимъ образомъ передали намъ драгоценныя свѣдѣнія. Только не должно вѣрить, безъ справокъ, существенному и практическому приложенію сихъ формулъ и идей, во многомъ не имѣвшихъ уже своего значенія и своей важности.

Наконецъ мы достигаемъ до источниковъ и самыхъ памятниковъ Римскаго Права, существо-

вавшихъ во времена завоеванія и водворенія варваровъ. Разсмотримъ и новыя уложенія, составленныя для побужденныхъ жителей, и законы поблудшелей.

У Бургундцевъ, Право Римское действовало положительно и съ большою силою. Законы Бургундскіе, собранные Гондебаудомъ и умноженные сыномъ его Сигизмундомъ, представляють намъ по многимъ мѣстамъ ученіе и духъ Римскаго Права: въ нихъ нѣтъ мѣстъ, буквально пераписанныхъ, но можно видѣть, что составители оныхъ должны были имѣть передъ глазами *Lex Sacerdotum* Визиготовъ, съ его полкованіемъ. Когда Франки завоевали Бургундію, законы сіи не перестали и всегда имѣли силу; какъ право личное. Въ давниномъ изловініи еще говорили о семъ, и Атобардъ писалъ къ Людовику Простодушному, что немногіе слѣдуютъ Бургундскому закону, что это Право сложно и трудно къ понятію. Онъ просилъ Императора уничтожить оное и подчинить Франкскимъ законамъ немногихъ, остававшихся еще Бургундцевъ.

Около половины шестнадцатаго столѣтія Куаеъ (*) издалъ небольшое сочиненіе, много разъ перепечатанное съ того времени и называемое,

(*) Неправедливо называемый у насъ Куаціамъ, или еще Куаціусомъ.—Прим. Русск. Перев.

во всѣхъ изданіяхъ, *Pariani liber responsorum* или *Pariani responsum*. Это небольшое сочиненіе есть кодексъ Римскій, въ 517-мъ году, въ предисловіи къ законамъ Бургундскимъ обещанный побѣжденнымъ. Достоѣрность сего доказывается неоспоримо согласіемъ, или сходствомъ отдѣловъ въ законѣ Бургундскомъ и Папіанѣ и почти буквальнымъ вписаніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ Папіана въ первое прибавленіе къ Бургундскимъ законамъ. Кюжасъ первый открылъ Бургундское происхожденіе Папіана; Линденброгъ ясно изложилъ сіе открытіе; Гейнекцій подтверждалъ оное основательными указаніями. Папіанъ (*), состоящій изъ сорока семи отдѣловъ, былъ сочиненъ по *Bréviatio* Визиготскому и по руководству самаго Права древняго; онъ драгоцѣненъ для исторіи законодательства,

(*) Не должно соединять никакого особеннаго смысла со словомъ *Папіанъ*, и особенно надлежитъ остерегаться приписывать сію книгу Классику Папиніану. Кюжасъ, будучи въ восторгѣ отъ своего открытія, впалъ сначала въ сію ошибку, но опкаялся отъ нея и приписалъ сей кодексъ одному позднѣйшему юрисконсульту, именемъ Папіану. Но сего Папіана никогда не бывало, и названіе сіе есть только искаженное имя Папиніана, изъ котораго было одно мѣсто въ концѣ полныхъ рукописей *Bréviatio*. Г-нъ Савиньи предполагаетъ, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что это обстоятельство повлекло Кюжаса въ двойную его ошибку.

но доселѣ имъ прѣзвѣвались довольно поверхностно.

У Визиготцевъ составленіе Римскаго кодекса предшествовало собранію Готескихъ законовъ. Аларикъ устроилъ Коллегію изъ Римскихъ Юрисконсулътовъ, которые составили, въ 506-мъ году, въ городѣ Эрѣ, въ Гасконіи, *Breviarium alaricianum* (*), предшавленный послѣ сего собранію Римлянъ, гдѣ находилась половина духовныхъ, половина свѣтскихъ людей: они одобрили его. Король послалъ къ каждому Графу копію, подписанную Аніаномъ, его референдаріемъ, и въ то же время онъ отправилъ къ нимъ рескриптъ (*comparatorium*), дабы они точно блюли законъ Римскій, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. Составившело кодекса почерпали изъ двухъ обильныхъ источниковъ Римскаго Права постановленія Императоровъ (*leges*) и сочиненія юрисконсулътовъ (*ius*). Они не слѣдовали методу списывальщиковъ Двгеста; сочиненія у нихъ не раздроблены и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ :

1-е. Кодексъ Θεодосіевъ, 16-тъ книгъ,

2-е. Новеллы	{	Θεодосіа,
		Валентиніана,
		Марціана,
		Маіоріана,
		Севера,

(*) Такъ было названо сіе сочиненіе въ шестнадцатомъ столѣтіи.

- 3-е. Институціи Гаія ,
 4-е. Павелъ ; Сеншенціи , 5-ть книгъ ;
 5-е. Кодексъ Григоріанскій (*), 13-ть отдѣловъ ,
 6-е. Кодексъ Гермогеніанскій , 2 отдѣла ,
 7-е. Красная выписка изъ Папиніана , Lib. 4, rescriptorum.

Составители *Breviarii* извлекли и объяснили всѣ сіи сочиненія , но не измѣнили самаго текста ; только Гаій потерялъ нѣсколько. Какъ жаль , что для своего труда , впрочемъ имѣющаго достоинство , они такъ худо избрали источники древняго Права : въ собраніи ихъ едва упоминается объ имени Папиніана ; Улпіанъ даже и не наименованъ ; Гаій укороченъ чрезвычайно ; одинъ Павелъ переданъ намъ вполнѣ , въ самомъ ничтожномъ своемъ , сочиненіи , и можетъ быть даже самымъ дурномъ изъ всей Римской Юриспруденціи .

До насъ дошло собраніе Визиготскихъ законовъ , составляющее сочиненіе въ двѣнадцать книгъ . Въ немъ законы двухъ родовъ : припи-

(*) Кодексы : Григоріанскій и Гермогеніанскій поставлены въ разрядъ сочиненій юрисконсультовъ (*jus*) , потому что они были составлены безъ дозволенія Императорской власти .

сываемые одному изъ Королей, *Хиндасвинду*, сыну его *Редесвинду*, и законы неизвѣснаго происхожденія, получившіе названіе *antiqua*. Эти законы важны для Исторіи Права Римскаго, пошому что они заимствовали нѣчто изъ онаго, и пошому что уничтожили оное. *Breviarium* былъ ихъ единошвеннымъ источникомъ; изъ него взяли они многія основанія буквально, или съ перемѣнами (*). Въ половинѣ семнадцатаго вѣка одни они господствовали и уничтожили Римское Правѣ, безъ сомнѣнія спрашась его могущесвеннаго соперничества. Такъ погибло у Визи-Готеевъ основаніе Права Личнаго, и Право Земское взяло надъ нимъ верхъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи, Альфонсъ X-й снова привелъ въ силу книги Юстиниановы, уже распространившіяся изъ Болоньи по всей Европѣ. Онъ даже велѣлъ сочинить новый кодексъ (*partidas*), почти совершенно основанный на Римскомъ Правѣ, и покровительствовалъ преподаванію науки.

У Франковъ Право Римское не приняло новой формы, или особенной редакціи, что весьма еше-

(*) Думали, что при этомъ пользовались также и Юстиниановымъ законодательствомъ; но, кромѣ невѣроятности подобныхъ заимствованій, въ то время когда нѣкій чюдъ рукою *Breviarium*, молчаніе Искдора, во всѣхъ его сочиненіяхъ, о Юстиниановомъ Правѣ, не есть-ли положительное доказательство противнаго?

существо: законы, существовавшіе до вторженія, удовлетворяли насущнымъ потребностямъ; но мы находимъ достовѣрные слѣды Римскаго законодательства въ законахъ варваровъ, въ актахъ того времени, во многихъ свидѣніяхъ объ изученіи Римскаго Права и даже въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о семъ предметѣ.

Законы Франковъ раздѣляются на законы одного народа, частно, и на капитуляріи. Законы Баварцевъ, Аллемановъ и Рипуаровъ запечатлѣны въ извѣстныхъ мѣстахъ Римскимъ духомъ. Капитуляріи, то есть законы Королей Франкскихъ, назначенные не для одного только народа, и дошедшіе до насъ иногда отдѣльно, иногда въ сборникахъ, показываютъ многія основанія Римскаго законодательства, особенно при книгѣ Веніаминомъ Левицомъ, которому служили пособіемъ *Gregarius*, *Теодосіевъ кодексъ*, *Юстиніановъ кодексъ* и *Юліановъ переводъ Новеллъ*.

Акты частныхъ людей у Франковъ показываютъ, что Римское Право было у нихъ въ употребленіи; но сравнивая оныя, должно различать области, въ коихъ составлены акты, и разсматривать различныя измѣненія, какимъ на дѣлѣ подвергалось законодательство побѣжденныхъ.

Для преподаванія Римскаго Права не было особенныхъ училищъ; но, вѣроятно, что оно пре-

подавалось въ училищахъ Грамматики. Современные Историки упоминають о многихъ лицахъ, знающихъ Юриспруденціи Римской; еще досто-
вѣрнѣе доказывають это труды современныхъ писателей надъ *Breviario Vizi-Gothorum*, и особенно формулы Маркульфовы и издания Сирмондомъ, Балюзомъ и Лиденбромомъ, гдѣ замѣтно, что они часто имѣли руководствомъ *Breviarium*. Наконецъ, вотъ сочиненіе о самомъ Римскомъ Правѣ: *Petri excerptiones legum gottharum* (*), написанное, вѣроятно во Франціи, въ окрестностяхъ Валанса, около половины одиннадцатаго столѣтія, прежде Болонской школы, ибо въ ономъ советамъ вѣтъ ни методы ея, ни взглядовъ. Это система Права, и въ особенности Римскаго Права, раздѣленная на четыре книги, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ Право Личное, вторая Договоры, третія Преступленія, четвертая Судопроизводство. Объ Авторѣ мы знаемъ только то, что онъ назывался *Петромъ*, но видимъ въ немъ глубокое знаніе источниковъ и удивительную независимость ума. Его сочиненіе гораздо выше первыхъ опытовъ Ирнерія и его школы. Онъ пользовался Инспициціями, Пандек-

(*) Въ средніе вѣки, *excerptio* значило извлеченіе. Г-нъ Савиньи приложилъ сіе сочиненіе къ концу второго тома своей Исторіи.

тами, Кодексомъ и Лавинскимъ Юліановымъ переводомъ Новеллъ.

Когда въ Англіи пало Римское владичество, то оставшіеся тамъ слѣды Римскаго Права были столь слабы, что ихъ могли не замѣтить. Впрочемъ, разсматривая оныя ближе, видятъ, что народныя законы удержали изъ нихъ нѣчто, и если Римское Право не было употреблено въ Англіи, то было почитаемо наукою, необходимою для образованія ума (*).

Въ 500-мъ году, въ Италіи, Теодорикъ обнародовалъ Эдиктъ, составленный имъ для Готтовъ и Римлянъ: онъ хотѣлъ соединить два предмета, оставивъ варварамъ военное преимущество и разливъ на всю свою Имперію образованность Римскую. Онъ во многомъ измѣнилъ прежнее Право Готтовъ, но не уничтожилъ онаго. Источники его Эдикта совершенно Римскіе; раздѣленіе такое-же, какъ и въ *Breviarium*; большая часть Эдикта заимствована изъ Сеншенцій Павла, бывшихъ въ свое время ручною практическою книгою. Редакцію онаго похвалить не лзя; источники смѣшаны и часто искажены. Однакожь, въ то время Право изучали и понимали: доказательствомъ сего служитъ Боэцій, употребляющій въ

(*) Объ Исторіи Права въ Англіи, времени среднихъ вѣковъ, всего болѣе должно справляться съ Диссертаціею Сельдена *ad Fletam*.

сочиненій своихъ и помимающихъ Классическихъ Юрисконсультовъ. Но тогда не утѣли приводить въ порядокъ идей, дѣлать ихъ всеобщими, соединяя изъ нихъ свѣдѣнъ, кодексъ. Въ 529-мъ году Юстиніанъ, повелитель Италіи, подчинилъ ее своему законодательству, и Эдиктъ Теодорика былъ пощасъ забытъ и предоспавленъ осмѣявшимся побѣжденнымъ иноплеменъ. Отъ сего времени къ намъ дошли нѣкоторые юридическія сочиненія, скопѣи о Новеллахъ Юліана, *Dictatum de Consiliariis*, *Collectio de Rectoribus*. Римъ, Равенна и Экзархатъ, остававшіеся нѣсколько времени у Грековъ, во время владычества Лонгобардовъ, сохраняли Римское Право.

Лонгобарды, такъ-же какъ и Франки, не сочинили новаго кодекса для своихъ Римскихъ подданныхъ: книги Юстиніановы были столь всеобъемлющи, что избавляли ихъ отъ сего труда. Ишорнику остается выбирать изъ народныхъ законовъ, документовъ, актовъ и писателей, свидѣтельства о существованіи Римскаго Права. Есть два собранія Лонгобардскихъ законовъ: одно хронологическое, другое систематическое, называемое *Лонгобардія*; содержаніе ихъ одинаково, только методы разны. Сѣмъ закономъ утвердили продолжительность Римскаго Права и заняли отъ него многія основанія. Здѣсь, болѣе нежели гдѣ-либо, есть множество документовъ и актовъ, свидѣтельствующихъ о положительной силѣ Рим-

скихъ законовъ. Не останавливаясь на этомъ, перейдемъ къ сочиненіямъ о Римскомъ Правѣ, написаннымъ въ Королевствѣ Лонгобардскомъ. Въ 900-мъ году *Breviarium* было вновь изданъ, въ видѣ болѣе удобномъ для Римлянъ-Лонгобардовъ, и получилъ названія *Lex Romana utinensis*. Сей новый трудъ весьма дуренъ. За нимъ слѣдуютъ *Quaestiones ac responsiones*, изданныя Мурашоріемъ и написанныя въ 100-мъ году: онѣ показываютъ совершенное познаніе всѣхъ частей Права Юстиніанова. Толкованіе на Лонгобардскіе законы, принадлежащее къ означенному году, также подтверждаетъ сіе; наконецъ мы имѣемъ того же времени сочиненіе, много вѣкомъ извѣстное подъ именемъ *Brachylogus*, сочиненное въ Ломбардской Италіи. Оно повѣе нежели Кодексъ *utinensis* и *Quaestiones ac responsiones*, но лучше въ, хотя само по себѣ неважно. Объ истинномъ времени составленія его думали весьма различно: иногда возводили его къ временамъ Юстиніана, иногда низводя къ шестнадцатому вѣку; но есть положительное доказательство, что оно не древнѣе Людовика Прасподушнаго, и если оно было написано въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, то можетъ быть Иерерій есть сочинитель его. Это систематическое изложеніе Римскаго Права, не искусно составленное по книгамъ Юстиніановымъ, но истинно драгоценное для Исторіи Права. Такимъ образомъ, Право Юстиніаново все-

гда существовало у Ломгобардовъ. Если со времени Карла Великаго Visigatum проникъ въ Ломбардію и испыталъ известное намъ превращеніе, то другіе источники Права не менѣе сохраняли свою силу, и Короли не думали уничтожать оныхъ.

Доселѣ мы не упоминали о Церкви, потому что служилимъ ей, во всей Европѣ, были особенныя сословія, общины и частныя, и сію глубоко опирались отъ другихъ сословій, что могли существовать отдѣльно, посредствомъ духа своего господствуя во всей Европѣ. Писему, общій первообразъ Церкви всегда вѣчношлся надъ мѣстными характеромъ и здѣсь особенно не нужно описывать различія странъ и племенъ. Церковь всездѣ принимала Римское Право и руководствовалась его основаніями. Доказательствомъ сего для насъ служатъ отдѣльныя свидѣтельства, канона письма Григорія Великаго, рукопись Агобарда, письма Папы Іоанна VIII-го, сочиненія Евнокона Гингмара, и другіе докуменны; наконецъ, сборники о Церковномъ Правѣ.

Здѣсь оканчивается первая, важнѣйшая часть книги Г-на Савиньи. Мы видѣли ясныя доказательства, что Право Римское существовало и во время и послѣ завоеваній варваровъ; что, не погибнувъ, оно сдѣлалось одною изъ стѣпій нашего новаго міра, и что соединившись съ уснавленіями варваровъ и Христіанства, оно, по-

добно имъ, было однимъ изъ оснований нашей политической и законодательной конституции. Таковъ общий выводъ изъ многочисленныхъ доказательствъ, собранныхъ Г-мъ Савиньи, за которыми мы не будемъ слѣдовать въ дальнѣйшемъ развитіи сей великой мысли, и въ Липшерашурской Исторіи Римскаго Права.

Съ Французскаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ Альбомъ.

Подъ ревомъ бури, одиноко,
Я въ твой альбомъ пишу листокъ,
И, сквозь окно, ея порывъ,
Листки лѣтучіе раскрывъ,
Какъ призракъ шепчетъ думы мнѣ,
И сердца къ шемной глубинѣ
Тѣснился вновь видный рой,
Воздушно-легкій, огневой.

Бышь можешь, нѣкогда и ты,

Въ минушу бѣглую мечты,
Когда двурога луна
По небу синему одна
Плывешь, и льстѣ дрожащій лучъ,
Сквозь перелетный сумракъ тучъ
На запустѣлые брега,
Дубравы спящія, луга,
И на кристаллахъ зыбкихъ водъ
То пошепчешь, то блеснешь —

Въ то время, можетъ быть, и ты
 Раскрылъ запыленные листы,
 Безъ мысли, вострышишь въ нихъ д сѣй
 Печальный бредъ души моей!
 И пусть забытый мой листокъ,
 Какъ надъ могилою цвѣтокъ,
 Хотя минушу надъ собой
 Удержишь взоръ лешучій твой!

Колчановскій.

Звѣзда.

Ты вѣрно счастлива, лучистая звѣзда!
 Тамъ, за далѣкими, святыми небесами:
 Столѣтія прошли, но всё ты молода,
 И старый міръ себя всё съ тѣми-жъ зрѣлъ красами!...
 Увы! и намъ была такая-же чреда:
 Но мы не устояли сами.

Ө. Глинка.

Зависть.

Оргоня задумалъ домъ сосѣдній сечь,
 И разложилъ огонь въ своемъ.... и вспыхнулъ пла-
 менъ ...
 Сосѣдній домъ успѣли уберечь,
 А у него — остался голый камень.
 Вотъ зависть!.. Ближняго желая погубить,
 Ея огонь въ себѣ разводимъ:
 Но ближнему всегда-ль успѣемъ повредить?
 Себя-жъ и въ гробъ не рѣдко ею сводимъ...

Ө. Глинка.

КИРГИЗЪ-КАЙСАКЪ.

(Вторая глава романа).

На Руси существуетъ, если не старинная, то по крайней мѣрѣ не новѣйшая поговорка: любопытство хотя и не порокъ, но смѣху достойно. Это изрѣченіе вовсе несправедливо. Правда, что любопытство не рѣдко влечетъ за собою смѣшныя послѣдствія, но древняя басня о коробкѣ Пандоры, кажется, вѣрнѣе изображаетъ плоды онаго. Со всѣмъ тѣмъ оно, по Всевышней волѣ, свойственно всѣмъ смертнымъ, и будучи удержано въ надлежащихъ предѣлахъ, бываетъ источникомъ полезныхъ и благотворительныхъ открытій. Изъ сего слѣдуетъ, что это желаніе не только простиительно, но даже и дозволительно всему роду человѣческому. Ученый бываетъ мушимъ демономъ любопытства, открываетъ тайны природы. Что-же опъ сего происходитъ? Изысканія ученаго никогда не доводятъ до желаемой цѣли, но въ замѣнъ того, сколько новыхъ предметовъ, достойныхъ вниманія, обрѣтаетъ онъ на пути? И за сіе обогащеніе области наукъ всѣ благодарятъ ученаго. По-

Юль 1829.

44

чему-же не простить молодой, невинной дѣвушкѣ, у которой сердце только что нахлещетъ кое что поговаривать, безвреднаго любопытства узнать, кто таковъ мужчина, который избралъ ее изъ толкаго множества подобныхъ ей, или, употребляя коренное и святое Русское слово : кто таковъ ея *суженый* ? Да, конечно, суженый ! Не дѣвушка выбираетъ жениха, а мужчина ищетъ невесты. Таковъ уже законъ и природы и условныхъ приличій. Наши сельскія красавицы прибѣгаютъ въ подобномъ случаѣ къ чарамъ гаданія, столь прелестно и вѣрно описаннымъ Жуковскимъ въ его прекрасной Балладѣ. Но что дѣлать Князь Софїи ? Какимъ образомъ ей удовлетворить любопытству не только проситишельному, но даже весьма естественному ? Этому поможетъ сама природа, даровавшая прекрасному полу догадливость, которой вовсе не имѣютъ гордые мужчины. Кто писалъ это таинственное посланіе ? Кто таковъ этотъ невѣдомый рыцарь, объявившій себя читателемъ красоты прелестной Софїи ? Неизвѣстно ! Однако по нѣкоторымъ признакамъ, хрипъ и маловажнымъ, можно кое что угадать. Яблоко, упавшее съ дерева, открыло Ньютону законы припименія, а при ласна собсвенноручнаго писанія, важнѣ сопи падающихъ яблоковъ. И шакъ, поищемъ ! Не мудрено угадать, что письмо было писано въ Іюль 1826 года, слѣдовательно назадъ пому

восемь мѣсяцовъ. Сочиняшеть онаго военный. Это хорошо ! Софія любитъ военныхъ, и не слишкомъ жалуешь *фрачниковъ*. Эти господа такъ смѣшны ! Носить густыя бакенбарты, какъ обезьяны, и на прищипливанье своихъ галстуковъ и манишекъ употребляютъ столько-же булавокъ, сколько женщины на свой туалетъ ! Прекрасное оружіе для мужчинъ ! булавки ! *fi done !* . . . Толи дѣло военный. Никогда не слѣдуешь модѣ, одѣваешься по формѣ, и оружіе свое носишь на лѣвомъ боку, какъ-бы въ доказательство, что оно столько-же близко къ его сердцу, сколько и особы, которыхъ онъ готовъ защищать. Та-кяспвеннаго рыцаря зовутъ Викторомъ. Имя прекрасное и даже романтическое ; а письмо его такъ похоже на первую главу романа ! . . . Этого Виктора носишь аксельбаномъ. Слѣдовательно, онъ или Адъютантъ, или оондиръ по Кваршпервейстерской части. Впрочемъ что онъ Адъютантъ, и это очень хорошо. Въ Адъютантахъ выбираютъ людей образованныхъ, дѣловыхъ и надежныхъ. Правда, Софія видала такихъ, которые получали сіе званіе по родственнымъ связямъ и не оказывали большого ума. Но на счетъ Господина Виктора, она готова поручиться, что онъ точно уменъ и образованъ. Это видно изъ его письма. Онъ описалъ Москву такъ вѣрно и живо, пробывши въ ней не болѣе двухъ мѣсяцевъ, что и служишь неоспоримымъ дока-

запелъспивомъ наблюдательнаго ума: *Онъ* по видимому находится здѣсь, въ Петербургѣ. Это всего лучше: по какъ его узнать? Неужели притворяться ко всемъ Адьюшанцамъ, имѣющимъ Азіатскія физіоміи, и дознаваться, который изъ нихъ называется Викторомъ, и чья фамилія начинается съ букв С.? Какъ можно! Надобно развѣдывать полегонку и спрашивать покуснѣе... Только по всемъ этимъ вопросамъ, не возмѣтила-бы подозрѣнія наша проницательная шестушка? Не можешь быть! Надобно будетъ все изысканіе основывать на предметахъ, ускользнувшихъ отъ вниманія Графини. Она сама призналась, что едва разобрала это мѣлое письмо. Софія видѣла, что она очень скоро перевертывала страницы, следовательно читала безъ вниманія, а послѣдній листокъ былъ подмоченъ и чернила нѣсколько слились. Близорукая Графиня видѣла только имя своей племянницы и похвалился красотою. Чпо-же за бѣда? Мужчина, въ дружеской перепискѣ можешь похвалить хорошенкую дѣвушку; это не новость. Въ добавокъ къ тому, Софія объявила своей шестикѣ, что она изорвала письмо и не намѣрена знать, кто писалъ оное. Графиня, по видимому, ей повѣрила, и не мучила дальнѣйшими вопросами. Но точно-ли письмо было изорвано? О! въ ильчайшіе кусочки, которые горничная вымела: это все видѣла.... (Дворянский братъ Княжны, стар-

шій сынъ Графа, недавно былъ произведенъ въ офицеры Гвардіи, изъ камеръ-пажей. На последнемъ экзаменѣ, въ Корпусѣ, удостоился онъ полученія приза, состоявшаго изъ шакалуки, заставивша замысловатою оподѣланной, со множественныхъ позеленныхъ лащиковъ. Это первое выраженіе своихъ успѣховъ молодой Графъ подарилъ своей кузинѣ, и показывая всѣмъ сакренимъ красивой бездѣлки, сказалъ: Клади сюда любовныя письма. Разумѣется, что за эти пажеескіе комплименты мы побранили милаго брата, объявивши, что никогда не получаемъ любовныхъ писемъ и не имѣемъ ихъ получать. Со всѣмъ тѣмъ помянутый лащикъ не остался безъ употребленія. Мы положили туда письма задушевной пріятельницы Адельанды, и наклеили на верхней дощечкѣ бумажку, съ надписью: *Lettres de mon Adèle*. Въ это собраніе попалъ и послѣдній листъ заглавнаго письма, а два первые, въ конхѣ не упоминалось о красотѣ Софіи Павловны, дѣйствительно были изорваны)... Будемъ продолжать повѣствованіе о догадкахъ юной Княжны.

Графъ Рѣшимовъ, по тяжелымъ ранамъ обязаный оставить военную службу, занималъ должность, въ исправленіи коей соблюдалъ точность и порядокъ лагернаго быта. Въспѣвъ съ симъ не измѣнилъ онъ нѣ привычекъ военной жизни. Будучи командиромъ полка, и въ послѣдствіи времени начальникомъ дивизіи, онъ любилъ раздѣ-

лять свою шриазу не только съ приближенными, но и съ посторонними. Время обѣда было для него годиною дружеской, непринужденной бесѣды. Это обыкновеніе сохранилъ онъ и въ резиденціи, гдѣ въ слѣдствіе благоразумной экономіи и прихотливости паразитовъ, должно было показываться отъ шаривнаго хлѣбосольтва. Но Графиня была очень богата, и во всемъ покорна своему супругу. Графъ имѣлъ также большое состояніе, слѣдовательно издержки на обѣды не устранили хозяевъ, и двадцать приборовъ ежедневно поставленныхъ, не причиняли излишнихъ расходовъ. Сидя за столомъ, Графъ ежедневно бесѣдовалъ съ своими короткими знакомыми. Всѣ принимали участіе въ разговорѣ бѣглою, безсвязною и не касающемою важныхъ предметовъ. Каждый изъ присутствующихъ могъ или рассказывать или спрашивать, и Графъ, удовлетворяя вниманіемъ рассказчикамъ и опѣшными вопросителямъ, находилъ средство ко всему прилечь своимъ воспоминаніямъ о своей прошедшей жизни. Княжна основала на семъ обыкновеніи первый оныиъ своихъ распросовъ. Въ нисѣмъ было упомянуто о какой-то Софіи Павловнѣ и двухъ мужчинахъ, ей неизвѣстныхъ. Почему знать? Можетъ быть эти господа знакомы ея всезнающему дядюшкѣ? « Не знаете-ли, кто таковъ Чацкій? » спросила она за обѣдомъ у Графа. — Чацкій? Я его очень коротко зналъ, когда съ

полкомъ шло на Волынь. Это былъ человекъ очень ученый, старикъ, Кавалеръ Бѣлаго Орла. Увлеченіе въ Кременецѣ есть напоминаніе его любви къ наукамъ.—И оборотившись къ сосѣду, Графъ началъ рассказывать о преданіяхъ, сохранившихся въ той странѣ о Польской Королевѣ Бонѣ, «Это не то!» подумала Софія, и выждавши удобную мину, спросила у одного изъ присутствующихъ: «Есть-ли въ Россіи фамилія *Молчалиныхъ*?»—Развѣ Молчановыхъ!—возразилъ Графъ. Но вопрошаемый, догадавшись въ чемъ дѣло, сказалъ; «Княжна говоритъ о двухъ дѣйствующихъ лицахъ Комедіи: *Горе отъ ума*.»—Ну, потому-же я знаю—отвѣчалъ Графъ, и продолжалъ начатый имъ рассказъ объ Итальянской кампаніи. Княжна скрыла свое замѣшательство и возбавившись съ сидѣвшею подлѣ нея пріятельницею о миссификаціи, заданной любезному дядюшкѣ, стала допытываться, что за Комедія: *Горе отъ ума*? Ловкій кавалеръ, объяснившій загадку, предложилъ ей доспавить эту пьесу на прочленіе, что и было принято съ радостію, и съ увѣреніемъ, что давно уже хотѣлось ознакомиться съ этимъ хваленымъ произведеніемъ, о коемъ она до сихъ поръ не слыхивала. Какъ бытъ! Если Чацкіе и Молчалины не могутъ узнать, кто таковъ онъ, то по крайней мѣрѣ мы увидимъ, каковы Чацкинъ хотѣлъ онъ бытъ въ отношеніи къ намъ.

Рукописная Комедія, въ богатомъ сафьяновомъ переплетѣ, доставлена на другой день со службою. «Благодари!» сказала Княжна, и развернула книгу... «Боже мой! это его рука, это онъ писалъ! Теперь конецъ вѣтъ изысканіямъ, и приславшій пьесу сей часъ скажетъ, какъ зовутъ его.» Комедія прочитана съ восхищеніемъ. Ахъ, Чацкій, Чацкій! Какъ пламенно любилъ онъ Софію Павловну, такъ жестоко съ нею поступившую! Что, если-бы... Ничего! Это совсѣмъ другое дѣло!... Только мосье Чацкій самъ виноватъ. Характеръ его слишкомъ тяжелъ. Онъ такъ заносчивъ, такъ неперпѣливъ, такъ жестокъ, словомъ: это мизантропъ XIX столѣтія, столько-же несносный сколько и Альцестъ. Нѣтъ! нашъ Чацкій не шаковъ. Онъ любезенъ, веселъ, учтивъ, снисходителенъ, готовъ всѣхъ любить. На это было у насъ письменное доказательство. Этого Чацкаго Софія Павловна не променяла бы на сотню Молчаливыхъ. Наконецъ пожаловалъ и учтивый кавалеръ, приславшій пьесу и, между нами будь сказано, съ большимъ неперпѣіемъ ожидаемый. Послѣ обыкновенныхъ изъявленій благодарности и похвалъ прекрасному произведенію, Софія сказала: «Какимъ прекраснымъ почеркомъ это написано! Такъ четко и вѣрно... Кто это вамъ переписывалъ?» Увы! отвѣтъ былъ: — Не знаю: эту рукопись оставилъ мнѣ пріятель, уѣхавшій въ Грузію! — И такъ рушился всѣмъ

дежди на скорое открытіе важной тайны!... Какъ досадно! За то впередъ наука. Когда шан-пуешь съ кѣмъ нибудь на балѣ, непременно должно узнать, какъ зовутъ кавалера. А теперь ломай себѣ голову. Балы у Сардинскаго Посланника бывали каждый четвергъ. Можно-ли упомянуть естѣхъ Адьюшантовъ, съ которыми вальсируешь въ копильонѣ? Но къ чему опечалываться? Мы еще найдемъ средства.

Развалившись въ Вольперовскихъ креслахъ, Графъ курилъ трубку въ своемъ кабинетѣ, куда никого кромѣ домашнихъ не допускали въ часъ отдохновенія, послѣ обѣда. « Скажите, mon oncle! » спросила Княжна: « какъ подписывающія пакеты и письма къ фрейлинамъ, которыя не *Сілтельства*? » — Ея Превосходительство. Да на что тебѣ это? — « Какъ на что? Случиши писаніе, а у меня такъ много знакомыхъ при Дворѣ. Вотъ недавно еще я подружилась съ Княжною***. Вы, я думаю, знали ея отца? » — Можетъ быть. Какъ ее зовутъ? — « Ее зовутъ... Опять забыла! Ахъ, Боже мой! какая у меня дурная память на собственныя имена. Позвольте мнѣ взять на время вашъ Адресъ-Календарь. Я перепису имена всѣхъ фрейлинъ. » — Пожалуй возьми. — И Софія схватила шюльстую книгу. — Постой, мой другъ! Чтобы избавить тебя отъ труда переписки, я выдеру два листочка, на которыхъ напечатаны... — и съ этими словами Графъ хотѣлъ взять обратно книгу.

«Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!» закричала Софія, ухватившись обѣими руками за придворный мѣсяцословъ, съ такимъ жаромъ, съ какимъ запиской библіоманъ хвалится за драгоценное изданіе Альдовъ или Манучи. «Нѣтъ! не рвите ради Бога!» — Да что за бѣда? — сказала Графъ. — Вѣдь это прошлагодній Календарь. — «Все равно! я не могу видѣть, когда рвутъ книги.» — О если такъ, но я дарю тебѣ эту драгоценность: перечитай въ ней, если хочешь, имена всѣхъ Губернскихъ Секретарей и Пропоколистовъ. — Княжна поцѣловала своего дядю, и гошова была бѣжать въ свою комнату съ любезнымъ Календаремъ, но... ошворожность заспавила ее опложивъ книгу въ споруноу и посвяшивъ еще полчаса бесѣды съ Графомъ.

Наконецъ она свободна, и, запершись въ комнату, принялась разсматривать мѣсяцословъ. Придворный Шпатель со всѣми Шпатель-Дамами и фрейлинами былъ пропущенъ безъ вниманія, и Княжна ошановилась на списокъ Гвардейскаго Корпуса. Можешь спашься, что онъ гвардеецъ! И, съ сими мыслями, любопытная Софія перевертывала листы, устремляя взоры на напечатанныя курсивомъ слова: Адъютантомъ при... Вошъ онъ! точно! Викшоръ Ипполишовичъ Славинъ. Но почему знать? Можешь быть опять неудача? Мало-ли въ Россіи Викшоровъ. Какъ-бы развѣдать?... Что-же! не мудрено. Въ этомъ

самомъ полку служить двоюродный братецъ , который подарилъ шкатулку . Мы его распрости .

Молодой Графъ прѣхалъ послѣ развода . Не трудно было заманить его къ себѣ въ комнату и завести разговоръ о парадахъ , ученьяхъ и прочемъ . « Да , кшанинъ , милостивый государь , » прибавила Софія , « вы еще не давно офицеромъ : знаете-ли вы всѣхъ вашихъ товарищей ? » — Какъ же знаешь , отвѣчалъ юный воинъ , съ самодовольною улыбкою . — « Посмотришь , посмотришь ! » и раскрывши Адресъ-Календаръ , Княжна прочитала нѣсколько именъ , при каждомъ спрашивая : Этотъ въ какомъ чинѣ ? Отвѣпы были удовлетворительны , и даже съ подробностями , напримѣръ , тѣмъ командуетъ , какіе званія опланилъ итѣнъ , въ казармахъ или на собственнѣй кватирѣ живетъ , и проч . Наконецъ выговорено : любезное имяшко , очень приятно и съ сильнымъ біеніемъ сердца . « Славинъ ? » отвѣчалъ Графъ : « Этотъ не находится при полку , однако я и его знаю . Даша его Генерала до сихъ поръ въ Пажескомъ Корпусѣ . Онъ часто къ нимъ ѣзжалъ . » Не зная что чувствовалъ Колумбъ , когда достигъ цѣли своихъ измѣнаній , но едва-ли онъ такъ обрадовался , какъ милая Княжна , по-видимому напередъ взявъ ключъ къ оцѣркѣ важной для нея тайны . « Славинъ ! ... Славинъ ! ... » повпорила она , поднимши вверхъ головку , и какъ будто припоми-

ная что-то. «Мнѣ кажется, я видѣла его въ Москвѣ. У него лицо какъ будто Азіятское?» — Именно. — «Онъ... калмыковатъ?» — О напрорки! У Славяна лицо длинное и лобъ высокій. Онъ смугловатъ и имѣетъ черные волосы. Этимъ и похожъ на Азіянца. Впрочемъ, такъ смашень и хорошъ! Пламенные, огненные глаза и прекрасные зубы.—О! какъ обрадовалась Софія! Она терпѣть не можетъ узкихъ лбовъ и плоскихъ носовъ. «Скажи мнѣ, топ ашѣ, онъ... хорошо воспитанъ?» — Какъ же лзя лучше. Иноспранные языки знаетъ въ совершенствѣ, пишанъ, чуть-чуть не ученый, и въ добавокъ къ тому оплитный музыкантъ.—«А на какомъ инструмента онъ играетъ?» спросила съ невольною живостью Софія, спрашивая охотница до музыки. — На фортепьяно, на скрипкѣ, на флейтѣ и еще на чемъ-то. Да что все это значить? Не влюбилась-ли ты въ нашего друга Славяна.— «Вотъ прекрасно! влюбилась! когда я и въ глаза его не знаю. Помнится мнѣ, что на балѣ у Сардинскаго Посланника я съ нимъ танцевала, и мнѣ сказывали, что... очень хорошій... офицеръ.» — Тебѣ сказали правду. Славинъ не только хорошій офицеръ, но и человѣкъ достойный уваженія, всѣми любимый, умный, образованный, съ благородными чувствами и рѣдкій поварницъ. — Женщины очень искусно скрываютъ сердечныя ощущенія и это ужьне винушено мнѣ

самую природою. Однако шаже самым природа иногда заставляет ихъ покоряться необходимо-сти. Послеъ сказаннаго молодымъ Графомъ, лично Софіи мгновенно разгорѣлось. Хорошо еще, что она сползла спиною къ окну и держала предъ глазами полскую книгу. Что было. причиною сего смущенія? По физиологическимъ наблюденіямъ женскаго сердца, оказывается, что это произошло отъ радости. Но чему-же было радоваться, когда всѣ вышеписанныя похвалы относились къ человѣку незнакомому и до сихъ поръ еще не любимому? Какъ чему! Этого невѣроятный и нелюбимый, замѣтилъ ее одну, среди тысячи ей подобныхъ, этого всѣми уважаемый и хвалимый человѣкъ хотѣлъ, чтобъ она, а не другая, была способна любить пламенно, вѣрою-но такъ-же какъ самъ онъ можетъ любить! Слѣдовательно, есть надежда быть любимомъ достойнымъ человѣкомъ и тѣмъ достигнуть высочайшаго блага жизни. Всѣ эти мысли родились мгновенно не въ головѣ, а въ сердцѣ юной Княжны. Сердце женщины въ одну секунду сочиняетъ больше нежели сотни профессорскихъ головъ въ цѣлыя сутки!... Отъ сего невольно разыгралась кровь, безпрестанно изливаемая снѣзкою сосисъ страстей, и орудия зеркала душевныхъ ощущеній. Но и присутствіе духа не терпится въ подобныхъ случаяхъ. Княжна съ веселымъ видомъ начала продолжатъ экзаменъ, и назвала еще до

десяшка офицеровъ, распранивая съ видимымъ любопытствомъ о умѣ и образованіи тѣхъ, которые были ей нѣсколько извѣстны. Самъ Графъ наконецъ избавилъ ее отъ насильнаго и ненужнаго труда, сказавши: «Я знаю почти весь Гвардейскій Корпусъ. Какъ можно разсказать тебѣ подробно о всѣхъ моихъ знакомыхъ?...» Съ этими словами онъ вспалъ и вышелъ изъ комнаты.

Поздно возвратилась Графиня съ своею племянницею изъ концерша. Но Софія не хотѣлась спать. Этотъ день былъ однимъ изъ лучшихъ въ ея жизни. Необычайная веселость, которую она оказывала, какъ будто подѣйствовала на степенную пѣтушку, которая съ удовольствіемъ до прѣшняго часа упря полковала съ Книжною объ ошланныхъ виртуозахъ, ими слышанныхъ. Софія завела даже разговоръ о преимуществѣ инструментовъ, и рѣшительно опредѣлила, что скрипка и флейта болѣе другихъ способны выражать чувства. Будучи сама искусною фортепианисткою, она сознавалась, что этотъ инструментъ не имѣетъ души и что блгоствѣ пальцевъ составляетъ все искусство играющаго на ономъ. «Игру на фортепиано,» говорила она, «можно уподобить свѣтскимъ разговорамъ, въ которыхъ много легкости, много остроумія и очень мало чувства. Это совершенно женскій инструментъ. Но какая выразительность, какая

душа бываетъ въ инструментахъ, коими пользуются мужчины! Мнѣ кажется, та tante, прибавила она, что и въ самыхъ разговорахъ мужчины имѣютъ болѣе чувства нежели мы? »—Что съ тобою сдѣлалось?—сказала пропѣжно и зѣвая Графиня.—Ты черезъ чуръ зафилософовалась. Прощай, та bonne amie, пора спать. — Онѣ расстались, а Княжна удивлялась тому, что тепленькѣ пришла охота почитать. Софѣ хотѣлось-бы, чтобы солнце скорѣе показалось и пробудило всю природу, для встрѣчи радостнаго дня, услажденнаго воспоминаніями о вчерашнемъ успѣхѣ. Опустивши горничную и лежа на мягкой постелѣ, Софія начала мечтать.

Славинъ!.. прекрасное прозваніе для военнаго. Оно происходитъ отъ славы, равно какъ и наименованіе Славянскаго племени. Но точно-ли это онъ? Нѣтъ-ли и шутъ ошибки? Невозможно! Это онъ, это долженъ быть онъ. И шакъ любопытство Княжны удовлетворено скорѣе нежели она воображала. Этого умный, этого благородный человѣкъ находится здѣсь въ Петербургѣ и даже знакомъ съ ея ближайшимъ родственникомъ. Но что въ этомъ прибыли, если сердце Софіи къ нему не расположено? Да и можешь-ли она заниматься мужчиною, который ей не знакомъ? Не только можешь, но и должна. Онъ названъ глупыми всѣхъ Московскихъ барышень. Какъ это не утѣшило! Правда, въ письмѣ

къ своему пришедрю, а не во всенародное изтѣшеніе. Это навиваетъ его, по видимому, но въ сущности онъ согрѣшилъ предъ всѣми дѣвцами древней столицы. Положимъ, что не предъ всѣми, потому что онъ исключилъ *одну*; но развѣ это его оправдываетъ? А обидное предложеніе, оказанное Полькамъ? И за что? Единственно за то, что онѣ кокетки, между тѣмъ какъ осмѣянные Московскія барышни благоразумны и сепенны! Воишь каковы мужчины! А всебѣда происходитъ опять шого, что эти господа посѣщаютъ Варшаву, настоящій оспровъ Калисы для Русскихъ Телемаковъ. Побиваютъ шматъ, и ничто не нравится имъ на родинѣ. Спрохаживали бы запретить имъ эти поѣздки въ Польшу. Тамъ ихъ увлекаютъ кокетки . . . полно правды? Неужели всѣ Польки такія кокетки? Онѣ прелестны, ловки: въ этомъ виновна сама природа. А въ чемъ-же состоитъ ихъ кокетство? Въ умѣннхъ нравиться мужчинамъ. Но это самое умѣніе сопряжено-ли съ искусствомъ, съ расчетами? По видимому, нѣтъ! Княжна никогда не бывала въ Польшѣ, однако могла расчесать, что дѣвушка, не умѣющая писать порядочно по Французски, и посылающая къ своему обожаемому смѣшныя записки, вѣрно мало заботилась о прельщеніи своего рыцаря умомъ и восхищеніемъ. Умильные глазки, спрасные разговоры и шому подобное, могутъ завлечь мужчину только на

вреня. Когда-же онъ увидишь , что его красавица глупа и не образована ; тогда исчезнетъ очарованіе , и бѣдная Дидона будетъ оставлена своимъ Энеемъ !.. Но Славинъ , умный , ученый Славянъ плѣмился незлыми записочками красавицъ береговъ Вислы. Следовательно онъ обладающъ искусствомъ нравиться !

А вы, бѣдныя подружки и сеспирицы ! Вы Московскія барышни, доселѣ полагавшія, что образованіе и таланты могутъ привлечь къ вамъ эшихъ гордецовъ, эшихъ скипающихъ поклонниковъ чужеземныхъ красотъ ! Какъ вы обижены ! Вопъ какъ судящъ о васъ мнимые цари, мужчины ! О прихотливые шираны !.. Нѣтъ ! Надобно опоместить за это оскорбленіе прекраснаго пола. Московскія *барышни*, по мнѣнію Господина Славяна , очень глупы отъ того, что слишкомъ умны ! Онъ хочетъ, чтобъ онѣ были такія-же невѣжды , какъ хваленныя ваши Польки ? Онъ требуетъ, чтобъ онѣ не умѣли ни рисовать , ни писать порядочно ? За ихъ образованіе онъ называетъ ихъ дурами ? Посмотримъ, милосливый государь ! точно-ли онѣ таковы. И такъ какъ вы изъ числа глупыхъ исключили Княжну Софію , то она вмѣняетъ себѣ въ обязанность, вступить за честь своихъ подругъ , и доказать вамъ , что дерзкія сужденія мужчины легко могутъ быть наказаны. Вы живете здѣсь, въ Пешербургѣ ; увидишь васъ

не мудро, и предпочтенная вами Софія приметъ свои иѣри. Не бывавши никогда въ Польшѣ, она заставитъ васъ признаться, что и въ Россіи дѣвушки могутъ нравиться взыскательнымъ умникамъ. Женщины изобрѣтательны: не шутите съ ними!... И когда вы, мсьё Викторъ, падете на колѣна предъ вашею побѣдительною, тогда она съ торжествующимъ видомъ скажетъ: Что, господинъ насмѣиваетъ! глупы-ли Московскія барышни? Смирись, государь мой, и покайся въ своемъ опрометчивомъ сужденіи. Вы полагали, что узнавши въ короткое время наружный видъ Москвы, вы угадали и свойства ея жительницъ? Ошиблись!... Въ какомъ опечаленіи будетъ тогда этотъ надменный сапирикъ, и какъ пріятно подобное мщеніе. Но что-же будетъ послѣ онаго?... Послѣ?... послѣ... Софія заснула и не мечтала о послѣствіяхъ.

В. У.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

Вполнѣ соглашаясь съ основною мыслію Г. Кришника, помѣстившаго въ 11-мъ № Моск. Тел. (1829) свой разборъ Стихотвореній Барона Дельвига, съѣмъ однакожь думаю, что не слишкомъ-ли далеко распространилъ онъ неумолимый законъ остракизма на подражателей и переводчиковъ древнихъ? Совершенно не можемъ мы постигать духа древнихъ, но исполнѣ-ли мы можемъ родниться съ образомъ мыслей и современныхъ намъ Европейцовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ свою фizioномію? А запрещеніе Г-на Кришника проспирается и на переводы съ новыхъ языковъ: что-жь намъ остается дѣлать? Учиться языкамъ? согласенъ; но вѣдѣ-ли имѣешь столько досуга и возможности? При томъ и А. Шлегель, который такъ строго судилъ о Фоссе, самъ перевелъ Шекспира. Дѣло въ томъ, имѣ кажется, что Г-ну Кришнику должно было говорить съ нѣкоторыми ограниченіями: ничего нельзя разсмахривать безотносительно. Совершенно нѣтъ на землѣ, но все, *больше или меньше*, приближается къ нашему идеалу, созданному по первообразу идеаловъ. И можно-ли сравнивать подражанія и переводы Французовъ, съ подражаніями Гёте, автора Римскихъ элегій и эпитаграммъ (въ значеніи древнихъ), поэта, который обрисовалъ намъ

зёрными чертами Миньону и назвала пластическіе характеры Ифгеніи, Ореста, Пилада? Такой ошзывъ дышишь какою-то неблагодарностью къ единственному генію времени новѣйшихъ. Кто сказалъ Г-ну Кришкику, чтобы Гёте мало уважалъ сюими подражаніями въ древнемъ духѣ? Напрѣмъ этого, въ стихотворномъ своемъ Предисловіи къ Герману и Доротеѣ онъ именно говоритъ:

Doß Homer's zu fern auch wir als Leser, ist fñh (*).

Если мы удивляемся Гётевымъ подражаніямъ древнимъ, почему не ошдашь справедливости и необыкновенному таланту Барона Дельвига? Конечно, нельзя сказать себѣ: «буду Байрономъ»— но въ тоже время можно *чувствовать*, что для меня доступенъ его образъ воззрѣнія, что я самъ такъ-же смотрю на предметы: не то, горе-бы было Тальманъ и Щепкинымъ, жалкіе-бы они были актеры, если-бы не могли переселяться душою въ положеніе и образъ мыслей представляемыхъ ими лицъ. Баронъ Дельвигъ чувствовалъ, что онъ понимаетъ духъ древнихъ. И не грѣшно-ли его сравнивать съ Херасковымъ и подобными сему стихотворцами: у нихъ встрѣчаешь только имена древнихъ боговъ и богинь, которыхъ удивляются, очутившись въ пласломъ, жесткомъ и безконечно-длинномъ шестистопномъ амбическомъ стихѣ. Какія данныя имѣеть Г-нъ

(*) Т. е. быть Гомеридомъ, даже послѣднимъ, прекрасно.

Криницкѣ, утверждая, что идилліи Барона Дельвига лишены духа, и что въ нихъ сохранена только одна форма сложенія древнихъ? Любопытно-бы было видѣть чѣсто романшическія понятія нашего времени, выраженные гекзаметромъ, напр. характеры Фауста, Маргариты, Онегина, Алеко: это были-бы карикатуры. Если что и можно сказать, то развѣ только то, что въ наше время можешь быть свой Классицизмъ Романшическій. Если для Классицизма древнихъ необходимы были подшеизмъ и свободная, какъ и одежда ихъ, жизнь республиканская, то и мы, Европейцы, не имѣли своихъ героев Христіанства въ легендахъ Западной церкви и феодализмъ (удѣльной системы въ древней Россіи), который есть какой-то ошголосокъ республиканскаго правленія? Греки имѣли свои воспоминанія о духовной созерцательной жизни подъ небомъ Востока, и это нѣкоторымъ образомъ умѣряло ихъ матеріализмъ, а мы имѣемъ свои воспоминанія о прошивоборствіи первыхъ подвижниковъ Христіанства съ богами Рима и язычествомъ Германскихъ народовъ, что и наводитъ нѣтъ матеріализма на духовность нашего стремленія. Въ этомъ мы совпадаемъ вообще со всеми Европейцами. Но развѣ у насъ нѣтъ собственныхъ преданій *доброй старины*, которая, съ своими предразсудками, повѣрьями, набожностью, любезною простотою образа мыслей и матеріальнымъ стремленіемъ, имѣющимъ цѣлю доволство внѣшней жизни, развѣ не представляетъ обильнаго источника для нашихъ снхотворныхъ сказаній? Германъ и Доротея Гёте потому имѣла столь великій успѣхъ.

А въ эпиграммахъ его развѣ не видно стремленія открыть Классицизмъ въ нашемъ Христианскомъ мѣрѣ, напр. въ этой :

Wie dem hohen Apostel ein Luch voll Thiere gezeigt ward,
Stein und unstein, zeigt, lieber, das Wädslein sich dir.

Напрасно Баронъ Дельвигъ не испытываетъ силъ своихъ во второмъ семъ родѣ: это еще не пробуемый рудникъ; такого рода преданія могутъ, кажется мнѣ, съ успѣхомъ бытъ выражены въ вольно-подобномъ гекзаметрѣ.

Разбирая Стихотворенія Барона Дельвига, въ удивленію моему, я принужденъ хвалить многія изъ эпиграммъ, которыя не нравятся вышеозначенному Г-ну Кришнику, напр. *Смерть*.

« Мы де смерти боимся, но съ шѣломъ распашься
намъ жалко :

« Такъ не съ охотою мы старый смѣняемъ халашъ »

Здѣсь скрыта мысль истинная и глубокая, и выражена со всею простотою и безпечностію дрезняго, который о смерти думалъ какъ о законѣ необходимости, и любя свѣтскую жизнь, не страшился шемнаго царства смерти. — Или напр. эта эпиграма :

« Жизнью землею играла она, какъ младенцы
игрушкой.

« Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ. »

Снова еще простота въ сравненіи. Впрочемъ осмѣлимся замѣтить Г-ну Дельвигу, что Грекъ не сказалъ-бы *тамъ*: это что-то навѣваетъ раздумье.

емъ Романтизма; древній выразился-бы образѣе. Дайте Г-нъ Кришникъ, приводя въ примѣръ слѣдующую древнюю эпиграмму :

« Эпикой воздвигнулъ здѣсь ликъ Надежды съ Немесой рядомъ.

« Что знаменуютъ ? . . . « Желай ! . . » Скромность въ желаніяхъ будь ! »

говоришь, что такъ писали древніе; и мы согласны, что живой подлинникъ всегда похожѣе своего портрета; но касательно выраженія: « здѣсь символъ, » мы должны замѣтить неспочность: это аллегорія, ибо символъ есть просто знакъ, самъ по себѣ ничего не выражающій, но условно означающій какой-либо фактъ въ духовномъ или вещественномъ мірѣ: догматы христіанства названы Символомъ вѣры, а иносказанія язычниковъ суть аллегоріи.—Титиръ и Зол, идиллія, въ которой Г-нъ Кришникъ не находитъ « никакого склада », намъ кажется превосходнѣйшею. И почему Нимфы деревья должны быть Гамадриадами, а не Дриадами? Уже не для того-ли, чтобы вывести изъ этого невозможность имъ обитать въ плащанахъ? Мысль, выраженная въ послѣднихъ стихахъ:

« . . . ни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами срослися.

« Нимфы деревья сихъ, тайною силой имеютъ сочепавшісь ,

« Нимѣ въ дроздъ двойномъ вождельемъ на пупынка вѣютъ, »

намъ кажется истинно-классически облеченною :

*Нимфы, покровительницы сихъ плащановъ—«въ дре-
вѣ двойномъ сожделенемъ на пушища въюшъ.»*

Здѣсь, кажется, объясненіе не нужно. Это, пре-
восходно.

Изъ мѣлкихъ пьесъ, по моему мнѣнію, лучшія: *На
смерть В-ва, Утѣшеніе, На смерть собаки Ами-
ки*, что Авшоръ называлъ шушкою; но дай Богъ,
чтобы наши поэмы дарили насъ такими шуш-
ками! Посмотрите, какое описаніе:

«— Она была краше, и гривѣ
«Ръзвыхъ псовъ звѣроловицы Делін.
«Съ ея шерстью пуховой и въющейся;
«Лучшій шелкъ Индостана и Персіи
«Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкостью.

— — — — —
— — — — —

«Ужъ Амика ушла за Меркуріемъ,
«За Коцишъ и за Лепру печальную,
«Невозвратно въ обитель Аидову,
«Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбін
«На рукахъ у Капула тиликаеть.»

Здѣсь образъ мыслей древнихъ, которые ничѣмъ
не презирали, смотря на природу какъ на разби-
тое въ куски зеркало, въ которомъ обломокъ от-
ражалъ, хотя и не вполне, вѣчную идею идей.—
Кстати о Гермесъ: *Надпись на статую Флорен-
тійскаго Меркуріа* также превосходна:

«Перстъ указываетъ на даль, на главѣ развились
крылья,
«Дышитъ свободою грудь, съ легкостью див-
ною онъ

« Въ землю удара крылатой ногой, хлынулся въ
воздухъ...
« Мигъ—и умчится! Таковъ полный восторга пѣ-
вецъ. »

У Барона Дельвига есть еще свой родъ стихотвореній, *сбѣшанный*: таково Посланіе къ Пушкину, гдѣ онъ, восхваляя современника намъ Поэта, украшаетъ его пыльными розами Эллады. Во всемъ этомъ стихотвореніи видна какая-то возвышенная красота:

« Пушкинъ! Онъ въ лѣсахъ не укроется;
« Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
« И онъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
« Аполлонъ, на Олимпѣ торжествующій. »

Ныне, слышали мы, укоряють его за то, что онъ сказалъ:

« Флотъ, съ нестесненнымъ богачествомъ Америки, и
и ш. д.

Но это замѣчаніе мнѣ кажется неосновательнымъ: въ сбѣшанномъ родѣ это позволительно; при томъ для насъ Америка тоже, что Колхида для древнихъ, что Офиръ для Евреевъ. — Упомянемъ также о его прекрасномъ романсѣ: *Друзья, друзья, и Несторъ между вами*, и ш. д., и весьма оригинальномъ его стихотвореніи: *Сонъ*. Русское сердце радуется, читая его:

« — Обманчивъ сонъ, не вѣщій онъ!
« По гробъ груститъ мнѣ молодцу!
« Не Волгой плыть, а слезы лиль!
« По Волгѣ бродъ—саженный ледъ,

« По берегу-жъ за-Волжскому
« Машесть, гудесть машелица! »

Изъ Романшическихъ, пьесъ мнѣ болѣе прочи
правится Сонетъ: *Въ Испаніи Амуръ не тужестро-*
моу, и Сельская Элегія на смерть *** , въ кошо-
рыхъ видна: эстетическая душа Перша. Въ его
пьесѣ : *Домикъ*, очень примѣтно вліяніе Гёте-
вой *Weine Odine*. Но зачѣмъ было помѣщать спя-
хотвореніе *Къ предметъ*, выпущенной на волю, и Ро-
мансъ : « Вчера Вакхическихъ друзей » — это очень
нескромный отголосокъ Пушкина! Зачѣмъ это?
Пусть лучше :

« Съ благоговѣйною душой
« Поэшь, упавши на колѣна,
« И еиміаомъ и мольбой
« Васъ призываетъ, о Камены! »

Вы, безсмертныя, услышите его — и услышатъ!
Ему не нужны чужія перья.

Еще слово объ идилліяхъ. Читая заглавіе одной
изъ нихъ, а именно *Купальницы*, думалъ я: не
хочешь-ли насъ, Поэшь подарить описаніемъ проспо-
народнаго праздниества въ Малороссіи въ день Св.
Іоанна (кошорый тамъ и называется Купальничинъ),
какъ ночью молодые люди, увѣнчанные цвѣтами, пе-
репрыгиваютъ черезъ огонь, но обманулся, хотя
юныя Купальницы Барона Дельвига прекрасны, и
не по одному стопосложенію, но по истинѣ поэти-
ческой. Впрочемъ, *Конецъ золотого вѣка* я узнаю
болѣе. Предметъ ея очень простъ: пастухъ раз-
сказываетъ путешественнику о концѣ золотого вѣ-
ка, шѣмъ болѣе ему знакомаго, что,

« — — — — — спарецъ, пастухъ сей
начальный

« Былъ на проводахъ госпа,

Онъ поешъ ему пѣсню, коожорую

« — — Амарилла прекрасная пѣла.

« Пышиноволосая, стройная, счастье родиншей
спарыхъ. »

Вотъ ея содержаніе : пастушка полюбила Мелеш-
ніа, который

« Сладкорѣзливый, какъ Эрмій, былъ Фебу красною
подобень ,

« Голосомъ Пана искусный. »

Всѣ радовались юною чешою.

« Даже думали, глядя на нихъ : » Вотъ Арей и
Кирида

« Ходяще по нашимъ полямъ и холмамъ; онъ въ
шлемъ блестящемъ ,

« Въ мантии пурпурной, длинной , небрежно спу-
стившейся сзади ,

« Сказной камнемъ драгимъ на плечъ бѣлоснѣж-
номъ. Она-же ,

« Въ легкой одеждѣ пастушеской простой, но не
кровь, а безсмертье

« Видно не менѣе въ ней прошекаетъ по членамъ
неплѣннымъ. »

Мелешій клялся въ любви Амариллѣ, и пастухъ
говорить самъ о себѣ :

«Я была младенцемъ тогда. Вывало, обнявши
руками
«Възлы, нѣжныя ноги Мелемъ, смирно сину а.»

Это напоминаетъ Гётеву Иогенію, гдѣ Орестъ
говорить :

Wie oft, wenn still Elektra meine Schwester
Am Feuer in der tiefen Halle saß,
Drängt' ich beklommen mich an ihren Schooß,
Und starrte, wie sie bitter weinte, sie
Mit großen Augen an.

(Второе дѣйств. 1-е дѣл.) (*)

Мелемъ, приходищій изъ города къ Амариллѣ
ежедневно, не является къ ней и день, и другой,
и третій; пасхушка сама идешь въ городъ, и
что-же ?

« — — Видимъ: толпой передъ нами
«Спиройныя жеды проходятъ въ бѣлыхъ, какъ
ситъ, покрывать.
«Зеркало, чашки алмазы, ларцы изъ кости
слоновой
«Женщины тѣсно за ними несудъ. А молодыя
рабыни

(*) Я это перевелъ слѣдующимъ образомъ :

«Какъ часто я, когда сестра Электра,
«Въ концѣ чертога дальнемъ, у огня
«Сидѣла съ сжатымъ сердцемъ, припадая
«На лоно къ ней, глаза свои большія
«На горько-плачущей впередъ недвижно.»

«Рѣзая, громкоголоса, съ персей по:жеть наги,
«Около блещуть очами лукавыми въ пляскѣ ве-
селой,

«Скатушь, кто съ бубномъ, кто съ ширсомъ,
едва-жъ головою кудрявой
«Длинную вазу несетъ и подъ пѣсню шарелками
плещеть.

« — — — — —
«Спройныя жены веле изъ кунальни младую
супругу

«Злаго Мелешия. — — — — —
«Долго въ толпу Амарилла смотрѣла, и вдругъ,
запахавшись,
«Пала. Холодъ въ рукахъ и ногахъ и грудь безъ
дыханья!»

Потомъ слѣдуетъ описаніе ея безумія: Поэтъ признается, что онъ заимствовалъ у Шекспира предметъ—согласенъ я, но форма описанія его:

«Зевсъ милосердый! съ визгомъ какимъ и съ
какою улыбкой

«Въ роцѣ сей пѣсню она выводила? сколько съ
корнями

«Разныхъ цѣштовъ въ цѣшникѣ нарвала, и какъ
быстро плела ихъ!

«Скоро сшанный нарядъ изготовила. Цѣлья
вѣтви,

«Розами пышно облитыя, словно реки шортали

«Дико изъ визей вѣтка многоцѣшного, чудно-
большого;

«Плющъ-же широкій, цѣлями съ вѣтка по пле-
чамъ и по персямъ

«Длинный спадалъ, и шума по землѣ волочился за
нею.

Родились ея, онъ скорби —

« — — — — тихо склоняся другъ къ другу,
« Сномъ послѣднимъ заснулъ. »

Наконецъ утопаніе Амариллы довершается сіе послѣднюю группу —

« — — — Нимфы-ли водъ, красоту сожалея
« Юной наступили, спасши ее думали, платье-
сухое,
« Кругомъ широкимъ поверхностію воды обхвачивъ,
не давало
« ей утопнуть? Не знаю, но долго, подобно Навъ,
« Зримаю только не грудь, Амарилла спремени-
емъ несла,си,
« Пѣсю свою распѣвая, не чувствуя гибели
близкой,
« Словно во влагъ рожденная древнимъ опцемъ
Океаномъ. »

Что-же сказать о его Русскихъ пѣсняхъ? Всеобщее одобреніе публики говоришь краснорѣчивѣе моеѣ похвалы. Но если между задумчивыми аккордами Русскихъ пѣсень, изрѣдка Поэту вздумается противъ намъ раскодю въ древнемъ духѣ, мы можемъ только благодарить его, удивляясь оригинальности его таланта, и радоваться, что онъ не увлекся прѣмѣромъ другихъ, и не подражалъ вкось и впрямъ Пушкину, но шелъ своею дорогою.

М. I-я.

Книги 1829 года.

— Les quatre Saisons de l'année, ou la Botanique, la Zoologie, l'Astronomie et la Physique, mises à la portée de l'Adolescence (*Четыре времени года, или Ботаника, Зоология, Астрономия и Физика, изложенныя сообразно понятіямъ дѣшей*). ч. 3-я и 4-я, М. 1829. въ ш. А. Семена. 139, VIII, 278 и VII стр. въ 3-й, и 108, 393 и VIII стр. въ 4-й ч.

О первыхъ двухъ томахъ сей назидательной книги, мы сказали свое мнѣніе въ прошедшемъ году (М. Т. XXIV, 88). Нынѣ вышедшіе два тома подтверждаютъ прежнее мнѣніе наше. Въ нихъ изложены *Астрономія* и *Физика*. Почтенный Авторъ и здѣсь держался той-же методы, которой

сѣдоваль онъ при изложеніи *Ботаники* и *Зоологіи*. Послѣ яснаго, легкаго введенія, онъ предлагаетъ важнѣйшія отрасли науки и восходитъ до самыхъ строгихъ выводовъ оной. Это дѣйствительно ручная дѣтская книга, изъ которой можно легко научиться описываемымъ въ ней предметамъ, научиться, для дѣтскаго возраста весьма основательно. Рекомендую сіе учебное пособіе родителямъ и наставникамъ, желаемъ, чтобы какой нибудь знашокъ Естествознанія сдѣлалъ разборъ сей книги, и, показавъ достоинства ея, замѣнилъ и неисправности, какія можешь быть встрѣтятся въ ней.

— *Описаніе водныхъ сообщеній между Санктпетербургомъ и разными Россійскими губерніями. Съ гидрографическою картою. Сочиненіе Д. Кафшерева. СПб. въ т. А. Смирдина. 1829. 45 стр. in 8. (*)*

«Рѣки, озера и каналы, составляющіе систему пушей сообщенія между СПбургомъ и разными Россійскими губерніями, распространяются на двадцати чешырехъ губерніяхъ, расположенныхъ между 2° западной и 32° восточной долготы, по С.Петербургскому меридіану, и между 45° и 65° сѣверной широты. Они соединяются въ Европѣ съ заливомъ Финскимъ, въ Азіи съ моремъ Каспійскимъ,

(*) Въ М. Телеграфѣ было уже извѣстіе о сей книгѣ. Печатаемъ о ней другую, присланную къ намъ статью. О хорошемъ пріятно поговорить и два раза. *Пр. Из.*

леса и на разстояніи двухъ тысячъ верстъ по прямой линіи и болѣе трехъ тысячъ наші сохъ верстъ, слѣдуя воднымъ путемъ.»

Вотъ предметъ сей небольшой, но весьма важной книжки. Прежде всего Авторъ описываетъ воды, составляющія пути-сообщенія. «Система водъ путей сообщенія между С.Петербургомъ и разными Россійскими губерніями раздѣляется: на систему водъ Невскихъ, состоящую изъ рѣки Невы, всѣхъ рѣкъ и озеръ, естественно съ нею соединяющихся, и каналовъ, устроенныхъ для обхода озеръ; на систему водъ Волжскихъ, состоящую изъ рѣки Волги, и всѣхъ рѣкъ и озеръ, естественн съ нею соединяющихся; наконецъ на каналы, соединяющіе обѣ системы.»

Послѣ сего слѣдуютъ: *наименованія, соединеніе и мѣстоположеніе водъ*, Невской и Волжской системъ.

Вотъ длин главныхъ рѣкъ, входящихъ въ составъ путей:

Рѣки Невской системы.

Мста —	— 387 верстъ,	Тихвинка	159 верстъ.
Волховъ —	206 —	Нева	58 —
Свирь —	188 —		

Рѣки Волжской системы.

Волга,	болѣе 3000 верстъ,	Чусовая	— 400 верстъ.
Ока —	1300 —	Молога	— 370 —
Кама —	1200 —	Цна	— 350 —
Вяшка —	750 —	Кострома	300 —

Іюль 1829.

14

Бѣлая —	700 верстъ,	Ловаша —	300 верстъ.
Вешлага —	500 —	Свѣрга —	250 —
Клязьма —	450 —	Упа —	250 —
Мокша —	450 —	Москва —	200 —
Сура —	450 —	Тверца —	200 —
Шексна —	420 —	Угра —	200 —
Самара —	400 —	Гжашь —	150 —
Унжа —	400 —	Жиздра —	150 —
Уда —	400 —		

За сими означены пристани, съ раздѣленіемъ ихъ на верхнія и низовыя. Верхними именуются находящіяся между С.Пetersбургомъ и Рыбинскомъ, низовыми находящіяся между Рыбинскомъ и моремъ Каспійскимъ. Авторъ присовокупляетъ подробности о времени отправленія судовъ съ привалами, о времени, потребномъ для доставленія оныхъ въ С.Пetersбургъ, исчисляетъ губерніи, изъ которыхъ производятся главное отправленіе мѣстныхъ произведеній, наконецъ описываетъ мѣстное положеніе замѣчательнѣйшихъ мѣстъ при путяхъ: Нижняго-Новгорода, Рыбинска, Моршанска и Гжашска, вездѣ присовокупилъ важнѣйшія для его предмета подробности.

Глава II-я заключаетъ въ себѣ подробное описаніе водныхъ путей между С.Пetersбургомъ и Рыбинскомъ, гдѣ между прочимъ означены принципы устройства каналовъ между системами соды Невы и Волги, число, наименованія, мѣстоположеніе и длина путей, пристани и пороги, находящіеся на путяхъ; въ снѣгахъ: каналы, описаны раздѣленіе, различіе и наименованія оныхъ. Каналы раз-

дѣляюща на устроенные для соединенія системъ водъ, и устроенные для обхода озеръ. Первыхъ три: Маріанскій, Тихвинскій и Вышневолоцкій, вторыхъ чешыре: Ладожскій, Сязьскій, Свирскій, Новгородскій. Всѣ каналы устроены на счесть казны, кромѣ Новгородскаго, устроеннаго на счесть торговцевъ, провозящихъ Вышневолоцкимъ путемъ товары, и согласившихся плащшь на устройство онаго по десяти рублей съ каждаго проходящаго судна. За снмъ описаны каналы каждый отдѣльно. Въ заключеніе излагается: *ходъ судовъ чрезъ каналы, съ одной системы водъ на другую, и положеніе путей*, Маріанскаго, Тихвинскаго и Вышневолоцкаго.

Изъ легкаго очерка сей книжки, читашели видящъ всю важность оной. Мы должны прибавищъ, что Авторъ изложилъ свой предметъ ясно, кратко и вразумишельно. Со вниманіемъ разсмотрѣвъ его сочиненіе, получаете полное понятіе объ одной изъ важнѣйшихъ частей Русской Сланишники. Для вѣщаго уразуменія, въ концѣ книжки приложена прекрасная *Гидрографическая карта части Россійской Имперіи между Балтійскимъ и Каспійскимъ морями*.

Вотъ одна изъ тѣхъ книгъ, которыхъ появленію не зѣя не радовашься, и за которыхъ всякій благомыслящій читашель остается благодаренъ трудящимся въ сочиненіи оныхъ! — 1, 3.

— *Словарь жемужный*, или описаніе мѣстъ и водъ, на пространствѣ Россіи находящихься, въ конхъ ловившя жемчугъ. Издаъ Степанъ Руссовъ. СПб. въ ш. Деп. Народн. Просв. 1829. 36 стр. in 12.

Взглянувъ на первое названіе сей брошюрки, всякій подумаетъ, что Авторъ предлагаетъ намъ книгу юморическую; но выходишь совѣтъ прошивное. Желая пользы своимъ соотечественникамъ, Г. Руссовъ описываетъ, по азбучному порядку, всѣ Россійскія воды, въ конхъ ловишся жемчугъ, и въ заключеніе показываетъ средства узнавать жемчужныя раковины, вынимать жемчужины, мыть или очищать попорченный жемчугъ. Въ концѣ книжки его приложена *сравнительная цѣна жемчуга, относительно разлѣной крупности онаго.*

Долгомъ почишаемъ выписать изъ предисловія почтеннаго Автора слѣдующія слова: «Авторъ «проситъ всѣхъ, кому удастся найти гдѣ либо «жемчугъ, объ открытіяхъ своихъ увѣдомлять черезъ газеты или журналы, чтобы книжка сія со «временемъ могла усовершенствоваться.» Думаемъ, что никто не откажется споспѣшествовать Автору въ полезномъ его предпріятіи.

— *Искусство играть въ бостона*, или подробное наставленіе опытнаго игрока, узнать игру сію въ совершенствѣ, во всѣхъ ея измѣненіяхъ; съ показаніемъ на таблицахъ всѣхъ картъ у играющихъ и различныхъ съ оныхъ выходовъ, съ приложеніемъ таблицы расчетовъ, употребляемой при разыгрываніи каждой игры бостона. СПб. въ ш. Ив. Глазунова. 1829. 88 стр. in 12.

Г. Опытный игрокъ такъ подробно изъяснилъ, на заглавномъ листкѣ, содержаніе своего сочиненія, что намъ не нужно прибавлять, о чемъ идетъ дѣло. Въ предисловіи онъ самъ шутитъ надъ сво-

ниъ искусствомъ и доказываешь, что играшь въ босстонъ полезнѣе, нежели не дѣлать ничего. Съ этимъ не лзя согласишься безусловно; но мы также думаемъ, что игра въ висшъ, въ босстонъ, можетъ быть иногда весьма кспашн зашѣнна. Вообразице, что къ вамъ пожаловало нѣсколько чело-вѣкъ на вечеръ, и вы не знаете, чѣмъ занять ихъ, не находя съ ними предмета для разговора. Тушъ каршы будущъ для васъ самымъ благодѣтель-нымъ прошивудіемъ отъ грусти и скуки, или лучше сказать маленькимъ пріемомъ яда, истреб-ляющимъ болѣзнь, которая есть сама скука.

— *Путеводитель въ Москвѣ*. Изданный Сергѣемъ Гленкою, сообразно Французскому подлиннику Г-на Лекоеша де Лаво, съ нѣкоторыми пересочинен-ными и дополненными спашьями. *Изданіе второе, вновь дополненное*. М. Въ ш. А. Семена. 1829. 402 стр. in 8.

Второе изданіе сей книги показываетъ, что она шребуется, что ее читають. И какъ-же быть иначе! При многихъ недоспашкахъ своихъ, это почти единственное руководство къ познанію древней, знаменитой нашей столицы. Въ 1824 и 1825 годахъ, при появленіи въ свѣтъ подлинника и перваго изданія перевода сей книги, мы замѣ-чали многое, касательно недоспашковъ оной. Но не выдавъ послѣ сего ни одного порядочнаго со-чиненія о Москвѣ, соглашаемся, что Г. Делаво оказалъ большую услугу своимъ *Путеводителемъ*, а Г. Глянка переводомъ и пересочиненіемъ нѣко-торыхъ спашей сей книги. Къ нынѣшнему изданію

приложены тѣ-же картинки, которые были и при первомъ.

— *Сѣверная Звѣзда*. 1829. Издана Бесшужевымъ-Рюминнымъ. СПб. въ шип. X. Гинца. 1829. X и 308 стр. in 16.

Прочитавъ сію книжку, мы невольно пародировали начало Руссова Эмилъ: «Все прекрасно въ рукахъ писателя искуснаго, все плохо попавши въ когти писателя бездарнаго!» По праву береговому, кулачному, или по какому-бы то ни было праву, Издашеть Сѣверной Звѣзды навербозалъ себѣ довольно пьесь весьма хорошихъ; но онъ обшавилъ ихъ такъ дурно, что названіе сей книжки совсѣмъ не соотношится съ ея достоинству, и Сѣверная печатная Звѣзда едва-ли будетъ звѣздою незаходимою. Опрывки изъ сочиненій фонъ-Визина хороши вездѣ: это правда; но они не новы, извѣстны всѣмъ, и только къ досадѣ читателя напоминають, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ полнаго собранія сочиненій сего остроумнаго Писателя. Современные Литтераторы подарили Издашеть Звѣзды нѣкоторыя весьма хорошія стихотворенія, но такихъ немного; напротивъ балласту слѣшкомъ изобильно въ его легонькомъ свѣжмѣ, и мы думаемъ, что сія-то несоразмѣрная тяжесть увлечетъ Сѣверную Звѣзду за горизонтъ литтературный. Кромѣ статей фонъ-Визина: *Выборъ учителя — Слѣдствія комедіи: Недоросль — Письмо Тараса Скотинкина къ родной его сестрѣ, Гжѣ Простакowej — Придворная Грамматика*, проза сего Алманаха не представляетъ ничего замѣчательнаго. Страничка Ф. Н. Глинки, страничка, названная

*Картиною на берегахъ Оби, пять страницекъ Г-на Карагофа, Мысли о богатствѣ и бѣдности, даже по краткости своей не сполни помѣщенія въ альманахъ. И въ Нѣмецкихъ книжкахъ сего рода скучно встрѣчать по нѣскольку строчекъ Жанъ-Поля или Маріи Вебера, напечатанныхъ потому только, что ихъ написала рука необыкновеннаго человека. Но отъ чего такое уваженіе въ упомянутыхъ спашьяхъ въ Сѣверной Звѣздѣ? Развѣ это ошрывки изъ Алкорана, котораго каждую строчку Магомешаннъ цѣнитъ дороже нитки крупнаго жемчугу? — Исторію булавки, Г-на Иллчевскаго, можно было-бы похвалить, если-бъ мысль сей спашья была поновѣе. Сочиненія самого Издашеля: *Могильная роза* и *О Веневитиновѣ* и его сочиненіяхъ, довольно посредственны; о послѣднемъ изъ нихъ можно замѣтить развѣ только то, что оно перепечатано изъ Сѣверной Пчелы. Но утѣшили насъ и заставили посмѣяться двѣ спашьи: *Нѣкто объ альманахахъ*, и *Мысли и замѣчанія Литтературнаго наблюдателя*. Онѣ принадлежатъ какому-то грозному Псевдониму *Аристарху Застѣному*. Онъ даетъ множество совѣтовъ Русскимъ Литтераторамъ, многихъ изъ нихъ громитъ безпощадно, замѣчаетъ то и то, но жаль, что ни въ чемъ не достигаетъ своей цѣли и безпрестанно противорѣчитъ себѣ. Напримѣръ, онъ упрекаетъ издашелей нашихъ альманаховъ въ подражаніи первому Русскому альманаху, а самъ ищетъ для Сѣверной Звѣзды; совѣдуетъ роскошно издавать книжки сего рода, а Сѣверная Звѣзда наряжена слишкомъ по домашнему; наконецъ заботится о Русскомъ слоgъ слѣ-*

дующею фразою: «Слогъ сей долженъ быть веселъ и простъ, но веселъ и ясенъ.» Въ мысляхъ и замѣчаніяхъ своихъ Г-нъ Завѣшный жестоко нападаетъ на лирическіе достоинства Г-да Плещева и Барона Дельвига. Все остальное въ сей статьѣ не стоитъ упоминанія; но неудѣшная сѣбѣлость Г-на Завѣшнаго противъ упомянутыхъ Лирическихъ поэтовъ, едва-ли не безпримѣрна, и пошлѣе должна быть замѣчена. Изъ стихотвореній сего Альманаха упомянемъ о нѣсколькихъ пьесахъ, подписанныхъ буквами *Ал.* Въ нихъ узнаемъ мы одного изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ нашихъ, но не думаемъ, чтобы Издашеля имѣлъ позволеніе напечатать сіи стихотворенія. Это сочиненія юныхъ лѣтъ узнаваемого поэта, или случайныя пьесы, коими не были назначены къ печати. Впрочемъ, не наше дѣло судить о правахъ Г-на Издашеля: мы рады встрѣчаться въ его книжкахъ даже и перыи оныи поэма,

Чьей лиры гордыя обломки

Переживушь твоимъ ласцею!

Мы не можемъ исчислить всѣхъ стихотвореній сего Альманаха, пошлѣе что ихъ очень много, а именно 64. Подъ нѣкоторыми встрѣчаются имена Г-да Баратынскаго, Ф. Н. Глинки, Карагофа, Ободовскаго, Загорскаго, Туманскаго, Иличевскаго, Вельшмана, но всѣ сіи поэты какъ будто скупались и не охотно вступали на поприще Сѣверной Звѣзды; отъ того, можешь быть, какъ-то скучаешь, находясь даже въ ихъ пріятномъ, блестящемъ обществѣ.

НВ. Пересмотрѣвъ нашу спамію, видишь, что мы ничего не сказали о прозаическомъ ошрывкѣ, напечатанномъ въ семь Альманахѣхъ подъ заглавіемъ: *О духѣ нынѣшней критики*. Sit ei terra levis!

— *Лара*. Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Лорда Байрона, переводъ Александра Носкова. М. въ ш. Седывановскаго. 1929. 74 стр., in 8.

Борьба съ Лордомъ Байрономъ пребудетъ богатырей, почти баснословныхъ для нашего времени. Гармоническій Поэтъ нашъ, Г-нъ Козловъ, не удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ кришки переводомъ Абидосской Невѣсты. Послѣ сего надобно было имѣть много отважности, для перевода Лары, одной изъ сильнѣйшихъ, по выраженію, поэмъ Байрона. Г-нъ Носковъ, какъ видно, не зналъ всей великости своего предпріятія, и пошому единственно выдалъ въ свѣтъ сей переводъ, дающій весьма сбивчивое понятіе о подлинникѣ. Изъ него узнаете только содержаніе Лары, и болѣе ничего: гармонія, стихи, сила выраженія, *Поэзія* Байронова остались въ Англійской почвѣ. Впрочемъ, въ Русскомъ переводѣ (если только не сличать его съ Байрономъ) есть мѣста хорошія, и вообще Г-нъ Носковъ пишетъ стихи съ чувствомъ; напримѣръ:

Спустилась ночь: ни вѣтерка
Надъ темно-синими струями!
И сводъ небесный, и рѣка
Блещаютъ свѣтлыми звѣздами.
Вода чуть движется волной,
Но непримѣтно утекаетъ
Какъ радость жизни молодой!
Коверъ зеленый разстилается

Свой влажный шелкъ по берегамъ,
 И къ тихимъ наклонясь водамъ,
 Подъѣмлетъ къ небу дубъ масляный
 Во мракъ ночи мракъ въшвей. . .
 И нѣжная краса полей,
 Цвѣшетъ при немъ цвѣтокъ душистый,
 И тихо все въ прозрачной мглѣ,
 И въ небесахъ и на землѣ.

Или, вотъ описаніе ночныхъ бесѣдъ Лары:

Гнепомъ душевною тоскою,
 Отрады въ книгахъ онъ искалъ;
 Дни, ночи, часто провождалъ
 Въ бесѣдѣ съ мертвой головою.
 Тогда по хранимъ пустой,
 Гдѣ лики прадѣдовъ мелькали,
 Рабы его, средь тмъ ночной,
 Шаги поспѣшные слышали.

Желая дальнѣйшихъ успѣховъ Г-ну Переводчику, замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у него смѣшаны рифмы и не изглажены рифмы бѣдныя. Этого небольшого недоспалокъ легко можешь быть исправленъ.

— *Пертская Красавица*, или праздникъ св. Валентины. Историческій романъ Сира Валтера Скошша. Перевелъ съ Французскаго Михаилъ Воскресенскій (4 части). М. въ ш. Селивановскаго. 1829. 224, 245, 243 и 233 стр., in 12.

— *Морской Разбойникъ*. Сочиненіе Сира Валтера Скошша. Перевелъ съ Французскаго Михаилъ Воскресенскій (4 части). М. въ ш. Селивановскаго. 1829. 252, 233, 226 и 274 стр., in 12.

— *Приключенія Нигелла*. Сочиненіе Сира Валшера Скопша. Переводъ съ Англійскаго. Въ четырехъ частяхъ. М. въ п. Н. Степанова. 1829. 202, 263, 282 и 268 стр., in 12.

— *Вудстокъ*, или Кавалеръ. Исторія времени Кромвеля 1651 года. Сира Валшера Скопша. Переводъ съ Французскаго А. Герасимова. Съ портретомъ Кромвеля (4 части). М. въ п. Селивановскаго. 1829. XVIII, 323, 345, 323 и 383 стр., in 12.

При множествѣ другихъ Литературныхъ явленій, мы до сихъ поръ не могли извѣстить читателей нашихъ о выходѣ въ свѣтъ четырехъ романовъ Валшера Скопша въ Русскихъ переводахъ. Въ подлинникѣ, сіи книги пользуются славой, къ которой хвала наша ничего не можешь прибавить; въ Русскихъ переводахъ ихъ невозможно читать: таковы сіи переводы! Мы не одинъ разъ жаловались на Г-дъ поставщиковъ Русскихъ, переводящихъ романы знаменитаго Шотландскаго Баронета; нынѣ вновь подаемъ апелляцію публикѣ на переводчиковъ *Пертской Красавицы*, *Морскаго Разбойника*, *Нигелла* и *Вудстока*. Можно-ли такъ безжалостно уродовать изящныя произведенія! Не знаемъ, кто изъ вышеписанныхъ Господъ ужаснѣе для Валшера Скопша, но думаемъ, что Г-нъ Герасимовъ, въ переводѣ *Вудстока*, чуть-ли не перещеголялъ всѣхъ, бывшихъ и будущихъ Переводчиковъ В. Скопша. Овъ терзалъ Вудстокъ, переводя съ Французскаго. Мы сличили нѣкоторыя мѣста его перевода съ Французскимъ, и нашли смѣшныя недоразумѣнія и невѣроятное незнаніе. Подтвердимъ это примѣрами.

« Въ припадкѣ безумія, Король Леаръ принялъ Едмонда за философа *Фебейскаго* и вопрошалъ этого «ученаго *Фебіанца* о высокихъ разрѣшеніяхъ метафизическихъ (*Кингъ-Леаръ*, статья III). » Просимъ читателей нашихъ угадать, что это за *Фебейскій Фебіанецъ*, о которомъ идеешь рѣчь? Какая въ *Кингъ-Леаръ* статья III? Это намъ сей часъ покажетъ Французскій текстъ. Вотъ онъ: « Dans un de ses accès de folie le roi Lear prend Edmond pour un philosophe de *Thèbes*, et veut interroger ce savant *Thébain* sur de hautes questions métaphysiques. *King Lear*, acte III. » То есть: « Въ припадкѣ безумія, Король Лиръ почитаетъ Эдмонда *Оивскимъ* философомъ и хочетъ требовать у сего ученаго *Оивлянина* разрѣшенія высшихъ метафизическихъ вопросовъ. — *Король Лиръ* (то есть Шекспирова трагедія сего имени), *дѣйствіе* III. » Можешь быть читателемъ подумывать, что мы невѣрно списали переводъ Г-на Герасимова? Просимъ ихъ взглянуть на 10-ю страниц. 1-й части сего перевода. На страниц. 74-й 2-го тома, Г-нъ Переводчикъ объясняетъ слова *Fibbet* и *Vibbet* слѣдующимъ образомъ: « терминъ *Аргота* — также терминъ *Аргота*. » Это предестинно!... Вообще Французскій языкъ знаетъ онъ столь плохо, что рѣдко гдѣ понимаетъ смыслъ подлинника, и онъ того пишетъ совсѣмъ не то, что хочетъ выразить Авторъ. О Русскомъ слоgъ Г-на Герасимова и говоришь нечего: это болѣею частію бессмыслица и вездѣ нескладница. Въ примѣръ первой, выпишемъ слѣдующее: « И такъ извѣстнымъ мы читателямъ нашимъ, что стшованіи комиссаровъ, изгнанныхъ изъ рай, который чаля

они обрѣши въ Вудстоки, не Херувимомъ, но истиннѣ, но, какъ они думали, духами другого рода, удерживали ихъ еще въ окрестностяхъ онаго.» Ч. 4-я, стр. 61-я. Отъ шочки до шочки не лѣзя понять ни слова!...

Утѣшився тѣмъ, что у насъ есть другой переводъ Вудстока, Г-на де Шаплеша, переводъ прекрасный, достойный подлинника. Не уже-ли при семъ переводѣ, кшо-нибудь изъ Русскихъ чинамъ людей станеть искасть уродливаго искаженія, изданнаго съ именемъ Г-на Герасимова?

Пертская Красавица, Морской Разбойникъ и Приключенія Нигеля переведены спосиѣ, хоша и то очень плохо. Мы весьма сомнѣваемся, чѣшбы *Нигель* былъ переведенъ съ Англійскаго. На это намекають собственные имена и разныя Англійскія слова, коихъ произношенія Г-нъ Переводчикъ не знаетъ. Напримѣръ: *Рихардъ*, и проч.

— *Моя исповѣдь*. 1829 года Мая 30 дня, стихотвореніе Графа Хвостова, съ Нѣмецкимъ переводомъ. Спб. въ ш. Академіи Наукъ. 1829. 9 стр., in 4.

Графъ Хвостовъ печатаетъ нынѣ *Полное Собраніе Стихотвореній* своихъ, коихъ два первые тома уже вышли изъ печати. Сождавъ слѣдующіе томы сего Собранія, мы скажемъ свое мнѣніе о сочиненіяхъ почтеннаго Старца-Поэта. Оставивъ всѣ мнѣшніфикаціи, мы будемъ съ нимъ откровенны.

С М Ъ С Ъ.

Письма съ береговъ Лени.

Письмо П-е. До Киренска считашся отъ Иркутска около 1000 верстъ. Помня шамошнюю хлѣб-соль, я затрудняюсь сказать истину на счетъ Архитектуры и самаго расположенія этого стариннаго населенія завоевателей Сибири. Одна каменная церковь, впрочемъ не отстроенная, есть предметъ, на которомъ останавливается взоръ путешественника, послѣ щепетныхъ напряженій увидѣть что нибудь городское. Причиною неблагообразія сего есть недостатокъ промышленности: хлѣбъ рождается не каждый годъ, промыслы звѣриные плохи, а въ рѣкѣ очень мало рыбы. Бѣдность есть удѣлъ всего Киренскаго уѣзда; но за то жители отягчаются простою нравовъ: между 9000 оныхъ цѣлый годъ не было ни одного уголовного преступленія; воровства чрезвычайно рѣдки, и если бывають иногда грабежи и убійства, то преступленія сии совершаются каторжными, находящимися на соловаренномъ Усть-Кудскомъ заводѣ, которые лѣтомъ обыкновенно бѣгають отъ работы. Осправляющіеся на звѣриные промыслы не могутъ запасаться съ излишкомъ съѣсными припасами, и домашніе ихъ, положивъ хлѣба въ мѣшокъ, кладутъ въ извѣстномъ мѣстѣ на дорогѣ, а чтобъ удобнѣе было отыскать его въ снѣгу, втыкають надъ

нимъ палку; иѣшюкъ сей недѣли по двѣ лежишь неприкосновеннымъ, и нишко, кромѣ хозяина, не сѣдѣшь присупишь къ нему. Причиною простоты нравовъ есть конечно то, что въ уѣздѣ семъ нѣтъ ссылочныхъ поселщиковъ, этихъ людей, которые, вынося съ собою изъ Россіи пороки и пресшунленія, разсѣивающъ ихъ между жишелями Сибири.)

До сихъ поръ мы немного страдали отъ морозовъ, но по отъѣздѣ изъ Киренска встрѣтились нѣ въ полномъ могуществѣ. Никакая шуба не въ состояніи защитишь отъ нихъ; какъ-бы тепло ни были одѣты ноги, но часа черезъ два непременно замерзнушь; болѣе всего досажается носу, для сохраненія котораго обыкновенно около шеи обвертывается шаль, закрывающая лицо до самыхъ глазъ, но отъ дыханія по краямъ шали и шапки намерзаетъ куржевина, распаявающая отъ прикосновенія къ шлѣ, отъ чего по лицу течетъ безпрестанно мокрота. Въ каждую щелку кибитки дуетъ пронзительный холодъ, который какъ-бы буравчикомъ вершитъ шлѣ. У лошадей безпрестанно замерзаетъ въ ноздряхъ. Ямщикъ то сидитъ на козлахъ, то бѣжитъ подлѣ повозки, то вскочитъ верхомъ на одну изъ лошадей, которая обыкновенно запрягается гусемъ, по причинѣ тѣсной дороги, безпрестанно перемешаемой снѣгомъ. Лошади бѣгутъ медленно; къ концу станціи почти шагомъ. Прибавше къ сему совершенное одиночество: ни встрѣчнаго, ни поперечнаго, только горы, небо, лѣсъ и снѣгъ. Все эшо, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ путешествіе по Ленѣ зимою чрезвычайно несноснымъ. Надоно удивляться привычкѣ здѣшнихъ жишелей къ

морозамъ. Голыми руками запрягаютъ они лошадей, и одѣшы весьма легко.

Въ морозы обыкновенно начинаешь подниматься отъ рѣки и земли шуманъ, который увеличивается съ понижениемъ температуры, и наконецъ доходишь до такой степени, что на 20-ть сажень впередъ ничего не видно, кромѣ какой-то страншости.

За Киренскомъ слѣдуешь упраздненный городъ Вишимскъ, состоящій изъ 40 домовъ, расположенныхъ по лѣвому, высокому берегу Лены, противъ устья рѣки Вишима. Сія рѣка примѣчательна тѣмъ, что на вершинѣ ея ловятся хорошіе соболи, а во впадающей на нее рѣкѣ Мачѣ ловаются лучшая бѣлая сауда, которой пріиски начали уже испощаться. Въ прежнія времена находили пласты слюды аршина въ два длиною. Слюда идетъ въ Китай, и для флота. Здѣсь мы направили Экспедицію Норвежскаго Профессора Ганшсеена, путешествующую по сѣвернымъ странамъ для изсѣдованія свойствъ магнитной слюды. Экспедиція сія провела въ Вишимскѣ нѣсколько дней, наблюдая Сѣверныя сіянія, которыя здѣсь бывають почти каждодневно, и по два вдругъ, одно на Сѣверѣ, а другое на Юго-Западѣ. Это были первые и послѣдніе путешестввенники, встрѣтившіеся съ нами на столь длинномъ пути. Рѣка Лена, имѣвшая до сихъ поръ направленіе на Сѣверъ, у станціи Мукшукукской круто поворачивается на Востокъ, и течетъ по сему направленію до Якутска, гдѣ опять складывается на Сѣверъ, и въ семъ направленіи течетъ уже до Ледовитаго моря.

За 200 верстѣ до Олекминска начинающіяся кочевья Якушова. Этотъ народъ, о которомъ впоследствии поговорю пространнѣе, происхожденія Татарскаго, но имѣетъ въ языкѣ своемъ много словъ Монгольскихъ; ростомъ вообще малъ; лицомъ не черенъ, но сильно камыковатъ; сложенія крѣпкаго и одаренъ необыкновенною переимчивостію; обихаетъ, подобно Бурятамъ, въ чешвероугольныхъ, продолговатыхъ деревянныхъ юртахъ (съ ледяными зимою окнами) раздѣленныхъ внутри на двѣ половины, въ конѣхъ въ одной помѣщается корова, а другую занимаетъ хозяинъ съ семействомъ. Посреди юрты дѣлается камелекъ, въ который дрова владутся къ стѣнѣ вертикально, и когда бывають зажжены, то произсѣдая большое пламя, которое въ нѣсколько минутъ нагрѣваетъ юрту. Такіе камельки устроены на каждой станціи отъ Вишниска до Якутска, и чрезвычайно полезны для путешественниковъ: подѣвъ ихъ скоро можно согрѣться и просушить мокрое отъ куржевины платье.

Якуты сушь звѣроловы и пастухи; земледѣіемъ же совсѣмъ не занимаются. Скошь ихъ всю зиму ходяшь на поляхъ, и разгребая ногами снѣгъ, пищається сухою травою. Лошади здѣшнія не столь малорослы, какъ у Русскихъ крестьянъ, шолсты, чрезвычайно горячи и крѣпки. Кромѣ лошадей и коровъ, Якуты никакого скота не держашъ. Кочевья ихъ расположены по дугамъ и островамъ чрезвычайно распануто. Всѣ Якуты исповѣдуютъ Христіанскую вѣру, но въ случаяхъ необыкновенныхъ прибѣгають къ Шаманамъ; впрочемъ, худо

исполняютъ они обязанности нашей вѣры, и вѣспрастны къ прежнимъ своимъ обыкновеніямъ.

Н. Щ.

Г-ну РАИЧУ - АМФИТЕАТРОВУ.

М. Г. !

Я не хотѣлъ отвѣчать вамъ печатно на непристойныя ваши выходки ; но теперь вижу, что для усмиренія васъ долженъ я заготовить особенный отвѣтъ, а для уличенія написать нижеслѣдующее. Вы не напечатали моего перваго къ вамъ письма и не хошите печатать. Почему ?

По возвращеніи моемъ въ Москву, я крайне былъ удивленъ, что въ Журналъ вашемъ призываете вы меня въ свидѣтели клеветы и неправды, а потому доставилъ я Г-ну Полевому письмо, съ намѣреніемъ : прекратить пияжебное дѣло за нѣсколько сотворныхъ спрокъ, напечатанныхъ уже полгода тому назадъ. Я думалъ своимъ письмомъ окончить продолжительный споръ, избавишь отъ скуки публику, думалъ образумишь васъ, напонишь вамъ законы приличія, напонишь ваши обязанности къ публикѣ, которую вы такъ мало уважаете ; что изъ всѣхъ статей, печатаемыхъ въ вашемъ Журналѣ, можно указать только на брани, и то потому, что онѣ своимъ безстыдствомъ постоянно обращаютъ на себя вниманіе.

Но вышеозначенное письмо, по несчастію моему,

вызвало и меня на журнальное поприще, и я долженъ состязаться съ вами. Вы, предвидя себѣ щелестъ, явились ко мнѣ, на Молчановку, въ домъ Г-на Щелина, въ 9-шъ часовъ утра, долго мялись, заговаривая о погодѣ, пошомъ сами предложили напечатать, для устраненія моего имени, *все, что ли угодно будетъ*, только съ условіемъ, чтобы Г-на Полеваго не являлась на васъ улика. Я отвѣчалъ вамъ, что вы опоздали, что письмо мое уже у Издашеля Телеграфа, и я не знаю, можно-ли будетъ исполнить вашу просьбу. Потомъ изъяснилъ я желаніе, чтобы вы были въ Журналѣ вашемъ на мой счетъ откровеннѣе и договорили то, чего съ намѣреніемъ не досказали прежде. Вы, Семенъ Егоровичъ Рязецъ, объявили мнѣ въ отвѣтъ, что въ кришникѣ Галашен умолчаны многія обстоятельства потому, что *вы не выдали статьи до напечатанія оной*. Я повидѣлъ васъ тогда, а читатели поймутъ *теперь*. Наконецъ, вы стѣли за письменной столикъ (помните: за ширмами?), взяли перо; я положилъ передъ вами бумагу, и вы хотѣли писать для Галашен спашью мою справедливую защиту, но, сшраннымъ образомъ, за неумѣньемъ, стали просить меня шущее сочинить спашейку отъ вашего лица, въ такомъ видѣ, въ какомъ я хочу. Вы встали; я сѣлъ, и написалъ и отдалъ вамъ. Она была написана по вашему убѣжденію отъ вашего лица. Вы тогда показались мнѣ шакъ жадки, что не знаю, у кого-бы въ ту минуту поднялось противъ васъ перо. Какими мѣры: явиться съ видомъ униженнымъ, обо всемъ покорно просить, и пошомъ послушиться шакъ, какъ послушали вы! Но, Г-нъ Издашель

Галашен! Вы человекъ смирный, добрый, не предпримчивый, вы въ Литтературѣ овечка Виргиліева, вы барашекъ Геснера, вы рыбакъ Теокрыта, или лучше сказать, вы ни рыба, ни мясо: должно оправдать васъ! Въ политическихъ спашьяхъ Галашен не виноваты вы ни душою, ни тѣломъ. Если вы у меня не умѣли написать пяти строкъ прозы, то повѣрю-ли я, чшобъ у васъ не былъ человекъ, сочиняющій всѣ ваши рецензіи. Не хороша въ этомъ случаѣ роль ваша! О роль *товарища-невинокки*, не скажу ничего: онъ поставилъ васъ передъ собою, мечетъ полемическую дрянью во всѣхъ, и занимаетъ свое мѣсто...

Кончу статью мою совѣтомъ, не вамъ, а сосѣдику вашему (если онъ у васъ есть), что въ сраженіи не должно прятаться за щель, предавая виновнаго брата своего на жертву раздраженнаго непріятеля; не должно кусать прохожихъ изъ-за подворотни, подобно злой дворяшкѣ; не должно безпрестанно говорить про свою честь, ибо сильный языкъ праваго напомнитъ такому невиннику удачные стихи Комедіи:

Кто все про честь твердитъ, въ томъ чести
очень мало,
Въ тебѣ-же, милый мой, и во все не было.

А. Ротчевъ.

Русскій Театръ.

Коварство и любовь, трагедія въ 5-мъ дѣйствіяхъ; *Зефиръ, или вѣтренникъ*, сдѣлавшійся постояннымъ, балетъ въ 1-мъ дѣйствіи. (Бенефисъ Г-на и Г-жи Ивановыхъ, 10-го Іюля).

Не прошло еще двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ образованное сословіе Россіянъ сѣбно вѣрило, что Французская Словесность есть единая безгрѣшная и изящная, и что геніяльныя произведенія другихъ народовъ суть только жалкія, безвкусныя попытки. Безъ зазрѣнія называли въ то время Шекспира — уродливымъ (*monstrueux*), Шиллера — ничтожнымъ ученикомъ... Мы хотѣли было продолжать исчисленіе сихъ нѣжныхъ эпитетовъ, даваемыхъ великимъ писателямъ, но полагаемъ, что уже довольно двухъ вышеприведенныхъ именъ для показанія разницы, существующей между сужденіями того и настоящаго времени. Въ тѣ годы, большая часть образованныхъ молодыхъ людей знала Нѣмецкій языкъ несравненно лучше нынѣшнихъ скороспѣлокъ-ученыхъ, въ переводахъ своихъ уродующихъ Шиллера и Гёте (зри нѣкоторыя новѣйшіе переводы сихъ знаменитыхъ драматиковъ). Со всѣмъ тѣмъ, предубѣжденіе противъ всего уклонявшагося отъ скучныхъ формъ Французскихъ классиковъ, предубѣжденіе, съ малолѣтства насажденное въ умы, заставляло совершенно пренебрегать Германскою Музою. Если-бы въ то время Россіянинъ, свободно

и чисто говорящій по Нѣмецки, былъ вопрошенъ о Нѣмецкой Литтературѣ, то онъ опозвался-бы съ похвалою о Готтшедовой Грамматикѣ, по которой учился, о басняхъ Геллерта, стихотвореніяхъ Рамлера и Козегаршена и о Клейстовой Веснѣ, которыя составляли его читашъ учитель. Можешь бышь упомянуть-бы онъ о извѣстной ему по слухамъ Клоштокковой Мессіадѣ, а на вопросъ о Шаллерѣ, отвѣчалъ-бы только, что Шаллеръ сочинилъ ужасную драму Разбойники, въ которой нѣтъ ни правдоподобія, ни соблюденія прехъ единствъ и другихъ условій, предписанныхъ непогрѣшительнымъ Буало. Да не подумаешь читашеля, что я, жемъ превознести новѣйшія времена, стараюсь насильственными выдумками унижить прошедшія. Доказательствомъ прошивнаго можетъ служить то, что я самъ принадлежу къ упоминаемому мною поколѣнію, и что все вышесказанное есть смиренное мое сѣра, или говоря по Русски, мое призваніе въ собственныхъ грѣхахъ. Молодые люди нашего времени были совершенно невиноваты въ семь невѣжествъ. Нѣмецкому языку обучали ихъ, по большой части, давшиніе выходцы изъ Германіи, которые окончили курсъ наукъ въ шестидесяти и семидесяти годахъ, а Германская Литтература быстрый свой полетъ должна считашъ въ концѣ прошекшаго столѣтія. Журнальныя сообщенія новостей были въ то время не такъ многочисленны, какъ въ настоящее : Гамбургскій Корреспонденсъ, составлявшіи единственное чтеніе Нѣмецъ въ Россіи, хотя и извѣщаль о поступившихъ въ продажу новыхъ книгахъ, но молчалъ и доселѣ

молчать объ успѣхахъ Германской Словесности. Петербургскій Нѣмецкій Театръ зашмеваѣся блестящею Французскою шруппою, и драмы Коцебу составляли главную часть его репертуара. Сверхъ того, въ обществахъ и доселѣ не говоряшъ по Нѣмецки; мудрено-ли, что мои современники имѣли шакое-же понятіе о Германской Литтературѣ, какое мы нынѣ имѣемъ о Восточной, то есть, самое не полное, по рассказамъ.

Когда наконецъ успѣхи нашего оружія привели насъ на берега Одера и Эльбы, тогда новый, неизвѣстный міръ открылся предъ нами. Тогда мы сами узрѣли, на какой степенѣ образованности стоитъ отечество Виланда и Гёте, и сокровищница Нѣмецкой Литтературы изумила насъ дошолѣ неизвѣстными богатствами. Мы были шакъ-же удивлены, какъ Французы при появленіи въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Г-жи Спаль, въ коемъ знаменитая писательница ознакомила своихъ соотечественниковъ съ чуждою имъ Музою. Вся разница въ томъ, что мы были изумлены пріятнымъ образомъ, а Французы бѣснлись и досадовали на то, что за Рейномъ смѣютъ писать хорошо! . . . Въ бытность нашу въ то время въ Нѣмецкихъ театрахъ, мы наслаждались первыми для насъ представленіями изящѣйшихъ произведеній великихъ писателей. Казалось, что Лессингъ, Шиллеръ, Гёте и Вернеръ дебюшировали предъ нами, показывая множество своихъ дошолѣ неизвѣстныхъ произведений. — Первая Шиллерова трагедія, видѣнная мною на Нѣмецкомъ театрѣ, была: Коварство и любовь, представленная акшерами тогдашней знаменитой

Верлинской труппы. Кто подобно мнѣ смотрѣлъ на Иффланда и Машшауса, Г-жѣ Бешманъ и Флекъ въ вышеупомянутой трагедіи, шотъ смѣло можешь сказать, что онъ никогда не увидишь оной въ лучшемъ видѣ. Надѣюсь, что читатели не поскучаются моими воспоминаніями о семъ зрѣлищѣ, и съ терпѣніемъ прочитають небольшой отчетъ о наслажденіи, мнѣ онымъ доставленномъ. Разборъ цѣлой пьесы и описаніе искусной игры всѣхъ артистовъ, были-бы слишкомъ длинны; ограничуся двумя главными ролями, которыхъ, по мнѣнію нашему, суть роли: Леди Мильфордъ и Луизы.

Въ Луизѣ, Шиллеръ изобразилъ одну изъ тѣхъ прелестныхъ мечтательницъ, которыхъ не рѣдко встрѣчаюшся въ Германіи и совершенно чужды нашему отечеству. Луиза Миллеръ, дочь небогатыхъ родителей, прославаго званія, шѣмъ не менѣе довольно образована, что въ Германіи совсѣмъ не диковина. Это прелестное существо любитъ, не Графа, не сына перваго вельможи въ государствѣ, а просто Фердинанда. Блаженство лѣвиной любви Луизы можно уподобить блаженству серафимовъ. Этошъ ангелъ, долженствующій содѣлаться жертвою гнуснѣйшихъ интригъ, прошиву-поставленъ женщиной пламенной, пылкой, гордой, со всѣхъ сторонъ окруженной дарами форшунъ, женщиной, презрѣвшей стыдъ своего пола и являющей позорный примѣръ предъ лицомъ всего народа. Но и эта женщина, несчастная среди самаго счастья, презрѣнія достойная въ полнѣ низклонниковъ, ее обожающихъ, эта женщина также любитъ, со всею силою пламенной души, и предъ

метъ ея любви есть шопъ-же самый Фердинандъ, идеаль непорочной Луизы! На этой мастерской противоположности основана вся завязка пьесы, а носему и выполнение сихъ двухъ ролей требуетъ величайшаго искусства. Если актрисы, ихъ занимающія, будутъ коверкаться, стонать, визжать на одинъ напѣвъ, то онѣ никакъ не опишутъ двухъ различныхъ родовъ страсти, а будутъ только напоминать старинную пѣсенку : *Marion pleure, Marion crie, Marion veut qu'on la marie*. Не такъ исполнили свои роли двѣ знаменитыя вышеупомянутыя актрисы. Луиза (Г-жа Флекъ) явилась въ первомъ дѣйствіи въ простомъ и опрятномъ платьѣ, съ цвѣточкомъ на груди. Голосъ ея былъ нѣженъ, произношеніе нѣсколько протяжно; прелестная физиономія молодой актрисы совершенно выражала блаженное состояніе ея души, удовлетворенной въ главнѣйшей потребности, въ потребности любить и быть любимой. Она смотрѣла на всѣхъ съ тою очаровательною улыбкою, съ коею Корреджіевы ангелы взираютъ на Спасителя-младенца. По всему видно было, что она принадлежитъ другому міру, гдѣ вполнѣ наслаждаются бытіемъ, гдѣ любовь и счастье совершенно отчуждены заботъ и бѣдствій юдольной жизни. Въ разговорѣ ея, ровномъ и спокойномъ, не было замѣтно сильныхъ душевныхъ ощущеній. Только при словахъ: мой Фердинандъ! голосъ ея дѣлался еще нѣжнѣе. Это былъ совершенный идеаль той Луизы, которую долженъ былъ полюбить сынъ гордаго Министра, презрѣвшій знатность и богатство, и полною чашею вкушающій блаженство въ бесѣдѣ съ своимъ анге-

ломъ. Искусство Автора и актрисы познакомило съ предметомъ любви пылкаго Фердинанда. Во второмъ дѣйствіи, явилась и та особа, которая должна разстроить взаимное блаженство двухъ любящихся. Г-жа Бешманъ (бывшая Унцельманъ, о коей упомянуто въ Письмахъ Русскаго Путешественника) занимала роль Леди Мильфоршъ. Въ бѣломъ, щеголеватомъ капотѣ, съ богатою шалью, накинутою на плеча, ожидаетъ прибытія своего избраннаго, женщина величественнаго роста, съ пламенными глазами и съ выразительною, хотя и гордою, фizioноміею. Наконецъ онъ пришелъ, шопъ, чьего появленія шакъ спрашится надменная фаворитка; шопъ, о которомъ съ такимъ смятеніемъ говорила она своей наперсницѣ. Леди Мильфорш мгновенно перемѣнила фizioномію и съ пріятливою улыбкою встрѣтила Фердинанда. Въ нарядѣ и во всѣхъ пріемахъ ловкой фаворитки было замѣтно кокетство знающей дамы, желающей нравиться и ожидающей предложенія, отъ коего зависить вся будущая судьба ея. Но когда вмѣсто изъясненія въ любви, она услышала горькія истины, тогда лицо актрисы показало удивленіе, сопряженное съ негодованіемъ. Глаза ея засверкали, и, казалось, что она готова обратиться на дерзкаго порицашеля громъ своего могущества, но... любовь все превозмогла, и послѣ разительнаго упрека въ шопъ, что она причиною всѣхъ бѣдствій государства, гордая фаворитка, съ спокойнымъ и благороднымъ видомъ, швердымъ и выразительнымъ голосомъ начала высказывать свое оправданіе и исторію несчастныхъ обстоятельствъ, побудившихъ ее вслу-

пить на снезу порока. Когда разсказъ ея дошелъ до описанія нужды, ею претерпѣнной, жестокой нужды, столь опасной для чести красавицы, голось Г-жи Бешманъ началъ измѣняться, слезы показались на ея глазахъ. Лицо ея выражало и смиряющуюся гордость, и негодованіе къ строгимъ судьямъ женскихъ слабостей, и горестное воспоминаніе о своихъ проступкахъ.... Задыхающимся голосомъ произнесла она заключеніе длиннаго разсказа: Теперь осуждайте меня, если можете! и мгновенно отерла плашкомъ текуція слезы. Фердинандъ Вальшеръ пришелъ къ ней, съ твердымъ намѣреніемъ влюбленнаго, объявивъ, что никогда не согласишься онъ осрамить себя союзомъ съ претрѣвною имъ женщиною. Но послѣ призванія Леди Мильфоршъ, шакъ искусно выраженнаго несравненною актрисою, не мудрено, что твердость его поколебалась, и ловкій Фердинандъ началъ извиняться весьма неловко. Душа фаворитки, облегченная шягостнымъ признавіемъ, могла въ эту минушу предаться изліяніямъ любви, руководствовавшей ею. Умилительнымъ голосомъ, въ нѣжныхъ выраженіяхъ просила она пѣвническаго мужичку изсоргнуть ее изъ бездны порока, обѣщая ему пламенную любовь. Но какъ различенъ былъ эшотъ голось съ очаровашельнымъ голосомъ Луизы! Всѣ сін изысканныя выраженія, всѣ эти уловки ушонченнаго кокетства, могли ли сравняшьясь съ однимъ взоромъ обожаемой дочери Миллера? Нѣтъ! спокойный, просодушный разговоръ милой Луизы завлекательнѣе ухищреннаго вишійства умной кокетки, подобно шому, какъ адажіо, игранное Дилломъ или

Віомти, болѣе дѣйствуетъ на душу, нежели громъ оркестра въ увертюрѣ Россини..... Декорація перемѣняется, и зритель, изъ пышныхъ чертоговъ Леди Мильфордъ опять перенесенъ въ мирное жилище прелестной Луизы; но интрига возымѣла уже свое дѣйствіе, и доселѣ блаженная Луиза, какъ голубка преслѣдуемая ястребомъ, ищетъ обороны въ объятіяхъ возлюбленнаго. Не возможно описать, какъ была разыграна эта разительная сцена!..... Въ прѣшемъ дѣйствіи, я опять увидѣлъ Луизу: но это уже не тотъ счастливый, милый ангелъ, который своею улыбкою какъ будто разливалъ блаженство на всѣхъ окружающихъ. Это пѣнистое существо ознакомилось съ бѣдствіями! Исторгнутое изъ сферы благополучія, оно должно вкусить чашу горечи. Въ незвѣстности объ участи отца и матери, послѣ оскорбленій нанесенныхъ доброму имени Луизы, бѣдная дѣвица показалась на сцену съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ, который проявлялъ ея блаженство. Но взоры блуждаютъ и по видимому вопрошаютъ безмолвныя стѣны: куда дѣвались свидѣтели ея счастья? Нѣтъ ни отца, ни матери, ни возлюбленнаго Фердинанда! Кто-то приходитъ. Это савана Вурмъ, главнѣйшая пружина всѣхъ адскихъ дѣйствій придворной интриги. Съ ужасомъ взираетъ на него Луиза, но вскорѣ опять принимаетъ спокойный видъ. Она уже ознакомилась съ несчастіемъ!... Какъ искусно выражала Гжа Флекъ эту непредвидѣнную покорность злему року, эту рѣшительность души, не ожидающей ничего худшаго, послѣ того что уже было! Ослабѣвшимъ, но

лѣтъ же ровнымъ и просяжнымъ голосомъ, конимъ она говорила съ Фердинандомъ, Луиза распришивала о бѣдствіяхъ, готовившихся ея семейству. Дьяволъ Вурмъ мучилъ ее крашкими и неудовлестворительными ошвѣтами. Устремивъ глаза на злополучную красавицу, сквозь зубы предрекаешь онъ ей жесточайшія послѣдствія. Съ какими чувствомъ выразила актриса слова, переводимыя мною на память: «Если бы за каждую слезу, которую ты заставляешь проливать, мнѣ давали бочки золота — я не пожелала бы быть на твоёмъ мѣстѣ! Что еще должно быть?» Тутъ не было ни криковъ, ни всхлипываній, ни размахиваній руками; сіи слова были произнесены спокойно, съ видомъ жесточайшей укоризны унижительно званія чловѣка!.... Наконецъ извергъ убѣждаетъ Луизу написать гибельное письмо, долженствующее, по его словамъ, спасти ея родителей. Въ этой адской сценѣ, актриса Флекъ достигала высшей степени совершенства. Вурмъ сѣлъ по правую сторону зрителя; Луиза на другомъ концѣ сцены. Во все время диктованія постыднаго письма, актриса видимо выражала покорность жестокой судьбѣ и самоопроверженіе, съ конимъ она приносила сію жертву виновникамъ ея бытія. Когда безстыдство злодѣя заставляло ее писать гнуснѣйшія выраженія, то Гжа Флекъ съ горькою улыбкою говорила: Прекрасно! безподобно! Иногда, въ сильномъ внутреннемъ движеніи, она клала перо и вставши со стула, послѣ крашкаго размышленія спрашивала: «Къ кому это письмо?» Ошвѣтъ былъ тотъ же: Къ губителю вашего отца (*an den Finger ihres Vaters*,

этихъ словъ нельзя перевести), и несчастная Луиза, не перемѣняя своего спокойнаго вида и голоса, опять сѣла за письменный столъ. Видно было, что это убійственное слово рѣшало въ сердцѣ бѣдной дѣвушки борьбу двухъ противоположныхъ склонностей!.. Наконецъ письмо готцово; сѣдущая только написать адресъ, и неизвѣстное имя Гофмаршала фонъ-Кальба диктуется хладнокровнымъ заодѣмъ. Тушь, вѣроятно, актриса, поднявши руки къверху, закричала самымъ *пластическимъ* голосомъ? Нѣтъ! Гжа Флекъ, держа перо въ правой рукѣ, устремила глаза къ небу и кивая головою, какъ будто въ упрекъ жестокой судьбѣ, произнесла: Творецъ Всемогуцій! Имя, столько же чуждое моему слуху, сколь чужды моему сердцу сіи пошныя строки!... Потомъ запечатала письмо, встала со стула, подошла къ суфлеру, и обративши глаза на зрители, протянула лѣвую руку къ Вурму, говоря ему тѣмъ же ровнымъ и протяжнымъ голосомъ: Возмите, сударь, возьмите: это мое доброе имя, это все мое счастье, это мой Фердинандъ!.... Слезы капали изъ глазъ ея; ангельская физіономія, казалось, зывала къ Судіи Всевышнему, и требовала небеснаго мщенія рушителямъ ея блаженства. Никакія изступленныя выходки, никакія декламаціонныя выкрикиванія не могли бы лучше выразить сего состоянія непорочной дѣвицы, исторгнутой изъ сферы блаженства и погруженной въ бездну горестей!.... Дѣйствіе кончилось, но испязаніямъ еще вѣтъ конца, и несчастная Луиза должна вытерпѣть новую пытку. Страстная Леди Мильфортъ,

привыкшая всѣмъ повелѣвать, видѣть непрерывное исполненіе малѣйшихъ ея желаній, въ первый еще разъ узнала, что судьба поставяешь препоны въ достиженіи къ вождѣнной цѣли пламенной души. Она узнала, что другая обладаешь тѣмъ сердцемъ, въ которомъ гордая фаворитка искала высочайшаго блага жизни. Она хочешь увидѣть ту, которая умѣла безъ всякаго искуства плѣнить Фердинанда; отъ нея жаждетъ она научиться чародѣйству, какъ должно прельщать чувствительнаго мужчину. Для успѣшнѣйшаго достиженія сей цѣли, Леди Мильфортъ окружаешь себя всѣмъ блескомъ своего величія. Она хочешь ослабить свою соперницу, устрашить ее своимъ богатствомъ и могуществомъ... Гжа. Бешманъ явилась на сцену въ голубомъ бархатномъ плащѣ, богато вышитомъ серебромъ. Спроусовы перья величественно развѣвались на ея головѣ. Богатѣйшіе алмазы покрывали ея грудь и руки. Гордая осанка являла въ ней повелительницу государства. Одно смятеніе и боязнь вспрѣялись съ опасною соперницею, показывали въ ней влюбленную женщину. Но вотъ приходитъ ожидаемая Луиза, съ видомъ невинности и простосердечія, украшенная всѣми прелестями цвѣтущаго возраста и ангельскимъ выраженіемъ души, непричастной порока, не ознакомившейся съ пылкими порывами страстей. Луиза одѣта въ опрятное бѣлое платьице, подпоясанное голубою лентою; таковая же украшаешь ея голову, просто убранную. Эта смѣсь цвѣтовъ бѣлаго и голубаго, символовъ ея невинности и душевнаго спокойствія, является въ одеждѣ обѣихъ актрисъ, но съ

какою разницею! Въ пышномъ нарядѣ фаворитки, эти символы какъ будто поруганы; въ костюмѣ Луизы они совершенно изображаютъ ту, которая ихъ носить!..... Знаменитое объясненіе между двумя соперницами было разыграно съ неподражаемымъ искусствомъ. Леди Мильфортъ употребляла всѣ утонченія придворнаго, всѣ обольщенія ласковаго высокомѣрія, потомъ угрозы, наконецъ просьбы. Луиза отвѣчала ей спокойнымъ, твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, учтиво, безъ униженія, убѣдительно, безъ самонадѣянности, и наконецъ видя, что могущество и власть гордой соперницы непреодолимы, съ отважностію подарила ей своего возлюбленнаго, рѣшившись въ душѣ привести себя въ жертву сей потерѣ! Отсутствующій Фердинандъ уничтожилъ разстояніе между бѣдною дочерью музыканта и любовницею Государя! Одна возвысилась духомъ, другая унизилась!... Ошчаянная Луиза ушла, а Леди Мильфортъ, изумленная, пораженная, какъ будто испоргнувшая изъ оцѣненія всѣхъ душевныхъ способностей, пробужденная отъ сна ангеломъ, указавшимъ ей пропасть, на краю коей она доселѣ находилась — Леди Мильфортъ, со всѣми знаками удивленія, безмолвно озиралась на всѣ стороны и прерывистымъ голосомъ вопрошала сама себя о томъ, что съ нею произошло. Рушились всѣ чары заблужденія, спала завѣса съ ея очей, и пороховъ, столь долгое время державшій ее въ сладостной дремотѣ, наконецъ явился предъ нею въ своемъ настоящемъ, гнусномъ видѣ. Тутъ уже безсильны парадоксы, немощны всѣ ухищренія ума. Бесѣда съ непорочнымъ ангеломъ озарила новымъ

сѣшкомъ несчастную, заблудшую женщину. Ея шомпельная, безнадежная страсть еще болѣе показывала все ея униженіе!.. Что осталось отъ всѣхъ ослѣпленій величія и счастья? Одно презрѣніе къ тому, кѣмъ она обладала, кто окружалъ ее всевозможными наслажденіями, осыпалъ ее дарами форшуну, словомъ, къ тому, кто весь народъ свой заставлялъ пресмыкаться предъ женщиною, исторгнутою имъ изъ нищеты.... Невозможно описать игры Г-жи Бешманъ въ сей превосходной сценѣ. Безъ напыщенной декламациа, безъ сильныхъ театральныхъ движеній, съ какими искусствомъ выразила она этотъ переходъ отъ шмы къ свѣту, отъ порока къ добродѣтели, эту страшную минуту раскаянія и жестокой, трудной рѣшимости!... Она съѣла за письменный столикъ, приговорила роковую записку, и приказала допустить къ себѣ низкопоклонника Маршала, который послѣ многократныхъ поклоновъ, съ подобострастіемъ спросилъ свою повелительницу о спектаклѣ. Съ какимъ презрѣніемъ отвѣчала Леди Миллфордъ этой придворной куклѣ! И когда собравшіеся служители услышали изъ прочтенной записки, что госпожа ихъ черезъ четверть часа оставитъ городъ и государство, когда изумленный Маршалъ, не постигая въ чемъ дѣло, отрекся отъ чести быть подавателемъ такого опаснаго посланія — съ какимъ благороднымъ и умилятельнымъ видомъ обратилась знаменитая несчастливца къ своимъ домашнимъ! Какимъ прогательнымъ тономъ поблагодарила она ихъ за прежнюю службу и объявила о своемъ намѣреніи! Не сѣтя прощупорѣвшихъ

Юль 1829.

46

своей повелительницѣ, всѣ служащіе со слезами лобызали руки, которыя она подавала имъ съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ!... Карета подана. Леди Мильфоршъ хочешь ѣхать, и обратившись къ двери видишь Маршала, который съ глубокимъ видомъ недоумѣнія, держа между большимъ и указательнымъ пальцемъ спрашную записку, съ пренебреженіемъ вопрошаетъ, дѣйствительно-ли онъ долженъ вручить оную Его Свѣтлости? Презрѣніе опять заслупило мѣсто удивленія въ видѣ и голосѣ Леди Мильфоршъ. Она отвѣчала Маршалу непонятнымъ для него дзыкомъ, и сопровождаемая всѣми служителями поспѣшно ушла во внутреннія покои. Изумленный Маршалъ остался одинъ, безмолвенъ, озираясь на всѣ стороны; наконецъ почтительно положилъ записку на столъ, и наклонивши голову, съ распростертыми руками, на цыпочкахъ вышелъ въ среднюю дверь: занавѣсъ опустился!... Искусство актеровъ не можетъ быть описано; великіе артисты не оставляютъ послѣ себя никакихъ памятникъ своихъ талантовъ; сохраняешь о нихъ одно воспоминаніе видѣвшихъ. Длинное, но слабое описание не подаетъ почти никакого понятія о восхищительномъ зрѣлищѣ, коимъ я наслаждался. Могу только сказать, что кто видѣлъ въ сей Трагедіи вышеупомянутыхъ артистовъ, чей слухъ былъ пораженъ звуками ихъ голоса, кто былъ увлеченъ ихъ искусною игрою, тому позволено будетъ изыскашельнымъ въ отношеніи къ другимъ актерамъ, каковы-бы ни были ихъ таланты.

Представляемую въ Москвѣ Трагедію: Коварство и любовь, не лзя даже называть шпилью или призра-

номъ превосходнаго шворенія Шиллера. Это изящное произведеніе , игранное на здѣшнемъ театрѣ , можно уподобить великолѣпнымъ чертогамъ , по необходимости превращеннымъ въ лазаретъ. Да не подумаютъ чисташели , чшобъ сей приговоръ былъ ишменъ пристрастіемъ и желаніемъ унижить нашу драматическую труппу. Напрошивъ : это приступъ къ оправданію и защищенію ошечественныхъ артистовъ. — Германскій театръ никогда не былъ подверженъ вліянію иностраннаго. Лессингъ, основатель онаго , проложилъ новую тропу , по коей съ шолікою славою проходили его знаменитые преемники : Шиллеръ и Гёте. Сія великіе писатели знали духъ своего народа, его средсшва, его понятія, его способы выраженія. Они писали для Нѣмцевъ , образованные Нѣмцы поняли своихъ безсмертныхъ учителей. Не входя въ дальнѣйшія разсужденія , возмемъ Трагедію , о которой идешь дѣло. Коварство и любовь , во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ , изображаетъ Нѣмцевъ той эпохи , въ которую писалъ Шиллеръ. Его Луиза , существо совершенно непонятное и даже невѣроятное для Русскихъ, очень постижимо для Нѣмцевъ, которые на каждомъ шагѣ вспрѣчаютъ сихъ милыхъ мечшашельницъ. Актрисъ Клеронъ гораздо легче было выучиться Анастоміи , для управленія мускулами своего лица, и перечислать всѣ историческія преданія о древнихъ Грекахъ и Римлянахъ , для точнаго изображенія лицъ современныхъ трагедій, нежели Русской актрисѣ узнать, постигнуть чувства и прошой бытъ дочери бѣднаго музыканта Нѣмца. Въ добавокъ къ тому , сознается , что нашимъ артистамъ , взлелѣяннымъ на рабскихъ по-

дражканія Французской сценѣ, потерявшимъ лучшія лѣта на выкрикиваніи шесшастопныхъ ямбовъ, нынѣ получающихъ чистую оштакву — мудрево отвыкнувъ отъ прощажной, распѣвной декламаціи и научившись трудному искусству выражать сильнѣйшія душевныя ощущенія разговоромъ простымъ и свободнымъ. Московскій Театръ имѣетъ одного актера, который какъ-то угадалъ это мастерство, или, лучше сказать, который въ душѣ своей нашелъ тайну своего искусства. Это Мочаловъ. Вотъ онъ! Вотъ Шиллеровъ идеальный Фердинандъ! Самъ безсмертный Трагикъ увѣнчалъ-бы его за выполненіе сей трудной роли. Но за то и искусство Г. Мочалова состоятъ въ томъ, что у него нѣтъ никакого искусства (*). Но Мочаловы являются случайно. Ни воспитаніе, ни огромная плаха не могутъ доставлять подобныхъ артистовъ. Что-же дѣлашь другимъ актерамъ, для со-

(*) Нынѣшнимъ лѣтомъ случилось намъ видѣть сего превосходнаго артиста въ извѣстной Драмѣ: *Жизнь церока*, представленной при маломъ числѣ зрителей. Г-нъ Мочаловъ игралъ такъ же хорошо, какъ и въ лучшее время, когда многіе изъ почитателей театра не находили мѣста, по причинѣ тѣсноты. Г-нъ Мочаловъ не могъ играть хуже обыкновеннаго! Такъ дѣлають всѣ истинные артисты! Отдавая должную справедливость отечественнымъ талантамъ, вмѣняемъ себѣ въ обязанность упомянуть о прекрасной, естественной и исполненной чувства игрѣ Г-на *Третьякова*, занимающаго роль музыканта Миллера въ Трагедіи: *Коварства и любовь*.

дѣйствіи, для *ароматизаціи* съ опшечными ихъ шо-варщикомъ? Изучать, изучать и изучать свои роли — вошь одно средство, которое совсѣмъ не такъ легко, какъ мы думаемъ. Если-бы всѣ наши драмы и трагедіи были написаны въ Русскомъ духѣ, дѣло другое! Тогда актеры были-бы всѣ средствами заняты своимъ искусствомъ. Но при нынѣшнемъ состояніи нашей сцены и взыскивать грѣшно! Прибавимъ къ тому, что вышеупомянутая Трагедія переведена самымъ варварскимъ слогомъ, и въ представленіяхъ не только сокращается, но даже безжалостно обрѣзывается, такъ что смыслъ и ходъ пьесы совершенно пропадаютъ. По какимъ причинамъ это дѣлается? Потому, что театръ для нашей публики не есть благородное умственное занятіе, а *оидатее гулянье*, какъ сказала одна изъ нашихъ писателей. Кого-же винить въ томъ, что мы изъ безсмертнаго творенія Шаллера видимъ на сценѣ только искаженные выдержки? Нечего думать: скорѣе публику, нежели актеровъ. *Suum cuique!*

По вашему мнѣнію, Трагедія: Коварство и любовь, могла-бы быть разыграна какъ слѣдуетъ, здѣшними артистами. Для роли Луизы, труднѣйшей изъ цѣлой пьесы, есть уже юная актриса, одаренная прекрасною наружностью, пѣтливельнымъ органомъ и большимъ чувствомъ. Это Г-жа Потаникова. Если-бы сія молодая артистка опі-казалась отъ тщетной славы занимать большой репертуаръ, и посвятила-бы себя на изученіе не многихъ ролей, которыя по ея природнымъ способностямъ были-бы ею превосходно выполнены, то она заслуживала-бы прочную славу и удовлетво-

риза-бы желаніемъ истинныхъ любителей театра. Прочія роли Трагедіи могли-бы быть переданы другимъ артистамъ, болѣе способнымъ нежели играющіе нынѣ. Представленія сей пьесы на глухомъ Большомъ театрѣ можно омитиши Старинные и безобразные костюмы легко замѣнишь другими, приличнѣйшими. Пьесу можно перевести вторично, лучшимъ слогомъ, и играть оную безъ сокращеній. Словомъ, на все есть средства; но для кого дѣлать сіи перемѣны? Гдѣ публика?... Не лучше-ли Трагедію Коварство и любовь исключить изъ репертуара, до новаго поколѣнія?

Данный въ заключеніе спектакля балетъ : *Зефиръ, или отшельникъ, сдѣлавшійся постояннымъ*, также не худо было-бы ошложить въ архивъ обветшалостей, шѣмъ болѣе, что на нашей сценѣ представляется не старѣющій балетъ : *Зефиръ и Флора*, одинакаго содержанія съ вышеупомянутымъ.

В. У.

П О П Р А В К А.

Въ № 13 Телеграфа, на стр. 113-й, было сказано, что М. Н. Загоскинъ сочиняетъ Историческій романъ, и что изъ сего романа *помѣщенъ былъ отрывокъ въ Русскомъ Зрителѣ*. Г-нъ Загоскинъ сообщилъ намъ, что извѣстіе это неутрно, ибо, хотя онъ и дѣйствительно намѣренъ издать Историческій романъ, имъ сочиненный, но отрывковъ изъ онаго нѣ-

гдѣ печатано не было, и слѣдственно, ошривокъ въ Русскомъ Зришелѣ не долженъ быть почищаемъ образчикомъ его романа.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ снѣвшимъ поправитъ лиштерашурное извѣстіе наше, что ошривокъ въ Русскомъ Зришелѣ казался намъ недоспойнымъ шакого Лиштерашора, каковъ Г-нъ Загоскинъ. Искреннимъ желаніемъ полного успѣха его произведенію мы заключимъ нашу поправку. Желательно, чтобы подобными дружелюбными и достойными просвѣщенными лиштерашоровъ взаимными объясненіями прекращались всѣ лиштерашурныя недоумѣнія.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

Письмо къ Живописцу.

П . . . 18 . . . г дн.

Давно не писалъ я къ вамъ, почтеннѣйшій Живописецъ, и вѣдѣюсь, что за сіе гнѣвались на меня вы не соизволите, когда узнаете причину. Мы, люди дѣловые, приказные, признательно сказать, держимся регламентовъ, по которымъ сперва велѣно знать дѣло, а потомъ дружбу. Такъ мнѣ случилось недавно видѣть, что одинъ почтенный судья обвинялъ своего стараго (*бѣднаго*, прибавимъ въ скобкахъ) друга, и оправдалъ незнакомаго, одинъ только разъ бывшаго у него человека (*богатаго*, но это будь сказано мимоходомъ). Онъ оправдывался потомъ, что *дружба дружбою, а дѣло дѣломъ*. Такъ и я: испинино, въ хлопотахъ свѣта бѣлаго не вижу. Вы самшали, уповаю, что у насъ новый из-

чальникъ, я скажу вамъ — молодецъ собою. Давно есть присловье: *новая метла чисто мететъ*, но наша метла, думаю, будетъ всегда мети чистю. И на первый разъ была у насъ такая сумишница, что Боже упаси: всѣ мы забѣгались чуть не до смерти. Благоразуміе, проникаемость, важность, строгость нашей новой метлы казались намъ страшнѣе розогъ, которыми, помните, спращали насъ нѣкогда въ уѣздномъ училищѣ. Чтобы неговорить многого, скажу только то, что при первомъ появленіи въ присутствіе, новый начальникъ нашъ не осмѣивалъ ничего на мѣстѣ. Три часа онъ пересматривалъ шкафы, столы, скамейки, стулья, запечки, стѣны, даже подъ столами, подъ шкафами, и вездѣ нашелъ нечистоту, соръ, не такъ, и не ладно. Первое, что онъ велѣлъ: призывалъ столяра и заказалъ новые шкафы и столы съ зеленымъ сафьяномъ; второе, выгналъ экспедишора, за то, что шлошъ былъ во фракъ, и осмѣлялся опозоваться, что имѣя многочисленное семейство, не имѣешь средствъ сшить вицъ-мундиръ. Экспедишоръ эшошъ малой былъ дѣловой; но какъ-же въ самомъ дѣлѣ при начальствѣ быть во фракъ? За то другой экспедишоръ получилъ начальническое благоволеніе, за то, что хоть и большой онъ пьянуга, но выпросилъ у кого-то новый вицъ-мундиръ и явился въ вышажкѣ. Вицъ-мундиръ ему былъ лѣтсень, и начальникъ эшо замѣтилъ. «Что эшо?» вскричалъ онъ, нахмури брови. — Не осмѣливаясь оскорбить Ваше Превосходительство старымъ вицъ-мундиромъ, я вымѣнилъ его на новый. — «Напрасно: желаю лучше, чтобы чиновники были въ свободномъ плащѣ.» — Почтеніе къ

особѣ вашей всегда свяжешь меня; но теперь итъ только рукавъ мой, и присутствіе ваше кого не заставишь это чувствовашъ, даже и шагого, кто давалъ прежде рукавъ свободу?—Улыбка и—милосіи! —Чернилицы вѣзвно у насъ купишь новыя, и экзекутору подать планъ о разстановкѣ сподовъ въ симметрическомъ порядкѣ.

Послѣ сего, начальникъ нашъ осмотрѣлъ весь домъ, всѣ помѣщенія чиновниковъ, и прошелъ подъ самую крышу. Какова неушоминность! Я самъ служу здѣсь десять лѣтъ, а подъ кровлею нашего приказа еще не бывалъ ни однажды. Тамъ найдешь спранный безнорядокъ. Вообразишь, что тамъ на-строены даже были загородки, кошорыя употреб-лялись живущими чиновниками вѣдѣно чулановъ, гдѣ стояли кадочки, горшки, вѣдѣла и сушились рубашки! «Какъ?» воскликнулъ начальникъ нашъ «Рубашки, горшки, кадки, здѣсь... такая опасность отъ огня, и никакихъ предосторожностей!» Ужъ былъ нагоняй за это экзекутору; пошѣлъ онъ лучше бумылки, принесенной изъ холода въ тепло. Немедленно вѣдѣно было все выломать, вычистишь, вымести, и на представленіе, что нѣтъ чулановъ, сказано, что чиновники могутъ спавишь горшки свои, гдѣ имъ угодно. На другой день была у насъ • вездѣ такая пылъ отъ мешенья, что присутствіе отложено, пока пылъ усядется. Кромѣ того приказано, безъ промѣшки, подъ крышкою дома устро-ить чаны, огромные, и налишь ихъ водою. Чаны стали 300 рублей, и одинъ подъемъ ихъ 50 рублѣй. Послѣ того цѣлую недѣлю спорожа таскали туда ведрами воду и чаны наполнили. Оказалось одна-

онъ неожиданное дѣло : онъ дѣшного жара вода въ желѣзною крышею пропущала , и во всему дому распространилась страшная вонь . Самъ начальникъ нашъ изволилъ опять встѣпидть , нюханъ своимъ собственнымъ носомъ , и — вы думаете пошерялся , не зналъ что дѣлать ? Не правда ! Объявлено : воду вылить , а саны оставить пустые до холоднаго времени и тогда налить ихъ ; но чтобы избавишь спорожей онъ шасканья , призванъ Англичанинъ , механикъ , и вѣрно сдѣлать водоподъемную машину , а чтобы онъ морозовъ вода не замерзла , устроена печь , гдѣ будутъ калять желѣзные ядра и ими разогрѣвать воду .

Я не кончилъ-бы , если-бъ спалъ вамъ описываешь всѣ перемѣны . Вы спросите о дѣлахъ бумажныхъ ? Они покажутся все по прежнему ; но , вѣроятно , и до нихъ дойдешь скоро очередь . Намъ уже вѣрно купишь новые ножички , а регистратурѣ придумаешь новый манеръ графить входящую и исходящую книги , ибо прежняя форма , какъ сбывчивая , не давала толгой идея о дѣлахъ . Такъ выразился самъ нашъ новый начальникъ . Прощайте , и пр .

ЛИТТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА .

Въ № 17, 18, 19 , 20-мъ *Русскаго Зрителя* помѣщены стихотворенія , подъ названіемъ : *Гимны Орфея* (стр. 143 — 164) и *Золотые стихи Пифагора* (стр. 165 — 169) . Четко означено на обвершкѣ Журнала имя переводчика : *Н. И. Надеждинъ* . Кажется , и говоришь-бы нечего . Но вчера былъ я свидѣтелемъ

литературнаго спора. Одинъ литераторъ утверждалъ, что имя: *Н. И. Надеждинъ*, должно быть *псевдонимическое*, и стихи, вѣроятно, заимствованы изъ ненапечатанныхъ донинѣ бумагъ покойнаго Профессора Элоквенціи В. К. Тредьяковскаго, а не сочинены въ наше время. «Кто когда либо, кромя Тредьяковскаго, писалъ такіе стихи; кто, особенно въ наше время, станетъ писать такими виршами?» говорилъ спорившій. Слушайте:

ВОСКУРЕНІЕ ПРОТОГОНУ.

О Протогонъ! двоесущный, великій, вѣнробѣжнѣй,
Ящеродный, крилами алатыми носимый! тебя, прѣ-
зываю!

Вологласный, и смертныхъ и безсмертныхъ начало,
Свѣтъ препрославленный, всепоклоняемый Приказ-
сомъ,

Неизрѣченный, таинственный, звукородитель, даѣшь
яркій,

Мрачную иглу разгоняющій присно-златыми очами,
Всюду парящій на быстрыхъ крилахъ по обителямъ
міра,

Дѣйственный свѣтъ лѣя! И по сему я тебя величаю
Фанисомъ,

Круглоокимъ Аппавтисомъ, царедержавнымъ Пріа-
комъ!

Сниди-жь днесь, мудрый, благій, животворный, къ
намъ радостношлюрю

На совершеніе таинствъ всепразднественныхъ, дѣ-
ныхъ, священныхъ!

Прочтите послѣ сего, первые, какіе попадутся,
стихи Тредьяковскаго, на примѣръ:

Тилемахида , г. II. стр. 122.

Вскорѣ по немъ Трипшолемъ въ Еладѣ славенъ
 явился ,
 Кой научить отъ Димитры землю воздѣлывать ра-
 домъ ,
 И покрывать золотою жатвою ту ежегодно.
 Впрочемъ было уже челоуѣкамъ вѣдомо жито ,
 Знали они и способъ по размножать чрезъ посявы ;
 Но совершенства въ орашаиствѣ всемъ не вѣдали
 токмо :
 А Трипшолемъ , который присланъ былъ отъ Ди-
 митры ,
 Прибыль съ плугомъ , поднять и даръ богини нѣмъ
 людемъ ,
 Кон всѣ восхошѣли-бъ отвергнувъ природную лѣ-
 ность ,
 И поупити въ трудъ прилежный и неусыпный.
 Вскорѣ сей Трипшолемъ научилъ въ Еладѣ живу-
 щихъ ,
 Землю орати , и нѣмъ ея плодоносную дѣлать.
 Вскорѣ и жатели , въ тщательномъ и трудолюб-
 номъ проворствѣ ,
 Начали тамъ подкошати серпами созрѣлыи класы ,
 Кон пріятно поле на поляхъ волновались обильныхъ.
 Сами народы , бывши въ себѣ свирѣпы и дики ,
 И разбѣгавшись тудѣ и сюда особно и порознь ,
 Кабъ по лѣсамъ , по горамъ , шакъ Ипирскимъ и
 Этолійскимъ ;
 Чшобъ напишаться рожцами , нравы свои умягчили ,
 И подверглись охотно законамъ , когда научились
 Всѣ возвращать споричныи жатвы , имѣть-же хлѣбъ
 въ пицу.

Есть-ли разница между тѣмъ и другимъ приві-
ромъ? Никакой, и стихи Тилемахиды кажутся еще
гладки и чисты послѣ стиховъ Г-на Надеждина. Если
въ самомъ дѣлѣ этошь Г-нъ Надеждинъ существу-
ешь, то какъ-же не остановилъ его Писагоръ,
переведенный имъ стихъ:

Прежде началъ дѣла размысли : не глупо-ли дѣло ;
какъ не вспоминалъ онъ другаго стиха Писагора,
имъ-же Г-мъ Надеждинымъ переведеннаго :

Что неизвѣстно , за то не берися , но выучись пре-
жде

Нужнымъ вещамъ !

Все это чрезвычайно убѣдительно ; но я, ниже-
подписавшійся , еще не согласенъ , и покорно прошу
знакоковъ сообщить въ какомъ нибудь журналѣ:
точно-ли существуешь Г-нъ Надеждинъ ? Точно-ли
онъ писалъ упомянутыя , совершенно Тредьяковска-
го стихамъ подобныя , вирши ? Если-же кто досто-
вѣрно знаетъ , что оныя вирши похищены у Тредья-
ковского , то таковой благоволилъ-бы представитъ
тому вѣрныя доказательства.

Трофимъ Трандафель.

ПРИКАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ.

1.

Въ одномъ изъ городовъ святой Руси жилъ, былъ,
а можешь быть и теперь еще живешь (но мы будемъ
говорить въ прошедшемъ времени), дѣловой человекъ.

Онъ вертелъ дѣлами , какъ мячиками ; игралъ товарищами , какъ бирюльками ; передъ начальниками крѣпкими сгибался , говоря : *плеть обуха не перестегаетъ* , а мягкихъ самъ сгибалъ , какъ восковую свѣчку. Такъ жилъ онъ , жилъ и нажилъ домикъ и деревеньку. Онъ дѣла онъ никогда не опивался , а приказныя дѣла , извѣстно изъ Хемницеровой Басни , точные комки масла : кто покашастъ такой комокъ , у того на пальцахъ остается немного масла. Вотъ , бывало , однимъ пальцомъ дѣлецъ нашъ помажешь шлегу , чтобы она не скрипѣла , а другимъ—почему и себѣ головы не помазать ?

Но замѣ люди не оставили его въ покоѣ , стали говорить , будто онъ такой и сякой , и когда притѣхалъ новый Губернаторъ , то еще на дорогѣ этому Губернатору надули въ уши , что такой-то Совѣтникъ плусть , лбедникъ , взяточникъ , обирала , и проч. и проч.—Умный нашъ Совѣтникъ—назовемъ его тожъ : *Фалелѣвъ* , топчасть по притѣдѣ Губернатора увидѣлъ откуда и куда вѣшеръ дуешь , сжался , замолчалъ , и помнилъ , что *капля по каплѣ пробиваетъ камень*.

Прошло недѣля двѣ ; Губернаторъ глядишь на него сердито. Вдругъ однажды по утру является къ Фалелѣву подрядчикъ Низкопоклонинъ и проситъ заступиться за его дѣло. « Нельзя , не могу : дѣло ваше неправое ; Губернаторъ меня не послушаетъ ! » — Батюшка , отвѣчаетъ Низкопоклонинъ , вотъ 5000 доказательствъ , что я правъ — и пучекъ новенькихъ , съ молоточка бумажекъ скапился въ руки Фалелѣва. Какъ быть ? Фалелѣвъ до новенькихъ бумажекъ былъ смертельный охотникъ ; началъ онъ

ходишь по комнатамъ, думаешь, и — придумала шакъ, что Низкопоклонникъ чушь не воскликнулъ :

Ну ! экъ онъ вывернулъ ! Вѣсовскій сынъ прямой !

Роли розданы. Низкопоклонникъ является на другой день къ Губернатору, кланяется, хнычетъ, плачетъ. «Что вы?» гордо спрашиваетъ его Губернаторъ, поправляя свой шитый мундиръ и новую шапку. Низкопоклонникъ объявляетъ, что у него есть дѣло, правое, но враги идутъ противъ него ; что Сопѣшникъ Фалеевъ проситъ съ него 5000 рублей, а въ противномъ случаѣ общается уронить его дѣло, и проч. и проч. «Хорошо!» былъ отвѣтъ Губернатора. Загремяа карета; Губернаторъ сѣлъ въ нее, и поѣхалъ въ присутствіе.

Вотъ онъ за краснымъ сукномъ. «*Дѣло Низкопоклонника,*» говоришь докладчикъ. — «Кстати: читай-те!» И проникательный взоръ Губернатора устремился на Фалеева, безмолвнаго, шатаго; Губернаторъ видитъ гримасы негодованія на лицѣ Сопѣшника, его нетерпѣніе, скрываемую досаду, и — чтеніе лешитъ мимо ушей Губернаторскихъ ; дѣло представляется ему на выворотъ; онъ увѣренъ въ зломъ умыслѣ Фалеева, и рѣшился ниспровергнуть хитрость взяточника. Надобно судить. Боже правосудный ! Какъ краснорѣчивъ сдѣлался Фалеевъ ! Онъ ясно, громко, сильно утверждаетъ, что *Низкопоклонникъ не правъ*, что дѣло его паушовское, что его надобно обвинить. Губернаторъ горячится, краснѣетъ, противорѣчитъ, острится на счетъ Фалеева, намекаетъ на 5000 доказательствъ, и съ торжествомъ видитъ, что Фалеевъ побѣдѣ-

нать, задкнулся. «Знайше, М. Г!» продолжаетъ Губернаторъ, «мнѣ извѣстно, можешь бышь, многое, и проч. и проч., что обыкновенно говорятъ начальники, если они думаютъ, что знаютъ что нибудь, когда въ самомъ дѣлѣ ничего не знаютъ».

Тяжба Низконожонкина рѣшена въ его пользу. Фавеллевъ съ 5000-ми; Губернаторъ въ восторгѣ отъ своей проникательности, а Повишникъ и Секретарь тихонько посмѣялись и — велѣли отнести дѣло въ архивъ.

(Будетъ продолженіе).

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Les capotes de tout genre sont fort à la mode; celles qu'on regarde comme les plus élégantes, ont la passe en paille de riz, et la calote en gros de Naples bien, rose ou jaune-vapeur.

Les femmes les plus élégantes se passent la fantaisie d'une capote en cornet, ou à la glaneuse. Quelquefois cette capote, au lieu d'être de paille, n'est que de carton gaufré. Rien de plus simple que la pose du ruban; il fait le tour de la forme, et ses deux bouts après s'être croisés en X sur le devant, viennent se nouer sous le menton. Doubles, bavo- la et ruban sont, pour l'ordinaire, couleur cerise.

(*) До 20 Іюля (ш. с.) 1829 г.

Beaucoup de chapeaux de paille d'Italie sont ornés de la fleur et du feuillage de la plante aquatique nommée *sagittaria sagitti-folia*, sagittaire à feuille-en-flèche : ce nom vient de ce que les feuilles ont l'air d'être lancées de droite et de gauche, comme des flèches le seraient par un *sagittaire* ou archer. Les botanistes appellent *sagitté* ce qui est configuré en fer de flèche.

Sur d'autres chapeaux de paille d'Italie, c'est une longue branche de mûres sauvages.

Quelques chapeaux habillés se font en crêpe rose, lisse, et en blonde : quatre bandes, deux de crêpe et deux de blonde, en forment la passe; le haut de la forme ou calote, et le bas, sont en crêpe bouillonné; le milieu en blonde. On pose dessus une fleur en grappe blanche, ou bien trois plumes, deux blanches et une rose : un demi-voile de blonde en borde la passe.

Quelques modistes font, en gros de Naples et en moire, des chapeaux qu'elles appellent *Marssillais* : la forme en est basse et plate; les bords, plats aussi et égaux tout autour ont au moins six pouces de large; ils sont, ainsi que le haut de la forme, bordés de blonde.

Lorsqu'un collier *mi-parti* (ayant une moitié d'une couleur, l'autre moitié d'une couleur différente) est brodé aux deux bouts, la broderie d'un des côtés est de la couleur du fond du côté opposé.

Les jupes de jaconnat rose ou d'étoffe de soie d'un beau vert, portées avec un canotou blanc, sont très-nombreuses.

Une élégante qui part le matin pour la pêche, a une redingote de jaconat à pèlerine, un chapeau de paille à la Pamela, orné d'un ruban vert, qui fait le tour de la forme; un pantalon de perkale à deux ourlets dans le bas, des souliers de peau et des guêtres grises.

La mode des brodequins d'étoffe à bout de peau, lacés de côté en dedans, est presque générale.

Beaucoup de dames ont des poches; ces poches diffèrent des anciennes, d'abord par leur petitesse, ensuite parce qu'elles sont de la même étoffe que la robe.

Quelques merveilleux portent des pantalons si larges et si longs, que les pieds en sont couverts. On appelle ces pantalons-là, pantalons à jambes d'éléphant.

Les gilets sont si ouverts, que la poitrine est presque toute découverte.

La canne d'un merveilleux est de bois d'ébène et de la grosseur du doigt; elle a une pomme d'or bordée d'une guirlande de fleurs et de fruits en or estampé. A six pouces de distance de la pomme se trouve un cercle d'or, qui représente également des fleurs et des fruits en relief.

Головные уборы. Шляпки-капошны, всѣхъ родовъ, въ большой модѣ; но самыя щегольскія почищаются тѣмъ, у которыхъ поля бѣлыя соломенные, а

самая тулья изъ гроденала, цвѣта голубаго, роза-
наго или желтаго, называемаго *jaune-jaune*. — Са-
мья безпятица щеголихи носятъ теперь по произ-
волу кепоты-шляпки двухъ манеровъ: *en coquet* и
la glaneuse, ибо и въ другія шляпки счисляются раз-
но модными. Иногда сія шляпки бываютъ не соло-
менные, но картонныя, писанные. Лентя, украшаю-
щая шляпку, располагается весьма просто: она
окружаетъ тулью, и оба конца, будучи положены
одинъ на другой въ видѣ буквы Х, напередѣ шляп-
ки, зажимаются подъ подбородкомъ. Подбой, ба-
роле, или покрывало, и ленты бываютъ обыкновенно
вишневаго цвѣта.

— Много соломенныхъ желтыхъ шляпокъ убира-
ютъ цвѣтами и листьями растенія, называемаго: *sa-
gittaria sagitti-folia* (*стрѣлолистникъ*. Ботаники Фран-
цузскіе называютъ *sagitté* растенія, у которыхъ
листочки походятъ фигуною на копѣйцо стрѣлы).
Листы сего растенія прикрѣплены къ снѣблю съ
двухъ сторонъ, точно какъ будто стрѣлы, кото-
рыя стрѣлокъ накладываетъ на лукъ свой. — Убира-
ютъ также соломенные желтыя шляпки длинными
лѣтками дикой шелковицы.

— Иногда нарядныя шляпки дѣлаютъ изъ розоваго
гладкаго крепа и изъ блондъ. Поля такой шляпки
изъ блондъ и крепа; верхъ и низъ тульи изъ крепа;
средина изъ блондъ. Уборку составляютъ пучъ бѣ-
лыхъ цвѣтшвъ, или три пера: два бѣлыхъ, одно ро-
зовое; блондовый олуваль покрываетъ поля шляпки.

— Нѣкоторыя модистки дѣлаютъ шляпки изъ
гроденала и изъ морелевыхъ матерій, и называ-
ютъ ихъ *Марсельскими*. Тулья у нихъ низкая и пло-

ская; поля блскія и равно широкія кругомъ всей тульи, не менше шести вершковъ въ ширину. Капъ поля, такъ и верхъ тульи обложены блондами.

Разныя моды. Когда ворошничекъ, или гагашу-чекъ, бываетъ двухъ разныхъ цвѣтовъ (*mi-parti*), то нижнее на одной половинѣ его должно быть такого цвѣта, какого другая сторона, и обратно.

— Съ бѣлыми канъзу носятъ весьма многія щеголихи жаконнашовыя розовыя, или зеленой шелковой матеріи, платья.

— Щеголиха въ деревнѣ, отправляясь по утру удить рыбу, должна быть одѣта слѣдующимъ образомъ: соломенная шляпка *à la Pamela*, съ зеленою лентою, которая окружаетъ тулью; перкалевыя панталоны; башмаки коженые, съ стрыми шпиглешами; жаконнашовый реденгошъ, съ пѣллеринкою.

— Мода на полусапожки изъ шелковой матеріи, съ коженными носками, застегнутые съ боку и снизу, сбѣлалась почти всеобщою.

— Многія дамы носятъ карманы; но карманы нынѣшніе отличаются отъ прежнихъ тѣмъ, что они весьма малы, и изъ такой же матеріи дѣлаются, изъ какой платье.

Мужскія моды. Иные изъ щеголей носятъ брюки столь длинныя и широкіе, что спущенный ногъ совсѣмъ закрытъ ими. Такіе брюки называются брюками *слоновьихъ ногъ*.

— Жилеты дѣлаются столь отверстными спереди, что почти вся грудь раскрыта.

— Щегольская палка дѣлается изъ гебеноваго дерева, толщею въ палецъ, съ золотою макушкою, которую окружаютъ гирлянда цвѣтовъ и плодовъ,

вырезаннымъ по золоту. На шесть дюймовъ ниже накушки бываетъ золотое кольцо, съ цѣпями и фруктами en relief.

На приложенныхъ картинкахъ :

1. *Дама.* Креповая шляпка. Платье изъ кошмалъ, вышитое шерстью. Канъзу органдиновое, украшенное бантами и лацканами, которые обшиты кружевами.

2. *Мужчина.* Сюртучекъ изъ сѣфирнаго сукна (drap-
vêrfig); жилетъ изъ шелковой, вышитой матеріи;
панталоны изъ пике; галстухъ атласный. — Дру-
гой мужчина: фракъ казмировый, жилетъ пике,
панталоны напковые.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлени
были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Іюль 29 дня 1829 года.

Цензоръ Сергей Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИБАВЛЕНІЕ

ИЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 14. *Іюль* 1829.

О ВЗАИМНОМЪ ДѢЙСТВІИ

МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ОКИСЛЕЙ (*).

Всѣ металлическія окисли твёрды; и пошому безъ посредства воды онѣ могутъ дѣйствовать однѣ на другіяхъ только помощію огня; дѣйствіе ихъ весьма разнообразно.

Иногда одна окисль похищаетъ у другой окисли весь кислородъ, и слѣдовательно ее возстановляетъ; иногда окисль похищаетъ у другой окисли только часть кислорода, и отсюда происходятъ двѣ новыя окисли, которыя почти всегда соединяются. Иногда окисль разлагаетъ другую окисль, освобождаетъ изъ нея кислородный газъ и приво-

(*) Изъ Химіи знаменитаго Тенара. Здѣсь читатель найдетъ теорію важной части заводской промышленности въ стеклянныхъ заводахъ. *Изд. Тел.*

диптъ ее въ состояніе окисли, иже окисленной, съ которою иногда соединяется постоянно. Иногда наконецъ, одна окисль соединяется съ одною или многими окислями шакъ, что ни одна изъ нихъ не разлагаетъ другой, то есть, ни одна не похищаетъ у другой кислорода.

Изъ сего слѣдуетъ, что взаимное дѣйствіе окислей зависитъ въ особенности отъ ихъ сродства съ кислородомъ, и отъ ихъ наклонности соединяться между собою въ нѣкоторыхъ степеняхъ окисленія. Разсмотримъ послѣдовательно сіи разные случаи.

Первый случай. Большая часть окислей первыхъ четырехъ отдѣленій, которыя не находятся въ высшей степени окисленія, могутъ разлагать окисли ртутни, осмія и окисли шестого отдѣленія: это становится понятнымъ, когда припомнимъ, что сіи послѣдніе разлагаются при температурѣ высшей краснокалѣйнаго жара, равно какъ и окисл осмія и ртутни, между тѣмъ какъ большая часть окислей, относящихся къ первымъ четыремъ отдѣленіямъ, разлагаются только при высшей степени жара и многія не разлагаются даже при температурѣ весьма возвышенной. Закисль марганца и желѣза вѣроятно разложила-бы нѣкоторыя окисли, принадлежащія четвертому отдѣленію, особенно окисли свинца и никкелю. Какъ-бы то ни было, въ иныхъ случаяхъ разложеніе не конитъ и не удасться отъ взаимнаго срод-

ства двухъ окислей: подобный примѣръ представляють намъ закисль свинца и закисль потассія, хотя сія послѣдняя окисль имѣетъ болѣе сродства съ кислородомъ, нежели свинецъ: она, не смотря на то, не разлагаеиъ свинцовой закисли, съ нею соединяется и образуетъ составъ весьма тѣсный.

Второй случай. Известно, что большая часть перекислей довольно легко переходитъ въ состояніе окисли, менѣе окисленной, и что приведенныя въ такое состояніе, онѣ тѣснѣе соединяются съ кислородомъ. Изъ вышесказаннаго видно, что если ихъ подвергнуть вліянію другихъ окислей, коихъ сродство съ кислородомъ довольно велико, то онѣ опичастн разокислятся, и тогда могутъ соединиться со вновь образованной окислью. Закисли металловъ третьяго отдѣленія вѣроятно также дѣйствуютъ на перекисли втораго, третьяго и четвертаго отдѣленій. Такиъ-же точно способомъ дѣйствуютъ многія перекисли втораго и четвертаго отдѣленій съ нѣкоторыми изъ сихъ закислей. Наконецъ, закисль металла будетъ также дѣйствовать вообще на прешую степень окисленія сего металла, такъ, что отсюда произойдетъ недокисль.

Третій случай. Положимъ, что окислью дѣйствуютъ на перекисль, что первая имѣетъ большое сродство съ металломъ послѣдней, приведеннымъ къ меньшей степени окисленія, ясно,

что произойдетъ разложеніе перекиси; что изъ нея освободится кислородный газъ, и что разокисленная, она соединится съ другою окисью; понятно даже, какимъ образомъ перекись, не разлагаемая одною теплою, т. е. не опдѣляющая отъ себя кислорода, могла-бы разложиться симъ средствомъ. Подобные примѣры рѣдки. Недокись поппассія находится въ такомъ отношеніи къ окиси силиція и проч.

Четвертый случай. Кажется, что всякій разъ, какъ двѣ окиси не заключаются въ прехъ предыдущихъ случаяхъ, и, кромѣ того, не могутъ легко ни разложиться, ни улетучиться посредствомъ жара, онѣ соединяются одна съ другою, когда подвергаются ихъ извѣстному вліянію огня; сверхъ всего, есть такіа окиси, которыя, хотя и свободно разлагаются, могутъ однакожь соединиться весьма тѣсно съ другими неразлагаемыми.

Для подтвержденія сихъ выводовъ кладутъ окись въ реторту; эту реторту ставятъ въ печь; къ ея шейкѣ прицѣпляютъ трубу съ шарикомъ, которая подходитъ подъ стклянку, наполненную водою, и разогрѣваютъ смѣсь; или кладутъ окиси въ плавленникъ, совершенно закрытый, и ставятъ его, какъ и самую реторту, на огонь. Когда окиси способны воздѣйствовать на кремнеземъ, тогда надобно предпочесть сосуды изъ плашины, или, по крайней мѣрѣ, до

нѣхъ только поръ можно употреблять горшки изъ глины, смѣшанной съ углемъ, пока окислы останутся на угляхъ безъ дѣйствія.

Не только можно получать соединенія окисловъ посредствомъ *сухаго пути*, какъ мы показывали выше, но, какъ увидимъ въ послѣдствіи, есть возможность составлять такіа соединенія и посредствомъ *сыраго пути*. Во всѣхъ случаяхъ одна изъ окислей играетъ роль кислоты, а другая соленого основанія, такъ, чѣмъ составы до извѣстной степени могутъ почитаться солями: таковы въ особенности составы, образующіеся посредствомъ чистой или мутной воды изъ кислоты или щелочи, и коихъ начала, сперва растворенныя, соединяясь, извергаются. Ничто не измѣняетъ новаго состава; пропорція его постоянна, между тѣмъ, какъ составъ, происходящій изъ окислей, слипшихъ вмѣстѣ, можетъ содержать, и дѣйствительно часто содержитъ, излишекъ одной изъ нихъ. Только въ немногихъ случаяхъ бываетъ проливное, особенно, когда одна часть произведенія можетъ кристалловаться: нагаръ высохшихъ печей представляетъ намъ опредѣленные соединенія: въ нихъ находимъ, напримеръ, кремнистое желѣзо, извѣстѣ, квасцы и двойное соединеніе кремнистой земли съ извѣстью и желѣзомъ.

Свойства составныхъ металлическихъ окислей. Составныя металлическія окислы

всѣ шверды, ломки, пшжеле воды, безъ запаха; всѣ безвкусны, исключая шѣхъ, которыя содержатъ въ себѣ въ большомъ количествѣ, или даже въ излишнѣ, окисли вшораго опдѣленія; всѣ также безцвѣтны, когда происходятъ опъ безцвѣтныхъ окислей, и напрощивъ того, разнымъ образомъ расцвѣчены, когда происходятъ опъ окислей цвѣтныхъ.

Довольно значительное число составныхъ металлическихъ окислей плавится обыкновеннымъ образомъ; ихъ плавкость вообще значительнѣе, нежели средняя плавкость окислей, ихъ составляющихъ, такъ, что въкоторыя окисли, не плавящіяся опдѣльно, сплавываясь весьма плавкими, будучи въ различномъ содержаніи соединены втѣснѣ. Многія даже способны стекловаться; но должно замѣнить, что всѣ шакковыя окисли всегда содержатъ въ себѣ кремнистую землю: вонъ почему, безъ сомнѣнія, называли прежде кремнистую землю *землею стекловатою*. Въ слѣдующей таблицѣ можно видѣть примѣры составовъ, одранныхъ сими разными качествами (*).

(*) Желашіе узнать подробности обо всемъ, что касается до плавкости шаковаго рода составовъ, естественныхъ или искусственныхъ, могутъ прочесть: 1. *Литоеговозію или изслѣдованіе камней и земель вообще*, Пошта; 2. *Записки о дѣйстви огна рожнаго и сильнаго*, Арцета; 3. *Сочиненіе Ашара Обѣ изслѣдованіи шкоторыхъ драгоценныхъ камней*, переведенное съ Нѣмецкаго П. В. Дюбуа; 4е.

Крепчайшая зем- ля 1 часть, сое- диненная съ ме- хсаждующими	Плавимость.	Стеклованіе.
Квасцовъ 1 часть.	Размягчаем- ся.	
Магnezіа 0,5.	Неплавимо.	
Извести 1 часть.	Плавится весьма труд- но	Нагаръ прозрач- ный.
Барита 3 части.	Плавимо.	
Сирениана 3 части	Тожь.	
Пошашу 3 части.	Весьма пла- вимо.	Стекло ; рас- плавляется.
Пошашу 0,33.	Плавимо.	Обыкновенное стекло.
Соды 3 части.	Весьма пла- вимо.	Стекловаго рас- плавляется.
Соды 0,33.	Плавимо.	Обыкновенное стекло.
Желѣзной окиси отъ 2 до 4 час- шей.	Плавимо и кристал- дуется.	
Окиси висмута 4 части.	Весьма пла- вимо.	
Окиси свинцу 3 части.	Тожь.	Стекловаго.
Тожь 0,8 и по- шасія 0,3.	Плавимо.	Хрустальное стекло.

Опытъ плавления ионисовъ, Эрмана, переводъ съ
Немецкаго Фонталлера; 6 в. Записки Лавуазье,
помѣщенные въ Запискахъ Королевской Академіи На-
укъ, за 1782 и 1783 гг. 6 в. Сочиненіе Лонзеля о
стеклообразіи; 7 в. Разысканія Гюитона (*Annales
de Chimie*). Разысканія Соссюра (*Journal de Physique*, и
въ особенности Разысканія Лавуазье (*Journal des
Mines*, Т. ХУІІ, стр. 171).

Окиси свинцу 0,8 и соды 0,3. . .	Весьма пла- вимо.	Хрустальное стекло.
Извести 2, 25. . .	Плавится трудно. . .	Стекловавшая прозрачная мас- са.
Магнези 0, 33. . . Извести 2,25; маг- нези 0, 66. . .	Тожь. . .	Масса стеклова- тая, не про- зрачная, неже- ли предыдущая
Извести 0, 56; маг- нези 0, 66. . . Извести 2,25; квас- цовъ, 0, 33. . . Извести 1 ч.; квас- цовъ 1 час. (а). . . Извести и квас- цовъ, тожь; ма- гнези 0, 33. . . Извести 2,25; маг- нези 0, 33 и окиси марганца 0, 33.	Тожь. . . Неплавимо. Плавимо. . . Плавимо съ шрудомъ. Плавимо. . .	Масса непро- зрачная. Масса рыхлая. Бѣлое стекло. Масса непрозрач- ная. Прозрачное сте- кло.
Извести 0, 6; квас- цовъ 0, 3; немного железной окиси и марганцу (б).	Тожь. . .	Стекло непро- зрачное, состав- ляющее шликъ или выгарки высокихъ пе- чей.

(а) Плавкостью состава железной окиси и кремнистой земли, и состава кремнистой земли, квасцовъ, извести и железной окиси, пользуются при разработкѣ мѣдной и железной руды, именно: въ разработкѣ мѣдной руды, для отдѣленія железной окиси, такъ образующейся, а въ разработкѣ железной руды, для плавки земляныхъ часпицъ, которые могутъ въ ней находиться, и для того, чтобы воспрепятствовать соприкосновению воздуха съ расплавленными металломъ.

(б) Последніе восемь результатовъ сообщены Г-мъ Дюкюшлемъ.

Кажется, до сихъ поръ не могли сплавить на кузнечномъ огнѣ никакого смѣшенія квасцовъ и извести; квасцовъ и магнезінъ; квасцовъ, извести и магнезінъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ сихъ соединений размягчались.

Глиняные плавильники содержатъ въ себѣ много кремнистой земли, и изъ предыдущаго ясно, что многія окисли могутъ на нихъ дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ, при возвышенной температурѣ, они повреждаются баритомъ, спронцианомъ, желѣзной окислью, и проч. При раскаленіи, они, или вовсе расплывающіяся, или на нихъ дѣлаются дыры отъ дѣйствія поташу, соды и свинцовой окисли, употребленныхъ въ достаточномъ количествѣ.

До нѣкоторой степени можно судить о дѣйствіи составныхъ металлическихъ окислей на воздухъ, кислородъ, вещества горючія, воду и проч., по дѣйствіямъ, какія оказываютъ окисли, ихъ составляющія, на сін шѣла. Впрочемъ, должно припомнить, что въ этомъ состояніи соединенія, каждая окисль гораздо постояннѣе, нежели по отдельности, и потому гораздо труднѣе разложить свинцовую окисль, когда она соединена съ содою и съ кремнистою землею, нежели, когда она находится сама по себѣ. Мы станемъ говорить въ особенности только о дѣйствіи производимомъ водою на сін

соединеніи, ибо одна вода служитъ условіемъ для явленій, которыя намъ нужно знать.

Когда соединенія окисли происходятъ отъ соединенія окислей нерастворимыхъ, тогда сами онѣ бывають нерастворимы. Когда, напротивъ, онѣ происходятъ отъ окислей растворимыхъ, онѣ всегда почти растворяются. Но когда онѣ состоятъ изъ окисли растворимой и окисли нерастворимой, въ такомъ случаѣ вода дѣйствуетъ на нихъ тремя различными способами. Часто она разлагаетъ ихъ, покоряетъ себѣ окисль растворимую, а окисль нерастворимую освобождаетъ: это случается тогда, когда оба окисли не имѣютъ между собою большаго сродства. Иногда вода не производитъ разложенія, а просто растворяетъ окисли, если окисль растворимая беретъ предъ другими преимущество, и не растворяетъ, если нерастворимая окисль значительно перевѣшиваетъ другія. (1-й Примѣръ: составъ изъ 4 части кремнистой земли и 3 частей поташа или соды; 2-й примѣръ: составъ изъ 3-хъ частей кремнистой земли и 4 части поташа или соды.) Иногда, наконецъ, она производитъ частичное разложеніе и образуетъ два соединенія: одинъ, изъ большаго количества окисли растворимой и малаго количества окисли нерастворимой, который растворяется, и дру-

гой, состоящей изъ малого количества окиси, растворимой и большаго количества окиси нерастворимой, которая не растворяется, или растворяется весьма трудно. (*Примѣръ: составъ изъ равныхъ частей окиси сурьмы и поташа*) (а). Поелику есть только восемь окислей, растворимыхъ въ водѣ, именно: закись потассія, содіа, барія, стронція, калція, окись літія, осмія и недоокись мышьяка, то изъ сего слѣдуетъ, что тѣ лишь составы, въ которыхъ онѣ находятся, могутъ имѣть способность распускаться въ водѣ, и, такъ какъ съ другой стороны, въ числѣ сихъ восьми окислей окись осмія, недоокись мышьяка, окись халція и даже окись стронція мало растворимы, то изъ сего слѣдуетъ, что онѣ часпо дѣйствующъ на окиси нерастворимыя, какъ будто онѣ сами были нерастворимы, или, по крайней мѣрѣ, надобно имъ дать большое преимущество, чтобы ихъ растворяющее дѣйствіе было значительно.

Многія составныя металлическія окиси, происходяція изъ соединенія окиси разводимой и оки-

(а) Когда въ раскаленный пламѣньникъ положимъ смѣсь изъ 2 частей селитры, и 1 части сурьмы, то получимъ составъ сего рода. Онъ извѣстенъ въ Фармаціи подъ названіемъ *діафоретической калытой сурьмы*.

сля неразводимой въ водѣ, могутъ растворяться въ сей жидкости, и воелюку послѣдняя растворяется очевидно только посредствомъ первой, то изъ сего должно заключить, что приводя оба окисли въ соприкосновеніе, одну въ состояніи студна, другую разведенную въ водѣ, опять произведемъ разложеніе окисли нерасстворимой, особенно съ помощію теплоты. Это слѣдствіе дѣйствительно подтверждается опытомъ. Слѣдующія двѣ таблицы содержатъ въ себѣ нѣ окисли, кои поташъ и сода дѣлаютъ замѣтательнымъ образомъ способными къ растворенію и нѣ, кои они дѣлаютъ способными къ растворенію въ весьма незначительной степени.

Окисли, кои поташъ и сода растворяютъ въ водѣ весьма замѣтнымъ образомъ:

кремнистая земля;

квасцы;

глинистый;

окисль цинка;

окисль марганца, въ высочайшей степени окисленія (а);

(а) Раствореніе окисли марганца въ поташъ и содаъ бываетъ по мѣрѣ того, какъ заблаговременно соединяютъ ее съ сими щелочами сухимъ путемъ, и потомъ наливаютъ воды на этотъ составъ, цѣлкомъ

окиси олова, особенно недокись ;
 бѣлая окись мышьяка ;
 недокись и перекись сурьмы ;
 окись теллурия ;
 закись свинцу.

*Окиси, кои поташъ и сода мало раство-
 ряютъ въ водѣ :*

закись хромія (b) ;
 закись сурьмы ;
 недокись ртути ;
 закись никкеля оводопворенная ;
 закись и недокись желѣза оводопворенная ;
 окись родія, вѣроятно въ соспояніи перекиси ;
 недокись золота ,
 и вѣроятно нѣкоторыя другія.

Известъ, и въ особенності баритъ и строн-
 ціанъ, растворяютъ также нѣкоторыя окиси; но
 они всегда растворяютъ ихъ только въ маломъ
 количествѣ; нѣ изъ окислей, на коихъ они, ка-
 жется, всего болѣе дѣйствуютъ, суть : окись
 цинка и свинцовая окись; по словамъ Г. Вокеле-

зеленый, извѣстный подъ названіемъ *минеральнаго
 халцедона*, отъ разныхъ цвѣтовъ, сообщаемихъ
 имъ водою.

(b) Растворяется въ поташѣ и низвергается отъ
 кипяченія (Берцеллій, *Ann. de Chim. et de Phys.* Т. XX.
 стр. 140).

на, квасцы легко растворяются въ баритѣ и стронціанѣ.

Дѣйствіе, производимое одними окислами на другихъ, даетъ имъ иногда способность низвергаться опъ ихъ растворенія въ водѣ, въ щелочи и даже въ кислоты (Записки Г. Гюгбона-де Морво, и Даррака, *Ann. de Chimie*, Т. XXXI и XL).

1. Когда волюмъ баритовой, стронціанной или известковой воды въ растворъ попаша, соединеннаго съ кремнистою землею, тогда произойдетъ низвергъ, составленный изъ кремнистой земли и одного изъ вышеупомянутыхъ оснований.

2. Если смѣшиваемъ вѣсмѣ концентрированный растворъ попаша, соединеннаго съ кремнистою землею, и попаша соединеннаго съ квасцами, тогда вдругъ образуется опъдъ ипемный и студенистый, состоящій изъ кремнистой земли и квасцовъ, тѣсно соединенныхъ.

3. Если взболтать квасцы въ студенистомъ состояніи съ известковою водою, и по прошествіи нѣкотораго времени процѣдить эту жидкость, тогда она потеряетъ всякій вкусъ и будетъ просто чистая вода: слѣдовательно здѣсь известъ соединяется съ квасцами и образуетъ вѣсмѣ съ ними нераствораемый составъ. (Шеель, Т. I).

По словамъ Шеневикса, кажется, что квасцы способны растворенію известки въ попашѣ и содѣ. (*Phil. Trans.* 1802).

4. Когда вливали въ кислый растворъ сѣрнокислой магнезіи, тогда образуется сѣрнокислая аммоніакальная магнезія, растворимая и неудоборазлагаемая аммоніакомъ; но если сперва подбавить кислого раствора сѣрнокислыхъ квасцовъ къ кислому раствору сѣрнокислой магнезіи, квасцы, лишь-бы они были въ довольно большомъ количествѣ, низвергаясь, увлекаютъ всю магнезію магнезіальной соли, такъ, что въ продолженной жидкости оспзается только сѣрно-кислый аммоніакъ. Подобныя явленія замѣчаются съ среднею щелочною солью пошана: вливая растворъ сей соли въ растворъ сѣрнокислой магнезіи, нельзя низвергнуть сего основанія; оно низвергается напрошивъ того вдругъ, когда сѣрнокислая магнезія содержитъ довольно большое количество кислой сѣрнокислой соли квасцовъ. Въ этомъ случаѣ квасцы опять производятъ низверженіе магнезіи; изъ чего можно заключить, что сіи два рода земли должны имѣть тѣсное взаимное сродство: и дѣйствительно, хотя квасцы легко растворяются въ ѣдкомъ пошанѣ, они пересыпаютъ въ немъ растворяясь, какъ скоро соединены съ достаточнымъ количествомъ магнезіи.

5. Вода разлагаетъ гидро-хлоратъ сурьмы; она овладѣваетъ его гидро-хлорическою кислотою и низвергаетъ его окисль. Впрочемъ, не только не производитъ она сего дѣйствія на гидро-хлоратъ олова, напрошивъ того легко его растворяетъ.

Какъ-бы то ни было, если смѣшаемъ растворъ 1-й части гидро-хлораща сурьмы съ растворомъ 2-й части гидро-хлораща олова, и покроемъ соединенные растворы большимъ количествомъ воды, въ шу-же минуту окись сурьмы низвергнется и увлечетъ съ собою окись олова.

Естественное состояніе окислей. — Въ природѣ встрѣчается большое количество соединенийъ окисли; замѣтно много кремнистой земли, служащей основой большей части драгоцѣнныхъ камней и множество другихъ веществъ, изъ коихъ минералогіи составили столько различныхъ классовъ, что число ихъ теперь возрасло болѣе нежели до пятидесяти, и они различаются одна отъ другихъ свойствомъ основаній, или пропорцію. *Квасцовики* не такъ многочисленны, но и для нихъ есть примѣры положивельные: цинковъ *лалль*, или *шпинель*, который ничто иное, какъ магнезіонный квасцовикъ; *санитъ*, т. е. цинковый *квасцовикъ*, въ равныхъ атомическихкихъ пропорціяхъ съ лалломъ.

(До слѣдующаго №)

Къ сему № Прибавленія приложены изображенія табурета и конторскаго стула послѣдней моды.

FOR THE

ASTOR, LENOX & TILDEN FOUNDATION

M

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОТ Р Ы В К И

ИЗЪ НЕНАПЕЧАТАННАГО СОЧИНЕНІЯ : ВВЕДЕНІЕ въ
ГЕОГРАФІЮ и ИСТОРІЮ.

Сочинитель книги, изъ коей отрывки предлагаются читателямъ Телеграфа, пишетъ къ Издающему слѣдующее: «*Прошу васъ помѣстить въ Московскомъ Телеграфѣ нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія, которое я готовлю для публіки, и которое, вѣроятно, долго еще не будетъ напечатано. Если вы примете въ вашъ Журналъ посылаемые при семъ отрывки, то найдете меня готовымъ доставлять вамъ, по временамъ, и другіе. Они будутъ разнообразны, хотя возмущены изъ одного и того-же сочиненія: оно такого рода, что требуетъ разнообразія.*

«*Чтобы показать яснѣе, какимъ образомъ отрывки весьма различнаго содержанія могутъ принадлежать къ одному сочиненію, счишаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ ономъ.*

«*Его названіе: Введеніе въ Географію и Исторію; состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ :*

Августъ 1829.

«а.) О допотопномъ, или древнемъ состояніи земнаго шара. Здѣсь покажется строеніе нашей планеты, ея допотопные перевороты и обитатели.

«б.) О послѣдотопномъ, или нынѣшнемъ состояніи земнаго шара. Здѣсь будетъ говорено о машинописной, физической и чистой (не приложенной къ политическимъ государствамъ) Географіи.

«Всѣ сіе можеть служить Введеніемъ собственно въ Гесграфію; слѣдующіе предметы могуць относиться къ Географіи, и къ самой Исторіи.

«с.) Экономія природы. О міръ вообще; объ одаренныхъ жизни существахъ въ особенности; органическая Анатомія и Физиологія вообще, и Антропологія въ особенности; о породахъ человѣческихъ.

«д.) Распределение по землѣ органическаго царства. Географія растений; Географія животныхъ; Географія человека, основанная на породахъ человѣческихъ.

Послѣ сего слѣдуетъ: Введеніе собственно въ Исторію.

«е.) О народонаселеніи. Здѣсь приняты и вножены, съ нѣкоторыми измѣненіями, начала о народонаселеніи, соч. Мальтуса.

«Человѣкъ назначенъ, по уму его, для умственнаго просвѣщенія; по народонаселенію и уму, для гражданскаго просвѣщенія (общественности, цивилизації); по волѣ, для нравственности и религіи. И нѣтъ, послѣднимъ предметомъ моего Введенія будетъ:

« f.) *Человѣкъ, разсматриваемый со стороны его просвѣщенія, общественности, нравственности и религіи.* Что суть просвѣщеніе, общественность, нравственность и религія; каковы они у дикихъ народовъ; каковы ихъ успѣхи у образованныхъ народовъ; какихъ слѣдствій можно ожидать отъ дѣйствующихъ ихъ успѣховъ.

« Вашъ, М. Г., краткое очерчаніе моего сочиненія. По важности его предмета, и по уваженію къ публикѣ, я спарюсь его обрабатывать, сколько могу, лучше, и пошому не буду съжимать изданіемъ въ свѣтъ. Но я хотѣлъ-бы представитъ часина онаго публикѣ, чшобы услышать ея замѣчанія, и знашь, чего оно ожидать можешь.

« Вашъ причина, почему я васъ прошу, М. Г., помѣстить и помѣщать ошрывки изъ моего *Введенія* въ вашень *Журналъ*.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ.

(Два рода Исторіи.)

Есть два рода Исторіи: *повѣствовательный* и *догматическій*.

Повѣствовательная Исторія, древними преимущественно употреблявшаяся, изображаетъ происшествія такъ, какъ они случались, въ одной *индивидуальной*, такъ сказать, ихъ жизни, безъ показанія общаго между ими отношенія, или законовъ, по которымъ они произошли. Прямѣрь

и образец сего способа находимъ у *Баранта*, въ прекрасномъ его сочиненіи: *Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois*.

Догматическая Исторія не довольствуется простымъ изображеніемъ происшествій, но объясняетъ внутреннюю ихъ связь. Всякое происшествіе есть какъ-бы апологъ, изъ котораго догматическій Историкъ спѣшилъ извлечь моральное правило, въ немъ заключающееся. Собственные вѣсны почти теряются изъ вида, и даютъ мѣсто всеобщимъ понятіямъ. Но если ходъ всѣй машины видѣнъ, то неприлично дѣйствіе каждой пружины въ особенностях; это недоспѣшокъ догматическаго рода.

Исторія повѣствовательная есть какъ-бы ландшафтъ прошедшаго, привлекательный для глазъ, но ограниченный, не простирающійся даже предѣловъ обыкновеннаго зрѣнія. Исторію догматическую можно сравнить съ Географическою картою, гдѣ область прошедшаго обмѣнена точными чертами, но гдѣ все *означено* только, а не *показано*.

Хотя родъ повѣствовательный есть преимущественно *Историческій*, но онъ одинокъ для разума неудовлетворителенъ, даже исторически недоспѣшеченъ, потому что бываютъ, какъ справедливо замѣчаетъ Гизо, *нравственные происшествія*, которыхъ не лзя дать имени

и опредѣлени числа, и которыя однакож шѣмъ не менѣе дѣйствительны и важны.

Если родъ повѣствовательный жите дѣйствуе-
етъ на чувство, то догматическій полнѣе удо-
влетворяетъ разсудку. Первый граничитъ съ По-
эзіею, послѣдній съ Философіею. Посему не уди-
вительно, что догматическая Исторія способна
принимать форму чисто Философскаго разсужде-
нія (1), такъ какъ повѣствовательная форму Эпо-
пея (2), Драмы (3), романа (4), повѣсти (5).

(1) Нѣкоторые уроки *Курса*. *Leçons de philosophie du cours d'été*, 1828.

(2) Поэмы *Омира*; Персидская Поэма *Фирдуси* Шагъ Намегъ; Санскритская Поэма: *Магабхарата*, *Рамайана* и другія. Исторія у древнихъ Индовъ не имѣла другой формы, кромѣ Эпической. Ихъ *Пурана*съ (*Исторія древняя*) состоятъ изъ 18-ми большихъ Поэмъ. Вообще Миеологія есть, въ нѣкоторомъ смы-
слѣ, переходъ Исторіи въ Эпическую Поэзію.

(3) *Les Barricades*, 1828, par *M. L. Vitet*; — *Les États de Blois*, 1828, par le *même*; — *La mort de Henri III*, 1829, par le *même*. — *Scènes contemporaines*, 1828. — *Le grand drame en trois actes*, par *Legallois*, 1829.

(4) *L'Espagne*, par *Salandy*; — *Julia Severa*, ou l'an quatre cent quatre-vingt-douze, par *Simonds de Sismondi*. — *Zillah*, *Histoire Juive*, par *Horace Smith*. — *Les Fiancées*, *histoire milanaise du XVII siècle*, par *Manzoni*. — Нѣкоторые романы Вальтера Скотта.

(5) *Le captif du Forestel. Nouvelle historique du XIVe siècle*, par *Leglay*.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ.

(Историческая эпоха нашего времени).

Ни одинъ вѣкъ не былъ столько Историческимъ, какъ нашъ, и по самымъ происшествіямъ и по духу времени. Если въ нашу эпоху человѣчество дѣлаетъ удивительнѣйшія усилія усовершенствоваться въ обѣихъ частяхъ просвѣщенія, *умственной и гражданской*, то съ другой стороны никогда не оказывалось такого стремленія, какъ нынѣ, узнатьъ что сдѣлано, и что дѣлается, или готовится. Передъ нами все превращается въ важное, *положительное*, Историческое, какъ будто предчувствуется уже рѣшеніе главнѣйшихъ задачъ человѣчества.

Прежде Историческія происшествія превращались въ Драму, романъ (*); нынѣ романъ и Драма превращаются въ Исторію; самые, по видимому,

(*) Такимъ образомъ, напримѣръ, великія и въ самой вещи удивительныя дѣла Александра Македонскаго дали случай къ сочиненію весьма многихъ романовъ, въ древніе и средніе вѣка. Въ сихъ романахъ, между дѣйствительными происшествіями, упоминается о летаніи сего героя по воздуху, въ кожаной сумкѣ, на грифатѣ, для обозрѣнія шара земнаго, о путешествіи, изъ любовныяства, на дно морское подъ стекляннымъ колоколомъ, о странствованіи по мрачной области для отысканія безсмертной воды, о

легко-предметные роды сочиненій живутъ цѣльположительную. Картина происхожденія и счастливѣйшихъ переселеній иррациональнѣйшихъ: начинаются занимать картина происхожденія и счастливѣйшихъ дѣй-

встрѣтъ съ ужасными зѣвками, изъ числа которыхъ одинъ, по имени *Гедомадаріонъ*, могъ носить на спинѣ слона, о близкой его кончинѣ, предсказанной ему въ Индіи двумя, почти до неба высокими, деревьями, изъ которыхъ одно называлось деревомъ солида, а другое деревомъ луны, и о подобныхъ нелѣпостяхъ. Объ одномъ изъ сихъ правдивыхъ сочиненій, писанномъ Евреемъ на Еврейскомъ языкѣ, Раввины отзывались, что всѣ слова въ немъ справедливы и правда, что оно изъ числа такихъ, которыя наиболее подходятъ къ книгамъ пророковъ, и что рука Божія была на немъ, когда Сотиниель писалъ оное. Большая часть сихъ древнихъ и старинныхъ романовъ, сочиненныхъ на Персидскомъ, Греческомъ, Арабскомъ, Турецкомъ, Армянскомъ, Еврейскомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Испанскомъ и Французскомъ языкахъ, напечатаны; но нѣкоторые хранятся еще въ библіотекахъ рукописями, и ждутъ издателей. Всѣ сіи творенія и разныя ихъ изданія, показаны и разобраны, по случаю напечатанія одного изъ нихъ, въ первый разъ изданнаго въ 1817, въ Миланѣ, славнымъ Филологомъ *Анджело Майо*, подъ названіемъ: *Itinerarium Alexandri ad Constantium Augustum Constantini M. filium*, въ статьѣ, помѣщенной въ *Bibliothèque universelle, de Picot, Littérature*, année 1818, Том VII, неизвестнымъ, подписавшимся буквою F.

спешивельныхъ. Люди, облачки, мѣткія — ютъ чего вездѣ пребываютъ.

Нашъ языкъ любитъ наспавивельное; онъ чувствуетъ, что не должно ничему слѣпо вѣрить, какъ ни спокойно это для ума, и какъ ни велика страсть въ человѣкѣ ко всему чудесному. Спрашивается дѣйствительно такъ свойственна намъ, что мы даже не любимъ разочаровываться, что мы какъ будто шеемъ что-нибудь, когда волшебное превращается въ естественное. Изумлялись для насъ удовольствіе.

Но это удовольствіе показываетъ какъ-бы искомое дѣйствіе ума. Мы начинаемъ спидаться этого состоянія, невиннаго, беззаботнаго, но ничтожнаго; намъ нужно обширнѣйшее существованіе.

Первый шагъ ума есть *открыть*; второй *покрыть*. Время покрововъ наступило. Отъ того не годятся болѣе ни хрустальный сводъ небесъ въ Астрономіи, ни вихри въ Философіи, ни безголовые народы въ Естественной Исторіи, ни Гесперидскіе сады въ Географіи. Разсудокъ, какъ Тезей, началъ очищать землю отъ чудовищъ.

Началъ, но долго еще не очистишь. Лѣтъ ужъ, чтобы не сказать, души, безмѣрность природы, краткость жизни, испинкитъ поскорѣ наслаждаться плескомъ, чѣмъ душевнымъ, все какъ-бы сговорилось удерживать умъ человѣческаго еще надолго въ дѣтскихъ пеленахъ.

Но во крайней мѣрѣ начало сдѣлано; машина завелась и пошла. Мы начинаемъ жернововать истины самыми привлекательными для насъ, укоренявшимися заблужденіями. Путешественники XIX-го столѣтія, осмотрѣвшій и измѣрившій мѣста Греціи, прославленные древними Историками и Поэтами, вѣрныя славѣ Гемиспокловъ и Мильпіадовъ, но не вѣрныя безчисленнымъ арміямъ Ксерасовой. Можеть быть, нѣсколько лавровыхъ листковъ завянутъ въ вѣнкахъ, которыми слава ешаралась украшать очасливое чело нѣкоторыхъ своихъ любимцевъ; но Исторія не должна обѣщать сѣловать: если-бы и потерпала она нѣсколько блистательнаго отъ изискательности нашего времени, то, въ замѣнъ, сдѣлалась-бы проситѣе, ближе къ природѣ, въ которой все происходитъ по законамъ, а ничто сверхъ законовъ. Исторія должна нравиться прежде всего истинною.

Отъ чего произошла сія строгость разсудка? Отъ того, что, какъ замѣнилъ краснорѣчивый *Руссо*, жившій въ словесный вѣкъ, за *Словесностью* пришли *знанія* (1).

Дѣйствительно: вездѣ обрабощиваніе языка предшествовало обрабощиванію разсудка; это первая и необходимая степень ума. Казалось-бы,

(1) «Les sciences suivirent les lettres.» *J. J. Rousseau.*

что прежде должно научиться правильно думать, потомъ уже правильно и красиво говорить, но въ природѣ не такъ: дитя учится сперва говорить, послѣ уже зрѣлыми образомъ размышляетъ. Вездѣ дневный свѣтъ Литтературы занимался сперва румяною зарею *Словесности*. Спихотворцы, риторы, грамматиксы, съ ихъ комментаріями, выправками и безконечными разбѣжками, все это предшестъ положительнымъ Наукъ, юный возрастъ Литтературы. Мы не имѣемъ намѣренія унижить достоинство Поэзіи и Краснорѣчія, достоинство высокое и прекрасное, но говоримъ только, что собственно-словесныя произведенія являются въ Литтературѣ родовъ прежде положительно-мыслительныхъ. Это опять не значить того, чтобы въ словесную эпоху не было учености; напротивъ, ее собирается очень много, особенно къ концу сей эпохи, и ничего нѣтъ естественнѣе этого: тогда поэты и ораторы истощили всѣ средства очаровывать людей, и ошнали надежду прославиться на ихъ похвалѣ, тогда нѣтъ другой возможности привлечь вниманіе, какъ ученостью. Но пока *словесная* эпоха продолжается, вса *ученость* будетъ обращена только на языкъ; буквы и фразы составляютъ какъ-бы атмосферу, вихрь всего ученаго міра. Вотъ происхожденіе толпы комментаторовъ. Божественныя вдохновенія поэтовъ, краснорѣчивые порывы ораторовъ

превращающіяся въ *мокубраціи* пчоловинныхъ: мошморозъ не блистательный, но столько-же естественный, какъ переходъ гусеницы въ бабочку; здѣсь только бабочка превращается въ гусеницу.

Но наконецъ вся эта эпоха проходитъ, и дастъ мѣсто другой, не словесной, а *положительной*. Это время Энциклопедій. Греція имѣла свою Энциклопедию въ сочиненіяхъ *Аристотеля*, такъ же какъ Римъ свою въ сочиненіяхъ *Плинія* Естественнѣйшаго. Эпоха положительная даетъ всему другое направленіе. Тогда самая Филологія получаетъ новое значеніе и производитъ Лингвистику. Вѣдомо *Скалигеровъ* появляющіяся *Аделунги*, *Фатеры* (1) и *Бальби* (2). Древніе ораторы и самые поэты послужатъ, можешь быть, для Спятистики. Изъ отрывковъ ихъ какой-нибудь *Бекъ* (3) составитъ Политическую Экономію Аѳинянъ. Онъ не употребитъ всего ума своего на то, чтобы показать только сивтаксическія правила, ссылая на авторовъ, разночтенія, удивитъ читателя сѣтланною простотою Лапидскихъ буквъ съ Греческими, но, чтобы объяснить, какимъ образомъ Аѳиняне, ко-

(1) Mithridates.

(2) Atlas ethnographique du globe, 1826.

(3) Boeckh, die Staatshaushaltung der Athener, 2 Theile, Berlin, 1817.

шоры не дѣлали почти никогда завоеваній, могли снаряжать сполъ многочисленныя флоты, содержали сильныя арміи, совершали съ такими великолѣпіемъ свои Панаѳенейскія празднества, издерживались на блистательныя представленія Трагедій *Софокловыхъ* и плащали *Фидіасу*, и пр. и пр.

Удивительно, что самая Исторія должна нерѣдкимъ была. Пржеіе Историкъ писали такъ, какъ будто главною цѣлю ихъ было не то, чтобы показать произведенныя дѣла челоѳческія, а чтобы плѣнати воображеніе разсказами, тронуть сердце картиною великихъ пороковъ или великихъ добродѣтелей, словомъ, дѣйствовать на душу, болѣе обольщая умъ, чѣмъ просвѣщая его; истина происшествій, или лучше сказать, пѣвическая ихъ достоверность, какъ будто служила имъ средствомъ для сей цѣли. Но что изъ этого вышло? То, что съ *Титомъ-Ливіемъ*, наприимѣръ, мы имѣли прекрасное сочиненіе, но не имѣли Римской Исторіи. Могли-ль мы имѣть ее послѣ сего съ *Ролленемъ*? *Нибуръ* доказалъ, что Римская Исторія, почитаемая сполъ извѣстною, должна снова быть пересмотрѣна, и онъ, съ большою для себя славю, началъ сей подвигъ преобразователя Исторіи (1). Другія Исторіи, какъ и Рим-

(1) *B. G. Niebuhr, Römische Geschichte. Erste. Ausg. 1811—1812.*

ская, передѣлывающіяся, или ждутъ своего *Нибура*.

Чтобъ увидѣть Историческую истину въ на-
стоящихъ ея, а не въ фантазмагорическихъ раз-
мѣрахъ, увидѣть ее въ возможной полнотѣ (въ
совершенной полнотѣ увидѣть ея не лзя, ибо
совершенство, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, есть
идеаль, существо міра умственного, а не дѣй-
ствительнаго, высокая цѣль, которую разумъ
послѣдуетъ, но достигнуть не можешь), чтобъ
увидѣть, повсѣмъ, Историческую истину въ
возможной ея полнотѣ, а не съ одной какой-ни-
будь стороны, по необходимости обманчивой, ибо
не полной, для сего нужны, не только прони-
цательный умъ, но и разнообразныя и обширныя
свѣдѣнія, соединенныя въ душѣ, способной чув-
ствовать достоинство человека и его ограни-
ченность (*).

Проницательность ума, обширность души, не
зависятъ отъ времени, но энциклопедическія
свѣдѣнія зависятъ отъ времени и обстоятельствъ.
Нынешняя эпоха есть сіе время и представля-
етъ сія обстоятельства.

Дѣйствительно, нынешняя эпоха отличается
духомъ разсудительности; все и вездѣ осматри-

(*) О семъ достоинствѣ человека, и его ограни-
ченности, будетъ въ послѣдствіи особенный отзы-
вокъ.

вають и изслѣдывають. Не только воскрѣшавш-
ся для Исторіи нѣкоторые Воспорскіе Цари помо-
щію Палеографіи и Нумизматики, но возстанов-
ляется геологически допотопное строеніе нашей
планеты и природа, довременная человѣку, описан-
ная отъ вышней.

Самымъ вѣрнымъ способомъ для удовлестворе-
нія вышнему изыскательному вѣку служатъ
путешествія, составляющія одну изъ оплоти-
тельныхъ чертъ нашей эпохи. Спрасть къ оп-
крытіямъ, посредствомъ путешествій, усилилась
столько-же между правительствомъ, сколько ме-
жду частными людьми. Но вѣдѣ она не возрасла
до такой степени, какъ въ Англіи. Англійскіе
путешественники проникаютъ во всѣ края земли.
Одинъ *Парри* сдѣлалъ нѣсколько путешествій
къ сѣверному полюсу. Гдѣ не встрѣчался уже
дикій человѣкъ съ образованнымъ Европейцомъ?

Столько успѣхъ не осталось безъ награды.
Гумбольдтъ какъ-бы открылъ во второй разъ
Америку; Африка перестаетъ бытъ непроходим-
ною, Азія таинственною. Все проясняется.

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ.

(Геологическое различіе между органическою и
неорганическою природою).

Вещества неорганической природы, шаръ зем-
ной составляющія, имѣютъ, между прочимъ, то
важное отличіе отъ существъ органической при-

роды, чю минералы, во всѣхъ частяхъ земли, подѣ всѣми широтами, одинаково сложены, тогда какъ растенія и животныя споль разнообразны подѣ разными *равнотеплыми полосами* (*bandes isothermes de Humboldt*). Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ орудныя вещества чрезвычайно различны между собою, камни одинаковы. Не только большая часть однородныхъ веществъ, на пр. кварцъ, гранитъ, амфиболъ, слюда, въ обонхъ полушаріяхъ одни и тѣже, но и большія массы горъ составлены изъ однихъ матеріаловъ; гранитъ ихъ, напримѣръ, состоятъ вездѣ изъ слюды, кварца и фельдшпата; миканиситъ ихъ, вездѣ изъ слюды, кварца и граната; сіенитъ, вездѣ изъ фельдшпата и амфибола.

Замѣтимъ однакожь, что слово: *вездѣ*, здѣсь не значить того, чтобъ дѣйствительно *всѣ минералы, на всѣхъ пунктахъ земли, были совершенно одинаковы*; но то значить, что они находимы совершенно одинаковыми подѣ всѣми климатическими линіями, хотя и можеть случиться, что на различныхъ линіяхъ, или на одной и той-же линіи, встрѣились нѣкоторыя, и даже многія, различія. Сіи различія происходятъ у животныхъ и растеній: законъ животныхъ и растеній есть разнообразіе оныхъ подѣ разными атмосферными теплотами. Отступленія отъ сего закона бывають, но это исключенія изъ общаго

правила : такъ напр. Англичанинъ изъ Великобританіи, и Англичанинъ подъ сѣвернымъ полюсомъ, или во внутренности Африки суть случайности, какъ и пересаженное растение изъ подъ пропковой почвы на землю сѣверно-крайной оранжереи. Наврошивъ того, общій законъ минераловъ есть тождество оныхъ подъ всеми широтами; исключенія могутъ быть здѣсь, но не по причинѣ сихъ широтъ.

И такъ предположивъ должно, что минеральныя вещества произошли независимо отъ климатовъ; можно даже предположить, что они произошли до образованія климатовъ.

Ястребовъ.

БѢДНЫЙ ДИКЪ,

ИЛИ

НЕКОНЧЕННАЯ РУКОПИСЬ.

(Повѣсть.)

« Умный человекъ никогда не сдѣлаетъ шѣхъ двухъ глупостей, изъ которыхъ въ одной я готовъ принести повинную, » сказалъ Полковникъ Пальмеръ, вытаскивая о конецъ своего башмака пеньелъ изъ шрубки.

— Какая-же эта одна?—спросилъ Баронъ Брокгаузъ, курицкій мѣстѣ съ Полковникомъ.

« Какая? Продавъ наследственное имѣніе и переселившись на чужую сторону, оставивъ свое опечесиво. Знаю, что родственики, которыхъ осматриваю, не всегда становятся друзей, но знаю также и то, что новые друзья не всегда становятся родствениковъ. »

— Правда—сказалъ Баронъ.—Ну, а другая глупость?

« Другая: жениться не въ молодыхъ лѣтахъ. Опасеніе, оставивъ послѣ себя дѣтей непристроенныхъ, мѣшаетъ пищеваренію. »

— Полковникъ! вѣдь сего дня день вашего рожденія?

« Именно. »

Августъ 1829.

— И вы, кажется, ждете изъ себя на обѣдъ много гостей, потому что я замѣтилъ столъ, больше нежели на приданія приборовъ. Правда?

«Точно такъ.»

— Ну, любезный сосѣдъ, такъ я нашелъ средство, чтобы сегодняшній вечеръ ященвареніе у васъ было хорошо.

Полковникъ вынулъ трубку изъ рта и пристально поглядѣлъ на Барона. Баронъ сказалъ ему: — Вашей Вильгельминъ шестнадцать или семнадцать лѣтъ. Правда? — «Правда.» — Это прелестнѣйшая дѣвушка въ резиденціи. — «Говорить.» — А сынъ мой самый красивый мальчикъ въ здѣшней сторонѣ. — Полковникъ не отвѣчалъ ничего. Женимте-ка ихъ; сосѣдъ — пригласилъ Баронъ — потому что они точно какъ другъ для друга родились. Не правда-ли?

На этотъ разъ слово: правда, не вылетѣло изъ устъ Полковника. Не говоря ни слова, онъ раскурлялъ свою трубку, и, пустивъ на воздухъ несколько глотковъ дыму, сказалъ: «Сосѣдъ! если Минна будетъ богласна, то это дѣло конченное.» Онъ позвонилъ.

«Явился Дикъ, мальчикъ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ, прелестный какъ Ануръ, но который не выѣлъ ни шалостливого вида, ни злаго взгляда Греческаго божка.

«Бутылку рому и стаканы!» сказалъ Полковникъ. «Надобно чокунуться съ сосѣдомъ.»

Дикъ поправилъ подушку, на которой пропавша была больная нога Полковника, и пошелъ за ромомъ. Онъ налилъ стаканъ Барону, но едва кивнулъ въ стаканъ Полковника. Пальмеръ нахмурилъ брови и приказалъ Дикѣ осмазвать бутылку на свѣолѣ, но тотъ какъ будио не слышалъ его словъ, и унесъ бутылку.

— Вошъ—сказалъ Баронъ Брокгаузъ—вошъ мальчишка, котораго, если-бы онъ былъ мой, я пошлась выгнать-бы изъ дому. Это будетъ большой негодий! Не правда-ли? — «Кажется не правда,» отвѣчалъ Полковникъ, «потому что онъ добръ и скромнъ какъ не лзя больше.» — Да я не послушивъ тоже.

«Отецъ его служилъ мнѣ и былъ со мною въ походахъ. Въ сраженіяхъ онъ всегда находился подлѣ меня. Подъ Мюльгаузенонъ, отъ жестокой раны, я потерялъ много крови, лишился чувствъ и упалъ. При тысячѣ смертей, онъ вытаскилъ меня изъ подъ ногъ лошадиныхъ, взвалилъ къ себѣ на плеча, пронесъ черезъ весь аскадронъ, и въ сторонѣ, на полѣ сраженія, перевязалъ мнѣ рану. Когда я опаматовался, онъ поддерживалъ одною рукою мою голову, а другою вливалъ мнѣ въ горло воду изъ манерки. Вдругъ пули поразила его на смерть. Онъ успѣлъ сказать мнѣ только: Не оставьше моего бѣднаго сына! Теперь, прибавилъ Полковникъ, прошу выгнать этого мальчика.» Онъ ошворохился, чтобы укрывсь

оптъ взора Баронова, и ушеръ слезу рукамъ своего мундира.

Молодыя дѣвушки не вѣдаютъ, вмѣстѣ съ сю-
ити маменьками, на праздники : такъ великъ
обычай ; попому-то Вильгельмина, въ кругу зрѣ-
лыхъ дѣвъ и женъ, обѣдавшихъ у отца ея на
праздникъ его рожденія , казалась юною розою,
среди мака и ногошниковъ.

Вильгельмина не ѣла , а пособляла своему от-
цу угощать застольныхъ собесѣдниковъ , съ осо-
бенною пріятностію и развязностію. За десер-
томъ она взяла какой-то фруктъ , и съ такою
оспорожностію снимала съ него кожу , поднимъ
свой мизинчикъ къ верху , что ножикъ выпалъ у
нея изъ рукъ и покочился подъ столъ. Дикъ, ко-
торый во время обѣда всегда находился за сту-
ломъ Вильгельмины , бросился подъ столъ такъ
поспѣшно , что столкнувшись съ огромными ши-
тами одной Канонницы , онъ заспавилъ ее сдѣ-
лавъ на креслахъ четверть круга.

Подъ столомъ Дикъ увидѣлъ ножъ , но лицо
пламеннаго мальчика было столь близко къ пре-
лестной ножкѣ Вильгельмины , что онъ схватилъ
ее и поцѣловалъ два или три раза съ горѣ-
лостію. Дикъ не видѣлъ въ этомъ ничего худъ-
го. Выползши изъ подъ стола , онъ положилъ но-
жикъ подлѣ Вильгельмины , но не осмался уже на
прежнее мѣстѣ , а обошелъ вокругъ гостей и

спать напротивъ дочери Полковника, желая насладиться дѣйствіемъ своей ушнѣвости.

Лицо Вильгельмина горѣло огнемъ спидливо-сти и смущенія; глаза ея были устремлены на шорелку. Наконецъ она взглянула на Дика, и взглядъ ея показалъ, что она жестоко оскорблена его дерзостью. Дикъ поблѣднѣлъ: слезы показались изъ неподвижныхъ его глазъ. Вильгельмина замѣтила это, и, желая утѣшить его, поднала стаканъ и сдѣлала знакъ, что она пребуешь пить воды. Онъ подошелъ къ ней, но весь дрожалъ, и наливая въ стаканъ воду, облилъ несчастную Канонницу. «Этотъ глупецъ рѣшился досаждать мнѣ,» сказала сія послѣдняя.

Такія живыя слова не могли ободрить бѣднаго Дика. Вильгельминѣ также было непріятно, что она навлекла на него вѣжливость Канонницы.

Однакожь, за десертомъ, когда рейнвейнъ развязалъ языкъ у нѣкоторыхъ изъ гостей, говорили много и порядочно. Одинъ изъ собесѣдниковъ, сидѣвшій напротивъ большой, закомпнившейся картины, спросилъ у Полковника, что изображаетъ она? «Право не знаю,» отвѣчалъ Пальмеръ. «Я купилъ ее вѣстѣ съ живою шормою, и оставляю вѣстѣ, не заботясь о ней.»

На картинѣ представлена была древняя колесница, везомая быками; на колесницѣ, подлѣ молодого человѣка, молодая женщина, закрывающая лицо свое покрываломъ; даже, шарикъ, съ безъ-

покойнымъ видомъ оспавозвавшій быковъ и какъ-бы ошпающій ошпаша. Вблман видѣвъ алшаръ.

Вопросъ собесѣдника сдѣлалъ то, что всѣ обращили глаза на каршину. Самый разумный изъ этого сборища сказалъ : « Это приключеніе Клеоласа и Вимона. — « Нѣтъ, Г-нъ Судья ! » сказалъ въ свою очередь Баронъ Брокгаузъ. « Это Іаковъ, оспавляющій Лавана, въ то время какъ онъ увозитъ Рахель въ Месопотамію. Не правда-ли? » — Батюшка ! — сказалъ нареченный женихъ Вилгельминнъ. — Вы ошибаетесь : это сошествіе Эмея въ адъ. Старикъ въпомъ Анхизъ, а эта женщина Дидона. »

При сихъ словахъ, бѣдный Дикъ, закрывъ лицо свое шарелкою, копорую онъ до тѣхъ поръ держалъ подъ мышкой, захохоталъ во все горло : взоры всѣхъ, оспавивъ каршину, обратились на него. Смихъ слуги въ присущемъ господѣ почтѣеишя дѣломъ самымъ неприличнымъ ; въ Германіи это уголовное преступленіе ; но Покховникъ не шакъ принялъ пошупокъ своего воспитанника. — Чему смѣяешься ты, шалуйъ? — сказалъ онъ ему. — Развѣ шія господа промахнулись? — Дикъ, шиспо ошпаша, скромно пошучилъ глаза, и, успидясь, что привлекъ на себя взоры всѣхъ, покраснѣлъ. Женщины просили невѣжливости хорошенькаго мальчика, взглянуть на него; но съ мужчинами, задѣянни имъ, дѣло шло иначе. Подражая Французскому пусшословію, съ при-

правомъ Именитой приписки, снѣ Барона ска-
залъ, обращаясь къ Дикю : « Если, эпитъ госпо-
динъ будетъ такъ милосердъ , что поправитъ
наши ошибки , то общество останется ему за
то чрезвычайно обязаннымъ . »

Эпою насмѣшкою сужденый не оправдался въ
иѣтѣи Пальмера , который , взглянувъ въ спо-
рову и закрутивъ свои усы , приказалъ Дикю го-
ворить . Настало глубокое молчаніе .

— Улиссъ — сказалъ бѣдный Дикъ глядя внизъ
и прерывающимся голосомъ , но еще такъ гром-
ко , что всѣ могли слышать его—Улиссъ женил-
ся въ Лакедемонѣ на Пенелопѣ , дочери Икарій .
Икарій , не иѣтъ силъ разсѣяться съ своею до-
черью , просилъ Улисса не выѣзжать изъ Спарты ;
но потъ не согласился на это . Когда Улиссъ
уѣхалъ со своею женою , Икарій настигаетъ ихъ ,
видитъ свою дочь и снова закликаетъ Улисса воз-
вратиться къ нему . Улиссъ предоставилъ женѣ
своей на выборъ : возвратиться къ отцу , или слѣ-
довать за нимъ въ Итаку . Пенелопа не отвѣ-
чаетъ ничего , но , потувивъ глаза , закрывается
своимъ покрываломъ . Икарій не упорствовалъ бо-
лѣе , онъ пустилъ ее и велѣлъ воздвигнуть на эпитѣ
иѣснѣ аншаръ Смыдливоснѣ . Вотъ предіетъ кар-
тины .

Всѣ женщины , кромѣ Вильгельмины и Кавонни-
цы , захопали въ ладоши . Мужчины , наговорив-
шіе вздору , кусали свои губы , а не сказавшіе

ничего потребовали себѣ нишъ. Полковникъ выпилъ также послѣдній стаканъ вина, и удержавъ себя рошъ, больше для того, чтобы въ свою очередь не захохоталъ подъ носъ будущему зятю. Онъ всталъ, такъ скоро, какъ только позволила ему подагра, и ударить въ полъ своею палкою, вышелъ въ гостиную, опираясь на руку Дика, которую онъ позачалъ нѣсколько разъ дружески и помагъ крѣпче обмывовеннаго.

Случаешься, и чаще нежели думаютъ, что желая повредить своему врагу, дѣлаютъ ему пользу.

Полковникъ Пальмеръ жилъ въ красивой деревушкѣ, на одну милю разстоянія отъ города Вендингена. Онъ любилъ просторъ; большое общество было ему въ нагосшъ, и пошому, находясь столь близко отъ города, онъ принималъ въ себя гостей тогда только, когда это было необходимо. Но онъ близко къ себѣ держалъ одного человека рѣдкихъ качествъ, и умѣвъ цѣнить его добродѣтели, только угадывать всѣ его достоинства, пошому что судить о нихъ онъ не могъ. Человекъ этотъ былъ служивый ална-ря въ Пальмеровой деревушкѣ, Паспоръ Гушшенбергъ.

Неутомимый въ ученіи и въ размышленіи, шесшидесяти-лѣтній Гушшенбергъ, послѣ заботъ и пошетеній о своемъ духовномъ спадѣ, шрудилъ

онъ, въ ослѣпелой тишинѣ, надъ сочиненіемъ нѣкихъ писемъ, которыя на островѣ Германіи приготовлялъ въкъ Каншовъ, Галлеровъ и Якоби.

Пасторъ любилъ Полковника, потому что этотъ спрдавалъ ошъ болѣзни, былъ добръ, просилъ и дѣлалъ крестыиъ своихъ счастливыми. Каждый вечеръ Пасторъ жертвовалъ ему часомъ досуга, для игры въ шахматы, причемъ старался всегда проигрывать, ибо Пальмеръ былъ плохой игрокъ и при томъ неперелазный, а это расправляло его подагру.

Гуштенбергъ посвящалъ шахм. по нѣскольку минутъ юному другу своему Дикъ, который, съ семилѣтняго возраста, постоянно каждое утро, приходилъ къ нему учиться и заниматься въ его присутствіи. Прилежность и ранняя понимливость этого мальчика сколько привязали къ нему Пастора, что онъ особенно заботился о немъ и предполагалъ передать ему свой приходъ, какъ скоро лѣтъ позволитъ Дикъ проповѣдывать и объяснять Св. Писаніе.

Не желая огорчить своего стараго друга, Гуштенбергъ согласился быть у него за обѣдомъ, о которомъ шла рѣчь; но, хорошо зная, что бѣдный проповѣдникъ Евангелія не годился въ общество людей чиновныхъ, за столомъ онъ сѣлъ на последнемъ мѣстѣ и во весь обѣдъ не сказалъ ни одного слова.

Непрямой посяупокъ молодого друга огор-

чилъ его, но еще болѣе онъ былъ оскорбленъ безстыдствомъ, съ какимъ привязался къ нему сынъ Барона Брокгауза, влюбившійся въ него. За то, изъясненіе картинъ, отданное Дикомъ, утѣшило добраго Пастора.

Не болѣе какъ за недѣлю до этого происшествія, Баронъ, зная дружбу и уваженіе Полковника къ Гумпшенбергу, приходилъ просить Пастора, чтобы онъ склонилъ Пальмера на союзъ Вильгельмине съ его сыномъ. Не приступая къ дѣлу, Гумпшенбергъ рѣшился собрать нужныя свѣдѣнія: онъ узналъ, что молодой Брокгаузъ человѣкъ дурнаго поведенія и много долженъ. Пасторъ не хотѣлъ разсправлять его съ Полковникомъ, но отказался отъ ходатайства за него. Желая внутренно, чтобы предвѣреннаго союзъ не состоялся, онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ-бы, что молодой Брокгаузъ не найдетъ входа въ домъ Полковника, и происшествіе, которое мы сей часъ опишемъ, можетъ служить, было слѣдствіемъ сего расположенія добраго Пастора къ Баронову сыну.

Когда обществено перешло изъ залы въ гостиную, дамы продолжали тихонько говорить между собою о хорошенькомъ личикѣ молодаго пана (такъ они стали называть его, потому что онъ былъ очень красивъ и не походилъ на слугу); мужчины говорили о Пальмеровомъ возвышеніи прачечій и особенно объ этомъ маленькомъ негодѣ,

мівшомъ дерзость посмѣявся надъ ними. Укоризнамъ не было конца; Гушвенбергъ слушалъ ихъ со смѣхимъ сердцемъ.

Судья, желая поддержать честь своего званія, не хотѣлъ отступать отъ другихъ въ учености, и довелъ разговоръ до ученыхъ предметовъ. По лихъ до иглки, наконецъ говорили о превосходствѣ Нѣмецкаго языка надъ всѣми живыми и мертвыми языками.

Часто мы оспориваемъ тѣ-либо мнѣніе пошому единственно, что противникъ нашъ говорилъ прежде насъ: иначе, мы поддерживали-бы его мнѣніе. Смыль Барона задумалъ сказать Судью, что онъ опдасть преимуществу языку Латинскому. «Почему шакъ?» спросилъ Судья.—Пошому что Латинскій языкъ опредѣленіе. — «А на какихъ Авторахъ вы утверждаешесь?» — На Персіи и Тацитѣ.

Какимъ образомъ заговорилъ смыль Г-на Барона о Персіи и Тацитѣ? Не знаю! но шолько зми имена сорвались у него съ языка безъ замини. «Докажице!» вскричалъ Судья. «Приведите какія нибудь мѣста изъ этихъ Авторовъ, и мы пошмошримъ.» — Докажице, приведите: легко сказать! Теперь у меня въ головѣ нѣтъ ни одного слова этихъ людей. — Тунъ онъ прибавлялъ, съ насмѣшливымъ видомъ: — Вотъ, еслибы здѣсь былъ Г-нъ Дикъ, то онъ, можетъ быть, разбилъ-бы въ пухъ васъ, Г-нъ Судья! — «Очешъ

можешъ бытъ, сударь!» сказалъ Гуштенбергъ. Это были первые слова, произнесенныя имъ во весь вечеръ. Услышавъ его, Подковникъ вскугачся, не спянокъ-ли далеко зашелъ Пасторъ. Но взглядъ Гуштенберга успокоилъ его, и онъ велѣлъ позвать Дика.

«Господинъ Дикъ!» сказалъ сынъ Барона: «съ такимъ сильнымъ союзникомъ какъ вы, можно бытъ увѣрену въ побѣдѣ.» — Безъ комплиментовъ, сударь! — примолвилъ Полковникъ суко. — «Г-нъ Дикъ! я утверждаю, что Лапинскій языкъ опредѣленнѣ Нѣмецкаго. Какъ вы думаете объ этомъ?» — Я согласенъ съ вами, сударь. — «Такъ посо-бише-же, пожалуста, мнѣ, и приведите, вопъ этому господину, примѣръ опредѣленности Ла-пинскаго языка.»

Дикъ поспѣшъ привелъ въ примѣръ нѣсколько словъ изъ Тациша, которыхъ не лзя было иначе выразить по-Нѣмецки, какъ перифразою; изъяс-неніе его было столько-же ясно, сколько красиво. Гуштенбергъ улыбнулся, женщина на эпомъ разъ не рукоплескали, а мужчины поныкли головами.

«Поди сюда, бѣдное дитя мое,» сказалъ Полковникъ, и, взявъ Дика за руки, поцѣловалъ въ лобъ нѣсколько разъ. «Я не что иное, какъ глу-пецъ,» прибавилъ онъ: «но и много-ли надобно ума, для того, чюбы сѣдять придати-шм-сизный доходъ и подспавляшь голову, веда полкъ

на убійство (*)? Однакожъ, я еще не такая живопица, чтобы не могъ понимать цѣны образованности: я очень знаю, что простолюдинъ-орелъ гораздо драгоценнѣе благороднаго глупца. Вотъ почему, мой милый Дикъ, я также пошому, что мой бѣдный отецъ пожертвовалъ своею жизнью для сохраненія моей, я хочу, чтобы впередъ ты не служилъ, а сидѣлъ за моимъ столомъ, вмѣстѣ со мною. Пусть купавшійся съ нами поплывъ, кому будетъ угодно: я усматриваю тебя.»

Дикъ бросился на колѣна передъ Пальмеромъ, который поднялъ его, взялъ въ другой разъ за голову, и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ. Благородное дворянство пожимало плечами. Вильгельмина, закрывъ глаза платкомъ, убѣжала въ свою комнату, чтобы скрыть отъ другихъ свою чувствительность.

Пальмеръ былъ человѣкъ не своего вѣка, не своей страны; Гуштенбергъ преобразилъ его. Пальмеръ не зналъ ничего и не умѣлъ выражаться; но онъ былъ добръ, прямодушенъ, и когда Гуштенбергъ говорилъ, когда Гуштенбергъ, спавъ на его плечу ума, раскрывалъ передъ нимъ

(*) Всякій читатель пойметъ, что слова Полковника есть не иное что какъ вздоръ, который онъ говоритъ въ минуту запальчивости. *Прим. Перев.*

плоды своихъ размышленій о Богѣ, о природѣ и людяхъ, Полковникъ въ извѣстныя понималъ его и слушалъ не даромъ. Гуштенбергъ казался ему существомъ сверхъестественнымъ. Онъ былъ чрезвычайно огорченъ, что никто изъ собесѣдниковъ не удостоилъ своимъ разговоромъ человека столь превосходнаго. Это презрѣніе открыло ему всю истру пожертвованія, какое сдѣлалъ Паспоръ, согласившись быть у него на обѣдѣ, въ день его рожденія. Умилженіе друга принялъ онъ лично на свой счетъ, и досада его не мало способствовала къ тому, что онъ высказалъ въ пользу безвѣснаго достоинства, прошивъ благороднаго невѣжества.

Мрачное молчаніе послѣдовало за споромъ о превосходствѣ языковъ. Собесѣдники и хозяинъ были въ большомъ принужденіи; гости стали разтѣжались ранѣе обыкновеннаго, подъ предлогомъ дальняго пути до города. Обычныхъ поклоновъ не забыли. Баронъ Брокгаузъ, намѣревавшійся прѣхать къ Полковнику на другой день, кланялся ниже другихъ. Онъ думалъ, что есть такіе браки, которые надобно оканчивашь поскорѣе — а не обманывался.

Неутихомирившійся знатною дѣвцею, расхваленный всѣми другими дамами, осмѣянный сыномъ Барона, усмѣяемый Полковникомъ,

унизительный взглядъ Вильгельминны, бѣдный Дикъ—но довольно! Эпохъ день былъ для бѣднаго Дика днемъ столь бурнымъ, что среди волненія, онъ, чьи дни доселѣ проходили въ сладостномъ однообразіи, не могъ дать себѣ опчета въ различныхъ чувствованіяхъ, вдругъ возмущившихъ его душу. Но когда благородные разѣхались, когда въ домѣ начала опять водворяться тишина, Дикъ ушелъ въ свою каморку, сѣлъ на край своей постели, и, вѣсто сна, спалъ размышлять, въ первый разъ въ своей жизни.

Одна мысль поглощала у него всѣ другія. «Чѣмъ заслужилъ я гнѣвный взглядъ Вильгельминны?» думалъ онъ, и оставался какъ окаменѣлый. Вдругъ всѣ мысли его смѣшиваются: онъ чувствуетъ свою ошибку, чувствуетъ ее еще не ясно, но не знаю что-то говоритъ ему, что онъ поступилъ дурно, и румянецъ запылашеслова является на его лицѣ. Это стыдливость: ибо уже не виновность.

Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, обычай преобладалъ, чтобы за званіемъ обѣдомъ, въ большомъ нарядѣ, плеча и грудь у женщинъ были полуоткрыты. Дикъ, стоявшій за стуломъ молодой своей госпожи, въ первый разъ видѣлъ, какъ сладостно волновалась грудь Вильгельминны. Одиный взглядъ лишалъ его разсудка, и подѣлуи въ маленькую пошку Вильгельминны были сладостнѣе сего упоенія. Дикъ даетъ себѣ

опочетъ въ эпомъ, и утисася, накрывъ разстояніе, разделяющее его отъ Вильгельмина : аркій румянецъ снова покрываетъ его лицо.

Онъ вспааетъ съ постели и ходитъ по комнатамъ какъ безумный. У него погасла свѣча, но онъ не замѣчаетъ этого. Онъ ищетъ въ своей памяти, спарается вспомнить, что происходило между имъ и Вильгельминою съ самаго нѣжнаго его дѣтства, и припоминаетъ, какъ тогда она любила его, какъ ласкала. Она почти прѣмь годами спартѣ его; она поддерживала первые шаги его; она назвала его *Дикомъ*, и онъ не хотѣлъ другого имени. Она говорила, цѣлуя его, въ то время когда онъ лишился отца: «Не плачь, бѣдный Дикъ: я всегда буду твоею сестрою.»

Окно въ его каморѣ оспавалось ошкринно; свѣжій воздухъ спановылся чувствительнѣе; начинался день. Вильгельмина писывала нѣкогда къ нему. Восемь или девять лѣтъ не вспоминалъ онъ о ея письмахъ. Онъ видитъ маленькій ящичекъ изъ чернаго дерева, гдѣ хранились письма, и схватываетъ его. Всѣ письма были написаны заглавными буквами.

Въ одномъ онъ прочиталъ:

Нынѣшнимъ упромъ Дикъ худо сказалъ свой урокъ; за то не приходишь ему сего дня вечеромъ на ферму ѣсть молоко.»

Въ другомъ :

«Дикъ изломалъ ланку у чижика: онъ шалунъ, я не люблю его болѣе.»

И, какъ будто Вильгельмина помнила еще о чижикѣ, какъ будто она болѣе не любила Дика, онъ разливался въ слезахъ.

Было начало осени. Каждое утро, какъ скоро въ комнатѣ Вильгельмины открывались ставни, Дикъ приносилъ ей вазу со свѣжими цвѣтами. И нынче, какъ обыкновенно, онъ сошелъ въ садъ и наполнилъ вазу цвѣтами; но когда надобно было войдя къ Вильгельминѣ и отворить дверь ея комнаты, у него не было смѣлости: вчерашній взглядъ ея лишилъ его всѣхъ силъ.

Онъ ворошилъ въ садъ, подошелъ къ комнатѣ Вильгельмины, поставилъ вазу на край окна, и, скрывшись въ бесѣдку, гдѣ Вильгельмина легко могла увидѣть его, спалъ на коври, сложилъ руки, и умоляющимъ видомъ просилъ у нея прощенья. Увидѣвъ его, Вильгельмина открыла окно, и прижавъ одну руку къ глазамъ, чтобы онъ не видалъ ея слезъ, другою начала шептать плащкомъ, давая знать ему, чтобы онъ шептъ не осмѣвался и ушелъ.

Обыкновенно Вильгельмина открывала занавѣсъ кровати своего отца и получала утренній поцѣлуй его. Наканунъ, Пальмеръ выпилъ лишнее и

Августъ 1829.

провелъ ночь безпокойно. Сказавъ своей дочери, что онъ отдохнетъ все утро въ постели, Пальмеръ попросилъ себя чаю. Вильгельмина не позвала слугу колокольчикомъ, но вышла и ласково сказала Дикъ, чтобы онъ принесъ чай.

Дикъ поспѣлъ возвратиться, исполнивъ ея приказаніе. Когда онъ положилъ сахару въ чашку, и спалъ мѣшавъ чай, чтобы прохолодитъ его нѣсколько, Полковникъ сказалъ своей дочери: «Знаешь-ли, Вильгельмина: тѣмъ Баронша!» — Какъ, бабушка? — «Г-нъ Брокгаузъ предлагаетъ шебъ руку своего сына.» Чашка и съ ложечкой выпала изъ рукъ Дика и разбилась о полъ. «Тѣю, моршъ возьми!» вскричалъ Полковникъ. «Что съ нимъ случилось со вчерашняго дня? Онъ спалкиваетъ съ мѣста Каноннику, смѣется въ глаза гостямъ, разбиваетъ мою Японскую чашку: я не узнаю его.» Дикъ все-бы еще оспаривалъ въ томъ же положеніи, не говоря ничего, не двигаясь съ мѣста, если-бы Вильгельмина не сказала ему, чтобы онъ пошелъ и привнесъ другую чашку.

Вильгельмина, желая сказать свой ошвѣтъ при Дикѣ, спрашивала своего отца о Баронѣ и его сынѣ, и не ошвѣчала прямо до тѣхъ поръ, пока Дикъ не возвратился. Онъ пришелъ, но пренецъ его угрожалъ новой чашкѣ новымъ бѣдствіемъ, и потому Вильгельмина, взявъ у него изъ рукъ чашку, приготовила чай, и, поднося его къ Полковнику,

сказала: «Бабушка! вы можете оповѣщать Г-ну Барону, что я никогда не буду женою его сына.»

При этихъ словахъ, Дикъ, который наклонясь подбиралъ съ полу черепки фарфора, и думалъ что его не видящъ, ибо онъ былъ у изголовья Пальмировой постели, а Вильгельмина стояла къ нему спиною, бѣдный Дикъ возвелъ къ небу радостные взоры, и, продолжая подбирать черепки, прижалъ свои губы къ платью Вильгельмины. Но она приспально глядѣла въ зеркало, отражавшее всѣ его движенія, потому что хотѣла знать, какое дѣйствіе произведетъ оказъ ея на Дика. Въ это время сердце ея совершенно поднимало его сердце, и она доказала это ясно. . . .

Оба они оставались въ комнатѣ Полковника, для того, чтобы ему не было скучно. У Вильгельмины былъ съ собою мотокъ шелку, который надобно было перемотать на бумагу: она сдѣлала знакъ Дикъ, чтобы онъ сѣлъ передъ нею на колѣни и держалъ на рукахъ шелкъ, покуда она будетъ разматывать оный. Сердце Дика билось отъ радости. Онъ смотрѣлъ на Вильгельмину съ удивленіемъ, съ нѣжностію. Но какъ только она увидѣла Дика передъ собою на колѣняхъ, то, даже въ присутствіи отца, ей стало совѣстно. Чувствуя свою ошибку, она сама не знала что дѣлала, слушала шелкъ, и болѣе и болѣе краснѣла, когда стараясь распутать оный, прикаса-

ласъ своими руками къ рукамъ Дика, или когда Дикъ прикоснулся къ ея рукамъ.

Неталаннѣй случай вывелъ ее изъ этого жестокаго замѣшательства, но онъ умножилъ и ея мученіе. Баронъ Брокгаузъ и сынъ его, не найдши никого въ переднихъ комнахъ, вошли къ Полковнику безъ доклада и сдѣлались свидѣтелями дружеской сцены. Сынъ Барона нахмурилъ брови. Дикъ пошатся вспалъ, а Вильгельмина, зная зачѣмъ пришли эти господа, ушла къ себѣ, съ потупленными глазами и съ горестію въ душѣ.

Пальмеръ былъ человекъ достойный уваженія; но онъ прославлялъ свою армейскую откровенность до грубости. Не дожидаясь, чтобы Бароны окончили обычныя привѣтствія, онъ объявилъ имъ, что дочь его, не желая разлучиться съ нимъ, отказывается отъ предлагаемой ей чести быть женою Баронскаго сына.

Какъ прелестна Вильгельмина! Какъ хороши ея блондурные волосы, какъ лѣнивыми ея голубые глаза, какъ роскошна ея грудь, и какъ стройно спланъ ея и при небольшомъ ростѣ! Когда она идетъ, въ движеніяхъ ея есть какая-то безпечность, какая-то нѣга, невыразимыми словами. Но цѣль лица ея больше блѣденъ, нежели ослѣпшелевъ близкою. Какая-то странная грусть рождается въ душѣ, когда глядишь на нее; не умѣя дать себѣ отчета въ этомъ чувствѣ, молчишь,

можно видѣть ее въ первый разъ, не можешь не желать ей счастья, какъ будто спрашась, что счастье не даше ей въ удѣлъ.

Оставивъ компанію отца, она ушла въ свою комнату, заперла ее ключемъ, задернула занавѣсы окна, бывшаго въ садѣ, и начала рыдать. Наконецъ она знала оосполюніе сердца своего, и судя себя строго, въ одну минуту возобновила въ памяти своей всю мѣру своего заблужденія. «Для чего, показавши ему негодование своимъ взглядомъ, я спаралась послѣ ободрить его? Для чего отказалась я отъ руки сына Барона Брокгауза? Неужели для того, чтобы не разлучаться съ моимъ папенькой, чего я не побоялась сказать ему? Для чего объявляшь о своемъ отказѣ не иначе какъ въ присутствіи... спарась увидѣть, какое впечатлѣніе это произведетъ на него, простишь ему новую дерзость, и не только не наказашъ его за нее, но привлечъ къ своимъ ногамъ?... О маменька! милая маменька!» громко сказала Вильгельмина, упавъ на колѣни передъ портретомъ своей матери. «Сжался надъ своею несчастною дочерью! Не оставляй ея!»

Доселѣ Вильгельмина имѣла темное понятіе о своей матери. Черты лица родственницы были знакомы ей только по изображенію, которое она сохраняла въ своей комнатѣ, а добродѣтели только по разсказамъ старой надзирательницы Бригитты. Отецъ никогда не говорилъ съ Вильгель-

миною о ея матери. Онъ спотыкался даже не входя въ комнату, своей дочери, чтобы не раскрыть ранъ при видѣ драгоценныхъ чертъ той женщины, которая, бывши, гораздо моложе его, своею кротостью, покореніями и дружбою самое нѣжное, несчастливца, четыре года его жизни тихой, совершенно благополучной.

Вся нѣжность, какую онъ чувствовалъ къ жемъ, обращена была, послѣ нея, на малое дитя его. Вильгельмина рѣдко думала о своей матери, потому что не знала ея. Счастливая любовью отца и своею преданностью къ нему, довольная своими заботами о хозяйствѣ, своими книгами, своими цвѣтами и музыкою, она проводила жизнь, мирную какъ тихое утро, подобную свѣтлому ручью, протекающему безъ журчанія по оглоуму скалу и по серебряному песку. Вдругъ сердечная буря возмущила тихое существованіе ея. Будучи одна, безъ поддержки, въ первый разъ почувствовала она все, что терпѣтъ дочь, лишаясь матери; она прибѣгла къ изображенію ея, какъ къ единственной защитѣ своей.

Долго молилась она на колѣняхъ, опершись на кресла. Разсудомъ ея былъ спокойнѣе, но когда она встала, то тѣло опрало, расклатованіе духа было самое дурное. Вильгельмина велѣла сказать, что чувствуя усталость отъ вчерашняго дня и желая успокоиться, она не пойдетъ къ столу.

Она въ самомъ дѣлѣ легла, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ ея.

Рѣшившись подавить чувства, утѣшавшія ее своею жизнью и разрушить навсегда отношенія свои съ Дикомъ, она придумывала, какъ ей исполнить свое намѣреніе. Всѣ средства казались ей годными, и если-бы сынъ Барона, къ которому она чувствовала тайное отращеніе, подождать до сей минуты со своимъ предложеніемъ, она пошла бы отдать-бы ему свою руку.

Сколько печальна была ночь сія для Вильгельмины, сколько радостна была она для Дика. Онъ не думалъ о счастіи-и-бѣдѣ своихъ ощущеній и видѣлъ только настоящее; онъ помнилъ только то, что Вильгельмина, забывъ строгость перваго своего взгляда, просила его дерзосно, и, отказавшись отъ замужства, сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ спалъ передъ нею на коѣнѣ.

Еще до восхожденія солнца онъ былъ уже въ саду и наполнялъ вазу лучшими цвѣтами. Онъ ждалъ, скоро-ли откроется окно въ комнатѣ Вильгельмины, чтобы ему можно было явиться къ ней. Онъ не сводилъ глазъ съ оконъ и минуть казались ему вѣками. Наконецъ окно открылось, и онъ бѣжитъ къ ней, увѣренный, что цвѣты его будутъ приняты, и что сего дня, такъ-же какъ вчера, на его рукахъ будутъ разминывать шелкъ.

Какъ скоро Вильгельмина услышала шаги Дика,

она бросилась въ кресла, и сердце ея начало жестоко биться. Когда онъ отворилъ дверь, она совсѣмъ лишилась силъ. Пораженный ея блѣдностью и неподвижностью, Дикъ порывалъ руку на каминъ и глядѣлъ на Вильгельмину съ ужасомъ. Собравъ силы свои, прерывающимся голосомъ, опустивъ глаза внизъ, она сказала : « Дикъ! чини бы не огорчить тебя, я хотѣла забыть все, что отбѣлало ны во время обѣда, я теперь забываю даже то, что еще вчера ты прикалъ свои губы къ моему платью. Но пора прекратить это ребячество. Насъ разделяетъ слишкомъ большое разстояніе. Дикъ! ямъ не иное что какъ слуга.»

Дикъ невольно поднесъ обѣ руки свои ко рту, и удалился въ молчаніи.

Увидѣвъ этакій знакъ опечаленія, Вильгельмина вспомнила, что отецъ Дика положилъ свою жизнь за Пальмера. Если-бы у нея оставались силы, она побѣжала-бы воропить Дика. Въ горести, она подняла глаза къ портрету своей матери, и могла произнести только слѣдующія слова : « Довольна-ли ны ? »

Какія спрашива, какія чувства волнуютъ сердце этого несчастливца ? О чемъ думаетъ онъ ? О потерѣ Вильгельмины ? Но ему никогда и не приходило на мысль, что онъ можетъ обладать ею. О гордости словъ : ны не иное что какъ

слуга? Но слова сія были на своемъ мѣстѣ, и онъ не чувствовалъ ненависти противъ Вильгельмина за то, что она произнесла ихъ. Одинъ предметъ занималъ его мысли: да, онъ дѣйствительно былъ не иное что, какъ ничтожный слуга, соръ общества. Онъ очень зналъ это; но ему о томъ не говорили; но Полковникъ и Пасторъ старались чтобы онъ забылъ свое сословіе, и Вильгельмина напомнила ему объ ономъ! Онъ не плакалъ, не вздыхалъ, и былъ какъ окаменѣлый.

Онъ провелъ день, запершись въ своей комнатѣ. Много разъ стучались къ нему въ двери; по всему дому кликали его; онъ слышалъ это и не отвѣчалъ. Когда настала ночь, онъ завязалъ въ плащъ кой-какое платье свое, взявъ его подъ мышку, тихо сошелъ съ лѣстницы, ошорожно вышелъ за ворота, и удался.

Не прошедши и четверти мили, онъ очутился подлѣ небольшого лѣса. Не входя въ оный, онъ оборотился, чтобы бросить послѣдній взглядъ на замокъ, и на церковь, въ первый разъ скрывавшуюся отъ глазъ его. Ночь была мрачная. Когда онъ увидѣлъ свѣтъ въ комнатахъ Пальмера и Вильгельмина, слезы въ два ручья полились изъ глазъ его.

Онъ хотѣлъ идти далѣе, но темноста помѣшала ему. Онъ легъ въ небольшомъ рву, заснулъ со слезами на глазахъ, и пробудился, когда уже

давно былъ день. Голодъ беспокоилъ его. Не осматривая рта и не продолжая своего пути, онъ спрашивалъ самъ себя: Что ему дѣлать? Кто накормитъ его? Онъ никогда не имѣлъ нужды въ деньгахъ, и Пальмеръ никогда ему не давалъ ихъ. Но голодъ не терпѣлъ опсрочки: на что-же рѣшишься теперь? Покуда онъ размышлялъ о своемъ печальномъ положеніи, его замѣтилъ Густенбергъ, къ которому приходили спрашивать о немъ вечеромъ, и еще эшимъ утромъ. Вспревоженный такимъ необычайнымъ отсутствіемъ, Пасторъ успѣлся на удачу искать Дика и спрашивалъ въ окрестностяхъ, не видалъ-ли его ктонибудь.

«Откуда идешь ты? Куда? Гдѣ былъ ты ночью? Затѣмъ приводишь ты всѣхъ въ такое безпокойство? И что значить эта связка подъ рукою? Опишичай!» Видѣя слова Пастора, окаменѣла молодого человека. Онъ оставался въ молчаніи и въ удивленіи. Да и чтобы спать опивчаешь онъ? «Пойдемъ со мною,» сказалъ Густенбергъ, и онъ пошелъ за нимъ, какъ овечка.

Пальмеръ былъ въ спрашивомъ, безпокойствѣ. Двадцать разъ ночью онъ звонилъ и спрашивалъ, возвращался-ли его маленький шалуни. Двѣсти страхъ его удвоился: онъ думалъ, что съ Дикомъ случилось какое нибудь несчастіе. Задумавшись сидѣлъ онъ въ креслахъ, подлѣ огня, и былъ вмѣстѣ съ дочерью. Только что велѣлъ онъ

привесши къ себѣ въ комнату заперевъ, когда вышелъ Паспортъ, держа за руку маленькаго бѣглеца, который шелъ за нимъ въ шпиретѣ, какъ преступникъ, являющійся передъ судомъ.

— Вошь онъ — сказалъ Гущенбергъ — возьми его. — « Да нѣтъ какого омуша выпасалъ вы его? » спросилъ Подковникъ. — Онъ былъ въ двухъ мѣстахъ отсюда: въ лѣсу Брово. — « Что онъ тамъ дѣлалъ? » — Спрашивайте его вы сами: модѣшь бить вамъ онъ, и скажешь ашо. Я не могу добираться отъ него ни единого слова.

« Ну, » сказалъ Падмеръ, « сдѣлай же милость, говори. Гдѣ онъ былъ? »

— Въ лѣсу Брово.

« Гдѣ онъ почевалъ? »

— Въ лѣсу Брово.

« Куда онъ шелъ? »

— Въ Мрижентъ.

« А что тамъ дѣлалъ? »

— Занимался въ службу.

« Занимался въ службу? Да когда у тебя есть охота служить, то развѣ у меня жить можно? Или, живя, что-нибудь да есть? »
Подковникъ далъ знакъ слугамъ, чтобы они вышли, и когда это было исполнено, онъ прибавилъ: « Скажи, не оскорбилъ-ли тебя кто-нибудь изъ моихъ людей? Не сказали-ли тебѣ чего-нибудь, что не понравилось? »

— Ничѣ, Г-нъ Подковникъ! Отъ вашихъ лю-

дей я ничего не видаю, кроме друзей. — «Так говори-же, несчастный, зачемъ хочешь ты испугать меня? Развѣ тебе дурно живъ здѣсь?» Дикъ не оштрафалъ ни слова. «Ну!» примолвилъ Полковникъ: «впо, надѣюсь, объяснися. А въ ожиданіи, запираю тебе переходныя черезъ дворъ: Пасмуръ! запирали-ль вы?» — Никъ, Полковникъ. — «Такъ, садись-же.»

Дикъ положилъ свой свертокъ на стулъ, взял приборъ и поставилъ его передъ Насторомъ. «Что ты дѣлаешь?» сказала Полковникъ. «Развѣ я не говорилъ тебе, что впередъ ты не служишь долженъ мнѣ, а сидѣть за однимъ столомъ со мною? Позвони своимъ людямъ и садись... Что-же? Развѣ ты не слышишь?» — Г-нъ Полковникъ! я не сяду съ вами. — «Какъ не сядешь?» — Не сяду, Г-нъ Полковникъ. — «Почему-же?» — Насъ разделяетъ слишкомъ большое разстояніе: я не иное что какъ слуга.

Едва Дикъ произнесъ эти слова, какъ Валгеминна, отъ самого прихода его не поднимавши глазъ, опустила голову, валилась обвѣсивъ и не могла болѣе удерживать своихъ, долго задуманныхъ рыданій. Она вспала и кончила уйдти, не дошедши до дверей: потеряла память, упала, и Дикъ едва успѣлъ поддержать ее въ своихъ объятіяхъ. Онъ перенесъ ее на постель Пальмара, но увидѣвъ неподвижность; блѣдность Валгеминны, подумавъ, что она умерла. Въ совер-

пешномъ забытія , на колѣняхъ подлѣ постели , онъ прижимаетъ къ своему сердцу ея помершвѣ-
лую руку и вскрикиваетъ : — Боже мой ! помоги
ей : она умираетъ ! Я погибъ ! Помоги ей , Боже
мой !

Эта сцена объяснила состояніе сердца несчаст-
ныхъ дѣтей : все открылось. Пальмеръ и Па-
сшоръ не думали помогать Вильгельмизъ , не ду-
мали опривать ошъ нея Дика. Пальмеръ не-
подавно глядѣлъ на Пасшора , пошупившаго
глаза въ землю. Гупшенбергъ первый прервалъ
молчаніе и сказалъ Полковнику : « Я уведу его
къ себѣ. Онъ останется у меня до тѣхъ поръ ,
пока вы рѣшитесь на что нибудь и произнесете
приговоръ его жребію. » Полковникъ съ нѣжностью
посмотрѣлъ на Гупшенберга , пожалъ ему руку
въ знакъ согласія , и сказалъ только : — Пасшоръ
я несчастливъ.

Когда Пасшоръ ушелъ Дика , Пальмеръ позво-
нилъ и велѣлъ позвать Бриггисшу. Оставивъ ее
со своею дочерью , онъ удалился въ самую тем-
ную аллею сада и пошпорилъ нѣсколько разъ : я
несчастливъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

— Чёрная немочь, повѣсть М. Погодина. М. 1829.
въ ш. Семена Селявановскаго. 114 стр., in 12.

Съ вѣкотораго времени у насъ начали появляться
оныи повѣстей Русскія. Разсмотримъ сію по-
вую, замѣчательную отрасль нашей Словесности.
Неоспоримо, что всякій вѣкъ имѣетъ свою Лит-
тературу. Эту мысль должны мы принятьъ осно-
ваніемъ нашихъ сужденій; ибо она помажетъ намъ,
до какой степени истинно или ложно вышесказанное
направленіе нашей *художественной* Словесности.
Вѣкъ имѣетъ свои потребности, выражающіяся
всего яснѣе въ Литтературѣ, которую Бональдъ
справедливо называетъ выраженіемъ общества. Въ
наше время, Рускіе должны были наконецъ упо-
мниться подражательностью, ибо, надобно при-
знаться, она была доведена у насъ до послѣдней
степени. Но въ чемъ состоятъ новыя требованія
настоящаго времени? И общество наше, и Литте-
ратура, были донынѣ настроены на Французско-
му, камеръ-шопу. У нихъ Прево, съ своими рома-
нами, у насъ Елагинъ съ Маризомъ, Г***; у нихъ
любимый романистъ Авг. Лафонтенъ, и у насъ то-
же; у нихъ историческая Мадамъ Жанлисъ, у насъ
переводы ея романовъ; наконецъ Французъ
въ восторгѣ отъ В. Скошпа, имъ тоже *перетол-
матили* почти всѣ его романы — и вошъ вамъ апока-
липсисъ Валльперъ-Скоттшествовать! Очеркъ
сей крапוךъ, но дѣрень. Тотъ весьма ошибется,
кто подумаетъ, что въ настоящее время у насъ

есть въ мнѣмъ что нибудь свое, самобытное. Правда, есть въ нѣкоторыхъ Русскихъ душахъ, образованныхъ особенными обстоятельствами, потребность въ народной Литтературѣ и въ историческихъ Русскихъ романахъ, но она еще не пробуждена въ общественномъ нашемъ, безотчечно повинующемся первому чтенію, какъ провинціальный помѣщикъ, для котораго хороша каждая книга, привезенная конюшими Суздавомъ, вывѣтъ съ лентами, сельдами, оде-колономъ и другими заморскими товаромъ.

Поэтому, несправедливо полагають нѣкоторые, что мы свергли всего Французскихъ мнѣній. Гдѣ нѣтъ самобытности, тамъ должно господствовать чуждое. Въ Литтературѣ мы еще долго будемъ слушаться Французовъ и слѣдовать за ихъ спредевіями, какъ невозрастные ученики повинующіеся правиламъ опекавшаго, долго повелѣвавшаго имъ дядьки. Но что заставило насъ обратиться къ Русскимъ повѣстямъ? Спрашно, но должно признаваться, что и здѣсь много подражаніе, и пошумо-шо новое спревление наше, будучи вліаніемъ чуждымъ, не самороднымъ, пришедшимъ извнѣ, оная заставляеть насъ повиноваться себѣ безотчечно. Для повѣрки сего мнѣнія, надобно оглянуться назадъ, дабы увидѣть, что еще за десять лѣтъ у насъ внешне не думалъ, чтобы Русскій былъ имѣлъ свои споромы, достойныя нѣмническаго воззрѣнія. Опытомъ Карамзина не лзя называть Русскими, ибо они только написаны Русскимъ языкомъ. Короче: новое побужденіе началось съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ В. Скоштомъ. Его

успѣхъ, занимательность его произведеній и что новое въ Искусствѣ, обратили на себя вниманіе Русскихъ писателей. Они искали причину занимательности, заключающейся въ романахъ В. Скотта, и думали найдти ихъ въ народности и въ мифическомъ изображеніи подробностей, господствующихъ въ его романахъ. Обращивъ сей взглядъ на Русскій бытъ, романисты наши увидѣли, что и у насъ есть свои мѣстности, свои событія, свои приказы и поговорки: ихъ вывели на сцену, и такъ образовалось понятіе о повѣстяхъ Русскихъ, а можетъ быть и романахъ. Кто выкинетъ надлежащимъ образомъ въ теорію сего новаго въ нашей Словесности рода, тотъ согласится, что мы изображали ее вѣрно. Чтобы показать ложность сей теоріи, мы должны сказать нѣсколько словъ о романахъ В. Скотта, породившихъ оную, и следовательно бывшихъ причиною заблужденія нашихъ писателей.

Въ нашъ вѣкъ, когда умы и дѣйствія людей, обращенныя на удовлетвореніе своекорыстныхъ потребностей, особенно оцѣнкою и цѣлоугодіемъ, унижающими возвышенную природу человека, возъ, столь сильный какъ В. Скоттъ, могъ понять, что романъ должно вывести изъ круга обыкновенныхъ, современныхъ событій и перенести въ область Исторіи. В. Скоттъ не всегда остался вѣренъ сему направленію, однакожь почти каждый изъ его романовъ привязанъ къ какому-нибудь Историческому событію, и основная мысль его въ семъ родѣ созданій показываетъ творческій геній; но это не мѣшаетъ намъ видѣть слабыя

стороны сего знаменитаго Писателя. Онъ часто бываетъ до утомительности распылять въ описаніяхъ мѣлочныхъ подробностей; завязка въ его романахъ не всегда удовлетворительна, и наконецъ, что мы почитаемъ главнымъ, у него въ романѣ никогда не господствуетъ высокая, шакъ сказать, нравственная мысль, какую мы находимъ, напримѣръ, въ *Донъ-Кихотъ Сервантеса*, достигнувшаго всей высоты Искусства въ области безсмертнаго созданіи. Отъ сего главнаго недостатка, В. Скоптъ вообще не глубоко въ изображеніи характеровъ, неспособенъ къ изображенію чудеснаго, и не имѣетъ кисти художника въ очерканіи характера женщинъ. Въ его романахъ всего разишальнѣе, всего важнѣе основная мысль: удалиться отъ мѣлкихъ событій современнаго общества и приводить въ движеніе идеи высшаго достоинства. Сверхъ того, онъ неподражаемъ въ живости и точности изображеній, не только характеровъ и большихъ предметовъ, но даже всѣхъ мѣлочей, часто досаждающихъ читателю, но всегда описанныхъ съ опчешливостью Фламандской школы. Прибавьте къ сему взглядъ челоука необыкновеннаго, который, даже показывая иногда отсутствіе вкуса, всегда занимается и вселяетъ насъ своею бестдой.

Сервантесъ великъ совѣмъ иначе. Въ *Рыцарѣ печальнаго образа* вы видите образецъ благородства, неутомимости, рѣшительности и доброты, словомъ, видите настоящаго рыцаря среднихъ вѣковъ, дѣлающагося лицомъ комическимъ единственно отъ несообразности его дѣйствій съ вѣкомъ и

Августъ 1829.

съ общолюдскими. Въ противоположности съ нимъ, его странный Оруженосецъ, которому предметы представляются совершенно иначе, нежели его Рыцарю. Санчо-Панса совсѣмъ не дуракъ: онъ только глядишь на все съ самой прозаической стороны, и пошому, думая подражать своему господину, онъ составляешь собою каррикатуру его; онъ даже показываетъ иногда болѣе смѣшности и здравого смысла, нежели Рыцарь, но въ немъ это заглушено низкими потребностями, точно такъ же какъ умъ и благородство Донъ-Кихота смѣшны своими высокопарнымъ, несовременнымъ и слѣдовательно безумнымъ стремленіемъ. Эта противоположность, представленная въ истинно пиническихъ образахъ, показываетъ необходимость согласія двухъ различныхъ стремленій природы человеческой, необходимость гармоніи, единства, и дѣлаетъ романъ Сервантеса глубокимъ созданіемъ Искусства.

Нашъ легкій очеркъ Донъ-Кихота можетъ напомнить чашѣлику высоту, на какой стоитъ сей романъ, въ сравненіи съ романами В. Скопца. Произведенію Искусства недостаточно только вѣрности и живости въ изображеніяхъ: иначе, Историческія событія и лица въ Исторіи Юма приближались-бы болѣе къ идеалу Искусства, нежели такіе лица, изображенныя въ трагедіяхъ Шекспира; но выходитъ противоположное, ибо произведеніе Искусства есть новое созданіе предмета, заимствованнаго изъ природы, изъ источника истины. Вальтеръ Скопцъ достигъ это, и пошому Историческое со-

бытіе у него есть только канва, на которой онъ изображаетъ свое созданіе. Зная всего лучше свое общество, онъ чаще всего беретъ и предметъ, и краски для изображенія онаго, изъ Исторіи Шотландіи. Но романовъ его не лзя назвать чисто Историческими, ибо въ нихъ главное завязка, основывающаяся на судьбѣ героевъ, большею частію вымышленныхъ, и только связанныхъ съ какими-нибудь Историческими событіемъ. Совершенно понимая свою сильную сторону, В. Скопшъ всего болѣе обращаетъ вниманіе на частныя картины, и штъ не рѣдко приводитъ чашаеля своего въ неперѣнны. Онъ описываетъ намъ мѣстныя положенія, обычаи, нравы, одежду, и даже заставляетъ Шотландцевъ говорить ихъ языкомъ, потому что все это близко къ нему: это его міръ, гдѣ управляетъ онъ самовластною рукою. Но если-бы подробности составляли изыщество романовъ В. Скопша, то какъ согласишь съ этимъ неперѣнностью, неволью ощущаемую при чтеніи подобныхъ описаній? Ясно, что не онъ увлекающъ вниманіе цѣлаго міра, а самое созданіе, что есть общность, которая не будучи у него глубокою въ основной мысли, всегда занимательна и новостью характеровъ, и судьбою героевъ, и согласіемъ, гармоніею частей.

Мы сдѣлали, можетъ быть, слишкомъ давнее отступленіе отъ нашего предмета, но это вина не наша: дѣйствіе, произведенное В. Скопшомъ на Словесность романовъ у всѣхъ народовъ, такъ сильно, что говоря даже о Русскихъ романистахъ, не лзя не обратишь вниманія и на него. В. Скопшъ

есть дядька всѣхъ современныхъ намъ сочинителей романовъ.

Что заимствовали у него наши романисты? Одну, самую прозаическую часть его изящныхъ созданий: изображеніе подробностей, то есть то, въ чемъ не лѣзя и не должно подражать ему: не лѣзя, потому что прелесть его описаній есть вещь земная, личная его собственности; не должно, потому что и у него обиліе ихъ почти выходитъ изъ границъ вкуса. Новая сторона въ Искусствѣ, раскрытая Вальтеръ - Скоттомъ, совершенно ускользнула отъ вниманія нашихъ романистовъ; они не воспользовались ею, и стали подражать ему, какъ только можно матеріальнѣе. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь вообразилъ себя, будучи мы пребудемъ *Историческимъ* повѣстей и романовъ, то есть хотимъ, чтобы всякій романъ и повѣсть были основаны на Историческомъ событіи. Напрости! Что значишь: основать на Историческомъ событіи романическій рассказъ? Основать его на истинномъ событіи. Но Исторія, кромѣ истины, представляетъ еще другую выгоду для романиста: она изображаетъ событія, имѣвшія послѣдствія, то есть событія важныя, входящія болѣе или менѣе въ составъ Исторіи человѣчества. Вотъ гдѣ заключается великость шага Вальтеръ-Скоттова! Онъ практически доказалъ, что истина и относящаяся важность событію составляютъ непрѣмные элементы романа нашей эпохи. Подробности у него то-же что подробности въ произведеніи живописца-художника: это предметы побочные, необходимые только какъ принадлежности, кошо-

рые художники можешь измѣнять по волю. В. Скошъ изображаетъ преимущественно Шотландію потому-же, почему ландшафтный живописецъ изображаетъ предметы ему знакомые, изученные имъ...

Но заслуга В. Скошъ будешь въ глазахъ нашихъ еще важнѣе, когда мы сообразимъ, что на-
правленіе, данное имъ романамъ, относится не къ
однимъ Историческимъ событіямъ, но и къ явлені-
ямъ духа человѣческаго вообще: сильныя страсти,
народныя преданія и повѣрія, заблужденія ума, сло-
вомъ все, что выходитъ изъ круга обыкновенныхъ
явленій, законно принадлежатъ романисту, вслѣд-
ствие завоеванія, сдѣланнаго въ Исторіи Шотланд-
скимъ Барономъ. Пользуйтесь всѣмъ этимъ, но
пользуйтесь шворчески. Для чего дѣлать сколокъ
вѣрно съ его романовъ и пускаться въ подра-
жаніе тому, что не можешь быть предметомъ
подражанія?

Обращаясь къ повѣсти Г-на Погодина, изданной
отдѣльною книжкою подъ вышеозначеннымъ загла-
віемъ, мы можемъ упрекнуть Автора ея во многихъ
несообразностяхъ. Кромѣ неестественности про-
исшествія, служащаго основаніемъ сей повѣсти, и
явно показывающаго, что оно взято не съ приро-
ды и не изъ истиннаго событія, подробности раз-
сказа и многословіе дѣйствующихъ лицъ носятъ на
себѣ всѣ недостатки безощетливыхъ подражателей
В. Скошъ. Это показываетъ, что Авторъ *Черной*
не могъ не обнять предмета своего пѣмически, и,
во соображеніи прежнихъ его опытовъ, заставля-
етъ признаться, что онъ принадлежитъ къ числу

людей, увлекаемыхъ общимъ потокомъ подражанія, не возносящихся надъ шѣснымъ обзоромъ обыкновеннаго, холоднаго передаваемаго чужихъ вдохновеній.

Черная немота основана на томъ, что сынъ богатаго купца, опочаинаго невѣжды и богача, имѣешь врожденную склонность къ познаніямъ, къ мудрости, но будучи лишень средствъ удовлетво- рить свою жадность къ наукамъ, топишься въ то время, когда за него сосватали богатую невѣсту.

Если-бы Авторъ сообразилъ, что всякое явленіе есть слѣдствіе причины, дѣлѣмой обстоятель- ствами, то онъ не вложилъ-бы въ умъ и душу свѣго героя такихъ прѣбываній, копорыя не мог- ли въ ней зародиться. Невозможно, чтобы чело- вѣкъ, выучившійся грамотѣ, какъ говорившя, на мѣдныя деньги, съ малолѣтства окруженный и возросшій между закоренѣлыми невѣждами, думалъ о чело- вѣкѣ вообще, о раздѣленіи на полы, мужскій и женскій, объ ихъ знаніи, разлитіи и связи, о параллельныхъ явленіяхъ во всей природѣ... чтобы у него заиграли и фантазія, ему представилась картина счастливой любви, составилась идеаль прѣ- лестнаго существа, и проч. и проч. Если читате- ли примуть на себя трудъ прочесть повѣсть Г-на Погодина, то они увидятъ, что все влагаемое симъ послѣднимъ въ уста и въ умъ его героя, ли- но принадлежишь Автору и составляетъ смѣшную невозможность для того лица, копорому оно при- писано. Да!... Благое Провидѣніе мудро устрои- ло дѣйствицу умспвеннаго образованія, и чело- вѣкъ восходитъ къ своему идеалу поспепенно. Невозмож-

ныхъ пребываній ума нѣтъ, или они будутъ безуміемъ, что и случилось съ сыномъ Аввакумова. Если-бы Авшоръ лучше постигалъ исторію самообразованія, исторію тѣхъ необыкновенныхъ людей, на которыхъ онъ намекаетъ, изображая своего героя, то онъ не заставилъ-бы сына Аввакумовыхъ утопиться. Въ душахъ Ломоносовыхъ и Гердеровъ (названныхъ Авшоромъ) бываетъ такой запасъ силъ, что препятствія не принудятъ ихъ лишиться себя жизни. Но человекъ безъ стремленія, безъ средствъ и безъ силъ лѣзущій въ Гердеры, достоинъ дома сумасшедшихъ, ибо это каррикатура великаго человека, нравственный Донъ-Кихотъ — и хвала Судьбѣ, что такихъ людей нѣтъ на свѣтѣ.

Мы не пишемъ здѣсь цѣлю критиковать подробно повѣсть Г-на Погодина, и говоримъ о ней только для примѣра, для подтвержденія общихъ нашихъ заключеній. Изъ сказаннаго нами однакожъ можно видѣть несообразность плана *Черной немоги*. Но мы должны нѣсколько подробнѣе поговорить объ исполненіи, о подробностяхъ сей повѣсти, ибо можете случиться, что въ будущихъ повѣстяхъ Г-на Погодина общность будетъ лучше, исполненіе-же у него одинаково и въ *Ничьмѣ*, и въ *Несвѣтѣ на ярмаркѣ* (прежде напечатанныхъ повѣстяхъ сего Авшора) и въ *Черной немоги*. Оно принадлежитъ къ тому роду подражаній Вальтеръ-Скотту, который составляетъ предметъ нашего разбора.

Говорить, что языкъ дѣйствующихъ лицъ въ *Черной немоги*, картины и мѣлчныя подробности

взяты съ природы. Очень можетъ быть, что сурый народъ нашъ говоритъ, думаешь и живешь почти такъ, какъ описывается это Г-нъ Погодинъ. Но гдѣ границы вкуса? Все-ли существующее въ природѣ и въ обществѣ достойно быть переносимо въ Изящную Словесность? Почему не встали здѣсь напомнить известный отзывъ Вольтера одному безсмысленному защитнику великаго Шекспира, утверждавшему, что Британскій гений все бралъ съ природы? Кажется, кто осмѣливается разсуждать о Шекспирѣ и Гёте, тотъ долженъ напередъ понять, что въ ихъ великихъ созданіяхъ низкая природа составляетъ необходимую принадлежность цѣлаго. Къ тому-же, напримѣръ, Фальстафъ въ Генрихѣ IV-мъ Шекспира, есть не иное что какъ олицетворенный порокъ, высказанный во всѣхъ своихъ смѣшныхъ и отвратительныхъ видахъ, слѣдственно онъ здѣсь не просто картина, но одна изъ противоположностей нравственной мысли, въ общемъ развитіи своемъ образующей одно, гармоническое цѣлое. Нѣкоторые изрѣченія Фальстафа, не являющіяся Класикомъ, необходимы, ибо порокъ, иначе представленный, былъ-бы недорисованъ, неестественъ, неузнаваемъ, и его изображеніе не достигало-бы своей цѣли. Но составивъ сочиненіе изъ однихъ грубыхъ выраженій, или прицѣпите сія послѣднія къ какому-нибудь безсвязному шворенію, и вы не достигнете даже высоты нѣкоторыхъ басенъ А. Е. Измайлова, имеющихъ большое достоинство, какъ чистый образецъ прозаической стороны общественной жизни.

Если-бы Г-нъ Погодинъ хотѣлъ представить намъ

быть простаго народа святой Руси, но не грубую только и смѣшную сторону его долженъ былъ изобразить онъ, а соединить это съ тѣмъ, что есть въ немъ добраго, прекраснаго. Для этого надобно смотрѣть на предметъ творчески, то есть обвивать общность предмета и пересоздавать его. Но разговоръ Протопопича о капустахъ, сваха, обивательница измѣнной лавочки, и жена Аввакумова, ничего не представляютъ собою, кромѣ грубыхъ очерковъ, можешь быть и вѣрныхъ, но скучныхъ, незанимательныхъ, не дающихъ понятія о нашемъ народѣ. Замѣтимъ, что если-бы изъ повѣсти Г-на Погодина выкинуть всѣ сіи ненужныя подробности, то содержаніе ея ничего не потеряло-бы: такъ плохо связана сія повѣсть. Языкъ въ ней вообще дуренъ и во многихъ мѣстахъ дѣйствующія лица и Авторъ говорятъ одинаковыми выраженіями. Мы думаемъ, что первые должны говорить свойственнымъ имъ языкомъ, напротивъ авторъ обязанъ выражаться языкомъ хорошаго общества и выдерживать тонъ своего разсказа. Образцами въ семъ случаѣ могутъ служить новѣйшіе писатели, Цшокке и Вашингтонъ Ирвингъ. О Русскихъ писателяхъ сего рода не упоминаемъ, по многимъ причинамъ.

Мы показали несообразность произведенія романческаго, бывшаго сѣдствиемъ безощетнаго подражанія. Имѣвши въ виду В. Скотта, Г. Погодина думаешь, что попалъ на путь своего великаго учителя, выставивъ безобразные очерки Русскаго народа. Заблужденіе непрощительное! На народ-

ность, не такая живопись подробностей составляютъ силу и прелесть романовъ В. Скошпа, а его творческій взглядъ, общность созданія и при нихъ мастерство въ описаніи подробностей. Мы должны быть благодарны Автору Веверлея и за то, что онъ показалъ, какъ должно пользоваться народностью; прибавимъ сверхъ сего, что въ наше время народность сдѣлалась необходимымъ требованіемъ; но она можетъ быть вѣрно изображена только такимъ писателемъ, который глядитъ съ высоты, являющей ему всю общность предмета, занимающаго творческое его вниманіе.

Исторія Россіи богата и обильна разительными событіями, не менѣ Шотландской Исторіи. Суровость сего выраженія конечно будетъ дополнена благомыслимъ читателемъ, который знаетъ судьбу нашего великаго отечества въ протекшемъ времени и понимаетъ славное назначеніе его въ будущемъ. Не говоря о древней нашей Исторіи, какою можемъ почитать все случившееся на Русской землѣ до единодержавія Іоанна III-го, слѣдовавшія за тѣмъ царствованія, Борись, самозванцы, междоусобице, царствованіе Дома Романовыхъ до Петра, и наконецъ Божественный Преобразитель Россіи — какая необозримая перспектива событій, какія краски для искуснаго писателя! Нѣтъ, не только Исторія Шотландіи, но едва-ли какая либо Исторія сравнится съ однимъ временемъ Петра, гдѣ множество необыкновенныхъ Историческихъ лицъ и событій, борьба Азіатскихъ нравовъ съ Европейскими, появленіе женщинъ въ обществахъ, толпа притѣжающихъ мноземель, и проч., кажется ждущъ творца рома-

нства ! Вотъ матеріалы. Художникъ долженъ только дать имъ душу и его ожидаетъ слава Вальтеръ-Скотта. Онъ возьметъ происшествіе истинное, и если оно пребудетъ продолжительнаго развитія, создастъ изъ него романъ; если оно должно быть представлено въ краткомъ объемѣ, будучи не способно къ развитію подробному, онъ напишетъ повѣсть, которой все различіе отъ романа заключается въ меньшемъ объемѣ, назначаемомъ самымъ предметомъ сочиненія. Онъ не ограничится одною Историческою основою, но вникая въ духъ своего народа, въ его прежніе и нынѣшніе обычаи, нравы, воззрѣнія, и въ основные элементы его природы, откроетъ и въ нихъ предметы, богатые для развитія, вопросы важные для разрѣшенія, ибо всякое сочиненіе, принадлежащее собственно къ Изящной Словесности, есть не иное что, какъ рѣшеніе какой либо нравственной задачи. Глядя на предметы не поверхностно, онъ не ограничится пустословнымъ изображеніемъ частныхъ, мѣстныхъ каррикатуръ и людей, не служащихъ представителями его собратьевъ. Главное, онъ обратитъ вниманіе на истинныя событія, ибо никакой умъ, никакое воображеніе не могутъ выдумать такой поэзіи въ событіяхъ и предметахъ, какая существуетъ въ природѣ. Надобно уметь находить эту поэзію: она открыта для всѣхъ, но видима только для немногихъ людей, одаренныхъ творческою силою ума и воображенія.

Вотъ требованія нашего вѣка, извлеченныя нами изъ явныхъ событій, изъ примѣра, давнаго Вальтеръ-Скотта, и изъ собственныхъ нашихъ на-

блюденій. Почитая главнымъ для романа истину и великость или важность событій, и облеченіе ихъ въ народную форму, чего также требуетъ возмражающаяся самобытность народовъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о шѣхъ предестинныхъ бездѣлкахъ, которыя собственно не составляютъ рода сочиненій, но не могутъ быть исключены изъ области романовъ и повѣстей: это рассказы, гдѣ, какъ думаютъ многіе, всё составляетъ самый рассказъ. Таковы нѣкоторые изъ сочиненій Стерна и Вашингтона Ирвинга, гдѣ нѣтъ, по видимому, событій, хотя чтеніе ихъ веселитъ и радуешь душу. Замѣтимъ во первыхъ, что и они всегда заключаютъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ новый, оригинальный взглядъ на предметъ рассказа, следовательно составляютъ актъ познанія, удовлетво-ряющій читателя новостью пуши, коимъ достигъ Авторъ своей цѣли; во вторыхъ, сіи рассказы почти всегда составляютъ часть чего-либо цѣлаго, какъ напримѣръ въ Тристрамъ Шенди и Gracelbridge-Hall, гдѣ всѣмъ имъ назначено свое мѣсто. Но, въ дополненіе къ этому, скажемъ, что сей родъ есть, можешь быть, самый труднѣйшій изъ всѣхъ родовъ романа, ибо онъ совершенно зависитъ отъ таланта и искусства писателя. Въ этомъ родѣ невозможно подражать ничему, ибо въ немъ нѣтъ левыхъ шочекъ, которыя могли-бы служить путеводителями.

Изъ всего сказаннаго нами можно вывести слѣдующее заключеніе. Пробудившись для новаго требованія вѣка, Русскіе романисты еще не освободились отъ подражательности, долго имѣвшей на

нихъ сподѣлать сильное вліяніе. В. Скоттъ произвелъ на нихъ необыкновенное впечатлѣніе своимъ гигантскимъ успѣхомъ, но былъ понятъ поверхностно, потому что онъ сдѣлался въ Россіи знакомъ болѣе своею славою у Французовъ, нежели своими существенными достоинствами: доказательствомъ сего служитъ малый успѣхъ его романовъ въ Россіи. Но нѣкоторые удачные опыты въ повѣствовательномъ родѣ, показываютъ, что и въ Россіи есть люди, поэтически понимающіе Автора *Европейскихъ, современныхъ* романовъ, а не Историческихъ, не Шотландскихъ, какъ думаютъ многіе, ибо сіи романы имѣютъ успѣхъ не потому что въ нихъ изображена Шотландія, не потому что въ нихъ встрѣчаются Историческія лица, а въ слѣдствіе сообразности ихъ съ вѣкомъ, которому необходимы и самобытное выраженіе народности и, при томъ, сильныя потрясенія души, обширное дѣйствіе и лица, занимательныя своею высотой въ нравственномъ смыслѣ, ибо насъ не могутъ уже расстроивать миловидныя картины семейственной жизни и тихія страсти. Опыты Г-на Погодина показываютъ, что онъ не рожденъ быть романистомъ: онъ глядитъ на предметы прозаически, и штъмъ доказываетъ, что не внутреннее призваніе заставляешь его писать свои опыты, а усиліе подражать В. Скотту. Вошъ почему въ повѣстяхъ его мы не находимъ той душевной теплоты, которая оживляетъ все и заставляетъ забывать многіе недостатки.

Но уже Русскіе писатели постигаютъ требованія своего времени, и мы могли-бы указать на нѣ-

которыя достойныя хвалы произведенія въ романтическомъ родѣ. Будемъ надѣяться, что скоро увидимъ мы еще большее приближеніе къ совершенству, еще большее число занимающихся сямъ прекраснымъ, блестящимъ родомъ сочиненій. Можешь быть и наши безпристрастныя, основанныя на желаніи добра замѣчанія, послужать кому нибудь въ пользу. Желаемъ этого, но еще болѣе желаемъ, чтобы будущіе опыты Русскихъ романистовъ превзошли наши ожиданія и оправдали наши надежды.

Кс. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *Сокращенный памятникъ Россійскаго Законодательства*, составленный Н. И. Х. СПб., въ Тип. Экспедиціи заготовленія Государств. бумагъ. 1829. XXXV и 122 стр., in 12.

Чѣмъ болѣе радуешь насъ появленіе книгъ, относящихся къ важнымъ предметамъ, тѣмъ иногда непріятнѣе бываетъ появленіе оныхъ. Радуешь книга ученая, систематическая, поясняющая сдѣланное, открывающая новое; непріятна книга ничтожная, сшитая изъ разнохарактерныхъ лоскутьевъ, наполненная старыми пустяками и новымъ вздоромъ. Она непріятнѣе пустоцвѣтныхъ явленій Изящной Словесности потому, что она

сихъ послѣднихъ ничего не ожидаешь, не требуешь. Напрошивъ книга, являющаяся подъ знаменіемъ сочиненія Историческаго, юридическаго, вообще ученаго, заставляешь чего-то требовать, ожидаешь, и обманъ ея шакъ-же досаденъ, какъ неглашежъ по векселю, копорый мы почитали вѣрнымъ.

И для чего браться сочинителямъ за шакія книги, если они не надѣются сдѣлать что-нибудь новаго, лучшаго въ сравненіи съ прежнимъ? Такъ, говоря объ общественномъ Законодательствѣ, развѣ не довольно для насъ *Памятника изъ Памятника*, каждый № Газетъ выхваляемаго издашелями его; книгъ Г-на Н. Н. и Г-на А. А., и другихъ компиляцій? Нѣтъ! надобно было Г-ну Н. И. Х. написать *Сокращенный Памятникъ Россійскаго Законодательства*, надобно было Г-ну Олину издавать его, и писать въ *Предисловіи* слѣдующее: «Получивъ позволеніе издать въ свѣтъ — шѣмъ съ большимъ усердіемъ поспѣшаю напечатать сію ручную книжку, что почитаю оную подаркомъ самымъ полезнымъ и занимательнымъ для читателей.» Причина этого? спросить читатель.—Издатель отвѣчаетъ: «Каждый обязанъ имѣть понятіе о Законодательствѣ своего Государства.»—Хорошо; но книжка Г-на Н. И. Х. даетъ-ли понятіе объ общественномъ Законодательствѣ? — Издашель продолжаетъ: «Въ семъ-то именно отношеніи книжка сія можетъ служить для всѣхъ съ пользою, преимущественно по части Исторической.»

Можешь быть Издашелою, какъ Императору, донныя занимавшемуся стихами и легкою прозою,

неизвѣстно, что въ ученыхъ книгахъ не можешь быть разности и неопредѣленности мнѣній. Тутъ не говорятъ: *de gustibus non est...* и *progre.* *Gustus* въ нихъ опредѣляется фактами, и собственно споры не бываетъ.

Въ слѣдствіе сего должно сказать, что книжка, сочиненная Г-мъ Н. И. Х. и изданная Г-мъ Ол-нымъ, есть сборникъ самый пустой и бесполезный.

Это что-то *Историческое*, раздѣленное на періоды. Въ каждомъ періодѣ выщено по нѣскольکو корошенокъ спашеекъ; въ каждой спашейкѣ написано что-нибудь, и каждая спашейка носитъ *заглавіе* крупными буквами. Въ нинхъ, все этииъ *заглавіемъ* и оканчивается.

Сначала идешь двѣ странички о Славянахъ; потомъ двѣ странички о древнѣйшихъ Русскихъ законахъ; даѣе выборъ кое-чего изъ Русской Правды; за тѣмъ всякая всячина; наконецъ, оняшь кое-какія выписки изъ Судебниковъ В. К. Іоанна III и Царя Іоанна IV. Такъ доходишь Авторъ до Петра Великаго, и шуть располагаешь все въ слѣдующемъ порядкѣ: при каждомъ царствованіи, строкъ по нѣскольکو *сведенія*; потомъ спашья: *Общія урѣжденія*, и другая: *Примѣтательныя (?) указы*. Въ *общихъ урѣжденіяхъ* поставлены только названія; напримѣръ: Царствование Екатерины II (стр. 85):

«Уставъ Благочинія (1782 г. Апрѣля 8).

«Орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира (1792 г. Сенш. 22).

«Уставъ народныхъ училищъ (1786 г. Авг. 5).

«О предосторожностяхъ въ С. Петербургѣ во время наводненія (1777 г. Сенш. 22).

«Грамота о правахъ и преимуществахъ Дворянства (1785 г. Апрѣля 21).

«Городовое Положеніе (1785 г. Апрѣля 21).

«Манифестъ о соединкахъ (1787 г. Апрѣля 21).»

Вошъ *цѣлая страна*! Спрашиваемъ: какое *понятіе* даешь она о сущности, качествахъ, духѣ законовъ, на ней поименованныхъ? Дабы судить, даешь-ли какое-нибудь понятіе о законахъ сшашья: *Примѣлительные указы*, скажемъ, что изъ царствованія Императрицы Екашерины II-й означено 14 сшашей; изъ царствованія Императора Павла 10 сшашей; изъ царствованія Императора Александра 18 сшашей. Выборъ указовъ произведенъ не по важности, а шакъ, по произволу Автора, взято что ему вздумалось почешъ *замѣлательнѣйшимъ*.

Послѣ сего о *пользѣ* Сокращеннаго Памятника для *изученія нынѣ существующихъ законовъ*, кажешся, нечего и говорить. Но, можешъ бышь, по увѣренію Издашеля, въ *Историческомъ отношеніи* оный полезенъ? Сомнѣваемся, пошому, что извѣстія о древнихъ законахъ, на 49 сшраницахъ помѣщенныя, ешть сборъ сшашеекъ безъ всякаго порядка и кришки. Тушъ много помѣщено и не относящагося къ законамъ, напримѣръ: о приходѣ Евреевъ изъ Тавриды (сшр. 19); о поученіи Мономаха (сшр. 20); о введеніи въ Россію писчей бумаги (сшр. 24): а законы являющіяся корошенькими вырѣзками. Повѣримъ нѣшkoľко извѣстій Автора.

Славяне жили въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. въ нынѣшней Россіи. Какое-же эшому доказашельство? Не-

Августъ 1829.

22

споромъ извѣстіе о путешествіи Св. Апостола Андрея на Днѣпръ и Ильмень (стр. 1)!

Въ самыя древнѣйшія времена Славяне не знали власти надъ собою; потомъ было у нихъ правленіе аристократическое, и они сходились въ храмы вопрошать боговъ; главный храмъ былъ въ Мекленбургскомъ (?) городѣ Ретръ, а богъ суда назывался у нихъ Прове, и притомъ у Славянъ не было ни законовъ, ни еудей. Все это напечатано на стр. 2-й и 3-й. Тутъ-же найдемъ, что у Россійскихъ (?) Славянъ не было единовластія.

Русская Правда, говоритъ Авшоръ на стр. 8-й, «напечатана въ Продолженіи Древней Русской Визіовки, и потомъ вышло новое изданіе.» А на стр. 13-й читаете: «Русская Правда издана Татищевымъ, съ примѣчаніями. Есть также изданіе 1792 года.» Чему-же вѣрить? О лучшемъ изданіи въ Русскихъ достопамятностяхъ (М. 1815 г. ш. 1) и изъясненіяхъ Карамзина въ 1-мъ томѣ Ист. Гос. Росс., Авшоръ не говоритъ ни слова.

Въ Новгородѣ было народное училище «для 300 человѣкъ, при Ярославі основанное» (стр. 19). А гдѣ доказательство?

«Гербъ Россійскій представлялъ благо всадника въ красномъ полѣ» (стр. 24). А въ какой Герольдіи найдемъ эшотъ гербъ?

«Шемяка (стр. 27), въ крашкое время своего владычества, попирая ногами древніе Уставы и справедливость, оставилъ на вѣки память своимъ беззаконій въ народной пословицѣ о судѣ Шемякинѣ.» И такъ сказка о Шемякиномъ судѣ сдѣлалась Историческимъ доказательствомъ беззаконія и по-

транія могами законовъ , благороднѣйшаго и лучшаго изъ всѣхъ своихъ современниковъ , Князя Дмитрія Шемяки ?

Кажется , можно уволить себя отъ дальнѣйшаго разбора *Сокращеннаго Памятника Россійскаго Законодательства* , и оставивъ Издашелоу его видѣть какую выбудъ пользу отъ этой компиляціи .

Н. П.

- *Древняя Исторія Волынской губерніи* , служащая продолженіемъ первобытной (?) Исторіи народовъ Государства Россійскаго . Сочиненная Графомъ Іоанномъ Потоцкимъ . Россійскій переводъ издалъ Степанъ Руссовъ . СПб. , въ ш. К. Крайл. 1829. XII в 32 стр. , in 12.

Нѣтъ ничего страннѣе подобныхъ Исторій . Разбирать , напримѣръ , описывая Смоленскъ : въ Черниговской или Смоленской губерніи жила *Меланклемъ* ; говоришь объ Исторіи Волынской губерніи , и изъ Иродота , Тацита , Птолема выбираешь для этого основанія , не все-ли равно , что для Исторіи Петербургскаго Адмиралтейства пишешь изысканіе о мореплаваніи Скандинавовъ и торговль Фавикійцевъ янтаремъ по берегамъ Балтійскаго моря ? Пора , пора оставивъ такіа дѣтскія занятія ! Кто хочетъ увидѣть всю пустоту , всю несообразность подобныхъ Историческихъ изысканій , тотъ можетъ прочесть сочиненіе Потоцкаго , изданное въ переводѣ Г-мъ Руссовымъ . Для него преимущественно перевелъ его Г-нъ Руссовъ ? Для того , » отвѣчаешь Переводчикъ (стр. XII) , что оно *частію касается до Москвы , Казани и*

другихъ Великороссійскихъ губерній, и паче, что оно служитъ дополненіемъ Волынскихъ монетъ Записокъ, изданныхъ въ 1809 году.» Простимъ авторскому чадолюбію!

— *Сокращеніе Скандинавской Мифологіи.* Переводъ съ иностраннаго языка. Расположенный по Русскому алфавиту Степаномъ Руссовымъ. СПб., въ ш. Крайя. 1829. 64 стр., in 12.

Правда, что на Русскомъ языкѣ мало писано было донинѣ о Скандинавской Мифологіи; но книга, изд. Г-мъ Руссовымъ, не замѣняетъ сего недостатка. Что понять изъ книжечки, въ которой краткія, едва понятныя объясненія лишь Скандинавской Мифологіи, разставлены по азбучному порядку? Хорошъ такой алфавитъ при книгѣ, въ которой систематически объясняется изслѣдуемый предметъ. И при томъ, можно-ли издавать въ нашъ вѣкъ ученыя сочиненія такъ, какъ Г-нъ Руссовъ издалъ свою книгу о Скандинавской Мифологіи? *Переводъ съ иностраннаго языка*, говорятъ оныя дѣла кончено! Требуется, чтобы Переводчикъ сказалъ: съ какого именно языка, какое именно сочиненіе, кто его Авторъ, гдѣ руководствовался эгошъ Авторъ, знакомъ-ли онъ съ новыми изслѣдованіями о своемъ предметѣ? Вотъ условіе, sine quâ non. Иохимъ Лелевель недавно издалъ книгу, также о Скандинавской Мифологіи, и также небольшую: советуемъ почтенному Переводчику посмотрѣть на эту книжку. Названіе оной: *Edda* to jest księga religii dawnych Skandynawii mieszkańców (Вильно, 1828 г.) Пусть Г-нъ Руссовъ разсмотритъ книгу Г-на Лелевеля и узнаетъ, какъ дол

жно издавашь книги объ ученыхъ предметахъ. Не говоришь о новѣйшихъ огромныхъ швореніяхъ, каково напримѣръ сочиненіе Финна Магнусена: *Edda-loeren og dens Oprindelse* (Копенгагенъ, 1824—1826 г.), гдѣ Авторъ философически и филологически проливаетъ новый и яркій свѣтъ на предметъ свой (подробный разборъ сей книги читали мы въ *The foreign Quarterly Review*, Февр. 1828 г., стр. 210—243). — Несоблюденіе ученыхъ условій заставляетъ насъ думать, что Г-нь Руссовъ перевелъ старую книжечку, еще Малешовыхъ временъ: такъ подумаешь, смотря на не-криптическое и не-философическое изображеніе Скандинавской Мифологіи, въ ней заключающееся.

— *Разныя свѣдѣнія о Россійской вѣтшней торговлѣ.* СПб., въ ш. Деп. вѣн. торговл. 1829. 142 стр., in 8.

Въ сей книжкѣ помѣщено 10 статей; исчисленіе оныхъ можешь показашь содержаніе книжки:

I. Хронологія достопамятныхъ происшествій и узаконеній, относящихся до Россійской торговли и народной промышленности. Съ 911-го по 1829-й годъ.—II. Краткое обозрѣніе о учрежденіи Государственной Коммерцъ-Коллегіи.—III. Списокъ Гг. Президентовъ Государственной Коммерцъ-Коллегіи, съ 1716-го по 1797-й годъ.—IV. Списокъ Гг. Министровъ, Президентовъ и Членовъ Коммерцъ-Коллегіи, съ 1796-го по 1811-й годъ.—V. Списокъ Гг. Министровъ Финансовъ, Директоровъ и Начальниковъ Отдѣленій Департамента Вѣтшней Торговли, съ 1811-го по 1829-й годъ.—VI. Краткое обозрѣніе о учрежденіи Комиссій о коммерціи.—VII. Спи-

сокъ Гг. Членовъ Коммисій о коммерціи съ 1720-го по 1749-й годъ, и съ 1764-го по 1797-й годъ.—VIII. Спосокъ Гг. Членовъ Коммисіи таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ съ 1819-го по 1828-й годъ.—IX. Таможенныя постановленія, существующія въ 1829 году, съ показаніемъ времени, когда оныя были изданы.—X. Росписъ таможеннымъ и заставамъ, съ означеніемъ званія ихъ, когда состоялись имъ шашы, по какимъ постановленіямъ дѣйствуютъ, какого округа и какой губерніи или области.

Для купца важна 9-я спашья; для Спашистика 10-я; для Историка всѣ вообще. Привязчивый кришникъ могъ-бы только поспорить о нѣкоторыхъ мѣстахъ 1-й спашьи. Онъ сказалъ-бы, напримѣръ, что Исторія Русской торговли вообще тушь неполна удивительно, а въ древней, кромѣ того, едва-ли не на каждой строчкѣ ошибка. Гдѣ найдеть, напримѣръ, *торговый* договоръ Олега съ Греками? Если переданный намъ въ Нешпоровой Лѣтописи договоръ его названъ *торговымъ*, то почему онъ названъ *первымъ*? Далѣе, почему сказано, что Новгородъ въ 1164 г. вступилъ въ союзъ съ Ганзейскими городами, когда Новгородъ никогда не былъ въ Ганзейскомъ союзѣ, и когда самая Ганза основалась не прежде XIII вѣка? и проч. и проч.

— *Карманная книжка для любителей Русской старины и Словесности на 1829 годъ.* Издана В. Н. Олѣвымъ. Спб., въ ш. Х. Гинца, 1829.—434 стр., in 16.

Еще альманахъ на 1829-й годъ, въ Августѣ мѣсяцѣ являющійся въ свѣтъ! Вѣроятно, описавая такимъ образомъ, по немногу, ошъ надлежащаго времени, Гг. Издашамъ альманаховъ скоро будутъ

издавать свои книжки на 1809-й годъ. Мысль не плохая! Тогда-бы, напримѣръ, можно было поговорить о могуществѣ Наполеона, и, зная послѣдствія, вывести изъ этого множество прелюбопытныхъ догадокъ; тогда-бы можно было весьма основательно угадать появленіе Пушкина, и написать о *Цыганахъ* его презанимательную статью въ пророческомъ духѣ. Если у насъ много людей, живущихъ заднимъ умомъ, то почему не попытаться пожить *умомъ переднимъ* (непростительный неологизмъ!)? Вообще, мы имѣемъ большія надежды на улучшеніе альманаховъ; а въ ожиданіи этого, займемся тѣмъ, что у насъ передъ глазами.

Г-нъ Олинъ собирался издавать въ нынѣшнемъ году Журналъ, подъ какимъ заглавіемъ, не припомнимъ, но думаемъ, что читатели подтвердятъ нашему извѣстію, хотя и не вооруженному справками и ссылками на газетныя и журнальныя статьи. Публика не рѣшилась покупать преднамѣреннаго, а можешь быть и *благонамѣреннаго* журнала Г-на Олина, и потому предпріятіе сіе не состоялось. Между тѣмъ, статей у Г-на Олина было подготовлено довольно, и онъ рѣшился превратить ихъ въ альманахи, ибо надѣется подарить Русскихъ читателей и на будущій годъ такою-же книжкою, какая продается теперь за 10 рублей. Слѣдовательно, у него было изъ чего выбирать? Посмотримъ, чѣмъ порадовалъ онъ на первый годъ своихъ читателей.

Проза, или Отдѣленіе первое, начинается *Похвальнымъ Словомъ* Государю Императору Александру

Первому, кажется произнесеннымъ въ какомъ нибудь торжественномъ собраніи, Г-мъ Профессоромъ С. Петербургскаго Университета Толмачевымъ. Это сочиненіе можно почтеть и незначительнымъ и неоконченнымъ. Ораторъ не изобразилъ намъ Благословеннаго, и, какъ будто успрашившись величій своего предпріянія, испрашиваетъ позволенія прекратить Слово, гдѣ все еще шло пришествіе къ насшоящему дѣлу. Мы думаемъ, что лучше было-бы не браться за то, что не по силамъ, и дивимся только тому, какъ достало духу у Г-на Толмачева обратиться къ *Высокопочтеннымъ посѣтителямъ* столь несвязное Слово о великомъ предметѣ? — *Литтературная жизнь Гете*, переведенная самимъ Издашелемъ изъ Notice sur la vie et les ouvrages de Goethe, сочиненной А. Стааферомъ. Неужели спашья поверхностная, не новая, дурно переведенная (*), стояла того, чтобы помѣщаться въ альманахъ, гдѣ все должно ошачаться и оригинальностью и свѣжестью содержанія? Неужели для перевода Русскаго недоступны оригинальныя За-

(*) Доказательства: «Подъ какою формою спашь-бы онъ нынѣ *трактовать* предметъ, который-бы не употреблялъ уже прежде (стр. 43-я)? — Бриссельское *адте* (стр. 44-я). — Такимъ-то образомъ *предуотавлились* въ умъ его, о чемъ еще не вѣдалъ онъ самъ, двѣ великія концепціи (стр. 52-я). — Въ семъ отношеніи, собственно Литтературномъ, Университетъ Геттингенскій *пріятно ему улыбался* (стр. 77-я), и и проч. Подобныя рѣдкости встрѣчаются на каждой страницѣ.

оскуп Гёте, названный имъ *Dichtung und Wahrheit*, im meinem Leben? Если Издатель хотѣлъ непременно перевести что либо о жизни Гёте, то надобно было переводить изъ сей книги. Замѣтимъ, что въ переведенномъ отрывкѣ, Литтературная жизнь Гёте еще и не начиналась. — *Шесть статей*, переведенныхъ изъ Эверсовой *Geschichte der Russen*, заслуживали-бы благодарность, когда-бы онѣ были помѣщены не въ альманахѣ, и, главное, переведены почище. Г-нъ Переводчикъ пропускалъ въ переводѣ многія фразы подлинника и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣлалъ непростительныя ошибки. На стр. 103-й, онъ называлъ часы — *стѣною*, и онъ того вышла нелѣпость. Вошъ переводъ: « Сербскій монахъ, Лазаръ, оградилъ столицу Русскую первое *каменную стѣною* въ 1404-мъ году. » Вошъ подлинникъ: Mit der ersten *Thurmhuhr* hatte ein serbischer Mönch, Lazar, die Hauptstadt (1404) versehen. » *Thurmhuhr*! значить *башенные часы*. Ошибка сія тѣмъ удивительнѣе, что часы, сдѣланные Лазаремъ, извѣстны въ летописяхъ нашихъ презамѣчательнымъ описаніемъ, которое мы приводимъ здѣсь вполнѣ: « Въ лѣто « 6912, Индикта 12, Князь Великій замысли час- « никъ и постави е на своемъ дворѣ за церковью « за Св. Благовѣщеніемъ. Сій же часникъ наречет- « ся часомѣрье; на всякій-же часъ ударяетъ моло- « томъ въ колоколъ, разиѣряя и расчишая часы « ношныя и дневныя; не бо человекъ ударитъ, но « человекovidно, самозвонно и самодвижно, спранно- « лѣнно нѣкако створено естъ человеческою хш- « росшью, прензмечпано и преухищрено. Масшеръ « же и художникъ сему бѣаше нѣкоторый Чернецъ,

«иже ошъ Свяшныя горы пришедый, родомъ Сер-
«бинъ, именемъ Лазарь: цѣна же сему бѣше вѣшь
«полуштораста рублевъ.» — *Сельская ярмарка* (раз-
сказъ Г-на Глѣбова). Слогъ и содержаніе сей повѣ-
сти похожи на перегнанную воду: чисто, но без-
вкусно, а въ Лингвистическихъ собраніяхъ вошло
въ обычай угощать лимонадомъ и чаемъ, то есть
чѣмъ нибудь острымъ, чтобы щекотило вкусъ. —
Листокъ изъ дорожныхъ записокъ Русскаго Офицера
на обратномъ пути въ Россію. Это мы читали уже
въ Подсѣжникѣ. — *Султанскій Гаремъ въ Констан-*
тинополѣ, переводъ изъ *Modenzeitung*, гдѣ замѣсто-
вано сіе описаніе изъ шарпиннаго писателя, Мурад-
жи д'Оссона. Потребно-ли шумъ больше словъ? —
Взглядъ на стихотвореніе А. Пушкина, подъ за-
главіемъ: Цыганы. Статья презабавная! Авторъ,
какъ видно, хотѣлъ повеселить читателя, и до-
стигъ своей цѣли. Предлагаемъ образчики его юмо-
ризма: «Я прочиталъ стихотвореніе Пушкина,
подъ названіемъ: Цыганы,» говоритъ Авторъ. По-
ра! подумаешь читатель: *Цыганы* напечатаны поч-
ти два года съ половиной назадъ. «Удивительно,
что сначала произведеніе сіе (почему, не знаю)
показалось мнѣ безобразнымъ, даже уродливымъ.»
И мы не знаемъ, почему такъ показалось Автору,
и можемъ повторить восклицаніе его: удиви-
тельно! Извѣстно однакожъ, что въ кривомъ зер-
калѣ всѣ предметы отражаются криво. Спросишь-
бы хоть у себя: ошъ чего бываешь это? «Впро-
чемъ, я не скоро рѣшился повѣрить себѣ: прочи-
талъ еще, со вниманіемъ, нѣсколько разъ (что?),
и сѣдствіемъ послѣдняго чшенія было удовольствіе,

болѣ тѣмъ особенное.» Поздравляемъ! Насилу Богъ простилъ! Только, что это за удовольствіе *болѣ тѣмъ особенное*? «Это ошчастіи убѣдило меня, что не всегда можно вѣрять первымъ впечатлѣніямъ.» Сиповало хлопотать, чтобы выжать изъ умственаго азембика такую великую истину! «И въ самомъ дѣлѣ оныя (впечатлѣнія) весьма часто зависятъ отъ множества причинъ, постороннихъ.» Разумѣется, но часто и отъ внутреннихъ, постоянныхъ причинъ, какъ напримѣръ кривое зеркало отражаетъ предметы на выворотъ отъ сородной оному кривизны. «Но обратимся къ дѣлу.» Пора! «Какъ назвать сіе стихотвореніе?» Вотъ это пошло уже дѣло. «Это не поэма, не повѣсть, это» — милліонъ противъ одного, что читатели не угадають, какъ опредѣлишь свое это Авторъ! Это — «если смѣю такъ выразиться (о, помилуйте!) *нѣсколько блестящихъ выдержекъ изъ магическаго фонаря поэзіи: нѣсколько сценокъ картинныхъ, пѣвительныхъ, ужасныхъ.*» Что можетъ быть яснѣе этого опредѣленія? Оно такъ вѣрно, какъ отраженія магическаго фонаря. Но мы должны-бъ были списать всю спѣшью о *Цыганахъ*, если-бы вздумали показать провинцабельность, оспроуміе Автора и умѣніе наговорить много и не сказать ничего. Одолжилъ онъ Автора *Цыганъ!* — Мысли, сочиненныя самимъ Авторомъ, не отличающіяся ни глубиной взгляда, ни оспроумнымъ выраженіемъ: онъ годился-бы для печати дѣтъ двадцать пять назадъ. — *Кумова постель*, повѣсть, замѣшвованная Г-мъ Олинымъ изъ суевѣрныхъ народныхъ разсказовъ, показываетъ, какъ богатъ Русскій міръ

поэтическими предметами и какъ дурно воспользо-
вался ими Авторъ. Это, однакожъ, лучшая спашья
Г-на Оляна въ семь альманахъ.

Отдѣленіе второе. Стихи. Здѣсь можно замѣтить
слѣдующее: *Отрывки изъ описательнаго стихотво-
ренія О. Н. Гавяки: Карелія, обещающъ хорошее
произведеніе въ описательномъ родѣ. — Меркурій
на гасахъ, или Парнасская застава, комико-алле-
горическій Диверсисменшъ, сочиненный Княземъ
А. А. Шаховскимъ, обилень рѣзкими прозаически-
ми и довольно удачными стихами (*)*. — Водевиль-
ные куплеты, подѣ кошорыми подписаны буквы Н.
Х., чрезвычайно милы. Въ Сѣверной Пчелѣ были
выписаны изъ оныхъ два отрывка, и мы жалѣемъ,
что уже предупреждены въ семь случаевъ. Надобно
прибавить, что куплеты: *И то хорошаго въ
васъ есть?* и *Вопросъ, что значитъ красота*, взя-
ты изъ Водевиля: *Новый Парисъ*, недавно игра-
наго на Московскомъ Императорскомъ Театрѣ. Ка-
жется, что куплетъ о красотѣ исковерканъ въ
печати, и Авторъ оного (Н. И. Хмельницкій) едва-
ли будешь благодаренъ за это Г-ну Оляну. Можно
еще указать на *Куплеты изъ Водевиля - балета:
Девкалионовъ потопъ, или Меркурій предъавитель*,
сочиненіе Князя А. А. Шаховскаго, на *Нравоу-
чительныя четверостишія*, изъ Вольтера переведен-
ныя Княземъ П. А. Вяземскимъ, на два стихотво-
ренія О. Н. Гавяки: *Преложеніе изъ Пророка Іезе-
кіиля и Разсужденіе*, и объ остальныхъ умолчать.

(*) Сочиненіе сіе было уже вполнѣ напечатано въ
10-й книжкѣ Апенед 1829 го года.

Наружность сего альманаха весьма опрятна: зеленая бумага, заглавный гравированный листокъ и два прекрасныхъ портрета достойны похвалы. Но мы готовы приложить снимокъ съ подлинной подписи Наполеона, въ доказательство, что приложенные при Карманной Книжкѣ Г-на Оливна снимки съ подписей сего великаго завоевателя не вѣрны нисколько. Это почеркъ какого нибудь ошачьнаго коншорскаго краснописца, а не *бѣлые знаки* бывшаго Императора Франціи, рѣшавшіе, въ свое время, судьбу царствъ и народовъ. Кромѣ сего приложены при сей книжкѣ снимки почерковъ Петра Великаго, Князя Пожарскаго и Гешмана Хмельницкаго.

— *Повременное изданіе Императорской Россійской Академіи.* Часть I. СПб., 1829, въ т. Россійской Академіи. 264 стр., in 8.

Академія Россійская общала, нѣсколько времени назадъ, издавать повременное Изданіе, образцовое по слогу и выбору статей. Нынѣ является первая книжка сего Изданія. Содержаніе оной слѣдующее: *Проза.* 1-е, Краткое начертаніе о письменахъ Славянскихъ; переводъ съ Итальянскаго языка А. Ш. — 2-е, О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малоѣ Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ Оракійскихъ и Илирійскихъ; сочиненіе Франциска Маріи Апендини. Переводъ съ Итал. А. Ш. — 3-е, Сѣшваніе Эдуарда Юнга. Ночь первая. Съ Англіиск. перевелъ Кн. П. Ширняскій — Шихматовъ. *Стихотворенія.* 4-е, Предложеніе Псалмовъ: 8-го, 113-го и 144-го. Кн. Сергія Шихматова. — 5-е, Къ орлу Россіи. М. Лобанова. — 6-е, На кончину Князя

М. Д. Голенищева-Кушужева Смоленскаго. Соч. Кн. П. Ширинскаго-Шихмашова. — 7-е, Рауль сивля бора, *Перольтова сказка*, пер. Б. Оедорова.

— *Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія*, съ 1805 года, Николая Наз. Муравьева, Свашсъ-Секр. Е. И. В. Тайн. Совѣт., Сенат. Почет. Чл. Императорскихъ: Росс. Академіи и Университетовъ: Москов. и Вилен., и Москов. Учен. Обществъ: Исторіи и Испытател. Природы. *Часть пятая* (*). Спб., 1829. въ ш. Главнаго Штаба. 60 стр., in 8.

Первыя четыре части *Нѣкоторыхъ изъ забавъ отдохновенія*, при появленіи своемъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году, произвели довольно сильное впечатлѣніе. Всѣ удивлялись слогу и мыслямъ Автора. Въ изданной нынѣ 5-й части *Забавъ*, такой-же слогъ и такія-же мысли, какъ и въ первыхъ частяхъ. Для образца выписываемъ нѣсколько строкъ изъ статьи: *О всеобщемъ нравственномъ законѣ въ мірѣ* (стр. 25-я и 26-я). «*а. Предсказанія.* Суть мгновенно, отъ мгновеннаго внушенія, отъ мгновеннаго созерцанія, произнесенныя, напечатанныя изрѣченія о будущемъ, того или другаго времени, той или другой вещи. *б. Гаданія, Предвѣщанія.* Суть выводы изъ обдуманнаго созерцанія предметовъ вещественныхъ, въ предостроженіе пьющаго или могущаго случиться въ извѣстное время и съ извѣстнымъ предметомъ. *в. Сказиднія.* Суть

(*) Сіе заглавіе и далѣе слѣдующія слова Автора списаны вѣрно съ подлинникомъ, даже въ знакахъ препинанія.

молчныя изображенія слова, большею частію иносказательныя указанія будущаго, или даже прошедшаго и ошдаленнаго. *г. Предчувствія.* Суть внутреннія движенія духа, пріятныя или скучныя, о имѣющемъ совершиться событіи, пріятномъ или печальномъ для предчувствующаго. — И такъ предсказанія, предрѣченія, произтекающъ отъ *возжеланнаго вдохновеніемъ* воображенія, быстрой мысли и пламеннаго движенія нравственной врожденности, или генія, и суть внушенія и указанія нравственнаго закона; ибо, что можешь безъ него и напрасно существовать, нравственное или вещественное, при признаваемой нами премудрости и милосердіи *Всесильнаго Творца* вселенной? А что и предсказанія и пророчества не напрасно дѣлають свои явленія, то много разъ испытанныя событія, ими предрѣченныя, доказывающъ.»

Всѣхъ статей въ сей части помѣщено семь. Вотъ названія ихъ: 1. *Нѣчто о воспитаніи.* 2. *Какая разница между справедливости и правосудія?* 3. *О замерзаніи воды: рѣкой и Зельцерской въ 1829-мъ г.* 4. *О всеобщемъ нравственномъ законѣ въ мірѣ.* 5. *О народонаселеніи Лондона въ 1829-мъ году.* 6. *Разливыя прихвтанія.* 7. *Нѣчто о кометѣ и кометахъ.*

— *Краткая опись предметовъ, составляющихъ Россійскій Музеумъ Павла Свинына.* 1829 г. СПб., въ ш. К. Крайя. 138 стр., in 12.

— *Catalogue abrégé du Cabinet national russe de Mr. Paul de Saligne.* СПб., въ ш. Х. Гинца. 1829. 106 стр., in 8.

И. П. Свинынь достоинъ совершенной признательности своихъ соотечественниковъ за благо-

родное сшараніе его, открывашъ и показывашъ свѣту Русскія дарованія, Русскія достоинства, Русскую природу. Если-бы у насъ было побольше такихъ патріотовъ, какъ Г-нъ Свиньинъ, то мы скоро узнали-бы много хорошаго, осужденнаго при настоящихъ обстоятельствахъ еще долго скрываться въ шѣни невѣдѣнности. Сообразивъ средства человѣка частнаго, всегда ограниченнаго, мы не можемъ не принести дана удивленія усѣху Г-на Свиньина. Предметъ, избранный имъ: ближайшее познаніе Россіи и ознакомленіе Европы съ симъ великимъ колоссомъ, представляешь множество затрудненій. Наша родовая, укрѣпленная воспитаніемъ и обстоятельствами привычка — находить достойнымъ вниманія чужеземное и не видѣть своего хорошаго — заставляетъ истиннаго любителя осматривать и испытывать все лично, безъ всякаго посредничества. Для этого надобно употреблять большія издержки, жертвовать годами службы и другихъ занятій, и, наконецъ, трудиться, много трудиться. Г-нъ Свиньинъ сдѣлалъ все это. Больше десяти лѣтъ (съ 1816-го года), онъ почти постоянно каждое лѣто посвящая путешеству по Россіи и усѣлъ осматрѣть и описать почти всѣ достопамятныя мѣста великаго нашего опечалива. Въ сихъ путешествіяхъ, и также въ Пешербургѣ и Москвѣ, Г-нъ Свиньинъ приобрѣлъ множество рѣдкихъ и драгоценныхъ вещей, нѣтъ составляющихъ его Музеумъ. Мы нѣтъ удовольствіе осматривать сіе, безъ увеличенія можно сказать, драгоценное собраніе, и не могли не удивляться художественному оцѣвленію оного, нѣтъ

болѣе, что зная свое отечество не по-наслышкѣ и видѣвъ святую Русь почти подъ всѣми ея широтами, мы, говоря ошкросебно; не предполагали, чтобы въ нѣдрахъ ея скрывались художественныя произведенія, достойныя древнихъ Аѳинъ и новой Италіи. О богатствахъ природы Русской не нужно и упоминать. Сверхъ сего, Музеумъ Г-на Свинына богатъ множествомъ различныхъ достопамятныхъ вещей. Завидуемъ жителямъ Петербурга: они имѣютъ въ своемъ городѣ драгоценное собраніе Русскихъ достопамятностей, и съ книжкою въ рукахъ, о которой мы извѣщаемъ нашихъ читателей, могутъ узнать, касательно нашего отечества, многое, весьма многое, лучше нежели прочитавъ пятьдесятъ томовъ чужеземныхъ описаній Россіи. Гостепріимный обладатель Музеума радъ всякому благовоспитанному посетителю, желающему осмотрѣть его сокровища.

Мы не можемъ дать, въ сей крашкѣ сказать, надлежащаго понятія о Русскомъ Музеумѣ Г-на Свинына. Однакожъ, руководствуясь описаніемъ, упомянемъ о главныхъ раздѣленіяхъ и достопримѣчательностяхъ оного.

Весь Музеумъ раздѣляется на восемь слѣдующихъ отдѣловъ: I-е, *Картины*. Ихъ 82, и всѣ писаны Русскими художниками. Въ числѣ сихъ послѣднихъ встрѣчаемъ знаменитыя и извѣстныя имена Варшакъ, Воробьева, Егорова, Кипренскаго, Лосенкова, Малютева, Орловскаго, Тропинина, Шебуева, Щедрина и многихъ другихъ. — II-е, *Изваянія*, изъ мрамора, бронзы, и произведенія фар-

форовымъ, мозаическія, гранишныя, лакированныя, изъ дерева, terre cuite, гинса, кости и проч. Среднихъ красуется статуя изъ Каррарскаго мрамора изображающая генія, которую почитаютъ лучшимъ произведеніемъ рѣзца Козловскаго. Достопамятенъ также мозаическій портретъ Петра Великаго, сдѣланный знаменитымъ Домоносовымъ. В семь отдѣлахъ находится еще величайшая достопамятность: шкатука изъ орѣховаго дерева, съ барельефами, превосходной работы, безцѣнное произведеніе державныхъ рукъ Петра Великаго. Всѣхъ изданий и прочаго 59 номеровъ. — III-е, *Миниатюры*, изъ коихъ многія превосходны и достопамятны: всѣхъ 30. — IV-е, *Старинное серебро*. Глядя на старинныя Русскія кубки, чарки, стопки, енды, переселяешься воображеніемъ къ добрымъ нашимъ предкамъ, и какъ-бы присушествуешь имъ роскошеству и веселію. Всѣхъ вещей сего рода 63. — V-е, *Собраніе медалей* на разные случаи: золотыхъ 7, серебряныхъ 59, платиновая 1. Тутъ-же находятся разные достопамятные знаки отличія, жетоны, древнія и старинныя медали и монеты. — VI-е, *Собраніе минераловъ*, расположенное по системѣ Вернера. Всѣхъ номеровъ 415. Между ними находятся нѣкоторыя драгоцѣнности изъ царскихъ сокровищъ, оцененныя знаками въ 5000, 3000 и въ 1500 рублей. VII-е, *Библиотека*. Она состоитъ изъ рукописей и печатныхъ книгъ. Въ ней всѣхъ и другихъ находится нѣсколько рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ экземпляровъ. Таковы, напримеръ Грамата Владислава Ягеллона, Переписка Царя Іоанна Васильевича съ Императоромъ Максимиліаномъ

номъ I-мъ; рукописи Екатерины Великой, Ломоносова и проч. — VIII-е, *Воспоминанія*. Подъ симъ названіемъ въ Музеумъ Г-на Свиньина хранятся вещи, неотносящіяся къ первымъ семи отдѣламъ. Таковы напримѣръ: приборъ Машемашиническихъ инструментовъ, которые употреблялъ учившійся Машемашиникъ покойный Императоръ Александръ; гребень Царевны Софіи Алексѣевны; картина, писанная на паутинѣ; бронзовый образъ, найденный на Куликовомъ полѣ, и проч.

Изъ сихъ крашкихъ намековъ, читатели могутъ видѣть богатство Русскаго Музеума Г-на Свиньина и понятии важность и счастливое исполненіе предпріянія нашего почтеннаго Пашріоша.

— *Описаніе путешествія на Кавказъ*, предпріянаго въ 1628 году, по приказанію Царя Михаила Θεодоровича, для ошылканія серебряной руды. Сосставлено изъ подлинныхъ документовъ и читано въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 10 Іюня 1829 года, Г-мъ Академикомъ, Статскимъ Совѣтникомъ Гамелемъ, по случаю отправления Академіею ученой Экспедиціи на Кавказъ. Въ ш. Академіи Наукъ. 16 стр. in 8.

Небольшая книжка сія особенно любопытна въ настоящее время, когда на Кавказъ находится ученая Экспедиція, отправленная для изслѣдованія недоступной доселѣ природы Кавказскихъ горъ. Г. Гамель ошылкалъ въ архивахъ весьма замѣчательное событіе: въ 1628 году, Князь Пшимакъ Камбулашовичъ Черкасскій извѣстилъ Царя, что въ Кабардѣ, на разстояніи шести дней пути отъ

города Терека, лежит земляца не велика, сложена Тя-абаста, изобилующая серебряною и мѣдною рудою. Царь отправилъ шуда Нѣмецкаго рудознатца и золотознатца Самуила Фрича, и съ нимъ дозоходца или рудокопца Ивана Герольда, снабдивъ ихъ всѣми возможными средствами и поручивъ всю Экспедицію Терекскимъ Воеводамъ, Князю Дашкову и Приклонскому. Свирѣпствовавшая въ горахъ зараза и непріязненность Горцевъ помѣшала Экспедицію проникнуть къ мѣсту руды, почему отправленъ былъ одинъ Коншовъ-Мурза, притязавшій къ Царю съ извѣстіемъ. Онъ привезъ около одного фунта руды, и Фричъ нашелъ, что она содержала въ себѣ $\frac{45}{100}$ долей свинца и серебра до 4-хъ золотниковъ во ста фунтахъ руды. Фричъ полагалъ, судя по образцу, что близъ сей руды должны быть еще руды серебряная, а можетъ быть и мѣдная. Но узнавъ, что Царь Русскій точетъ производить добываніе руды въ Кабардѣ, тамошніе Князья рѣшились защищать ее оружіемъ. Между тѣмъ Фричъ и Герольдъ занимались важною работою, а именно, проведеніемъ въ городъ Терекъ прѣсной воды изъ рѣки Быстрой (нынешняго Терека). Г. Гамель подробно описываетъ сію работу, которая вскорѣ разрушилась. — 20 Марта 1629 года Царь приказалъ оставить дальнѣйшія пріиски руды въ Кавказскихъ горахъ, потому что безъ помощи оружія не лзя было достигнуть къ нимъ. Г. Гамель оканчиваетъ сіе любопытное извѣстіе слѣдующими словами: «Желательно было бы узнать, какіе нынѣ остались слѣды разрушеннаго за сто лѣтъ города Терека и предпринимаемыя»

близости онаго за дѣйсствіе гидравлическихъ работъ, а именно: соединенія, посредствомъ наплавовъ, рѣкъ Быстрой, Зеленой и Тюмени, и понияты-ли сіи мѣста еще понинѣ Каспійскимъ моремъ, какъ были въ половинѣ прошлаго столѣтія? Нѣкоторые, какъ извѣстно, утверждаютъ, что вода въ Каспійскомъ морѣ, періодически, то прибываетъ, то убываетъ. Но еще важнѣе было-бы изслѣдовать положеніе Кабардинской страны Табастъ, обратившей на себя уже за два столѣтія особенное вниманіе Царя Россійскаго и побудившей его къ отправленію шуда нарочной Экспедиціи. Должно-бы разыскать: дѣйствительно-ли тамъ находится много богатой серебрястой свинцовой, а можеть быть и другихъ, обработки доскойныхъ рудъ. Теперь неизвѣстно, была-ли сія страна послѣ 1628-го года ближе разсматриваема въ минералогическомъ отношеніи. Гильденшметъ и Рейнегсъ въ разныхъ мѣстахъ Кавказа нашли, не только серебрястой свинцовый блескъ, но и богатые мѣдныя, желѣзныя и цинковыя руды. Древніе повѣствуютъ много баснословнаго о неистощимыхъ зедошыхъ и серебряныхъ рудникахъ Кавказа. На всякій случай, вѣшь сомнѣнія, что въ недрахъ его заключаются большія сокровища, и можеть скоро настанеть время, когда они будутъ выведены наружу. Должно надѣяться, что предпринимаемая нынѣ со стороны Академіи ученая Экспедиція представитъ намъ и въ семъ отношеніи важныя поясненія.»

Сей трудъ Г-на учнаго Академика нашего заслуживаетъ искреннюю благодарность всѣхъ любознательныхъ людей.

— *Записки во время похода из Астрахани на Кавказ и в Грузию, в 1827 году. Н... Н... М. 1829. В 2 т. Селивановского. 198 стр. in 12.*

Г-нъ неизвестный Авторъ описываетъ въ сей книгѣ много любопытнаго и замѣчательнаго. Взглядъ его вѣренъ, разсказъ вообще занимателенъ, слогъ хорошъ. Мы не можемъ повѣрять его описаній, но надѣмся, что человѣкъ просвѣщенный умъ присоединитъ къ другимъ достоинствамъ своей книги и достоверность. Книга сія можетъ служить пособіемъ для путешественника и для географа.

С М Ъ С Ъ .

—

ПИСЬМА СЪ БЕРЕГОВЪ ЛЕНЫ.

III. Городъ Олекминскъ стоитъ на лѣвой сторонѣ Лены; рѣка-же Олекма впадаетъ въ оную ниже города, въ 12 верстахъ. Въ немъ счисляется около 60 домовъ и юрть, расположенныя по двумъ прямымъ улицамъ. Строеніе хотя деревянное, но порядочное; есть и гостинный дворъ. Здѣшніе купцы торгуютъ преимущественно хлѣбомъ, соболями, лисицами и бѣлою. Олекминскіе соборы счисляются лучшими во всей Сибири, въ торговлѣ-же извѣстны подъ общимъ именемъ соболей *Якутскихъ*. Звѣри сіи ловятся преимуще-

сповенно въ вершинахъ рѣки Олекмы, вытекающей, какъ и всѣ рѣки, впадающія съ правой стороны въ Лену, изъ Яблонаго хребта. Соболѣ, ловимые на рѣкѣ Вилюѣ, почитаются самыми послѣдними.

Въ тысячѣ верстахъ отъ Олекминска, вверхъ по теченію рѣки Олекмы, находится примѣчательная рѣчка Жугжа, на которую въ началѣ зимы собираются Тунгусы, какъ для плашежа ясака, такъ и для выкупа отъ Русскихъ разныхъ вещей за соболя. Пушь на сію рѣчку совершается отъ Олекминска на однихъ и тѣхъ-же верховыхъ лошадяхъ, туда и обратно, и сопряженъ съ неимоверными затрудненіями: на всемъ пространствѣ нѣтъ ни одного селенія, ни кочевья; путешественники ѣдутъ только днемъ, на ночь-же останавливаются гдѣ нибудь на ровномъ мѣстѣ, пускаютъ лошадей искать подножнаго корму, или пощипать вершинку молодого тальнику; а сами разгребаютъ снѣгъ, разводятъ огонь, строятъ шалашикъ, и подъ отѣлами и шубами проводятъ ночь при 40 градусныхъ морозахъ и сильныхъ вѣтрахъ. Но какъ здѣсь нѣтъ никакой дороги, кромѣ рѣки, покрытой часто преглубокимъ снѣгомъ, то бѣдныя лошади бредутъ по колено въ снѣгу, и на мѣстахъ, обнаженныхъ вѣтрами, безпрестанно падаютъ, поштому что во всемъ Ленскомъ краю совсѣмъ не знаютъ, что значитъ подковывать лошадь. Кромѣ сего, рѣка Олекма имѣетъ множество пороговъ; между камнями, отъ чрезвычайной быстроты, набивается большая гѣла, которая при наступленіи морозовъ замерзаетъ и образуетъ поныи и рухлый ледъ, не подымающій лошади; счастье путеше-

савесника, если онъ провалившись на такую льду; попадешь на нѣкое мѣсто; въ противномъ случаѣ гибель его неизбежна: рѣкая зима проходитъ безъ несчастнаго происшествія; но всѣ опасности и затрудненія не въ силахъ однакожь османишь корыстолюбія и промышленности.

Русскіе удаальцы ХѴІІ-го столѣтія, знаменитый Хабаровъ, и другіе, по сему пути пробрались до Амура, и наносили страхъ Имперіи Богдохана. Они, какъ видно изъ старинныхъ бумагъ, поднимались по Олекмѣ въ лодкахъ, бичевою, потомъ поворачивали въ рѣку Тугирь и шли оною до Тугирскаго острога, куда достигали съ устья Олекмы не раньше семи недѣль пути; здѣсь шли пѣшіе черезъ Яблонный хребетъ до рѣки Амазуръ, по которой, на вновь построенныхъ судахъ, спускались въ Амуръ. Чѣмъ заставляло ихъ сражаться съ природою и Тунгусами, переносить всѣ тяжести пути, голодь, болѣзни? Не повелѣнія Царя, не исполненіе приказаній Воеводы; нѣтъ: соболѣи и лисицы. Хабаровъ, какъ извѣстно, всю экспедицію, состоявшую изъ 150 человекъ, нитѣ на собственномъ продовольствіи и въ первое лѣто своей зафриваніи прислалъ Царю Московскому 120 сороковъ соболѣй, не считая лисицъ.

Здѣсь приличнымъ счишаю сказать тебѣ, любезный другъ; нѣсколько словъ о соболѣ. Звѣрокъ сей походитъ на кошку; обитаетъ въ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ, по горамъ; гнѣздо дѣлаетъ подъ лишайми; самка его рождастъ по два дѣтенка, но сколько разъ въ лѣто, незавѣстно, родитъ

чье дѣломъ ихъ не трогаютъ, и если-бы случилось Тунгусу найдти маленькаго соболя, онъ ни за что не возьметъ его, почитая сіе святымъ грѣхомъ. Соболь питается мышами, рыбчиками, одолаываетъ даже шестерева, если находить его на ночлегѣ, въ снѣгу; ловить бѣлку, и шкуръ золь и прожорливъ, что застрѣленную и падающую на землю съ дерева, подхватываетъ на лѣсу, на сажень отъ земли. Онъ проворенъ, быстръ и лукавъ: никакая собака не можетъ схватить соболя; когда онъ избѣжитъ на дерево, то прыгаетъ съ одного на другое, разстояніемъ сажень на пять. Естественно, что при такихъ качествахъ, онъ никому не достается въ пищу. Но Тунгусъ, Тунгусъ его непримиримый, вѣчный врагъ! Этомъ полудикій, лишь-бы попалъ на слѣды соболя, то звѣрь уже его: нѣсколько дней идетъ онъ по слѣду, ставя ловушки, или бьетъ звѣря изъ ружья, на деревѣ, куда обыкновенно загоняетъ соболя собака; и лишь чушь соболь оплошаетъ, Тунгусъ шлетъ въ него пулю изъ своей винтовки, кошорая, увы! никогда промаха не сдѣлаетъ. Шкуры убитыхъ соболей обыкновенно связываютъ по двадцати вмѣстѣ, и двѣ такихъ связки называются *сорогъхъ*. Лисичъ ловятъ луками, которыя ставятъ на тропинку, проложенную звѣремъ по снѣгу; бѣлку-же стрѣляютъ изъ винтовокъ, на деревьяхъ. Сей послѣдній звѣрокъ замѣчательнъ по своей плодовитости: самка къ осени имѣетъ уже внуковъ, и бываетъ въ семействѣ своею сама-тридцата. Олекнинская бѣлка считается лучшею, но уступается Якутской и водится обыкновенно по ке-

дровинахъ лѣсахъ. Уназную съ недра нѣшну съ орѣхами, покрывшую на нѣсколько аршинъ снѣгомъ, узнаешь бѣла обеляніемъ, и достаешь разгребая снѣгъ лопатами; ось урожая орѣковъ записашъ изобиліе бѣли. Въ хорошіе промыслы, Олекминскъ доставляешъ соболей около 40 сороковъ, асиць до 1000, бѣлки-же до 200,000.

Между жителями Олекминскаго округа существуетъ болѣзнь, или лучше скажешь, привычка, одержимые кошорою называющіеся *имерками*, ось Якутскаго слова: *Имерехъ*, что значить: *вздрагивать, бѣсноваться*. Болѣзнь сія обнаруживается тѣмъ, что если подлѣ имерика крикнушь, спукнушь, или бросишь что нибудь, имерикъ пугается, начинаешъ кричать, или бранишься, или кидаешся на людей, или дѣлаешъ шоже, ось чего онъ испугался; даже кидается на свою шѣнь, если вдругъ увидишь ее. Рассказываютъ много забавныхъ о нихъ анекдотовъ. Болѣзнь сія приспала къ Русскимъ ось Якутовъ, и свирѣпствуетъ до береговъ Ледовитаго моря. Она, кажется, требуетъ медицинскаго и психологическаго изслѣдованія.

Въ Олекмѣ занимающіеся опчаши земледѣліемъ, но не каждое лѣто родинся хлѣбъ: урожаю препятствуютъ ранніе морозы. Въ хорошіе годы, на мѣстахъ вновь распаханыхъ, ячмень родинся сямъ-сороковой. Дѣлаются опыты надъ посѣвомъ Гималайскаго ячменя, но по малому количеству присланныхъ зеренъ, производство сіе не получило еще важности.

Ось Олекмы, горы, сопровождающія Лену, на-

чинаются уклоняться отъ береговъ, но рѣка чрезвычайно расширяется: въ одной шрубѣ имѣеть иногда вершъ 6 ширины; между островами-же, кои вообще плоски и покрыты мѣлкимъ шальникомъ, кажется не рѣкою, а степью. При такой величинѣ она малорыбна: одна мелкая (бѣлая рыба) составляетъ лакомый кусокъ жителя Лены. Я мечтаю о томъ, что если-бы Лена, выйдя поворота къ Северному океану, продолжала течь на востокъ, въ Охотское море, какія-бы выгоды представляла она нашей торговлѣ! Сообщенія съ Камчаткою, нашими Американскими селеніями, Китаемъ и даже Японією получали-бы совсѣмъ другой видъ.

Н. Щ.

Якутскъ. 18 Марта
1829.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Инеса де Кастро или тайный бракъ, пантомимный Балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Пять свадѣвъ съ небольшимъ*, Воденіе въ 1-мъ дѣйствіи; *Четыре времени года*, Интермедія-диверсисманъ въ 4-хъ частяхъ (бенефисъ танцовщика и танцовщицы Г-на и Г-жи Лобановыхъ).

Мы часъ отъ часу дѣлаемся умнѣе, или по крайней мѣрѣ такъ утверждаемъ. Совсѣмъ шѣмъ, мы безпрестанно обязаны рыться въ архивахъ, пере-

блрать остатки древностей и воспоминанія о давнопрошедшемъ, для поясненія того, что дѣлается въ наше время. Отъ чего это происходитъ? Отъ того, что все новое имѣло свое начало давнымъ давно. А не знаяши начала, не можешь систематически судить о послѣдствіяхъ. Вот отрасли наукъ и художествъ имѣютъ свою родословную, и мы, для опредѣленія законности, прав, родства и отношеній каждаго изъ таковыхъ предметовъ, обязаны разбирать акты ихъ происхожденія. Дѣло идетъ о балетѣ. И такъ, да не поскучають читатели, если я разверну предъ вами генеалогію сего зрѣлища. Къ счастью, она не уходитъ до временъ основанія Рима!

Вездѣ называютъ *Новерра* изобрѣтателемъ пантомимныхъ балетовъ; но это несправедливо. У насъ въ Россіи были пантомимные балеты, гораздо прежде нежели Новерръ задумалъ разорить Германскаго Принца своими очаровательными зрѣлищами. Въ 1746-мъ году, во время бракосочетанія Великаго Князя Петра Феодоровича съ Принцессою Ангальтъ-Цербстскою, въ послѣдствіи столь прославившею въ цѣломъ свѣтѣ имя Великія Екатерины, былъ представленъ въ Зимнемъ Дворцѣ пантомимный балетъ. Содержаніе оного слѣдующее: Театръ представляетъ царство Флоры. Олицетворенная *Роза*, съ подругами своими *Амарантами* и *Ранункулами*, изъясняетъ плясками, сколь пріятно ей быть подъ покровительствомъ богини цвѣтовъ. Платья танцовщицъ были сшиты изъ матерій, такихъ цвѣтовъ, какіе онѣ должны были представлять. Но вотъ приходитъ

Борей. Подруги Розы убѣгаютъ, и пышная любимица Флоры, не въ состояніи будучи вытерпѣть присутствія неистоваго спутника грознаго Эола, упадаетъ на нѣкоего рода зелень, какъ сказано въ программѣ. Борей торжествуетъ свою побѣду танцами, выражающими его силу и неучтливую радость. И въ самомъ дѣлѣ! Можно-ли радоваться погубленію прелестнаго цвѣтка!... Борей удаляется, а Флора, узнавши о бѣдствіи, постигнувшемъ ея фаворитку, является съ Зефиромъ, который нѣжнымъ своимъ вліяніемъ оживляетъ бѣдную Розу. Флора приказываетъ Зефиру быть въ вѣчной дружбѣ съ прекраснымъ цвѣткомъ, и тѣмъ балъ кончится! Роль Борей занималъ Французскій актеръ и балетмейстеръ *Дюшольмонтъ* (Duchaultmont), а Розу представляла знаменитая того времени танцовщица и наша соотечественница *Аксинья*. Не взыщите, почтенные читатели! Вспомину театральныхъ героинь называли не по фамиліи, а просто именемъ, даннымъ при Свѣтлѣномъ крещеніи, и даже въ уменьшительномъ видѣ, на пр. *Аксюткою*. Подробное описаніе сего зрѣлища, состоявшаго изъ вышеупомянутаго балета и трехъ Французскихъ пьесъ, было напечатано въ то же время при Императорской Академіи Наукъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Новерру, танцовщику Большой Парижской Оперы, наскучило выходить на сцену въ Венеціанской маскѣ, въ огромномъ парикѣ со множествомъ кудрей; въ длинномъ шпифномъ платьѣ съ небольшими ботками и въ башмакахъ съ пряжками и большими бантами. Таковъ былъ характерный костюмъ тогдашнихъ оперныхъ тан-

позиціонъ. Вся должностъ ихъ состояла въ томъ, чтобы въ первомъ и въ послѣднемъ дѣйствіяхъ оперы, по данному сигналу капельмейстеромъ, выходить на сцену мѣрными шагами, стоять въ позিশуру, пропанцованы нѣчто въ родѣ менуэта, сдѣлаи нѣсколько пируэтовъ и одно большое антраша *à восемь или à десять*. А если случится медленно и съ граціею сдѣлаи *вытѣжное ла* (*déploiement*), состоящее въ поднятіи ноги параллельно съ горизонтомъ, или даже носка на равной высотѣ съ плечомъ, то получиши за себѣ, нынѣ столь обыкновенный подвигъ, громкія рукоплесканія и убраться за кулисы съ новопожатыми лаврами. Новерръ тогда-же написалъ краснорѣчивое и убѣдительное письмо, которое любопытные читатели могутъ найдши въ его Запискахъ, изданныхъ сорокъ лѣтъ спустя. Въ семъ письмѣ доказывалъ онъ, что кукольная комедія того времени, называвшаяся балетомъ, не исполняеиъ назначенія танцевальнаго искусства, способнаго выражать душевныя ощущенія, ибо оно естественнымъ образомъ сопряжено съ измѣненіями фізіономіи и съ выразительными шѣлоположеніями пластическаго искусства Древнихъ, въ чемъ и ссылаеиъ на Историческія преданія о Римскихъ мимикахъ. Но его вишійство не помогло, и проклятое: *такъ уже принято!* было убѣдительноѣмъ возраженіемъ балетной шруппы и дирекціи Большой Оперы. Новерръ, сколь ни былъ огорченъ сими упорствомъ своихъ товарищей, не отчаялся въ исполненіи своего предпріятія, и, по примѣру всѣхъ ошванныхъ искашелей лучшаго, отправился къ чужіи сцены, съ надеждою, что

онъ найдешь въ подлуинной такое мѣсто, гдѣ можешь привести въ дѣйствіе свое намѣреніе. Пусть его былъ не далеко. Въ Штутгартѣ, при великолѣпномъ дворѣ Курфюрста Виртембергскаго, онъ нашелъ поприще для своего генія. Предложеніе его было принято; образована многочисленная балетная шруппа; не жалѣя издержекъ, выписанъ знаменитый декорашеръ *Сервандони*, и гордый Парижъ былъ изумленъ извѣстіями объ очаровательныхъ зрѣлищахъ, представляемыхъ въ небольшомъ Германскомъ городѣ. Преданія о пышныхъ празднествахъ двора Людовика XIV-го зашивною описаніями великолѣпныхъ балетовъ Новерра. Парижъ и Версаль изумились, и славный Вестрисъ (отецъ знаменитаго танцовщика послѣдней половины 18-го столѣтія) былъ посланъ за Рейнъ, для повѣрки на мѣстѣ всѣхъ рассказываемыхъ чудесъ. Гордый Итальянецъ, съ такою увѣренностію говорившій: Во всей Европѣ только трое могутъ назваться великими людьми: Король Пруссій, Вольперъ, и я, ш. е. Вестрисъ, былъ до такой степени очарованъ новыми зрѣлищами Штутгартскаго театра, что по возвращеніи въ Парижъ, онъ объявлялъ себя ошъявленнымъ врагомъ Венеціанскихъ масокъ и большихъ париковъ, и сдѣлался ревностнымъ партизаномъ Новерра. При таковой вѣсти, всѣ Парижскія головы пришли въ волненіе и начальство надъ Королевскими забавами (*les menes plâisirs*) принуждено было выписать Новерра, который согласился на сей вызовъ тѣмъ охотнѣе, что разстроенныя финансы Германскаго Курфюршества начали препятствовать исполно-

нію новыхъ балетныхъ заштѣй. Въ 1770-мъ году, Новерръ, въ званіи балетмейстера Большой Оперы, поставилъ въ Парижѣ первый пантомимный балетъ, въ приличныхъ костюмахъ, безъ масокъ и безъ париковъ. Медея и Язонъ явились на сцену безъ словъ, къ сильной досадѣ приверженцевъ старинны и къ восхищенію многочисленныхъ партерныхъ знатоковъ, у которыхъ во время представленія пудра влетала съ голубиныхъ крылышекъ (ailes de pigeon), отъ сильного біенія въ ладоши. Новерръ восторжествовалъ! Жрецы Мельпомены, обладавшіе сопровищами Корнеля, Расина и Вольтера, возопіяли противъ такъ называемыхъ похищеній и таньбы паясуна Новерра, который осмѣливался знаменитыя произведенія трагиковъ представлять прыжками и пружками. И подлинно было за что разгнѣваться! Легкомысленные Парижане отдались въ то время гораздо внимательнѣе къ танцамъ Горація-Гарделя и Камиллы-Генель, нежели къ звучной декламациі Горація-Лекена и Камиллы-Вестрисъ! Но ни жалобы, ни интриги не помогли. Балетъ Новерра; и, почти въ то же время появившіяся оперы Глюкка и Пиччини произвели выгодную для Большой Оперы революцію. И Дворъ и публика начали исправно посѣщать сей театръ, давно уже наводившій дремоту *Классическими* операми Люлли, Рамо, Франкера, Мондовиля и другихъ композитеровъ. Торжество Новерра не ограничилось успѣхами въ одномъ Парижѣ. На знаменитѣйшихъ Европейскихъ театрахъ начали представлять его балеты, и, какъ водилось, отъ нашихъ множество последователей и подражателей, въ особенности между Итальянцами.

Если каждый отважный гений, предпринимающий введение чего либо новаго, долженъ испытать трудность борьбы съ предрасудками и встрѣчать на каждомъ шагѣ препятствія и огорченія, то и въ семъ случаѣ не льзя жаловаться на судьбу, которая, по видимому, самымъ благимъ намѣреніямъ вездѣ полагаетъ препоны и убиваетъ духъ безпрестанными неудачами. Эти самыя неудачи даютъ время созрѣть хорошей и полезной мысли, родившейся въ головѣ нововводителя, и выполнение оной проявляется уже не въ попыткахъ, нередко очень неудачныхъ, но въ полномъ блескѣ совершенства. Такъ случилось и съ Новерромъ. Онъ постигнулъ тайну древняго и потеряннаго искусства миниковъ. Онъ хотѣлъ приоровить оное къ состоянію танцевальнаго ремесла. Онъ вознамерился дать выразительный языкъ тѣлодвиженіямъ и прыжкамъ, и успѣлъ въ трудномъ, и по видимому невозможномъ предпріятіи. Въ балетахъ Новерра было такое краснорѣчіе, такая поэзія, что самыя угрюмые ненавистники свѣтскихъ забавъ, самыя глубокомысленные изыскатели тайныхъ дѣйствій природы нравственной и физической, увлекались произведеніями знаменитаго балетмейстера и находили оныя совершенно достигшими своей цѣли. Эти балеты, о коихъ нынѣ даютъ намъ понятіе очаровательныя сочиненія Дидло, соединяли въ себѣ все, что можешь называть воображеніе, съ помощію одного только чувствозрѣнія. Декорація, костюмы, выразительныя жесты, патетическія группы, а болѣе всего связь цѣлаго, приличность каждаго движенія, каждаго

Августъ 1829.

24

па, строгая расчешанность въ каждомъ положеніи артиста, дѣлали изъ сихъ балетовъ движущіе картины или лучше сказать поэмы. Новерра можно назвать Рафаэлемъ и даже Гомеромъ Хореографіи. Въ этомъ сознаются всѣ, видѣвшіе его произведенія, имъ самимъ обставленныя. Въ послѣдствіи времени балетное искусство начало уклоняться отъ блистательнаго своего назначенія, и вмѣсто нѣмой, но выразительной поэзіи, превратилось въ утомительное, однообразное гимнастическое упражненіе. У Новерра шанды и пантомима были въ той-же тѣсной связи, въ какой при игрѣ на фортепіано бывають правая и лѣвая рука. Нынѣ, пантомима состоитъ въ свободномъ растягиваніи по сценѣ и произвольномъ размахиваніи руками; шанды-же совершенно не связаны съ дѣйствіями, а вставляются въ балеты для показанія ловкости и проворства танцовщиковъ. Словомъ, балеты сдѣлались нѣмъ, чѣмъ были они прежде Новерра, хотя и въ другомъ видѣ. Тогда маски, парики и фиксы мѣшали придавать выразительность танцевальному искусству, нынѣ преляществуя сему высокіе прыжки, быстрыя движенія и чрезъ чуръ усиленное дѣйствіе ногамъ. Разсмотримъ причины сего упадка танцевальнаго искусства.

Всѣ онѣ заключаются въ необычайной степени совершенства, до коей достигли нѣкоторые танцоры. Еще во времена Новерра, юный Вестрисъ, одаренный необычайною легкостью, началъ уклоняться [отъ шаринной, степенной методы танцованія. Но отецъ его, великій Вестрисъ, какъ

онъ самъ себя называлъ (*), удерживалъ своего сына въ должныхъ предѣлахъ и не позволялъ его быстрымъ ногамъ слишкомъ *романтизировать* (виновать!). Вестрисъ, съ необычайнымъ искусствомъ въ танцахъ, соединялъ превосходную мимику. Но путь его былъ проложенъ, и за послѣдователями дѣло не стало. Послѣ двадцатилѣтняго первенства надъ рѣзвыми жрецами Терпсихоры, Вестрисъ нашелъ противника, который совершенно зашилъ его. Это былъ молодой Дюпоръ, малорослый, худощавый, съ козлиными ногами. Его высокіе прыжки, его *бисовскіе* пируэты, вскружили головы Французовъ. Они съѣзжались въ театръ для того, чтобы смотрѣть, не балетъ, а Дюпора. Со всѣмъ тѣмъ, доколѣ Парижская балетная шрүүа была въ вѣдѣніи Гарделя, балеты все таки были занимательны и танцовщики обязаны были содѣйствовать гармоніи дѣлаго (это до сихъ поръ сохранилось въ Цесербургѣ, подѣ управленіемъ не-

(*) Когда тринадцатилѣтній Вестрисъ долженъ былъ дебютировать на сценѣ Большой Оперы, то отецъ самъ вывелъ его предѣ публику, почтительно поклонился оной, и произнесъ большую рѣчь исконверканнымъ Французскимъ языкомъ, въ коей просилъ присутствующихъ обратить вниманіе на талантъ преемника его имени и славы. Окончивши привѣтствіе, онъ обратился къ сыну, и съ гордымъ видомъ сказалъ: «Теперь, сынъ мой! поддержи честь твоего *знаменитаго* происхожденія!!» Молодой Вестрисъ былъ незаконнорожденный сынъ танцовщицы Алларъ (Allard).

подражаемаго Дидло). Но когда Гардель, по причинѣ старости, удаленъ отъ театра, прыгнулъ Поль совершенно перемѣнилъ шанцевальное искусство. Прыжки, похожіе на *saltomortali* Италіянскихъ фигляровъ, замѣнили прежнюю ловкость и грацію, а съ ними пропала и мимика. Теперь пусть радаясь сами члшатели, возможно-ли, чтобы танцовщикъ, послѣ утомительнаго на, составленнаго изъ скачковъ, требующихъ силы аплеша, танцовщикъ, кошорый едва переводитъ духъ отъ усталости и безпрестанно обязанъ утирашь потъ, ающійся градомъ съ лица, могъ выражать что либо фizioномією и жестами? Пантомима требуетъ такого-же изученія, какъ и словесная роль. Но когда-же актеръ балетной труппы занявшись эшимъ изученіемъ, если онъ, для одного механическаго исполненія своего искусства, обязанъ каждый день выламывать свои члены, коверкаться предъ зеркаломъ какъ пруженикъ кающійся, и, послѣ сего приготовленія, отдыхать, лежа неподвижно? Ошъ эсихъ насильныхъ работъ, балетшы сдѣлались такъ единообразны, что кто видѣлъ два или три произведенія сего рода, можешь имѣть понятіе о всѣхъ другихъ. Умѣренность во всемъ необходима. Излишнее напряженіе силъ физическихъ и умственныхъ естественнымъ образомъ истощаетъ оныя и утомляетъ, какъ работника, такъ и того, кто желаетъ насладиться сею работою. Въ Парижѣ видѣлъ я двухъ знаменитыхъ танцовщицъ: Гардель и Клозиядь. Одной было въ то время болѣе, а другой около сорока лѣтъ. Обѣ танцовали съ такою легкостью и съ такою пріятностью, что въ

глазахъ паршеровыхъ шарожналовъ онѣ казались не-
спаряющими и вѣчно-юными. Посмотримъ, на
долго-ли станешь искусства нашихъ танцорокъ!...

Нынѣ, Московскіе балеты, по искусству нашей
шруппы, по великолѣпію декорацій и костюмовъ,
и по удобности обширной сцены здѣшняго театра,
могутъ удовлетворять прребованіямъ самаго взы-
скательнаго хореографа. Но любитель сценическа-
го искусства не долго будешь восхищаться ими
зрѣлищами. Ему извѣстно, что услажденіе каждо-
го чувства можешь дѣйствовать на душу. Но
чѣмъ-же услаждается его зрѣніе, когда онъ смо-
трѣтъ на наши балеты? Онъ подивится провор-
ству и силѣ танцующихъ: вошь и все! Я видѣлъ
знаменитѣйшіе балеты Европейскихъ театровъ, и
скажу откровенно, что въ моихъ глазахъ, недавно
представленныя здѣсь арлекинады Кіариніевой
шруппы имѣють гораздо болѣе живости, дѣй-
ствія, занимательности и разнообразія, нежели
упомянутые наши *grands ballets pantomimes*. Пусть
зовутъ меня варваромъ! А я, въ подтвержденіе
сказаннаго мною, имѣю честь донести, что въ
упомянутыхъ арлекинскихъ фарсахъ исполнялась
нѣкошорымъ образомъ цѣль пантомимы, между
тѣмъ какъ въ новѣйшихъ балетахъ все принесено
въ жертву пирушкамъ, *brisés, ronds de jambes en
l'air*, и прочимъ хитрослѣзіямъ. Dixi (*).

(*) Я увѣренъ, что образованные читатели пой-
мутъ меня и догадаются, что я не подвергаю сему
осужденію такіе балеты, каковы: Зефиръ и Флора,

Балетъ: Инеса де Кастро, былъ представленъ въ первый разъ, если не въ самой Москвѣ, то въ близкомъ разстояніи отъ оной, въ Кусковѣ, 1-го Августа 1790-го года, во время празднества, даннаго покойнымъ Графомъ Петромъ Борисовичемъ Шеремешевымъ. Въ ономъ участвовала собственная шруппа вельможи, подъ надзоромъ самого композитера. Не бывши свидѣтелями сего зрѣлища, не можемъ утверждать, похоже-ли было оное на то, о коемъ нынѣ уведомляемъ публику. Записки того времени гласящъ, что балетъ былъ очаровашеленъ. Можеть быть! Только мы, люди повѣйшаго поколѣнія, не нашли ничего очаровательнаго въ семъ произведеніи *Конціанн*, вновь поставленномъ Г. *Глушковскимъ*. — Знаменитый Новерръ (на котораго все таки должно ссылаться) говоритъ, что балетмейстеръ сочиняетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ сочинять, не въ кабинетѣ, не на бумагѣ, а на сценѣ; что воображеніе его воспаляется по мѣрѣ видимаго дѣйствія; что мысли его рождаются при каждомъ движеніи подвластныхъ ему танцовщиковъ, и нако-

Калифъ Багдадскій, Рауль де Креки, Венгерская хижина (хотя и въ жалкомъ видѣ обставленная), Полифемъ, и... еще не припомню, да и припоминаю нечего. Сіи произведенія, въ полномъ смыслѣ, дѣлаютъ честь ихъ сочинителямъ и доставляютъ истинное удовольствіе зрителямъ занимательностью содержанія и искусными картинами. Всѣмъ прочимъ балетамъ можно было-бы дать чистую отставку, послѣ третьяго представленія.

нѣтъ, что дознанныя способности и искусство каждаго изъ нихъ бываютъ источниками тысячъ прекрасныхъ явленій, о коихъ самъ авторъ не помышлялъ наединѣ. Да позволено будетъ намъ въ семъ случаѣ слѣпо вѣрить Новерру и знаменитому его ученику Дидло! У насъ въ Москвѣ, самый неутомимый пославщикъ сужилъ балетовъ есть Г. Глушковскій. Какъ только наступитъ время его бенефиса, грядишь... гошова какое нибудь новое произведеніе Дидло, выставленіе въ такомъ видѣ, что всѣ знакомые съ сочиненіями знаменитаго балетмейстера пожимають плечами, подобно чапашедамъ, вздыхающимъ надъ плохими переводами извѣстныхъ имъ подлинниковъ. Мы не можемъ сказать ушвердительно, хорошъ-ли балетъ Инеса де Кашро въ настоящемъ видѣ, но смѣло говоримъ, что зрѣлище, подъ симъ названіемъ выставленное Г. Глушковскимъ, заставитъ всякаго звать. Ни искусство нашей балетной труппы, ни прекрасная игра Г-жи Гюлень, ни ловкость Г. Ришарда, ни великолѣпныя (хотя и устарѣвшія) декораціи Г. Брауна, ничто не выкупаетъ скуки, наносимой балетомъ безъ связи, наполненнымъ самыми смѣшными несообразностями. Такъ напримѣръ, когда народъ, въ присушствіи Короля и Королевы, торжествуетъ возвращеніе Донъ Педро, ихъ Величества приказываютъ наследнику престола пропѣвать съ будущею невестою на площади! Каждый изъ зрѣтелей пожалѣетъ о бѣдномъ Принцѣ, который послѣ походовъ и военныхъ подвиговъ долженъ пѣшишь народъ прыжками. Въ хорошихъ балетахъ этого не бываетъ. Въ нихъ танцы принад-

лежатъ къ дѣйствию; а въ вышеупомянутомъ балетѣ, пляска Г. Ришарда съ Г-жамъ Гюлленъ и Ворониной-Ивановой, была аставаена ошъ нечего дѣлать. — Еще одно замѣчаніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ ошзачтѣйшихъ танцовщицъ, многочисленная толпа Московскихъ жрицъ Терсихоры являеца на сцену и танцуетъ съ такими фазіономіями, которыя напоминають ушруденныхъ рабочихъ на фабрикахъ. Это шѣмъ досаднѣе, что большая часть изъ нихъ очень хороши собою. Неужели шакъ шрудно придашь веселость и выразительность лицу, въ продолженіе искусной работы ногами? Этимъ утѣшаемъ, приличнымъ и свойственнымъ прекрасному полу, не пренебрегають танцовщицы другихъ театровъ. Кто бывалъ, не только въ чужихъ краяхъ, но хотя въ Петербургѣ, шомъ подтвердитъ вышесказанное.

Водевиль, *Пять свидѣль съ небольшимъ*, можно назвать очень пріятною бездѣлкою, которая, правда не уступаетъ многимъ иноземнымъ произведеніямъ сего рода. Содержаніе оной слѣдующее: Пятеро молодцовъ влюблены въ такое-же число воспитанницъ пансіона, заведываемаго строгимъ и бойкою надзирательницею. Въ числѣ оныхъ красавицъ находишся нишомница Губернатора, а въ числѣ любовниковъ оныхъ Его Превосходительства. По прообѣ начальницы, Губернаторъ, въ усилженіе любовныхъ казусовъ, могущихъ произойти въ загородномъ пансіонѣ, обязываетъ прислать караулъ, состоящій изъ шести инвалидовъ. Какъ водилося, любовники узнали объ этомъ, караулъ пріишелъ, и мадамъ-начальница, успокоенная на

счесть безопасности своего заведенія, уѣхала въ городъ, съ дорогимъ супругомъ, образцемъ смирныхъ мужей. Молодые волокиты не замедлили познакомиться съ преклонными воинами и предлагали имъ выпить вина, что, по обыкновенію, и было принято съ удовольствіемъ. Полуразвалившаяся караульня содѣлалась мѣстомъ дружеской попойки. Вина принесено вдоволь, и ветераны, по старости лѣтъ, охмѣляли прежде бойкихъ молодцовъ, болѣе упоенныхъ любовною спрасью. Но эта самая спрась возобновилась въ одномъ изъ пресмартыхъ воиновъ, который, оставшись на часахъ, вспоминалъ, что онъ уже тридцать лѣтъ влюбленъ въ экономку пансіона. Увидшая Дульцинея также замѣтила своего вздыхателя, и оставивши вѣреннаго ея надзору дѣвицъ, пришла на свиданіе съ своимъ обожателемъ. Между тѣмъ молодцы, перепоявши весь караулъ и убѣдивши солдатъ снять мундиръ, по причинѣ жару, вышли изъ караульни и зашли въ тихихъ переговорахъ двухъ обвѣшталыхъ любовниковъ. Само собою разумѣется, что это послужило удачнымъ средствомъ къ исполненію интриги. Дѣвицъ увезли. Начальница пансіона, по возвращеніи изъ города надѣлала шуму. Притѣхавшій вслѣдъ за нею Губернаторъ былъ привѣтствованъ пьянымъ карауломъ, безъ мундировъ. За бѣглецами послали погоню, и... кончилось тѣмъ-же, чѣмъ и всѣ пьесы. Начальница убѣдилась въ шой истинѣ, что воспитанницъ, однажды увезенныхъ, не годится держать въ пансіонѣ, а Губернаторъ согласился съ тѣмъ, что свадьба необходима въ концѣ водевиля. Эта шушка давно уже

сочинена Г. Малышевымъ, режиссёромъ здѣшняго театра. Только должно признаться, что онъ не исполнилъ своей обязанности на счетъ обещанной пьесы, которая была разыграна очень плохо. Господа любовники и Госпожи любовницы не знали своихъ ролей (вѣроятно отъ сильной страсти) и часто играли въ молчанку, не обращая вниманія на усилія суфлера. Ошдадимъ по крайней мѣрѣ справедливость Г-жѣ Кавалеровой, которая мастерски сыграла небольшую роль начальницы пансіона. Г-нъ Живокини также былъ очень хорошъ въ сценѣ любовнаго свиданія съ шарою экономкою (Г-жею Кураевою). Жаль очень, что онъ много прибавлялъ своего, и не впопадъ. Желательно, чтобы хорошіе актеры дополняли иногда мысли Автора, какъ и дѣлаетъ не рѣдко Г. Щепкинъ, но это желаніе относится только къ ошаченымъ и опытнымъ артистамъ.

Интермедія-водевиль: *Четыре времени года*, такъ утомительна, что мы не наѣрены даже утомлять читателя извѣстіемъ объ оной.

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

Извѣстіе изъ губернскаго города.

Наконецъ, любезный Живописецъ, нашъ городъ перестанетъ завидовать другимъ городамъ, ибо среди его, вчерашній день, торжественно открыто пристанище страждущему человечеству, великолѣпный храмъ богини Гигеи и богу Эскулапу, или, говоря не въ Греческомъ духѣ, огромная больница, зданіе величественное, дѣлающее честь зодчему, основателю и попечителямъ. Вы знаете, что здѣшній купецъ Добряковъ оставилъ по духовной полмиліона рублей на устройство благотворительныхъ заведеній. Душеприкащиками его были назначены: купецъ *Полоротовъ*, Коллежскій Секретарь *Прибиорохинъ* и помѣщикъ *Щелконѣровъ*. Правду намъ сказать, первый душеприкащикъ простоватъ, другой плушаватъ, а третій такой охотникъ, что его почти никогда не найдешь въ городъ: все пор-

скаешь съ собаками, и даже со сна крикнуть: *ату его; ату его!* Но Добряковъ говорилъ, что онъ на нихъ полагается, ибо Полоротовъ глупъ, но добръ; Прибирохинъ плутъ, но уменъ; Щелкоперовъ пусть, но честенъ. «Я соединю,» говорилъ Добряковъ, «доброту, умъ и честность.» Такъ онъ думалъ, а вышло не такъ, и оказалось, что онъ упрягалъ въ одинъ возъ щуку, рака и лебедя. Съ перваго совѣта душеприкащиковъ начались разнорѣчія, и вотъ что было къ нимъ поводомъ. Въ бумагахъ Добрякова нашаи письмо, въ которомъ говоритъ онъ такъ:

«Хочу, чтобы деньги мои шли точно на пользу человечества, и потому прошу, чтобы какъ можно менѣе было блеска и пышности, и какъ можно болѣе пользы. Постройте зданіе въ одинъ этажъ, простое, прочное, въ удаленномъ мѣстѣ города; устройте въ немъ болѣе кроватей, менѣе корридоровъ и залъ. Торжественной злам чтобы ни одной не было. Учредите, чтобы кромѣ больницы, всегда бѣдному были тутъ раздаваемы чашка щей, кусокъ хлѣба и кружка квасу. Мнѣ памятника не воздвигайте, ибо слеза спасеннаго отъ смерти, и улыбка накормленнаго бѣдняка будутъ для моего пріята памятникомъ, болѣе пріятнымъ, нежели гробница мраморная,» и проч., и проч.

Согласитесь, мой милый, что это достойно XV-го вѣка, а не нашего? Чтѣ за грубая простота, чтѣ за мужицкія мысли! Полоротовъ было и заспорилъ, но его переспорили, ибо: 1-е, если Добряковъ хотѣлъ дѣлать по своему, то зачѣмъ онъ не дѣлалъ при себѣ? 2-е, письмо не засмѣ-

шестьдесятилетнее — простая бумага, а въ духовной, о томъ, какъ распорядиться, нѣтъ ни словечка. Споръ тянулся три года, а между тѣмъ, обеспечить пятью домами, двумя садами и другимъ имѣньемъ, нажитымъ во время 20-ти лѣтъ бывшности Секретаремъ Гражданской Палаты, Прибытковъ держалъ капиталъ у себя. Наконецъ согласился: уничтожить распоряженіе завѣщателя, и устроить все сообразно нынѣшнему просвѣщенію и образованности. Положено:

1-е, Построить домъ, достойный величія губернскаго нашего города, и на немъ надписать: *Больница для страждущихъ собратій, устроенная благотворительнымъ гражданкомъ Добряковымъ.*

2-е, Поставить ему мраморный обелискъ передъ домомъ, съ надписью, и съ слѣдующими стихами, которые сочинилъ Учитель Поэзіи въ здѣшней Гимназіи, Г-нь Рафмопласовъ:

«Говарда Русскихъ странъ сей памятникъ напоминаетъ,

«Который въ семъ зданіи себя весьма являетъ;

«Смотри, что Россія всегда способна произвести —
«Отъ славы приобрѣлъ и согражданамъ честь!»

3-е, Учредить Директора, Правленіе больницы и нанимать медиковъ, всего однакожь не болѣе 25 человекъ.

4-е, Учредить аптеку и гостиницу, гдѣ бѣдный можешь приходишь и обѣдать, получивъ сперва билетъ отъ Директора, и принеся свидѣтельство Частнаго Пристава, что онъ точно дома лица не имѣетъ.

5-е, Каждогодно праздновать память основанія

торжественнымъ собраніемъ , для чего устроить приличную залу , а для угощенія поѣвшихъ опредѣлить постоянную сумму.

Послѣ сего Прибирохинъ продалъ подъ больницу свой старый домъ на городской площади , съ большимъ мѣстомъ , и душеприкащики завялисъ сочиненіемъ плана. Прежде всего приступили къ размѣру сада , который долженъ былъ при больницѣ. Садъ устроенъ обширный и прекрасный , и въ немъ теперь всегда лучшее гулянье для дубавки ; больныхъ же шуда пускающъ въ извѣстные дни и часы. Потомъ въ бель-этажѣ отдѣлены комнаты для Директора , Совѣтника , консултантовъ , медиковъ , лекарей , подлекарей и присутствія ; въ нижнемъ , для аптеки , провизора , его помощника , гезелей , фержеловъ , маленькаго кабинета Естественной Исторіи и Анатоміи , и обширная зала для торжественныхъ собраній. Въ верхнемъ этажѣ комнаты для сторожей , для кладовыхъ. И такимъ образомъ , въ главномъ корпусѣ могли удрать мѣсто только для десяти кроватей , и то въ верхнемъ этажѣ. Надобно было еще устроить кухню для приходящихъ бѣдныхъ и залу для ихъ собранія ; кухню , сарай , конюшни и погреба для чиновниковъ ; кухню , прачечную , сушильную , казальную , рекреационную залу для больныхъ , гробовую , и проч. и проч. , почему и положили : выстроить еще два боковыя флангеля , а между нимъ и главнымъ корпусомъ устроить фойшанъ , представляющій богиню Здравіа , у которой изъ чаши бьетъ свѣзлая , чистая вода въ каменный бассейнъ.

Не правда-ли , что планъ былъ сдѣланъ прекрас-

ный, и хотя говорятъ, что Прибирохинъ и архисекторъ нажились шумъ, но вчера, послѣ торжественнаго открытія, я осмотрѣлъ все, и изумился: какъ все чисто, великолѣпно, хорошо! Живые докторамъ, чиновникамъ, аптекарямъ и всѣмъ другимъ помѣщеннымъ въ домъ, превосходное. Комнаты для больныхъ предестинны. Флигеля, правда, темны и сыры, но за то погреба, конюшни и прачечныя удивительны; въ аптекѣ сѣянки блестящъ золотомъ, и уже всѣдесять кроватей заняты: трое крестьянъ Щелкопѣрова, изувѣченные на садкѣ; слуга Прокурора; двое больныхъ сухощюю слугъ Прибирохина, и затвердо мѣщанъ и цеховыхъ, изувѣченныхъ въ дракѣ съ винопродавцомъ, лежатъ и лечатся. Боле нѣкуда помѣстившъ.

Разсчесть Добрякова былъ шакой: 100,000 употребить на устройство дома; съ 400 тысячъ процентовъ 20,000 рублей, съ промѣномъ 21,600 руб.; на кормленіе бѣдныхъ употребляютъ ежедневно, считая по 25 коп. на человѣка, и щого на 100 человѣкъ ежедневно 25 рублей, въ годъ 9,125 рублей, а 12,500 рублей ему казались достаточны на 100, 150 и—даже 200 человѣкъ больныхъ, круглымъ числомъ.

Теперь содержишся, какъ я вамъ сказала, 10-ть больныхъ, а кормленіе бѣдныхъ еще не начиналось, ибо—денегъ нѣтъ: осталось 100,000 рублей; куда же повернуть ихъ? Хорошо еще, что большая часть врачей, изъ благородной ревности ко благу человѣчества, жалованья не требуютъ и довольствующая только квартирою, дровами и свѣчами. Аптекарь-же, Нѣмецъ Шулерманъ, удивилъ всѣхъ:

онъ просилъ только помѣстить его аптеку въ больницу, ш. с. дать ему аптеку съ ея заведеніемъ и квартиру, для продажи меднакаменцовъ, а онъ не требуя ни свѣтъ, ни дровъ, будетъ еще даромъ отпускать сколько ни потребуется для больницы лекарствъ. Послѣ этого говорише, что нѣтъ изъ свѣтъ добрыхъ людей. При торжественномъ открытіи больницы была подписка въ пользу бѣдныхъ; собрано 598 рублей, и многіе жертвовали весьма щедро. Купецъ Толстосумовъ подписалъ 50 рублей; Вице-Губернаторъ 25 рублей; Стряпчій даже 10 рублей.— Угощеніе посѣщителей стоило до 700 рублей.

Вѣрный списокъ съ записки, поданной Столнотальникомъ Цапкинымъ Стряпчему Неглаголору, о дѣлѣ купца Шилотычкина съ Коллежскимъ Регистраторомъ Прижимаевымъ, при посылкѣ дѣла (*).

Въ 1798-мъ году, Іюня 7-го дня, поданнымъ въ Н. Н. Градскую Полицію, съ приложеніемъ подписанныхъ докуменцовъ, Коллежскій Регистраторъ Прижимаевъ, съ довѣренностію подать прошеніе Коллежскому Секретарю Ивану Пафнушьеву, изъ Елашомскаго купца Сидора Шилотычкина, прошеніемъ принесъ жалобу о учиненіи побой и обиды

(*) Предлагаемъ сію записку, какъ образецъ юридическаго слога, которымъ должны писать многіе приказные люди. Ж.

онимъ Шилопыткинымъ ему Прижимасву, и съ шѣмъ
мѣстѣ о пристрасдномъ рѣшеніи онаго-же города
N. N. Частнаго Пристава Бѣсодурова, съ учте-
ніемъ его въ родственной связи съ онимъ Шило-
пыткинымъ, каковая связь и хаббосоальство побу-
дили яко-бы рѣченнаго Бѣсодурова, при упомяну-
токъ побитіи, кулакомъ и камышевою натураль-
ною палкою, при личномъ бытіи онаго города N.
N. узда, Семирѣчной волости, деревни Пустовой
крестьянина Филиппа Демьянова сына Кукушкина и
N. N. Узднаго Суда Регистратора Подсказова,
бѣіе и удареніе видѣвшихъ, о чемъ взятыми за-
конными показаніями, утвердитъ побитіе рѣченна-
го Прижимасва часто упоминаемымъ Шилопытки-
нымъ, онѣй Бѣсодуровъ отрекся, и по поданному
Прижимасва прошенію и взятію со свидѣтелей опи-
сана, относительно упомянутой уголовной ссоры
и побитіи палкою и кулакомъ, онаго Шилопытки-
на объясненіе, препровожденное въ N. N. Градскую
Полицію не только о побитіи упомянушаго При-
жимасва, но и о побитіи въ означенное Юня 7-го
дня время въ городѣ N. N., казавша сомнѣніе, ко-
гда дѣло съ выписками документовъ, и съ прило-
женіемъ вырванныхъ Шилопыткинымъ у Прижимас-
ва, завернутыхъ въ особую бумажку и утвержденныхъ
печалями волосъ, всего 1219 нумерованныхъ
пословъ и волосъ, по принятіи оныхъ, по подан-
ному прошенію въ высшей инстанціи, за сгораніе
въ по случаю пожара изъ онаго дѣла 486-ти ли-
стовъ, остальные при семъ представляюща и съ
спаскою препровождающа.

Августъ 1829.

25

ЛИТТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Съ удовольствіемъ отъзывимъ извѣстить публику, что, извѣстный своими прекрасными переводами, Г-нъ де Шамплетъ, занимается переводомъ послѣдняго и слѣдственно новѣйшаго романа В. Скотта: *Карлъ Смѣлый, Герцогъ Бургундскій, или Анна Геймтвейнская*. Г-нъ де Шамплетъ переводитъ сей романъ съ Англійскаго языка: это, разумѣется, придастъ новое достоинство его труду, ибо велика разница передавать на свой языкъ Англіиское произведеніе съ оригинала, или съ перевода Французскаго. Въ послѣднемъ случаѣ, переводчикъ самъ искусный невольно увлекается выраженіями Французскими, и слогъ его теряетъ характеръ слогъ автора; напротивъ при переводѣ съ подлиннаго, въ слогъ остается вся выразительность и свѣжесть оригинальнаго автора. Разумѣется, при этомъ главное условіе для переводчика, хорошій слогъ: но Г-нъ де Шамплетъ, многими своими переводами доказавъ, что онъ весьма хорошо владѣетъ языкомъ. Мы штемъ болѣе рады сему новому труду Г-на де Шамплета, что онъ избавляетъ насъ отъ грустной мысли о дюжинномъ переводѣ съ Французскаго, на который, вѣроятно, рѣшился-бы какой нибудь задорный писакъ, и тогда новое произведеніе В. Скотта было-бы изуродовано для Русскихъ читателей. Но теперь, конечно не осмѣляясь на сдѣлать подвигъ даже потому, что, кто ставитъ покупать плохой переводъ, когда мы будемъ читать безъ сомнѣнія прекрасный, переводъ Г-на де Шамплета, долженствующій вскорѣ выйти въ свѣтъ.

Подписка принимается въ Москвѣ у А. С. Шарьева, въ Университетской книжной лавкѣ, въ С. Петербургѣ у А. Ф. Смирдина, въ книжномъ магазинѣ у Сняго моста. Цѣна за 5 частей сего перевода, съ портретомъ В. Скопца, 15 рублей; съ пересылкою во всѣ города 18 рублей. Гг. подписавшіеся получаютъ свои экземпляры на лучшей вѣселеновой бумагѣ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Sans exagérer, les deux tiers des femmes que l'on rencontre dans les promenades, portent des capotes de tissu de paille qui leur cachent les joues et ont une saillie de près de six pouces.

On a coutume de mettre deux longues plumes blanches sur les chapeaux de paille d'Italie, et de les fixer au bas de la forme, à droite, par une rosette de ruban de satin blanc. Nous avons vu un large velours noir entourer la forme d'un chapeau de paille d'Italie, et une boucle d'or attacher à gauche, une rosette sans bouts. Sous la passe étaient: un bandeau, des rosettes et des brides de velours noir.

On commence à porter des voiles avec les capotes à l'Anglaise: il y en a de blonde noire, de blonde blanche et de

(*) До 15-го Августа (н. ст.) 1829.

mousseline brodée ; les jeunes personnes les portent en gaze ou en mousseline unie.

Nous avons vu du jasmin et des roses sur quelques chapeaux de crêpe crépé. Ces fleurs étaient réunies en bouquet au haut de la forme à droite.

Les capotes à l'anglaise, en paille lisse, ont pour rivaux des capotes de gros de Naples, de moire ou de gourgouran, blanc, bleu, rose, lilas ou vert.

La manière la plus générale de garnir un chapeau de paille d'Italie, est de placer sur le devant de la forme, cinq larges plumes blanches : deux en bas, deux un peu plus haut, et la troisième un peu au-dessus. Ici, l'occasion se présente de faire remarquer que la mode des marabouts, si longtemps recherchés, est passée.

Beaucoup d'élégantes et même quelques jeunes personnes portent des brides garnies en tulle ou en blonde.

A la première représentation de *Guillaume Tell*, les chapeaux les plus remarquables étaient ceux de paille de riz, ornés d'une longue branche de jussieu ou d'une branche de mauve.

Sur plusieurs coiffures en cheveux, des roses s'élevaient au-dessus des boucles.

Les robes sont, comme à l'ordinaire, très-courtes, et froncées tout autour de la taille.

Pour faire voir que leur robe a une poche, beaucoup d'élégantes laissent dépasser leur mouchoir.

Les manches excessivement larges (tout le monde en sait le nom) pendent jusques sur les hanches: du haut, il y en a de plissées à plis plats et réguliers.

Les robes blanches, très-décolletées des épaules surtout, que les femmes à la mode portent aux réunions du soir, dans les salons, à la campagne, ont, outre la frange de rigueur fixée à la hauteur des genoux, une autre frange tout autour de l'échancrure du corsage.

Le collet des habits monte si haut par derrière qu'il oblige à mettre le chapeau sur le devant de la tête.

En toilette, quelques beaux-fils ont des cravates de satin blanc.

Головные уборы. Можно сказать безъ увеличенія, что двѣ претти дамъ, встрѣчающихся на прогулкахъ, носятъ шляпки-капшмы изъ соломенной ткани, закрывающія у нихъ щеки, и выдающіяся впередъ почти на шесть дюймовъ.

На Итальянскихъ соломенныхъ шляпкахъ обыкновенно бывають два длинныя бѣлыя пера: нѣхъ укрѣпляютъ внизу тульи, на правой сторонѣ, розеткою изъ бѣлой атласной ленты. Замѣтили одну Итальянскую соломенную шляпку, у которой тулья была окружена широкою вырѣзкою изъ чернаго бархата, а на лѣвой сторонѣ ея прикрѣплена золотомъ пряжкою розетка безъ кончиковъ. Внизу

полей сей шляпки были розетки, банты и черныя бархатныя завязки.

Съ *Англійскими* шляпками-капюшми начинают носить вуали, блондовые черныя, блондовые былые или изъ шипшот кисеи. Вуали молодыхъ особъ бываютъ газовыя или изъ гладкой кисеи.

На нѣкоторыхъ шляпкахъ изъ крепъ-крепе зашпиги жасмины и розы, букетомъ, вверху шуль, на правой сторонѣ.

Англійскія шляпки-капюшмы, гладкія соломенныя, соперничаютъ съ шляпками-капюшми изъ гроденапля, волнистой матеріи, или изъ гургурана, цвѣтшова бѣлаго, голубаго, розоваго, лиловаго, или зеленаго.

Самая употребительная уборка соломенной Итальянской шляпы состоитъ въ слѣдующемъ: пять большихъ бѣлыхъ перьевъ на переди шуль, расположенныя такимъ образомъ, что два изъ нихъ въ низу, два немного повыше и одно еще повыше. Здѣсь ксташи замѣтить, что мода на марабу, столь долго бывшій въ употребленіи, прошла.

Многія щеголихи, и даже нѣкоторыя молодыя особы, носятъ завязки у шляпокъ, украшенныя жемчужинами, или блондами.

Въ театрѣ, при первомъ представленіи новой Россиніевой оперы *Вильгельмъ Тель*, самыя замѣтныя шляпки были соломенныя бѣлыя, украшенныя длинною вѣткою ночной фіалки или вѣткою проскурника. — На многихъ просмѣловыхъ уборкахъ видны были надъ бровями розы.

Платья и разные моды. Платья, по обыкновению, чрезвычайно коротки и со складками вокруг талии. Многія щеголихи, желая показать что у моднаго платья ихъ есть карманъ, выставляють изъ него платокъ.

Безмѣрно широкіе рукава (всѣ знаютъ ихъ названіе — прибавляетъ Французскій Журналистъ, въ рояшно совѣщаясь сказать: *duracière* рукава, à l'imbécille, какъ вообще называютъ ихъ въ Парижѣ) простираются ниже пояса; на верху ихъ складки, плоскія и правильныя.

Бѣлыя платья, чрезвычайно открытыя, особенно около плечъ, и надѣваемые для вытздовъ на вечера, въ гости и за городомъ, бывають убраны, кромѣ необходимой бахромки напрошивъ колѣнъ, также бахромкою вокругъ сгиба корсажа.

Мужскія моды. Воронникъ фраковъ дѣлають сзади столь высоко, что онъ заставляеть надѣвать шляпу на переднюю часть головы. — Нѣкоторые щеголи надѣвають, въ нарядѣ, галстуки изъ бѣлаго атласа.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Шляпка—капотъ, у которой поля газдикіа соломенные, а тулья гроденаплевая. Платье изъ гроденапла.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечаташи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Августа 16 дня 1829 года.

Цензоръ *Сергей Глинка*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 15. Августъ 1829.

О ВЗАИМНОМЪ ДѢЙСТВІИ

МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ОКИСЛОВЪ (*).

(Продолженіе).

Извѣстны также соединенія окисла титана и желѣза: таковъ *желѣзистый титаніатъ*, или *пегритъ*, который находится въ видѣ малыхъ кристалловъ или зеренъ въ пескахъ, происходящихъ отъ разрушенія разнаго рода скалъ; таковъ *кремнистый титаніатъ* *известный сфенъ*, коего одно названіе намекаетъ уже на составъ изъ кремня, окисла титана и окисла кальція. Окислъ хроміа встрѣчается также въ соединеніи съ окисломъ желѣза; въ этомъ именно состояніи находится онъ въ веществѣ, на-

(*) Въ началѣ сей статьи, помѣщенномъ въ 14 № М. Телеграфа, вездѣ, гдѣ напечатано *окисль*, должно читать *окислъ*. Прим. Изд.

зывается минералогамъ *хроматическое* желѣзо, которое, кажется, принадлежитъ магне-
рикамъ евопиды, гдѣ оны образуются почками,
жилами, болѣе или менѣе значительными, сре-
ди *эмбевика*, и проч.

- Натуральные кремни чрезвычайно многочислен-
ны, и мы укажемъ только на нѣкоторые; же-
лающіе видѣть подробное ихъ описаніе, могутъ
прочесть другія сочиненія, до Минералогіи каса-
ющіеся, гдѣ преимущественно разсматривается
химическій составъ минераловъ. (*Смотри Бѣда-
на: Cours élémentaire de Minéralogie; и Бер-
целія: Nouveau système.*)

1-е. *Цирконъ* или *гіациннъ*, какъ называютъ
его ювелиры, коего положеніе въ землѣ мы озву-
чили выше, есть соединеніе кремнистаго окисла
съ окисломъ цирконіа въ пропорціи 31 части
перваго и 66 втораго, по разысканіямъ Г. Во-
келена.

2-е. *Изумрудъ*, славный своимъ прекра-
снымъ зеленымъ цвѣтомъ, есть соединеніе квас-
цовогаго кремня съ кремнемъ слабой земли или
глюцины въ пропорціи около 52 частей перваго
и 48 втораго. Квасцовый кремень, входящій
въ сей составъ, самъ состоитъ изъ 35 частей
квасцовъ на 65 частей кремня, а кремень глю-
цины изъ 74 части кремнистой земли и 29 ча-
стей глюцины. По этому, въ каждомъ изъ оки-

словъ , входящихъ въ составъ изумруда , найденны слѣдующія пропорціи , какъ мы уже сказали въ одномъ мѣстѣ :

Кремнистая земля 68.

Квасцы 48.

Глюцина 14.

100.

Это вещество , равно какъ и аква-марина , которая составляетъ только видъ онаго , въ особенностіи принадлежитъ хранилищамъ графическаго граница ; такъ встрѣчаютъ оное разсыпанными кристаллами въ Шанселубъ , близъ Лиможа , въ Марманъ близъ Огюна , въ Наншъ , въ Фимбо и Бродбо въ Швеціи , въ Сибири , въ Коннектикутѣ въ Сѣверной Америкѣ , и проч. ; рудники глимера или слюды и вообще скалы , къ сему разряду относящіяся , также содержатъ оное , на примѣръ въ Забарѣ въ верхнемъ Египтѣ , и въ Зальцбургѣ. Прекрасный Перуанскій изумрудъ , кажется , гораздо новѣе.

3-е. Восточный или Сирійскій гранатъ , известный своимъ изящнымъ краснымъ цвѣтомъ , есть соединеніе квасцоваго и желѣзистаго кремней , въ которомъ часто , впрочемъ случайно , встрѣчается примѣсь постороннихъ веществъ. Первый изъ сихъ кремней входитъ 39-ю частями на 100 въ гранатъ и состоитъ изъ 52 частей квасцовъ и 48 кремнистой земли. Количество втораго—

16*

61; онъ состоишь изъ 34 части кремнистой земли и 69 желѣзнаго закисла; изъ чего слѣдуетъ, что воспожрый гранатъ существенно заключаетъ въ себѣ:

Кремнистой земли	38.
Квасцовъ	20.
Желѣзнаго закисла	42.
	100.

Этотъ родъ камней преимущественно находився въ Богеміи, (въ разсѣлинахъ) спекляннстыхъ скалъ, коихъ происхожденіе еще весьма загаочно.

4-е. Ультра-маринный лазулитъ. Этотъ камень не только замѣчательнъ по своему прекрасному лазоревому голубому цвѣту, но еще и свойствомъ превращаясь въ эмаль сѣрую или бѣлую на огнѣ пальной трубки, теряя цвѣтъ, когда подвергаютъ его вліянію сильныхъ кислотъ, и выѣстъ съ ними составляя растворъ весьма густой (*).

Гг. Клеманъ и Дезоръ, разсѣпривавшіе сей камень, извлекли на 100 частей, 34 части кремнистой земли, 33 квасцовъ, 3 сѣры и 22 соди

(*) Этотъ растворъ происходитъ отъ того, что камень разлагается, и отъ того, что кремнистая земля, отдѣляясь, удерживаетъ много воды.

(Ann. de Chimie, T. LVII). Г. Вокеленъ допущаетъ въ составъ его еще нѣсколько началъ.

Поселику въ этомъ разложеніи они потеряли 8 частей, то отсюда должно заключить, что нѣкопормя начала отъ нихъ необходимо скрылись. Эти начала не играютъ-ли замѣчательной роли въ разцвѣченіи лазулипа? Такое мнѣніе покажется вѣроятнымъ, когда припомнимъ, что всѣ другіе камни обизаны цвѣтомъ своимъ красильному веществу. Безъ сомнѣнія можно доказать, что кремнистая земля, известъ, квасцы, сода, хотя сами по себѣ безцвѣтны, способны однакожь образованъ изъ себя цвѣтной составъ; но должно признаться: справно предполагашъ въ сихъ камняхъ единственно такого рода смѣсь; и мы дойдемъ до подобнаго заключенія, если спашемъ опровергашъ въ лазулипѣ особенное красящее начало: самъ Г. Вокеленъ думаетъ, что этотъ камень содержитъ въ себѣ извѣстное количество желѣзнаго окисла.

По другимъ изслѣдованіямъ, его должно считать составомъ 44 частей кремнистой земли, 35 квасцовъ и 24 части соды, что и дастъ 68 частей квасцового кремня и 32 части кремня соды на 100: кажется, что сода иногда можетъ быть опчасти замѣнена пошашемъ.

Улыпра-маринный лазулипъ обыкновенно находится въ кускахъ разсѣянныхъ и скланныхъ,

онъ часто деремѣланъ съ полевымъ шпатомъ, кремнемъ, гранатомъ и особенно съ желѣзнымъ колчеданомъ. Наспоящее положеніе, оптична лазулиша, не хорошо извѣстна: можно догадываться однакожъ, по веществамъ его окружающимъ, что онъ принадлежитъ маперикамъ древнимъ; лучшіе лазулишты, кажется, въ Персіи, Кашаѣ, въ Великой Бухаріи.

Изъ лазулиша извлекають превосходную краску, называемую ультра-мариной лазурью. Камень раскальте и бросають въ воду, чтобы смягчить его (*); потомъ истирають его въ порошокъ, смѣшивають съ маслихою изъ столы, воска и льнянаго варенаго масла; шпесто, онъ сего про-цеходящее, кладутъ въ тряпку, и нѣсколько разъ опускають въ горячую воду: первая вода обыкновенно не чиста: ее выливають; вторая даетъ голубой цвѣтъ высшей доброты; третья даетъ голубой цвѣтъ не столь изысканный; четвертая еще хуже, и такъ далѣе, пока не получится блѣдно-голубая краска, называемая *ультра-мариной золой*. Это производство основано на

(*) Торгующіе красками имѣють обыкновеніе класть лазулишъ въ уксусъ; онъ сего они теряють его нѣкоторое количество, потому что эта кислота, хотя слабая, повреждаетъ цвѣтъ его при температурѣ возвышенной.

свойствъ улыпра-марина, отличающъ оныя другихъ веществъ, ею содержащихся — не легко соединяться съ масшкою.

Краска сія, по своей рѣдкости, красотѣ и прочности, продается по 200 франковъ за унцію. Она не столь была рѣдка прежде, и живописцы щедро употребляли ее въ своихъ картинахъ.

Г. Тассаертъ замѣчалъ въ садовыхъ печахъ, построенныхъ изъ пестаного камня, образованіе голубаго вещества, которое, кажется, весьма похоже на улыпрамарину. По словамъ Г. Вокелена, оно состоитъ, какъ и улыпрамарина, изъ квасцовъ, кремнистой земли, соды, остренной извести, желѣзнаго и сѣрнаго окисловъ; кромѣ того, оно, какъ и улыпрамарина, проливается дѣйствию огня и не измѣняется оныя кипящаго поташнаго раствора, но только разрушается сильными кислотами, когда освобождаясь остренный водосворъ.

5-е. *Окисль хроміа, соединенный съ желѣзнымъ окисломъ.*—Это вещество, найденное въ большомъ количествѣ въ Варскомъ департаментѣ (*Journal des Mines* N° 55), темнаго цвѣта, въ малыхъ зернахъ, формы неопредѣленной; оно чернитъ стекло, имѣетъ слабый металлическій блескъ, не подвергается дѣйствию селитренной кислоты, но, напрошивъ, много шершавитъ оныя селитренного поташа, при красномъ

жарѣ, и съ этой солью составляетъ пошанин хроматъ, растворимый въ водѣ. Одно, оно прошивиши огню паяльной трубки, но будучи сжато съ бурой, расплавляется въ зеленое стекло. Матрицей оно имѣетъ мыловый камень, состоящій изъ кремнистой земли, магнезій, квасцовъ и желѣзнаго окисла.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были найдены соспавы, болѣе или менѣе сходные съ симиъ соспавомъ, въ Сибири, Сен-Доминго, Балтиморѣ, и въ Чесперкузѣ (Пенсильваніи).

Г. Бертье, изслѣдовавшій сии при минерал, извлекъ изъ нихъ :

	Сен-Доминго.	Балтиморъ.	Чесперкузъ.
Желѣзной перекиси	0,370	0,350	пожъ.
Окисла хромія	0,360	0,576	пожъ.
Квасцовъ	0,245	0,400	пожъ.
Кремнистой земли	0,050	0,030	пожъ.

Хроматическое желѣзо Варскаго Департамента, изслѣдованное Г-мъ Вокеленомъ, весьма похоже на Сенъ-Домингское; а хроматическое желѣзо Сибирское, изслѣдованное Г-мъ Ломе, имѣетъ равный соспавъ съ Балтиморскимъ.

Нѣкоторые химики думаютъ, что квасцы и кремнистая земля—случайныя начала; но Г-мъ Бертье, нашедъ ихъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ хроматическаго желѣза, даже въ шихъ, копория, будучи разсматриваемы въ микроскопъ, не

представляли никакой посторонней примеси, не разделяя сего мнѣнія: онъ почитаетъ ихъ существенными частями состава, который, по его словамъ, есть двойная соль; происшедшая отъ соединенія хромиста желѣза и квасцового пошаша (*sous-silicate d'alumine*). *Annales des Mines*, T. VI, стр: 573).

6-е. Полевой шпатъ, находящійся въ значительномъ количествѣ на поверхности земнаго шара, входящій въ составъ всѣхъ скалъ первобытныхъ масериковъ, лавныхъ скалъ, самъ образующій собою скалы, и опредѣляющій составъ всѣхъ порфировъ, состоятъ изъ 67 частей квасцового кремня и 33-хъ частей кремня пошашаго, что и даетъ, за исключеніемъ окисловъ:

Кремнистой земли . . .	66
Квасцовъ	48
Пошаша	46

400.

Есть много веществъ, очевидно представляющихъ свойства полевого шпата, но въ которыхъ сода или известь замѣняютъ пошашъ; часто также сѣмъ при рода камней тѣсно соединивши между собою, такъ что для опредѣленія правыхъ изслѣдованій, должно обращать вниманіе на пропорціи составныхъ частей каждаго изъ сихъ родовъ.

Полевой шпатъ обыкновенно образуется правильными кристаллами въ гранитахъ, въ скалахъ, составленныхъ дѣйствіемъ огня, и проч. Его формы представляютъ или кося ромбондальныя призмы 60° и 120° , или правильныя гексаэдрическія призмы, всего чаще оканчивающіяся дидрическими вершинами.

Полевой шпатъ входитъ какъ основа въ составъ фарфора; въ такомъ случаѣ называютъ его *шпатомъ*, *голышовымъ кремнемъ* или *петунце* въ пропорціи отъ 15 до 20 на 100; его употребляютъ для наведенія лака или эмали на фарфоровую посуду.

Онъ-то именно, разлагаясь мало по малу, и производитъ фарфоровую глину.

Его находятъ грудями и слоями въ окрестностяхъ Лиможа, въ Алансонѣ и проч.

7-е. *Пемза*, которая не иное что есть, какъ *обсидіенъ* или вулканическое стекло, вслѣдствіе того какимъ-бы то ни было образомъ, происходитъ отъ сочетанія окисловъ, подобныхъ полевоу шпату: въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже она совершенно относится къ сему порядку, и только случайно содержитъ въ себѣ посторонніе кремнистыя начала, что и не удивительно, ибо она производится плавкою веществъ, содержащихъ начала полевого шпата, соединеннаго по временамъ съ другими веществами.

3-я. Глина. Вещество мягкое для осязанія, болѣе или менѣе липкое на языкѣ, способное съ примѣсью воды составлять шѣсто клейкое, тягучее, и кошорое, будучи подвержено дѣйствію огня, теряетъ свойство растворяясь въ водѣ и становящаяся довольно твердо, такъ, что отъ удара огнемъ, издаетъ искры.

Глины состоятъ изъ кремнистой земли и квасцовъ, или, общѣе, изъ кремней разныхъ основаній; но здѣсь соединенныя пропорціи не могутъ имѣть ничего постояннаго, по той причинѣ, что сія землянистыя вещества происходятъ почти всегда отъ разрушенія и разложенія скалъ и разныхъ веществъ, въ нихъ содержащихся. Есть глины, считаемыя чистыми, ибо состоятъ только изъ кремнистой земли и квасцовъ; другія развѣчеи перекисью желѣза или гидратомъ сей перекиси; многія перемѣшаны съ известковой щелочной солью, и называются мергелемъ, когда это вещество находится въ нихъ въ изобиліи; есть глины, заключающія въ себѣ магнезію, и проч. Отъ сихъ разныхъ обстоятельствъ происходятъ чрезвычайное разнообразіе глинъ, употребляемыхъ въ искусствахъ и различаемыхъ тщателью. Вообще можно раздѣлить глины на два рода: глины не плавимыя или огнеупорныя, и глины плавимыя.

Глины огнеупорныя, о которыхъ мы упомянемъ, слѣдующія:

Фарфоровая глина. Эта глина происходитъ отъ разрушенія скалъ полевого шпата. Мало по малу, отъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ, начала, составляющія полевой шпатъ, именно: квасцы, кремнистая земля и щелочи, отдѣляющіяся; щелочь распускается, а квасцы, смѣшанныя съ кремнистою землею и съ маленькими зернами кварца, входившаго въ составъ скалы, образуютъ вмѣстѣ массу рыхлую: эта-то смѣсь и есть фарфоровая глина. Фарфоровыя глиноломы находятся: во Франціи въ Сентъ-Ирѣксъ-ла-Першъ, близъ Лиможа; въ Шовиньи и Монпернионъ, въ окрестностяхъ Амансона, близъ Байонны; — въ Англіи, въ Градсхвѣ Корнуалійскомъ; — въ Саксоніи; — въ Китаѣ; — въ Японіи. Изъ фарфоровой глины дѣлаютъ фарфоръ.

Пемза, будучи измѣнена такимъ-же образомъ, производитъ глину бѣлую, которая имѣетъ свойства фарфоровой глины и съ успѣхомъ была употребляема на фарфоровыхъ заводахъ. Есть нѣсколько пемзы въ Овернѣ; но Венгрія въ особенностіи изобилуетъ ею.

Глина Монтеро-на-Юнкѣ. — Она сѣра, весьма клейка, бѣлѣетъ на маломъ огнѣ, и дѣлается грязно-желтою на огнѣ сильномъ. Изъ оной глины въ Монперѣ и въ Парижѣ дѣлаютъ прекрасный бѣлый фаянсъ, называемый: *глина бѣлая, глина для трубокъ или Англійская глина.*

Глина Абонданъ , близъ лѣса Дрѣ. — Она бѣла и хрупка. Г. Вокеленъ нашелъ , что она состоитъ изъ 43 частей кремнистой земли , 33 частей квасцовъ , 3 известковой щелочной соли , 1 желѣзнаго окисла , и 18 частей воды. Изъ нее дѣлають формы для обжиганія фарфора.

Глина Савейньи , близъ Бове. — Изъ сей глины дѣлають почти всѣ роды посуды , называемой песчаной.

Глина Форжъ-ле-зо. — Она весьма похожа на предыдущую , и какъ та , способна къ дѣланію посуды. Кромѣ того , употребляютъ ее въ стеклянныхъ издѣліяхъ , и особенно для горшковъ , въ которыхъ плавятъ стекло. По словамъ Г. Вокелена , она состоитъ изъ 16 частей квасцовъ , и 63 частей кремнистой земли , 1 части известковой щелочной соли , 8 частей желѣзнаго окисла и 10 воды.

Глина Девонширская , въ Англіи. — Она сѣра , мягка , клейка , и бѣлѣетъ на огнѣ , употребляемомъ для обжиганія посуды. Изъ сей глины дѣлають всю посуду Спраффордшира и окрестностей Нью-Кастля-на-Тайнѣ , въ Норшумберландѣ.

Мы будемъ говорить только о двухъ видахъ плавильной глины : о глинѣ сукновальной и глинѣ гончарной.

Сукновальная глина. Жирна, мягка на осязание, легко распускается въ водѣ и превращается въ растворъ не клейкій. По Бергманну, сукновальная глина Гамишира, въ Англіи, состоятъ изъ 54 части кремнистой земли, 25 частей квасцовъ и небольшого количества известковой щелочной соли и магнезія. Сукновальную глину употребляютъ для извлеченія изъ шерстяныхъ шерсти маселъ, необходимаго при ихъ выдѣлкѣ: на сей конецъ, ихъ валяютъ съ известнымъ количествомъ сей глины и известнымъ количествомъ воды. Самыя лучшія сукновальныя глины въ Англіи.

Гончарная глина. Мягка на осязание, но менѣе предыдущей; она съ водой составляетъ довольно плотное тѣсто. Ее употребляютъ въ дѣланіи печей, фаянсовъ и грубой посуды не муравленой и красновашой. Сей глины много близъ Парижа, въ окрестностяхъ Ванвра, Вожирара, Аркелля; изъ нее дѣлаютъ не только самой низкой цѣны посуду, но даже формы лѣнныхъ издѣлій и замазку бассейновъ.

9-е. *Спланцы.* Спланды состоятъ изъ слоевъ слюды, лежащихъ одни на другихъ, такъ, что вся масса легко раздѣляется на листы, болѣе или менѣе толстые; одни тусклы, другіе глядцоваты, иногда даже разноцвѣтны, подобно перламутру. Всѣ чертятся спальнымъ острі-

смѣ, и болѣе или менѣе плавятся, иногда въ бѣлую эмаль, иногда въ эмаль темную, наполненную пузырьками; полосы ихъ стровашы; ни одинъ не растворяется въ водѣ. Составъ сплавцовъ весьма разнообразенъ, ибо вещества, называемыя слюдою, бываютъ разныхъ свойствъ, и листовыя слюды почти всегда смѣшаны съ другими веществами. Впрочемъ, можно вообще сказать, что они состоятъ изъ кремнистой земли, квасцовъ, желѣзнаго окисла, иногда извести, магнезіи, марганцоваго окисла, и проч.; иногда напишаны горной смолою, и часто содержатъ кристаллы или небольшія накопленія стрѣнокислаго желѣза. Мы укажемъ на аспидъ, глинистый сплавецъ, бришвенный оселокъ, плотничій мѣлъ.

Употребленія. Множество составныхъ несталическихъ окисловъ употребляется въ искусствахъ. Между ними окислами замѣчательны: 1-е многіе спроевые камни; 2-е стекло; 3-е цвѣтные стекла; 4-е эмали; 5-е лазурь; 6-е драгоценныя камни, изъ коихъ дѣлаютъ галантерейныя вещи, перстни, серги, ожерелья и проч.; 7-е спразъ; 8-е искусственные цвѣтные камни; 9-е зеленая краска Шееля; 10-е желтая Неаполитанская краска; 11-е голубая мѣдная краска; 12-е горшечныя издѣлія; 13-е известковые растворы, цементи и проч.

Стекло.

Стекло есть произведеніе, получаемое огнь

сѣщенія кремнистой земли съ разными веществами, большею частію весьма плавкими, подвергнутого дѣйствію сильнаго и продолжительнаго огня. Въ таблицѣ, помѣщенной въ предыдущемъ номерѣ, означены вещества, способныя стекловаться.

Стекольное искусство очень разнообразно, и потому мы посоветуемъ желающимъ узнать его, прочесть сочиненіе Г. Лоазеля; здѣсь мы повторимъ изъ сего изобретенія только описаніе состава разнаго рода стеколъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Къ сему № Прибавленія приложено изображеніе модной драпировки оконъ.

NOTICE
NOUVEAUTÉS
QUI SE TROUVENT
DANS LA BIBLIOTHÈQUE SEMEN,
MAGAZINE.

NOTICE DES NOUVEAUTÉS

QUI SE TROUVENT

A LA LIBRAIRIE SEMEN,

AU PONT - DES - MARÉCHAUX , MAISON KARAZINE.

ФРАНЦУССКАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА

И БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ СЕМЕНА,

на Крутицкомъ мосту, въ домѣ Каразина.

Histoire constitutionnelle d'Angleterre depuis Henri VII ,
jusqu'à la mort de George III, par Hallam, traduction
revue et publiée par Guizot. 5 vol. in-8°. br. 48 r.

Cours complet d'Economie politique pratique, par Say. 4 vol.
in-8°. br. — 40 r.

Histoire moderne de la Grèce, par Jocovaky Rizo Meroulos.
in-8°. br. — 10 r.

Traité théorique et pratique des maladies des yeux, par
Weller, traduit de l'allemand, par Jollat. 2 vol. in-8°.
br. — 20 r.

Tenue des livres, enseignée en 21 leçons et sans maître, par
Jaclot. in-8°. br. — 10 r.

Le gastronome français, ou l'art de bien vivre. in-8°. fig.
br. — 10 r.

Cours complet de thèmes grecs gradués par Longueville.
2 vol. in-8°. br. — 16 r.

Traité des maladies du foie , par Bonnet. in-8°. br. —
6 r. 50 c.

Le Spectateur français au XIXe siècle. in-8°. br. — 8 r.

Histoire générale des proverbes, adages, sentences etc., par
Mery, 3 vol. in-8°. br. — 30 r.

Cours de versions grecques , par Bebel. 2 vol. in - 8°. br. — 17 r.

Code général progressif , par Decour Demanche , révisé d'après une nouvelle méthode. in-8°. br. — 13 r.

Traité du mouvement de l'eau dans les tuyaux de conduite par d'Aubuisson de Voisins. in-8°. br. — 2 r.

Constantinople et le Bosphore de Thrace pendant les années 1812 , 1813 et 1814 et pendant l'année 1826 avec un atlas , par Andréossy. in-8°. br. — 21 r.

Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés, par Thierry. 3 vol. in-8°. br. — 29 r.

Lettres de famille sur l'éducation par Mad. Guizot. 2^{ed.} 2 vol. in-8°. br. — 20 r.

Le dernier voyage de Nelgis , par Mad. de Genlis. 2 vol. in-8°. br. — 16 r.

Le même , 3 vol. in-12. br. — 10 r.

Discours et opinions , journal et souvenirs de Stanislas Girardin. 4 vol. in-8°. br. — 40 r.

Salathiel ou le Juif errant, histoire du passé, traduite de l'anglais du R. Croly. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

Soirées allemandes offertes au public par Stanislas de Montbuse. 2 vol. in-12. br. — 7 r.

Cours de thèmes par Planche en Carpentier pour les classes de 2e, 3e, 4e, 5e et 6e. chaque classe de 2 vol. in-12. br. — 6 r.

Le Vade Mecum , ou guide de chaque complexion pour prolonger la vie, par Delarue. in-12. br. — 2 r. 80 c.

Stiquiotechnie , ou l'art d'enseigner à lire en 20 ou 30 leçons , par Montemont. in-12. br. — 3 r. 50 c.

Fables choisies de Jauffret , traduites en vers latins avec le texte en regard, par Adolphe Jauffret. 2 vol. in-12. br. — 10 r.

Le bon jardinier , almanach pour 1829. in - 12. br. — 10 r.

Essai sur l'universalité de la langue française , par Alire. in-8°. br. — 10 r.

Concours généraux, devoirs donnés aux élèves des collèges royaux depuis 1805 jusqu'en 1828. Classe de rhétorique. — 17 r.

———— **Classe de seconde. — 9 r.**

———— **Classe de troisième. — 9 r.**

———— **Classes de sixième, cinquième et quatrième. 11 r.**

Dictionnaire portatif d'architecture et vignole de poche, par Vitry. 2 vol. in-16. fig. br. — 7 r.

Pelham, ou les aventures d'un gentilhomme anglais. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

Claire Hebert, histoire d'une captive, par Alexandre Bronikowsky. 3 vol. in-12. br. — 10 r.

Le grand seigneur et la pauvre fille, roman de mœurs, par Lamothé Langon. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

Hypolyte Boratinsky, ou la Pologne sous Sigismond Auguste II, par Bronikowsky. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

La bataille de la Boyne, par Banim. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

Zillah, histoire juive, par Horace Smith. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

La grisette, roman de mœurs, par Ricard. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

L'aventurier français, par Demarets. 3 vol. in-12. br. 10 r.

Gomez-Ariaz, par Talesforo de Trueba y Cosio. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

L'Entrée dans le monde, par Miss Jane Porter. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

Le chef du mont, par Emile M^{***}. 4 vol. in-12. br. 14 r.

Duranti premier président du parlement de Toulouse, par Baour Lormian. 4 vol. in-12. br. — 16 r.

Le chef des pénitens noirs. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

Le dernier jour d'un condamné, par Victor Hugo. 1 vol. in-12. br. — 4 r. 50 c.

La fille d'une femme de génie. 2 vol. in-12. br. — 7 r.

L'Anglais mangeur d'opium. in-12. br. — 3 r. 50 c.

- La femme, ou les six amours, par Mad. E. Voiart. 6 vol. in-12. fig. br. — 25 r.
- Des communes et de l'aristocratie, par Barante. in-8°. br. — 7 r.
- Beautés de la Biographie française. 2 vol. in-12. br. — 7 r.
- Calisthénie, ou gymnastique des jeunes filles. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.
- Gymnastique de jeunes gens avec fig. in-18. br. — 3 r. 50.
- Le ver luisant, conte pour les enfans, traduit de l'allemand. 1 vol. in-18. br. — 80 c.
- Histoire d'Henri d'Eichenfelds, conte traduit de l'allemand. 1 vol. in-18. br. — 80 c.
- Le serin, conte pour les enfans, traduit de l'allemand. in-18. br. — 60 c.
- Le petit mouton, conte pour les enfans. in-18. br. 80 c.
- L'enfant perdu conte pour les enfans. in-18. br. — 60 c.
- Les œufs de paques, conte pour les enfans. in-18. br. 80 c.
- Fables sénégalaises, recueillies de l'Oulof, par Roger. in-18. br. — 5 r. 50 c.
- Au hasard, fragmens par Bréant. in-18. br. — 4 r.
- Art de fabriquer toutes sortes d'ouvrages en papier. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.
- Le La Rochefoucault des dames, pensées et maximes des femmes célèbres. in-32. br. — 3 r. 50 c.
- Traité complet sur l'éducation des chats. in-18. br. — 1 r. 50 c.
- Doctrines physiologiques appliquées à la médecine vétérinaire, par Rodet. in-8°. br. — 8 r.
- Théorie de la procédure civile par Boncenne, tome 1er. in-8°. br. — 11 r.
- Traité des rétentions d'urine et des maladies qu'elles produisent, par Segalas, avec planches in-f°. 8°. br. — 21 r.
- Des tribunaux administratifs, ou introduction à l'étude de la jurisprudence administrative, par Macarel. in-8°. br. — 11 r.

- Théorie des richesses sociales** par le comte Scharbeck.
2 vol. in-8°. br. — 20 r.
- L'art de conserver sa santé et de prévenir les maladies héréditaires**, par Mongellas in-8°. br. — 12 r.
- L'Europe au moyen âge**, par Hallam. trad. de l'anglais par Henry. 4 vol. in-8°. br. — 32 r.
- Dictionnaire de poche géographique de la France**, par Lallement. in-32. br. — 5 r.
- Le dernier jour de Pompéi**, poëme par Delphine Gay. in-18. br. — 5 r. 50 c.
- Almanach des gourmands**, par Perigord. in-32. br. — 3 r.
- Almanach des Muses pour l'année 1829**. in-18. br. — 4 r.
- Emblèmes des fleurs**, ou parterre de Flore. in-48. br. — 1 r.
- Dictionnaire portatif des rimes françaises**, par Lanneau. in-32. br. — 3 r. 50 c.
- Code de la toilette**, manuel complet d'élégance. in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Code gourmand**, manuel complet de gastronomie in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Code épistolaire**. in- 18. br. 3 r. 50 c.
- Code civil**, manuel complet de politesse. in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Code pénal**, manuel des honnêtes gens. in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Code de la conversation**, manuel complet du langage. in- 18. br. — 3 r. 50 c.
- Code de commerce**, manuel d'industrie commerciale. in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Code de l'amour**, suivi du code pénal de l'amour. in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Le cuisinier des gourmands**, par Martin. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.
- Manuel du maître d'école**, par Vincent. in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Dictionnaire de la fable**, par Vergier. in-32. br. — 4 r.
- Voyage bibliographique, archéologique et pittoresque en France**, par le Rév. P. Dibdin. avec figures. 4 vol. in-8°. br. — 68 r.

- L'autocrate de village, ou l'art de devenir ministre**, par Müller, traduit de l'allemand 4 vol. in-12. br. — 14 r.
- Grammaire française méthodique et raisonnée**, par Boniface. in-12. br. — 3 r. 50 c.
- Guide du voyageur en Angleterre, en Ecosse et en Irlande.** in-12. br. — 5 r. 50 c.
- Art de faire toute espèce de bières**, par Payen. in-12. br. — 5 r.
- Abrégé de la vie des pères des déserts d'Orient**, par Caillot. 2 vol. in-12. br. — 8 r.
- Journal asiatique, recueil de mémoires, d'extraits etc. sur l'Asie.** 66 numéros in-8°. — 160 r.
- Nouveau Journal Asiatique 1828.** — 35 r.
- Atlas géographique statistique, historique et chronologique des deux Amériques**, traduit de l'anglais par Buchon. in-f°. — 140 r.
- Atlas historique de Lesage**, édition de 1829. in-f°. — 200 r.
- Traité pratique de chimie appliquée aux arts et manufactures**, par Gray. 3 vol. in-8°. et planches. br. — 48 r.
- Cours élémentaire d'administration militaire**, par Vauchelle. 2 vol. in-8°. br. — 20 r.
- Art de fabriquer en pierre factice très dure et susceptible de recevoir le poli**, par Pelouze. in-18. br. — 2 r.
- Art de fabriquer toutes sortes d'ouvrages en papier**, par Bécourt. in-18. br. — 3 r. 50 c.
- Art de construire en cartonnage**, par Bécourt. in-18. br. — 3 r.
- Voyage pittoresque ou description des royaumes de Naples et de Sicile**, par Saint Non. nouvelle édition accompagnée d'un atlas grand in-f°. L'ouvrage sera composé de 12 livraisons à 23 r.
- Atlas classique et universel de géographie ancienne et moderne** composé de 60 cartes dressées, par Dufour, chaque liv. de 5 cartes. — 9 r.
- Éducation familière, ou série de lectures pour les enfans**, par Miss Edgeworth. 2 vol. in-18. br. — 8 r.

- Economie politique des Athéniens**, ouvrage traduit de l'allemand. 2 vol. in-8°. br. — 24 r.
- Nouveaux conseils aux femmes sur l'âge prétendu critique** in-8°. br. — 2 r. 75 c.
- Cours d'Archéologie**, par Raoul Rochette. in-8°. br. 14 r.
- Le démon de Socrate**. in-8°. br. — 4 r.
- Essais philosophiques sur les systèmes de Locke, Priestley, Berkeley, etc.**, par Dugald Stewart. in-8°. br. — 8 r.
- De l'état des parties dans les chambres**, par St. Chamans. in-8°. br. — 6 r.
- Dictionnaire géographique universel**, par Vosgien, totalement refondu par Parisot. in-8°. br. — 10 r.
- Comédies historiques**, par le comte Roederer. in-8°. br. 10 r.
- Esquisses de la souffrance morale**, par Ed. Alletz. in-8°. br. — 8 r.
- Essai historique et critique sur l'état des Jésuites en France**, par Tabarand. in-8°. br. — 7 r.
- Dictionnaire des arts du dessin, la peinture, la sculpture la gravure et l'Architecture**, par Boutard. 1 vol. in-8°. br. — 15 r.
- Chefs d'œuvre du théâtre indien**, par Wilson. 2 vol. in-8°. br. — 24 r.
- Du système pénitentiaire en Europe et aux États-Unis**, par Ch. Lucas. tome 1er. in-8°. — 10 r.
- Histoire de Pierre Terrail, seigneur de Bayart**, par Terrebasse. in-8°. br. — 11 r.
- Éléments de chimie**, par Orfila, 4e édition. 2 vol. in-8°. br. — 23 r.
- Traité élémentaire de l'art des accouchemens**, par Vilpeau 2 vol. in-8°. br. — 16 r.
- Ang. Pyrami de Candolle Botanicam gallicam.** tome 1er in-8°. — 17 r.
- De l'influence des femmes sur les mœurs et les destinées des nations**, par Mad. Mongellaz. 2 vol. in-8°. br. — 16 r.

Traité général d'anatomie comparée par Meckel. tomes 1, 2, 3, in-8°. br. — 27 r.

Tableaux poétiques, par Jules de Resseguier. 3e édition. in-8. fig. br. — 8 r.

Traité d'hygiène appliqué à l'éducation de la jeunesse, par le Dr. Simon. in-8°. br. — 9 r.

Économie politique, ou principes de la science des richesses, par Joseph Droz. in-8°. br. — 10 r.

Le même. in-18. br. — 4 r.

Études françaises et étrangères, par Emile Deschamps. in-8°. br. — 11 r.

Choix de fables traduites en turk par un effendi de Constantinople. in-8°. br. — 23 r.

De l'embouchure du cheval, par Weyrother. in-8°. br. — 3 r.

Statues du Pont Louis XVI. in-8°. br. — 7 r.

Histoire abrégée de la constitution civile du clergé de France. in-8°. br. — 3 r. 50 c.

Du Brésil, ou observations générales sur le commerce et les douanes de ce pays. in-8°. br. — 7 r.

Histoire des sectes religieuses, par Grégoire nouv. édit. 6 parties. in-8°. br. — 34 r.

Traité complet des propriétés, de la préparation et de l'emploi des matières tinctoriales et des couleurs 2 vol. in-8°. br. — 26 r.

Chronique de la prise de Constantinople par les Français, avec des notes par Buchon. in-8°. br. — 10 r.

Oeuvres de Buffon, mises en ordre par Richard. Suivies d'un complément par Lesson et ornées de gravures coloriées. 35 vol. in-8° br. — 420 r.

Anatomie de l'homme, ou description et figures lithographiées de toutes les parties du corps humain, par J. Cloquet. 2 vol. in-8°. de texte et 39 livraisons in-f. de planches. 250 r.

Oeuvres complètes de Chateaubriand. édition imprimée sur deux colonnes. 5 gros vol. in-8°. br. — 70 r.

Description géographique de la Turquie d'Europe. in-8°. br. — 5 r.

- Histoire de Napoléon d'après lui-même, par Galleis in-8°. fig. br. — 12 r.
- Paris ; port de mer. in-8°. br. — 2 r.
- Dictionnaire du bonheur, par Mad. Perié Candeille in-8°. br. — 11 r.
- Histoire de Flandre, par Jules Van Prach. 2 vol. in-8°. br. — 9 r.
- Du commerce maritime par Vaublanc. in-8°. br. — 4 r.
- Traité du pied considéré dans les animaux domestiques, par Girard. in-8°. planches. br. — 8 r.
- Annales de l'école française des beaux-arts, *première année* 1827. in-8°. planches. br. — 24 r.
- Traité de la ferrure sans contrainte, ou moyen de ferrer les chevaux les plus vicieux. in-8°. figures. br. 3 r. 50 c.
- Chimie des gens du monde, par Parkes, ouvrage traduit par Riffault. 2 vol. in-8°. br. — 14 r.
- Annales agricoles de Roville, par Math. de Dombasle. 1827—1828. 1 vol. in-8°. br. — 11 r.
- Le Barde des Vosges, recueil de poésies par Pellet d'Epinal. in-8°. br. — 5 r.
- La sténographie mise à la portée de tout le monde. in-8°. br. — 4 r.
- La science de la sétifère, ou l'art de produire la soie, par A. Pitaro. in-8°. fig. br. — 15 r.
- Essais sur la construction des routes, des ponts suspendus, des barrages. etc., par Cordier. 2 vol. in-8°. et atlas grand in-f°. — 60 r.
- Itinéraire de Tiflis à Constantinople, par le colonel Rotiers. 1 vol. in-8°. cartes. br. — 8 r.
- Bibliothèque médicale, nationale et étrangère, année 1828. 20 numéros. in-8°. br. — 20 r.
- Nouveau dictionnaire des rimes, par Lemare. in-8°. br. 10 r.
- Dictionnaire de musique moderne, par Castil Blaze. in-8°. br. — 7 r.
- Leçons de littérature hollandaise, traduites en français avec le texte en regard, par Raoul. in-8°. br. — 7 r.

De l'irritation et de la folie, par Broussais. in-8°. br. — 8 r.

Forces productives et commerciales de la France, par Charles Dupin, ouvrage accompagné de 2 cartes de la France. 2 vol. in-8°. br. — 26 r.

Nouveau dictionnaire des origines, inventions et découvertes dans les arts, les sciences, la géographie, le commerce, l'agriculture. etc., par Noël et Carpentier. 2 vol. in-8°. br. — 22 r.

Eclectisme, ou premiers principes de philosophie générale par de Reiffenberg. 5 parties in-8°. br. — 8 r.

Traité des hernies inquinales dans le cheval et autres monodactyles; par Girard. in-4°. fig. br. — 22 r.

Traité de la coupe des pierres, par Vallée. 2 parties in-4°. br. — 8 r.

Grammaire de la langue grecque, par Gerfaux. in-4° br. 7 r.

Contes à mes petites amies, ou trois mois en Touraine, par Bouilly. 2 vol. in-12. fig. br. — 10 r.

La seconde partie renfermant les nouveaux contes. — 5 r.

Conseils à un jeune officier, par un ancien colonel d'infanterie in-12. — br. 5 r.

Analyse critique et littéraire de l'Énéide par Magnier. 2 vol. in-12. br. — 12 r.

L'art d'économiser le bois de chauffage et tous les autres combustibles. in-12. br. — 2 r. 50 c.

Une famille, ouvrage à l'usage de la jeunesse, suivi de nouveaux contes, par Mad. Guizot. 2 vol. in-12. fig. br. — 8 r.

Christianisme et philosophie, discours sur la Cène; par de la Motte. in-18. br. — 2 r.

Comédies historiques, par le comte de Roederer. in-18. br. 4 r.

Code conjugal, contenant l'art de se bien marier et d'être heureux en ménage, par Raison. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.

Le Lavater des tempéramens et des constitutions; par Morel de Rubempré in-18. br. — 2 r. 50 c.

Jeanne d'Arc, épisode historique, par le comte de Ségur. in-18. br. — 2 r. 50 c.

Du perfectionnement moral , ou de l'éducation de soi-même ,
par Degerando. nouv. édit. 2 vol. in-18. br. — 7 r.

Le visiteur du pauvre , par Degerando. nouv. édit. in-18. br. —
3 r. 50 c.

Napoléon en Egypte , poëme par Barthélemy et Mery. in-18.
br. — 2 r. 50 c.

Choix de chansons pour noces , fêtes etc. in-32. br. — 4 r.

L'art de doser les médicamens , tant anciens que nouveaux ,
par Bricheteau , Chevallier et Cottureau. in-18. br. —
7 r. 50 c.

Théâtre de Clara Gazal , par Prosper Mérimé in-18. br. — 4 r.

Avis au peuple sur les premiers secours à donner dans les
cas pressans. in-32. br. — 80 c.

Notions sur la justice ; le droit et les lois , par Dupin.
in-18. br. — 2 r. 50 c.

Poésies nouvelles , par Pierquin de Gembloux. in-18. br. —
3 r. 50 c.

Code épicurien pour l'année 1829 , choix de chansons de
table. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Le citateur dramatique , par Léonard Gallois, 4e éd. in-18.
br. — 3 r. 50 c.

Nouveau code des femmes. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Agenda moral des enfans , ou moyens d'embellir la vie , par
Abel Dufresne. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Traité de prononciation grecque-moderne. in-12. br. — 3 r.

Art de blanchir et de nettoyer le linge , par les procédés ordi-
naires et au moyen de la vapeur. in-12. br. — 3 r.

La Bataille de Navarin , par Mocke. in-12. br. — 3 r. 50 c.

Souvenirs polytechniques , ou recueil d'observations , mé-
moires et projets , concernant la navigation , les bacs ,
etc., par Goury. 3 vol. in-4°. et 2 atlas in-f°. — 115 r.

Atlas historique et chronologique des littératures anciennes
et modernes , des sciences et des arts. Sur le plan de
celui de Lesage , par Jarry de Maucy. 23 tableaux.
in-f°. — 100 r.

Atlas commercial, ou exposition méthodique du droit-commercial, par Franklin. in-8°. — 32 r.

Description d'un nouveau système d'arcs pour les grandes charpentes, par Emy. in-f°. — 20 r.

L'art de dessiner le paysage d'après nature; lithographié par un artiste anglais, 10 cahiers, in-4°. — 45 r.

Application de la perspective linéaire aux arts du dessin par Thibault. in-4°. fig. br. — 75 r.

Grande collection de tragédies, comédies, opéras, vaudevilles, drames etc., in-32. br. à 84 c.

Le Cabinet de lecture s'est enrichi de toutes les dernières nouveautés en Romans, Mémoires etc. etc., dont le catalogue paraîtra incessamment.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.**ВЗГЛЯДЪ НА СОСТОЯНІЕ****Литтературы и просвѣщенія въ Американскихъ
Соединенныхъ Штатахъ.**

(Изъ Писемъ Фенимора Купера о Соединенныхъ
Штатахъ).

Вы просите меня описатьъ вамъ подробно состояніе, въ которомъ находится Искусства и Словесность въ Соединенныхъ Штатахъ. Надобно жить большою тѣнью, чтобы сдѣлать этотъ предметъ занимательнымъ, ибо матеріалъ слишкомъ бѣденъ. Впрочемъ, я постараюсь удовлетворить вашему желанію.

Американцы, въ отношеніи къ успѣхамъ ума и просвѣщенія, были совершенно въ особенномъ положеніи нежели другіе народы. Они всегда пользовались благодѣяніями просвѣщенія. Картины, книги, спашун, все что увеличиваетъ наслажденія жизни, все предлагало услуги свои каждому, кто только хотѣлъ дѣлать нѣкоторыя пожертвованія для удовлетворенія своему вкусу. Книжки, приобретаемыя за цѣну умеренную, необходимо

Августъ 1829.

должны были войти болѣе въ употребленіе, нежели предметъ Искусства; и народъ получилъ особенную склонность къ ученію. Мы кажемся, нѣтъ никакого бѣднѣе жилища въ Северной Америкѣ, въ которомъ не было-бы книгъ. И такъ Словесность, составляя важнѣйшую часть въ предметѣ, о которомъ мы разсуждаемъ, и должна прежде всего занять насъ.

Званія писателей и книгопродавцевъ были разную участь на двухъ полушаріяхъ. Въ Америкѣ книгопродавецъ предупредилъ писателя. Снати типографіи заняты были такъ перепечатываніемъ Англійскихъ сочиненій. Альманахи, собранія именъ, разсужденія о религіи, проповѣди, Журналы, сочиненія политическія и даже нѣкоторыя безобразныя произведенія Поэзіи, начали являться одни послѣ другихъ. Таковы были испочинку Словесности до революціи. Въ Востокѣ, въ началѣ послѣдняго столѣтія, явился первый Журналъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ то же время напечатаны были и нѣкоторыя полемическія сочиненія, замѣчательныя по своему достоинству и оригинальности. Не знаю, гдѣ болѣе было въ то время просвѣщенныхъ людей: въ Новой Англіи, или въ Виргиніи, Мерилендѣ и Каролинѣ; но извѣстно то, что въ первой замѣтно было болѣе усилій къ разширенію талантовъ.

Училища и Университеты (названія; коиорыя получили сѣя заведенія прежде нежели успѣли за-служить ихъ) относимые къ раннимъ време-намъ въ Исторіи сей страны. И это еще болѣе поддѣверждаетъ мнѣніе объ умственной дѣятель-ности и хорошо направленномъ чувствѣ самолюбія сего народа. *Гарвардъ*, училище, называе-мое теперь *Кембриджскимъ* Университетомъ и заслуживающее еще имя, было основано въ 1638 году, то есть спустя только двадцать-лѣтъ послѣ поселенія первыхъ колоній въ Новой Англіи; *Яль* (въ Коннектикутѣ), основано въ 1704; *Колумбія* (въ Нью-Йоркѣ), основано въ 1754; *Нассау-Галль* (въ Нью-Джерсей) и *Вильямъ и Мери*, въ Виргиніи, относятся къ 1694 году. Это самыя древнія учебныя заведенія въ Соединенныхъ Штатахъ, и всѣ они, исклю-чая послѣднее, процвѣтають еще до сихъ поръ. Въ *Гарвардѣ* роздано почти пять тысячъ дило-мовъ лицамъ, исказшимъ ученыхъ степеней. Тамъ рѣдко было менѣе шрехъ или чепырехъ со-пѣ воспитанниковъ; *Яль* счисляется въ спи-скахъ своихъ почти столько-же учащихся. Въ другихъ находится отъ сѣа пятидесяти до двухъ сотъ, готовящихся къ полученію степеней. Толь-ко въ самыхъ новыхъ обласняхъ нѣтъ по край-ней мѣрѣ по одному или по два училища, въ нѣ-копрыхъ-же сѣтъ по три.

Образованіе классическое здѣсь не считается

столько важнымъ, сколько въ Европѣ, и нѣтъ нѣкъ курсъ : ученія въ училищахъ продолжается только четыре года, но изъ нихъ и не выходитъ людей, слишкомъ замѣчательныхъ по своей учености и знанію древнихъ языковъ. Страна сія не имѣетъ ни народонаселенія, ни средствъ, необходимыхъ для содержанія большаго числа праздныхъ ученыхъ, между которыми одинъ изъ сна прибавилъ-бы что нибудь къ общему просвѣщенію. Это роскошь на способности человѣскія, которой Американцы не могутъ еще себѣ позволить. Потери времени на оную слишкомъ очевидна, а выгоды еще слишкомъ сомнительны, и потому не лзя думать въ Америкѣ о шурдахъ чисто литературныхъ. Я слышалъ, какъ одинъ изъ законодателей Американскихъ ссылался на Горация и Цицерона; но такая ученость не была въ общемъ духѣ и едва-ли не давала поводъ сомнѣваться въ истинномъ вкусѣ самого оратора.

Рѣдко бываетъ, чтобы подобныя ссылки и указанія въ самомъ дѣлѣ что нибудь доказывали, ибо слишкомъ мало найдется людей столько просвѣдшихъ, чтобы они не видали, что приложеніе всякаго правила къ Политикѣ влечетъ за собою множество частныхъ возраженій. И это доказываетъ болѣе бѣдность, нежели богатство ума, доказываетъ отсутствіе ясной послѣдовательности и силы мысли : это предсказавается

болѣе востановленію, нежели вдохновеніемъ поэтичнаго таланта. Когда человѣкъ чувствуетъ, говоритъ, мыслитъ сильно, то онъ спарается дать волю собственному своему языку; почти такъ-же какъ онъ предается смѣху въ минуты радости и плачетъ въ минуты печали. Въ Американцахъ много глубокомыслія и остроумія, однакожь они не видятъ необходимости, въ подражаніе правилъ нравственности, ссылаются на идолопоклонника попому только, что онъ говорилъ по Латыни.

Но самыя важныя отрасли просвѣщенія едва ли быспрее успѣхи въ этой странѣ. До революціи, въ южныхъ и внутреннихъ областяхъ было обыкновеніе, посылать молодыхъ людей хорошихъ фамилій въ Европу, для образованія. Родившіеся во время войны за независимость и вскорѣ послѣ оной, не имѣли сего преимущества. Слѣдующее за симъ поколѣніе не могло также хвалиться просвѣщеніемъ; въ началѣ столѣтія въ училища принимаемы были молодые люди, ничего не знавшіе кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія по-Гречески, нѣкоторыхъ сочиненій Цицерона и Виргилія и нѣсколькихъ одъ Горация. Но воспитаніе общественное дѣлаетъ большіе успѣхи, и нынѣ надобно бытъ гораздо лучше приготовленнымъ для вступленія въ Университетъ. Впрочемъ можно смѣло сказать, что до сихъ поръ нѣтъ еще ни одного учебнаго заведенія,

въ которыхъ-бы занятія классическія и науки находились на высшей степені. Если иѣкоторые Профессоры, посвятившіе всю жизнь свою учености (ибо вамъ извѣстно, что вся жизнь, продолжительная жизнь, едва только доставляетъ для того, чтобы дать человѣку право на названіе ученаго); но число ихъ сдѣлакомъ не велико. Въ 1820 году (по росписи) около семи тысячъ награжденныхъ степенями въ двѣнадцать старшихъ училищахъ, находились еще въ живыхъ; изъ нихъ 1406 человекъ были духовные. Но какъ многіа изъ росписей, употребленныхъ для справокъ, были старыя, то рѣшительно можно сказать, что сихъ людей теперь должно быть гораздо болѣе. Изъ 1792-хъ воспитанниковъ, награжденныхъ степенями отъ 1800 до 1810-го года, 453 посвятили себя духовному званію; это доказываетъ, что религія въ Америкѣ не упадаетъ, и что служители ея не могутъ считаться необразованными.

Слѣдствія отъ заведеній, учрежденныхъ въ Америкѣ для распространенія успѣховъ Словесности, имѣютъ въ себѣ нѣчто особенное. Весьма немногіе посвящаютъ себя тамъ Изящному; но познанія, ими приобретаемыя, вполне доставляютъ для совершенія самаго дѣштельнаго и самаго полезнаго поприща жизни.

Такъ тысячи молодыхъ людей, которые, и

изда. самихъ легкихъ Классиковъ, изучади Математику, чтобы приобрести познаніе въ собственнѣхъ своихъ силахъ и сообщить болѣе точности своимъ идеямъ, вступили въ общество и участвуютъ въ общей дѣятельности на поприщѣ жизни. Я говорю думалъ, что вообще воспитанники Университетовъ Американскихъ имѣютъ столько-же главныхъ свѣдѣній, сколько и воспитанники вашихъ Университетовъ. Правда, осмѣется еще желаніе усовершенствованія нѣкоторыхъ предметовъ просвѣщенія; но эгоистическіе недостатки и теперь уже болѣе нежели вознаграждены разнообразіемъ существующихъ познаній. Проведя четыре года въ Университетѣ, многіе изъ молодыхъ людей занимаются въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изученіемъ законовъ. Въ Америкѣ званіе законоискусника не имѣетъ подраздѣленій. Тамъ Адвокатъ, Прокуроръ, Нотаріусъ заключаются въ одномъ лицѣ. Такимъ образомъ учащійся приобретаетъ общія свѣдѣнія, оспоспешительно началъ законовъ и исполненія по нимъ; но онъ не изучаетъ ихъ какъ науку. Онъ не терзается въ лабиринтѣ теорій и не предаётся слѣпому удивленію ко всѣмъ постановленіямъ Древности. Если встрѣзается ему противникъ болѣе ученый, нежели онъ самъ, то онъ възирается только собственному, природному уму своему и предоставляетъ ссылки на Древнихъ и подобныя странности тому, что въ эгомъ за-

включить и ученость и свои наслажденія. Отъ иногда объявляется въ формахъ, но умъ поддерживаетъ его и научить воспоржествовать надъ прошлымъ. И при сихъ-то спорахъ разрушаются обычаи и нѣтъ, существующіе только на основаніи своей древности, и всѣ есоціальныя негѣности, столько несообразны съ въкомъ, въ которомъ мы живемъ.

Уроки опытности, бореніе нѣтъ, всегдашняя дѣятельность ума, все это ведетъ за собою столько-же свѣдѣній, полезныхъ для молодыхъ должностныхъ людей, сколько можно было-бы приобрести онѣхъ въ самой лучшей школѣ, и что всего важнѣе, такимъ образомъ и самые законы сливаются съ современностію нравовъ. Этого самый человекъ, о которомъ мы говорили, сдѣлается можетъ быть однимъ изъ законодателей своей страны; если онъ обладаетъ отличными способностями, то онъ дѣятельно обратится къ составленію новыхъ законовъ, которые не основываясь на какой нибудь ученой теоріи, будутъ соответствовать потребностямъ времени, сдѣлаютъ людей болѣе умными и болѣе благополучными. Такова исторія тысячи молодыхъ людей въ Америкѣ, и она составляетъ важную часть въ Исторіи самой страны.

Но чтобы видѣть ходъ образованности въ Соединенныхъ Штатахъ, должно обратиться къ ея основанію. Публичныя школы, сколько мно-

гочисленныя, безъ всякаго сомнѣнія много способствовали къ возвышенію сей страны надъ прочими, и, совершенствуя образъ просвѣщенія, способствуютъ сему и донынѣ. Изученіе законовъ распространяется каждый день болѣе и болѣе и подвергается правиламъ, имѣющимъ большое отношеніе къ духу времени. Медицина совершенствуется, и относительно практики, можетъ теперь сравнѣть на-равнѣ съ Европейскою. Большая часть образованныхъ медиковъ въ Америкѣ, получивъ дипломъ, уѣзжаютъ на нѣсколько лѣтъ въ Лондонъ, Единбургъ, Парижъ, не рѣдко въ Германію, и возвращаются въ отечество съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, приобретенныхъ въ ученыхъ заведеніяхъ различныхъ земель. Это обыкновеніе столько распространилось и доставляетъ столько рѣшительной пользы, что пренебрегать имъ значило-бы поставлять значительное препятствіе всякому блестящему успѣху. Здѣсь много хорошихъ операторовъ, и какъ одно и то же лицо есть вмѣстѣ и медикъ и хирургъ, то практика дѣлается отъ этого весьма разнообразною. Жизнь въ Америкѣ есть нѣчто гораздо болѣе значительное нежели въ Европѣ, и я думаю, что вездѣ имѣютъ гораздо менѣе вниманія къ больному, нежели у насъ, особливо если онъ принадлежитъ къ низшему сословію. Званіе медика здѣсь принадлежитъ къ почтеннѣйшимъ; просвѣщенные люди, его составляющіе, счита-

иное изреченіе съ особами разныхъ классовъ въ обществѣ, и вы найдете множество медиковъ, участвующихъ въ заседанияхъ Конгресса и опирающихся различными должностями на законодательный мѣстнаго.

О духовенствѣ, которое, какъ извѣстно, раздѣляется на множество различныхъ сектъ, говорить не нужно; оспаривающіе его всегда болѣе или менѣе просвѣщенны; смотря по той важности, которая приписывается наукамъ въ ихъ сектѣ. Вамъ уже извѣстно, сколь велико число посвящающихъ себя религіи воспитанниковъ, изъ числа ея удостоиваемыхъ степенями въ университетахъ.

Нечего говорить о писателяхъ. Должно признаться, что число книгъ, сочиняемыхъ въ Америкѣ, въ сравненіи съ числомъ книгъ, которыми вообще печатаются и читаются Американцами, весьма незначительно. Главная причина столь видимаго недостатка въ писателяхъ состоитъ въ томъ, что люди не обращались еще здѣсь къ источникамъ собственнаго ума, для поддержанія бытія своего. Соединенные Штаты представляютъ собою первый примѣръ націи, которая имѣетъ свои учрежденія и следовательно свои мѣтныя, въ отношеніи къ Словесности находящіяся въ зависимости у иностранцевъ. При одномъ языкѣ съ Англичанами, долго лѣтъ обихованіе ввозимыя книги, Американцы и послѣ революціи не измѣ-

вились въ сущности, словъ заимствій и удовольствій усиленныхъ. Сочиненія перепечатывались изъ видовъ экономическихъ, но все это были сочиненія Англійскія. Если-бы Англичане искусно пользовались сполъ сильнымъ вліяніемъ, то я думаю что они образовали-бы изъ Американцевъ союзниковъ, способныхъ не только смягнуть нынѣшнюю судьбу Англій, но даже и сдѣлали ее сполъ-же славною, сколько славно было возвышеніе сего государства.

Много было мнѣній о слѣдствіяхъ, произведенныхъ здѣсь выдумками и клеветами Англичанъ. Мнѣ-же кажется, что подобно всѣмъ нелѣпостямъ, онѣ уничтожили сами себя. Судя по тому, что я слышалъ, кажется, будто Американцы были сполкомъ наклонны слѣдовать мнѣніямъ и предразсудкамъ своихъ союзниковъ; но теперь видно, что они принимаютъ ихъ съ величайшею недовѣрчивостію. Безполезно распространяться объ этомъ направленіи умовъ: я скажу только нѣсколько словъ о вліяніи, которое оно должно имѣть на опечистивенную Словесность (*). Очевидно, что

(*) Авторъ можетъ здѣсь привести въ подтвержденіе своего мнѣнія слѣдующее: онъ знаетъ, что многія изъ Англійскихъ періодическихъ сочиненій были перепечатываемы и читаемы вообще всѣми въ Соединенныхъ Штатахъ, теперь-же Американцы обращаютъ особенное вниманіе на сочиненія опечистивен-

относительно вкуса и формы, Словесность Английская и Американская должны иметь общие образцы. До революцій, писатели принадлежали разным націямъ, и неслѣпо думать, чтобы Американцы не имѣли столько-же права на Мильтона, Шекспира и древнѣйшихъ писателей, сколько сами Англичане.

Такъ какъ Американцы продолжали, и послѣ революцій, изучать тщательно писателей Английскихъ, то очевидно, что и ихъ Литература должна была подвергаться тѣмъ-же переворотамъ, которымъ подвергалась Английская. Все различіе, которое только можно надѣяться отыскать въ нихъ, происходитъ единственно отъ мѣстнѣй политическихъ, и Американцы никогда не пренебрегали распространеніемъ оныхъ, въ чемъ можно понычѣ утѣряться, разсмотрѣвъ ихъ сочиненія. Мы посвятимъ нѣсколько минутъ подробному изложенію настоящаго состоянія Словесности Американской.

Публичные листки составляютъ первую и главнѣйшую часть ея: трудно опредѣлять, сколько

ныхъ, пренебрегая чужестранными; нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ уже и не перепечатываются болѣе, хотя народонаселеніе умножилось значительно, и слѣдовательно должно было, соотвѣтственно сему, увеличиться и число читающихъ.

Журналовъ печатаемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ; можно положить *отъ шести сотъ до тысячъ*. Въ Нью-Йоркской области болѣе пятидесяти Графствъ, и въ рядномъ изъ Графствъ, въ такой старинной области какова Нью-Йоркская (особенно въ Сѣверной ея части), цѣнь по крайней мѣрѣ одного Журнала; въ городахъ-же ихъ множество; въ небольшихъ даже получается по три и по чешуре Журнала, а во многихъ изъ Графствъ по чешуре и по пашни.

Такимъ образомъ, въ области Нью-Йоркской ихъ не менѣе полупораста. Говорятъ, что въ Пенсильваніи считается ихъ до восьмидесяти. Въ сихъ двухъ областяхъ около трехъ милліоновъ жителей. Положимъ, что въ нихъ издается до двухъ сотъ Журналовъ: такъ какъ первая область считается самою просвѣщенною, а вторая менѣе всего достигшею степени общей образованности въ Соединенныхъ Штатахъ, то оба они вѣроятъ и могутъ служить вѣрнымъ показаніемъ умственной дѣятельности цѣлой націи. Посему въ Соединенныхъ Штатахъ можно полагать до восьми сотъ Журналовъ. Впрочемъ, должно признаться, что сей способъ опредѣленія слишкомъ не точенъ, когда дѣло идетъ объ Америкѣ, ибо такой вопросъ основывается преимущественно на успѣхахъ общества въ каждомъ отдѣленіи страны.

Разумѣется, что въ сихъ Журналахъ заключа-
ются все роды доспониствъ; впрочемъ, ни одинъ
изъ нихъ не имѣетъ преимуществва пользо-
ваема вспомоществованіемъ людей опличныхъ спо-
собностей, что, напротивъ, всегда наблюдается
относительно важнѣйшихъ Европейскихъ Журна-
ловъ. Здѣсь лучший Журналъ имѣетъ иногда
только одного издателя, но рѣдко случается,
чтобы сей послѣдній не читалъ довольно обширно-
сти въ людяхъ и дѣлахъ и не могъ судить о со-
временныхъ происшествіяхъ. Польза отъ Америк-
анскихъ Журналовъ состоитъ не въ томъ,
чтобы они имѣли вліяніе на духъ народный, от-
носительно предметовъ политики, или нрав-
ственности, но въ томъ, что посредствомъ
ихъ раскрываются самыя происшествія. Ясно,
что если-бы они были согласны между собою,
то могли-бы, соединенными силами, дать рѣши-
тельное направленіе общей воли; но ни въ чемъ
не сходствуя между собою, исключая только то-
го, что относятся непосредственно къ ихъ
выгодамъ, они противорѣчатъ одинъ другому,
вмѣсто того, чтобы дѣйствовать одинаково,
относительно вопросовъ касающихся политики;
истина объясняется послѣ рѣшительныхъ, жесто-
кихъ преній, отъ того происходящихъ. Такимъ
образомъ Журналы, вмѣсто того чтобы управ-
лять общимъ мнѣніемъ, должны постоянно поко-
ряться ему; они питаютъ мысль, доставляя ей

средства выразились, но рѣдко служатъ къ чему нибудь важнѣйшему. Безъ сомнѣнія, вліяніе каждаго листа политической газетѣ должно сооповѣдствовало твердости и тому искусству, съ коимъ она держится начала, починаемыхъ здѣсь лучшими; но должно также, чтобы и начала сіи согласовались съ общимъ мнѣніемъ; иначе всѣ труды будутъ напрасны.

Журналы въ Америкѣ воздержаны въ своихъ преніяхъ, нежели Англійскіе, и сѣверо-Французскіе. Духъ народа и общее уваженіе къ чувству каждаго лица, сдѣлало бысть быстрое поддѣльное соотловіе общества, оцѣнивая ихъ по Французскимъ Журналамъ. О дѣлахъ частныхъ лицъ рѣдко говорится здѣсь въ Журналахъ; не говорится даже никогда, исключая только нѣ случаев, когда они имѣютъ отношеніе къ дѣламъ общественнымъ, или когда хотѣли быть полезными этому лицу. Впрочемъ, въ Америкѣ начинаютъ вводиться одио обыкновеніе, заимствованное у Англичанъ и принятое уже Французами, обыкновеніе, доказывающее, что чувства самыя непохвальные общи людямъ при всѣхъ описаніяхъ, и, чтобы обнаружиться, имѣютъ нужду только въ благопріятномъ случаѣ. Я хоту сказать объ обычай, давати оспаривать засѣданіяхъ, что служатъ только нѣщамъ пустому любознательству въ народѣ, жаждущемъ ссоры.

Говорятъ, что въ обнародованіи актовъ не можемъ быть никакого зла, если зала засѣданій открыта для всѣхъ. Справно, что суды, со всею спорогосію поспуная по прагмату: «Гораздо лучше освободить двѣнадцать виновныхъ, нежели погубить одного невиннаго,» бывають причиною величайшихъ несправедливостей, каждый день происходящихъ отъ этого обыкновенія. Въ самомъ дѣлѣ, если судебная зала отворена для каждаго, то она отворена для того, чтобы каждый входящій могъ увѣриться въ безпристрастіе и справедливости, съ которыми предлагаются дѣла; но свѣтскіе люди, вмѣсто того чтобы присутствовать въ засѣданіяхъ, довольствуются только подпверженіемъ, что изложеніе дѣла, которое они видѣютъ въ рукахъ, совершенно точно, и что, прочитавъ его, можно судить обвиняемаго. Конечно, Журналисты легко передастъ каждое собственное выраженіе допрашиваемаго; но возможно-ли описать взглядъ, эмзіономію, осанку? А между тѣмъ, безъ сихъ признаковъ, не лзя судить о смелости достоинства показаній неувѣстнаго свидѣтеля, хотя каждый думаетъ, что имѣетъ предъ собою самыя вѣрныя средства узнать истину. И по сему-то не найдется дюжмъ рѣшеній, въ которыхъ то или другое опредѣленіе суда не показалось-бы справедливымъ. Правда, мысль, что присутствовавшимъ лучше было судить, усно-

кончается. Сверхъ того, обыкновенно не имѣя непосредственнаго отношенія къ снѣ дѣламъ, каждый остается удовлетвореннымъ. Но что бываетъ съ несчастнымъ, восторгнувшимъ изъ его утѣхища для опроверженія несправедливыхъ обвиненій, падающихъ или на него самого, или на его собственность, или на его образъ мыслей?

Если этого человѣка добродѣтели, то сколько потерпитъ онъ, чувствуя что не только самъ онъ, но, что всего хуже, и тѣ слабыя существа, которыхъ бытіе заключается въ немъ, каждую минуту, въ продолженіе многихъ недѣль, будутъ спрашивать отъ жаднаго любопытства читателей? Для правосудія должно быть достаточно, чтобы такіа дѣла были обнародованы столько, сколько нужно для отвращенія преступленій; но подобное благодѣаніе обращается въ бѣду народа, когда то, что должно было бы служить къ нашему защищенію, дѣлается источникомъ бѣдствій каждаго. Правосудіе дѣйствуя въ ходъ свой для общаго блага, необходимо бываетъ причиною и многихъ золъ; но жестоко думать, что самое оправданіе человѣка должно напоминать обществу, что онъ былъ обвиненъ. Есть много доказательствъ, что это обыкновеніе имѣло важныя послѣдствія въ Англіи: каждый день, многіе уступаютъ самымъ низкимъ просякамъ для того только, чтобы избѣгнуть объясненій и замѣчаній тѣхъ людей, которые ихъ-же занима-

Августъ 1829.

27

купъ за замѣркомъ подобными печальными разсказами. Безъ всякаго сомнѣнія есть случаи, требующіе пожертвованія спокойствіемъ чувствъ чистаго лица для общей пользы, но весьма не рѣдко должно бываетъ также уснувши и пѣтъ обязанностямъ, которыя налагаются справедливою и благоразумною любовью къ челоуѣчеству.

Типографіи пользуются въ Соединенныхъ Штатахъ самою неограниченною свободою книгопечатанія относительно всѣхъ предметовъ, касающихся Политики. Никакой письменный документъ не можетъ быть доказательствомъ истинны, если онъ только не обнаруживаетъ сообщенія съ непріятелемъ. Челоуѣкъ должностной не имѣетъ другаго покровительства противъ Журналовъ, кромѣ независимаго суда присяжныхъ, наказывающаго виновнаго соотвѣтственно достоинству и важности обвиненной стороны; впрочемъ, вообще, поступки людей, служащихъ государству, разсматриваются сообразно нѣкоторымъ принятымъ правиламъ умѣренности. Слабыя обвиненія уничтожаются сами собою, но важныя требуютъ значительной защиты. Должно признаться, что таковая свобода нарушаетъ иногда спокойствіе гражданъ, но она же, вмѣстѣ съ пѣтъ, привязываетъ каждого къ его должности и рѣдко бываетъ причиною продолжительныхъ золъ. Если неосновательно дѣлаются важныя обвиненія противъ челоуѣка государствен-

наго, то, по нравственному толкованію закона, они обращающіеся въ преступленіе противъ общества и, слѣдовательно, должны быть наказываемы какъ таковое преступленіе; начала, на которыхъ основывающіяся въ семъ случаѣ, очень просты. Если А обвиняетъ В въ посягкѣ, нарушающей законъ, то онъ долженъ представить и свои доказательствва; если-же не имѣетъ ихъ, то долженъ посрамиться самъ. Но если-бы Изда-тель Журнала, или кто либо другой, обвинялъ въ преступленіи (сколько-бы оно ни было важно) самого Президента, и могъ доказать это, то онъ дѣйствовалъ-бы съ такимъ-же увѣренностію въ томъ, что онъ не можетъ быть наказанъ, какъ будто-бы самая власть была въ рукахъ его. Тогда общее мнѣніе, которое не только имѣетъ отношеніе къ закону, но здѣсь даже составля-етъ самый законъ, подало-бы ему свою могуще-ственную руку помощи. Обвиненія противъ зло-употребленій книгопечатанія бывають чрезвычай-но рѣдко, и слѣдовательно, одно это уже ясно показываетъ общій духъ пріятія, царствующій въ народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, общественное мнѣ-ніе, между прочими своими законами, всегда рѣшительно имѣло въ виду и то, чтобы въ са-мыхъ жаркихъ спорахъ никто не переступалъ извѣстныхъ предѣловъ; служа постоянно твердою опорою свободы книгопечатанія, оно требуетъ повиновенія въ этомъ случаѣ, какъ и во вся-комъ другомъ.

Остатні Журнали, ми переходимъ шеперя попоередшески до сочиненій, являючися такіе періодически. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются хорошииъ успѣхомъ и многіа изъ ученыхъ мѣтрадохъ, печатаемыхъ каждый мѣсяць или каждую недѣлю, живють свое достоинство.

Англія богата людьми ошличими, живущими только въ своихъ сочиненіяхъ для *Магазиновъ*, которые составляютъ родъ литературныхъ и ученыхъ обзорній, издаваемыхъ каждый мѣсяць и всегда по плану довольно обширному. Журналы сіи столько хороши, что въ Америкѣ не лзя состязашься съ Англичанами въ этомъ родѣ Словесности. Посему-то шеперь издають здѣсь мало подобныхъ періодическихъ сочиненій, но привозять и читають много.

Литература въ Соединенныхъ Штатахъ должна побѣдить много препятствій, прежде нежели она ошанеть на раду съ Литературою Англійскою. Произведенія гениальныа могутъ являться ошдѣльно, по вдохновеніи чувства восшорженного, ихъ сошворившаго; но едва-ли каждый талантъ не завидуешь особенно тому успѣху, который обнаруживается въ наградахъ болѣе проныхъ, денежныхъ; а шакъ какъ книгопродавецъ въ Америкѣ можетъ печатать Англійское сочиненіе, не плаша за него ничего, то это и будешь въ продолженіе еще нѣсколькихъ лѣтъ

престигивовать Словесности ответственной, пока покровительство законовъ не распространился на нашихъ писателей. Ни одинъ издатель не купитъ эпической поэмы, трагедіи, сонеты, романа, пока онъ такіе-же можетъ имѣть даромъ. Я говорилъ съ людьми, могшими судить объ этомъ, и признаюсь, былъ удивленъ ихъ словами.

Одинъ богатый Американскій книгопродавецъ утѣрялъ меня, что здѣсь имѣтъ двѣнадцать писателей, которыхъ сочиненія спалъ бы онъ охотно печатать, между тѣмъ какъ онъ-же сошны Англійскихъ книгъ перепечатываетъ безпрестанно. Это предпочтеніе происходитъ не столько отъ неравенства ихъ достоинствъ, сколько отъ того, что прибавля къ цѣнѣ оригинальнаго сочиненія еще неизвѣстность въ успѣхъ, сопровождающую каждое новое предпріятіе, перевѣсъ всегда на сторонѣ пошери. Общій вкусъ читающей здѣсь публики лучше Англійскаго. Доказательство на это представляюмъ сошны книгъ, которыя читаюмъ и печатаюмъ въ Англіи, и которыя здѣсь не имѣли-бы никакого хода. Книгопродавецъ, по-сю сторону Океана, имѣетъ выгоду въ томъ, что можетъ знать имѣнія о книгахъ, которыя онъ желаетъ напечатать, и можешь ожидать (исключая тѣхъ, за которыя ручается имя Автора) суда критиковъ Англійскихъ, прежде нежели сдѣлаешь свой выборъ. Сказавъ, что

причина, почему цѣнялся слишкомъ дешево сочиненія опечесивенныхъ писателей, не заключается въ бѣдности талантовъ, можетъ быть я долженъ-бы былъ лучше объяснить мои мысли. Каждый талантъ слишкомъ увѣренъ въ томъ, что онъ вездѣ сыщеть вѣрную себѣ дорогу къ богатству и почестямъ, и потому не идетъ по неизвѣстной и опасной дорогѣ; онъ лучше вознагражденъ въ обыкновенной жизни, нежели на такомъ поприщѣ, на которомъ подвергается опасности состязанія съ другими.

Второе препятствіе, которое предпосылтъ нашей Литтературѣ, заключается въ бѣдности матеріаловъ, находящихся въ ея распоряженіи. Едва есть одинъ источникъ, изъ котораго писатель можетъ почерпнуть что нибудь, между тѣмъ какъ въ Европѣ сихъ источниковъ множество. Здѣсь нѣтъ лѣтописей для историка, странностей для поэта-сатирика; нѣтъ оригинальныхъ характеровъ для драматическаго писателя, таинственныхъ вымысловъ для романиста, важныхъ и дерзкихъ происковъ противъ добродѣтели для автора нравственныхъ сочиненій, наконецъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ блистательныхъ вымысловъ, которыми питается поэзія. Я очень хорошо знаю, что есть теоремы, подтверждающіе, что общество и постановленія наши должны особенно благопріятствовать различнымъ произведеніямъ ума. Но опустъ

трехъ , четырехъ — недѣльнаго пребыванія здѣсь доспапчочень для убѣжденія каждаго здоровомы-
слаго наблюдателя въ ложности такого мнѣнія.

Здѣсь совершенное равенство позволяетъ каждому имѣть одни и тѣже приемы. Нигдѣ не видалъ я націй, болѣе нежели жители Соединенныхъ Штатовъ похожей на себя. Здѣсь не только одинъ похожъ на другаго , но всѣ явно представляющіеся шѣмъ , тѣмъ здравый смыслъ указываетъ имъ быть. Правда , въ удаленныхъ областяхъ можно описывать нѣкоторыя черты оригинальныхъ характеровъ , но онѣ не принадлежатъ ни къ разительнымъ , ни къ поэтическимъ , и не всегда составляютъ собою какое нибудь счастливое исключеніе. Наконецъ , невозможно вообразить себѣ состоянія общества, въ которомъ было-бы болѣе настоящаго здраваго смысла и менѣе условныхъ нелѣпостей. Нѣтъ ни особеннаго костюма крестьянъ , ни парика для судьи , ни жезла для Генерала , ни опличія для высшаго правительсва; самыя темныя вѣка дѣйшней Исторіи освѣщены пламенникомъ истины. Величайшіе подвиги рыцарсва подведены подъ законы божесвенные , и дѣянія мудрецовъ и героев должны воспрѣваться на языкѣ , который ни въ чемъ почти не отличается отъ языка десяти заповѣдей. Сколько-бы все это ни было полезно, сколько-бы ни было достойно уваженія, относительно жизни дѣйшительной , но человекъ гениальный мало най-

дѣтъ въ этомъ предисловіи для своего вдохновенія.

Правда, Американцы имѣютъ теперь нѣсколько поэтовъ, которые умѣли извлечь сущность изъ силъ проспѣхъ и грубыхъ матеріаловъ; но они должны были вскапывать своихъ вдохновеній въ общихъ законахъ природы, и всегда прѣмъ болѣе успѣвали, чѣмъ чаще обращались ко всеобщности сихъ высокихъ задачъ. Посреди молодыхъ людей, счастливо одаренныхъ талантами, особенно замѣчательны теперь одинъ (Галлекъ) по своей шокосии, полной ироніи и соединенной съ поэтическимъ, часто возвышеннымъ слогомъ. Писатель сей началъ свое поприще, какъ поэтъ сатирическій, въ одномъ изъ Нью-Йоркскихъ Журналовъ. Матеріалы не были богаты, но гармоніи стиховъ, вѣрность и сила сравненій, блистательная веселость духа, скорѣ ошлчили его. Люди со вкусомъ усовершенствованнымъ видѣли, что онъ ходилъ еще на помочахъ; но спустя нѣсколько времени, послѣ изданія небольшого сочиненія, подъ заглавіемъ *Фанни*, онъ посѣтилъ Англію; тамъ быстро возвысился духъ его; онъ сдѣлалъ опытъ въ забавномъ родѣ сочиненія, и прозвѣвалъ одно изъ совершеннѣйшихъ полу-героическихъ описаній, какими только могла хвалиться Англія. Это также доказываетъ истинну мною сказаннаго; доказываетъ, какое вліяніе имѣютъ на поэта нравы и обстановка времени. Я

вотъ-бы назвать еще многихъ молодыхъ здѣшнихъ поэтовъ, имѣющихъ рѣдкіе таланты: Бриантъ, Персиваль, Спрегъ (Sprague) должны обратить на себя особенное вниманіе, какъ писатели, которыхъ сочиненія доставили-бы вамъ особенное удовольствіе. Къ сожалѣнію, они неизвѣстны еще на вашемъ языкѣ (*); но я увѣренъ, что вы сами нашла-бы лучшія сочиненія ихъ достойными перевода.

Романы составляютъ вторую отрасль произведеній воображенія, хотя безъ всякаго сомнѣнія высшую. Послѣ всего, мною вамъ уже сказаннаго, вы не должны ожидать очень многого отъ произведеній романистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Впрочемъ, тѣже самыя причины будутъ препятствовать еще нѣсколько времени и вдохновеніямъ драматическихъ гениевъ. Однакожъ повѣсти и комедіи не новы уже въ Словесности здѣшняго края. Многія явились вскорѣ послѣ революціи и еще множество ихъ издано въ послѣдніе годы. Одинъ изъ романистовъ, менѣе всего покорившійся правамъ настоящаго общества, опирается силою и свѣтлостію мыслей. Я помню, что въ ранней молодости моей я читалъ одно изъ его сочиненій (Виландъ), и полагаю неоспоримымъ доказательствомъ его генія то, что среди множества сходныхъ между собою картинъ,

(*) Авторъ пишетъ сіе къ Итальянцу. *Прим. Пер.*

одна за другою слѣдовавшихъ, обрамъ, которые онъ пробудилъ въ душѣ моей, навсегда оспались въ ней ясными и господствующими. Авторъ сей, Брокденъ Броунъ, пользуется особенною славой между соотечественниками, которыхъ голоса очень безпристрастны, ибо онъ въ сочиненіяхъ своихъ не льстилъ ни одному изъ предразсудковъ націй.

Слава Ирвинга извѣстна вамъ. Писатель сей въ высочайшей степени обладаетъ тѣмъ, что Англичане называютъ юморъ, родъ умственной веселости, въ которой было описано его соотечественникамъ. Достоинство его тѣмъ болѣе важно, что онъ родился посреди такого общества, гдѣ царствовали холодность и принужденіе. Кромѣ сихъ писателей, есть еще множество другихъ, которые на этомъ-же воприцѣ пользуются въ некоторую благосклонностію въ здѣшнемъ краѣ; сочиненія двухъ или трехъ изъ нихъ были даже переведены на другіе Европейскіе языки и въ большемъ количествѣ перепечатаны въ Англіи. Хотя романы въ Америкѣ и должны сражаться съ неудобствами, о которыхъ говорено было выше, но при всемъ томъ, они всегда имѣютъ въ некоторую занимательность въ новостяхъ предмета, который не лишенъ бываетъ поэтической прелести. Думаю однакожъ, можно вообще положить, что они всегда были болѣе или менѣе счастливы, смотря по тому, какъ близки или

далеки были они отъ истины въ изображеніи оригинальныхъ нравовъ своей земли. Я говорю здѣсь объ ихъ успѣхѣ, въ качествѣ только романистовъ. Каждому Американцу, безъ всякаго сомнѣнія, не трудно представить описаніе нравовъ своего края, въ сочиненіи, которое ему угодно было-бы назвать романомъ, и онъ нашелъ-бы читателей, ибо публика любитъ такіа подробности; но безъ сомнѣнія никто не сталъ-бы читать его за эту поэтическую, неопредѣленную прелесть, которая соединяется съ описаніемъ нравовъ, менѣе грубыхъ и менѣе однообразныхъ. Всѣ опыты, дѣлаемые до сихъ поръ въ родѣ Историческихъ романовъ, не были удачны. Нѣкоторые изображенія усовершенствованія общества на границахъ имѣли болѣе успѣха потому, что въ нихъ есть нѣчто новое, хотя и не поэтическое; однакожъ лучше всего приняты здѣсь такіа сочиненія, въ которыхъ писатели старались изображать характеры общіе всѣмъ. Но если допустить это, то очевидно, что писатель въ Америкѣ долженъ основывать славу свою на изображеніи общихъ качествъ; его наблюденія ограничиваются кругомъ общества, въ которомъ все стремится не только къ уничиженію страстей, но даже къ уравниенію самыхъ характеровъ.

Американцы всегда имѣли наклонность къ полемическимъ и политическимъ сочиненіямъ. Ихъ

проповѣди и рѣчи 4-го Іюля (день празднованія независимости Соединенныхъ Штатовъ) многочисленны; ихъ Историки, не будучи ни слишкомъ классическими, ни слишкомъ глубокими, замѣчательны по своему справедливому, превосходному суду. Можетъ быть нѣтъ на нашемъ языкѣ логика, болѣе скапанго въ метафизическихъ разсужденіяхъ своихъ чѣмъ Эдвардсъ. Американскіе богословы также заслуживающъ особенное вниманіе.

Театръ въ Соединенныхъ Штатахъ совершенно Англіійскій: пьесы и актеры, исключая весьма немногихъ, все почти привозные. Пуншественникъ найдешь множество театровъ тамъ, гдѣ онъ и не ожидалъ. Архитектурою и украшеніями они равняются съ Европейскими. Фасадъ главнаго театра въ Филладельфій (если не ошибаюсь) мраморный, Іоническаго ордена. Въ Нью-Йоркѣ есть театральныя залы, которыя величїемъ не менѣе Théâtre-Français, и почти поспорятъ съ нимъ въ украшеніяхъ. Кромѣ ихъ есть еще прекрасный маленькій театръ, на которомъ играются пьесы въ легкомъ родѣ, и еще другой, съ преогромною сценою для мелодрамы. Есть также болѣе двухъ или трехъ цирковъ, гдѣ люди и лошади состязаются въ проворствѣ и ловкости, какъ у Франковъ.

Американцы хорошо награждаютъ драматическіе таланты. Кукъ, величайшій изъ Англіійскихъ трагическихъ актеровъ нашего вѣка, умеръ въ

Соединенныхъ Штатахъ. Въ Англіи итѣтъ почти и одного знаменитаго актера, который рано ли поздно не пускался-бы за Океанъ. Шекспира также умѣють цѣнить здѣсь, какъ и въ его отечествѣ. Вкусъ въ Америкѣ лучше нежели въ Англіи, ибо онъ сходенъ со вкусомъ остальной Европы. Вы можете спросить меня, что образовало вкусъ Американцевъ, и я буду отвѣчать, что народъ, менѣе оплачивающійся крайностями въ равахъ своихъ, не могъ наслаждаться представленіями, которыя не оправдывались судомъ ума. Слышалаъ, какъ одинъ актеръ жаловался, что онъ никогда не игралъ передъ публикою, болѣе олодною той, которая его тогда видѣла; слышалаъ и публику, которая жаловалась, что она никогда не видала талантъ жалкихъ барсовъ, какъ въ иномъ разѣ. Трагедія и высокая комедія, которыя у Англичанъ, какъ вамъ извѣстно, овершенны, всегда имѣють здѣсь успѣхъ, если хорошо представляются. Наконецъ, вкусъ народа и образъ мыслей объ Искусствѣ Драматическомъ доказывается числомъ театровъ, которое очень велико въ сравненіи съ населенностію дѣльнаго края.

Въ Соединенныхъ Штатахъ итѣтъ, или почти итѣтъ писателей драматическихъ; замѣчанія, сдѣланныя мною на счетъ романовъ, вдвое важнѣе иносительно сего рода сочиненій. Оспроумная комедія Американская, и припомъ имѣющая боль-

шой устѣхъ, не можешь быть сотворена тамъ пошлѣ обыкновенныхъ. Конечно легче было-бы счинить трагедію, но въ такомъ случаѣ надобно бороться съ иностранцами, между нѣтъ и есть другіе пути для гѣнія, слѣдуя которымъ устѣхъ предпріятія не шакъ сомнительнѣе. Единообразіе жизни въ Америкѣ явно враждуетъ съ Драматическимъ Искусствомъ. Никакое поспорнее ослѣпленіе не способствуетъ занимательности пьесы; судья, слуга, шутъ, воиаріусъ, и бовница, любовники не могутъ выиграть коммюмъ. Чпо-жъ касается до мелодрамы, ее немы представлять иначе, какъ перенося сцену въ са; неуремѣнно должно прибѣгнуть къ ближайшей церкви, чтобы на сценѣ услышали звуки урной полночи. Подземные своды назвала-бы здѣе потребомъ, а появленіе шѣней прекратилось бы тогда какъ открыта была земля. Малѣйшее пришествіе, отступающее отъ общаго хода жизни обыкновенной и противное опыту, не могло бы понравиться здѣсь, гдѣ, какъ я сказалъ у страсти и всѣ случаи жизни должны покоряться анализу здраваго смысла. Впрочемъ, не смотря на могущественное вліяніе Литтературы Англіи, не смотря на всѣ препятствія, о которыхъ говорилъ, число оригинальныхъ сочиненій въ Соединенныхъ Штатахъ увеличивается, ибо тамъ и гѣній умѣютъ преодолевать всѣ препятствія. Конечно, съ каждымъ днемъ они буду

дѣлались болѣе и болѣе извѣстными, и наконецъ у всѣхъ народовъ приобрѣшущъ славу, на конпорую имѣющъ право:

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НОВАГО ПЕРЕВОДА ТРАГЕДІИ: МАКБЕТЪ.

(Мѣсто, поросшее дикимъ кустарникомъ;
въ срединѣ на огнѣ стоитъ котелъ.
Громъ).

ГЕКАТА и ТРИ ВѢДЬМЫ.

1-я ВѢДЬМА.

Гекаста! сердисься на насъ?

2-я ВѢДЬМА.

За что-же твой сердитый гласъ?

ГЕКАТА.

За то, что не спросясь совѣта,
Вы, вѣдѣны дерзкія, сошлись;
За то, что безъ меня клялись
Оушашъ чарами Макбета!
Источникъ бѣды и корень зла!
Царица ваша, все не я-ли?
Зачѣмъ-же вы меня не звали?
И я-бы славно помогла! . . .
Но вошь что худо, что строптивый,

Кого ввелъ я на престолъ ,
Въ душѣ и гордый и сварливый,
Своей дорогою пошелъ ! . . .

Поправьше-жъ все ! . . . исчезну я ,
Но вамъ поможетъ власть моя !
Макбешъ , когда заря взоидетъ ,
Васъ вопрошатъ сюда придетъ ;
Я вамъ приплачу духовъ толпой ,
Примчатъ всѣ чары за собой ! . .
Скорѣй ! скорѣй ! а я спѣшу ,
Я много въ эту ночь свершу !
Въ шуманъ капля на дунѣ
Уже повисла : должно мнѣ ,
Доколь виситъ , смахнушь перстомъ ,
И силой чаръ и колдовствомъ
Она разсыпаться должна :
Родитъ видѣнія она ,
И увлеченъ за ними въ слѣдъ ,
На гибель поспѣшишь Макбешъ !
Онъ предъ судьбой не задрожитъ ,
Забудетъ страхъ , забудетъ стыдъ !
А вы всѣ знаете давно ,
Что тошъ , кому все знашь дано ,
Изъ нашихъ рукъ не ускользнешь !

Голосъ :

Пора ! скорѣй ! пора , скорѣй !
Гекша ! мчись ко мнѣ быстрѣй !
Ага ! меня мой духъ зоветъ !
Узнала я тебя издадека ;
Зоветъ меня въ шуманы , въ облака !

(Ночеваетъ за козломъ).

СЦЕНА III.

Три вѣдьмы пляшутъ вокругъ огня.

1-я Вѣдьма.

Ну, дружитѣй вокругъ кошла!
Вы бросайте жабу, сестры!
День и ночь она спала
Подъ каменьемъ: ядъ въ ней острый!
Собранъ онъ въ сырой землѣ,
Пусть кипитъ она въ кошлѣ!

Всѣ вмѣстѣ.

Дружно! дружно! пламень ярче!
Пусть кипитъ кошелекъ нашъ жарче!

1-я Вѣдьма.

Пусть болотная змѣя
Въ немъ клочечетъ по-немногу;
Влажный пухъ нешопыря,
И шуда-жъ лягушки ногу.
Изъ эхидны брось языкъ;
Брось шуда собачій клыкъ.
Дружно, дружно! пламень ярче!
Пусть кошелекъ кипитъ нашъ жарче!

Всѣ.

Дружно, дружно! . . . и проч.

3-я Вѣдьма.

Остовъ вѣдьмы, рысѣй глазъ,
Волчій зубъ и пасты сивуча;

Августъ 1829.

Корень шопъ , что въ темнотѣ царь
 Въ полѣ рвешъ колдунъ лешучій !
 Вырви печень изъ Жиды ;
 Сучьевъ нвы брось шуда :
 Въ часъ зашмѣнія луны
 Ихъ всегда домашъ должны !
 Ромъ Татарина бросай ,
 И младенца мнѣ подай ,
 Что задавленъ былъ во рву :
 Пальцы съ рукъ его сорву !
 Крови тигровой подлей ,
 И мѣшайте все скорѣй !
 Дружно , дружно ! пламень ярче !
 Пустъ кипитъ кошелъ нашъ жарче !

В с ъ .

Дружно , дружно ! . . и проч.

Первая.

Лей кабанью кровь въ него —
 И свершился коловсипво !

Г е к а т а .

О , хорошо у васъ вдушъ дѣла !
 Хочу , чтобъ вы добычу раздѣляли !
 Пляшите-же дружныи вокругъ кошла :
 Чтобъ пляска ваша помогла
 Околдовать все , что въ него вы положили !

Вторая.

Всѣхъ духовъ сюда зову :
 Синій , черный , красный , бѣлый !

Помогайте колдовству, ...
 Чшобъ въ концѣ скорѣй живѣло!

Третья.

Что низинецъ мой зудитъ?
 Точно! будешь онъ здѣсь скоро!
 Отопритесь всѣ зашторы:
 Посмотрите, кто спучитъ!

СЦЕНА IV.

МАКБЕТЬ и ТРИ ВѢДЬМЫ (*разныя фантазма-
 горическія видѣнія*).

МАКБЕТЬ.

Ну, мрачныя, таинственныя сестры!
 Въ полночный часъ что дѣлаете здѣсь?

Три вѣдьмы.

Безъ имени оканчиваемъ дѣло!

МАКБЕТЬ.

Опѣшшшуйте! я заклинаю васъ
 Всей силой чаръ таинственныхъ и мрачныхъ!
 Хотя-бы вихрь, слышавъ грозный гласъ,
 На храмы всталъ, ихъ снесъ съ лица земли;
 Хотя-бъ валы покрыли корабли,
 Хотя-бы палъ созрѣлый въ полѣ класъ,
 И дома на главы стрегущихъ пали,
 И на корняхъ, шатавшихся пирамиды,
 Хотя-бъ главы къ подошвѣ преклонили;
 Сокровища сокрытыя земли
 Хотя-бъ въ клубокъ свернулись, чшобъ бѣда

Сирѣпствовать устала, и тогда
Хочу вынимать ошвітъ изъ вышней мой!

4-я Вѣдьма.

Такъ говори!

2-я Вѣдьма.

Спроси! . . .

3-я Вѣдьма.

Дадимъ ошвітъ!

4-я Вѣдьма.

Но ошъ кого ошвітъ желаешь слышать,
Ошъ насъ, или ошъ шѣхъ, кто выше насъ?

МАКВЕТЪ.

Зовише ихъ, я видѣшь ихъ хочу!

4-я Вѣдьма.

Крови изъ свиныхъ скорѣй,

Что дѣшею ошомъ загла;

Жиръ изъ шен шой подлей,

Что на площади вистла!

Дружно, дружно! пламень ярче!

Пусть кипимъ котелъ нашъ жарче!

(Громъ).

(Голова съ земли появляется).

МАКВЕТЪ.

Скажи-же мнѣ, повѣдомая ошва. . .

4-я Вѣдьма.

Что задумать, ей не ново:
Слушай-же, а самъ ни слова! . . .

Видѣніе.

Макбеть! Макбеть! Макдуфа шрепещи!
Пусти меня, тебя того довольно!

Макбетъ.

Кто-бъ ни былъ ты, тебя благодарю;
Коснулся ты струны моей боли;
Но отвѣчай. . .

4-я Вѣдьма.

Ему вѣсть не лзя. . .
Но воть другой: найдешь въ немъ больше силъ!
(Громъ. Появляется окровавленный мла-
денецъ).

Младенецъ.

Макбеть! Макбеть!

Макбетъ.

Тебѣ я жадно внимаю.

Младенецъ.

Лей всюду кровь! будь швердъ и смѣль!
Вся смертныхъ власть ничтожна надъ тобою:
Не повредишь тебѣ рожденный въ свѣтъ женою—
Таковъ тебѣ судьбой положенный удыль!
(Истезаетъ).

Макбетъ.

Такъ пусть живетъ Макдуфъ, не страшна ему!
Но я хочу спокойнѣй быть, хочу

Взять опъ судьбы залогъ : умреть Макдуфъ —
 Чшобы я могъ въ лжецы поставишь страхъ,
 Чшобы вопреки громамъ , я могъ заснуть !

(Громъ. Внѣшанный младенецъ съ отцовою а
 рукъ).

А эшо кто , какъ сынъ Царя , восходишь
 И на челѣ младенческаго корона !

Вѣдьмы.

Мысль твоя ему не нова !
 Слушай ты , а самъ ни слова !

Видѣніе.

Будь ты львомъ ! Спокоенъ будь :
 Заговоры и измѣны ,
 Варъ , не можешь досягнушь ,
 Но дошолъ , пока подъ стѣны
 Замка , гдѣ Макбетъ живешь ,
 Лѣсъ Бирнамскій не поидеть !

(Душъ исчезаетъ).

МАКБЕТЪ.

Току не бышь ! Кто можешь двинушь лѣсъ ?
 Кто поведишь съ мѣстовъ сойдши кореньямъ ?
 Счастливое сказанье ! .. Бунтъ не можешь
 Взрости такъ высоко , чшобы я видѣлъ
 Какъ лѣсъ поидеешь ! Такъ , такъ ! и на пресшолъ
 Мнѣ суждено спокойно жить дошолъ ,
 Доколѣ часъ природы не пробьетъ !
 Но лютъ еще что я хочу узнать :
 Скажи , на шронѣ взойдетъ-ли Банковъ родъ ?

Вѣдьмы.

Ты болѣе не долженъ вопрошать!

Макбетъ.

Ошвѣстившуйше! нѣ проклиная васъ!
 Что это? что? Кошель чрезъ край хлопочешъ!...
 Ошвѣстившуйше!... вошь буря понеслась...
 Что значишь вошь, къ чему сей громъ грохочешъ?
(Громъ трубы).

Первая вѣдьма.

Явись!

Вторая вѣдьма.

Явись!

Третья вѣдьма.

Явись сюда, явись!...

(Всѣ три вмѣстѣ).

Покажишеся всѣ вдругъ;

Въ немъ убейте сѣмь духъ!

(Появляются восемь Королей; они идутъ одинъ за другимъ тихо; послѣдній Банко: онъ держитъ зеркало).

Макбетъ *(между тѣмъ какъ
 видѣнія проходятъ).*

Твое лицо на Банково похоже!

Прочь! твой вѣнецъ мнѣ очи ослѣпилъ!

И вошь другой въ коронѣ! о, прочь шже!

И шрешій!.. отъ главы все шомъ-же пылъ!

Проклятые! зачѣмъ призвамъ ихъ?
 Четвертый! прочь! Такъ до скончанья свѣта
 Сія черта должна страшить Макбета!...
 Еще седьмой!... такъ сгнѣвше съ глазъ монхъ!
 Но восьмой!... онъ съ зеркаломъ спонхъ,
 Изъ множество въ похъ зеркалъ дрожитъ!...
 А у иныхъ при скиншра, двѣ державы...
 Ахъ! узнаю, кто призракъ сей кровавый:
 То Банко!... такъ! шо не обманъ очей —
 Смѣтешся онъ и кажетъ мнѣ дѣшей!

Вѣдьм.

Точно такъ все! А зачѣмъ
 Ты шепещешь? спалъ ты нѣмъ!...
 Но веселье будетъ въ немъ...
 Воздухъ! ты звени быстрѣй!
 Вы-же сестры всѣ дружитѣй,
 И пляшите всѣ кругомъ...
 Чтобъ сказалъ въ душѣ своей:
 Былъ я принять съ торжествомъ!..

*(Неслышимая музыка. Вѣдьмъ
 пляшутъ и исчезаютъ).*

Макбетъ.

Гдѣ вы? изъ нѣтъ! будь проклятъ эшомъ часъ!
 Кто здѣсь? войди сюда скорѣй!

А. Ротгебъ.

БѢДНЫЙ ДИКЪ, или НЕКОНЧЕННАЯ РУКОПИСЬ.

(Продолженіе).

Пасторъ былъ глубоко опечаленъ. Возвратившись домой, онъ цѣлый день не могъ ни пить, ни ѣсть. Онъ провелъ весь этотъ день и слѣдующую ночь ходя по комнатамъ взадъ и впередъ и не говоря ни слова Дикъ, который сидѣлъ сложенными руки на груди, устремивъ глаза въ землю. Когда начался день, Пасторъ вышелъ. Дикъ не сомнѣвался, что онъ пошелъ въ замокъ и ждалъ возвращенія Пастора. Увидѣвъ его, онъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и спросилъ: Не умерла-ли она?—Въ ея лѣтѣ—отвѣчалъ Гуппенбергъ—не умираютъ отъ обморока. Ей гораздо лучше.

Услышавъ это, Дикъ удалился въ ту комнату, гдѣ обыкновенно занимался онъ у Пастора, и началъ писать. Было около осьми часовъ утра, когда къ нему вошелъ Дордрекъ, садовникъ Пальмера. «Г. Дикъ!» сказалъ онъ: «вопъ ужъ двѣ ночи, какъ вы не получаете въ замокъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончилось. Но когда я увидаю, какъ наша молодая госпожа хаживала въ

саду, одна, невеселая, опустивши голову, и въ другое время, какъ она вырывала мои глицыны, кидала ихъ вамъ въ голову и бѣжала подь березы, чтобы вы спали догоняешь ее, я думалъ: у кого есть дочки, да нѣтъ ногъ, шопъ по крайней мѣрѣ долженъ имѣть глаза. Потомъ, три дни назадъ, когда я, работавши надъ грядомъ спаржи, увидѣлъ, какъ наша госпожа, закрывая себѣ глаза, дѣлала вамъ знаки изъ окна плашкомъ, чтобы вы ушли изъ бесѣдки, гдѣ вы стояли на колѣняхъ, пропавуши къ ней руки, я оный сказалъ: это не мѣсто для слуги.»

— Дордрекъ! не нужно-ли тебѣ сказать мнѣ чего набудь другаго? — «Извините, Г. Дикъ, мнѣ надобно сказать вамъ, что вашъ отецъ былъ мнѣ другъ. Въ послѣдній разъ, когда онъ поѣхалъ въ армию съ нашимъ господиномъ, онъ сказалъ мнѣ: Богъ знаетъ, Дордрекъ, кто останется живъ и кого не будетъ. Вотъ кошелекъ: воротусь, ты отдашь мнѣ его, а если косня мой останутся въ Слезіи, ты отдашь его моему сыну, когда онъ придетъ въ смыслъ. Тупъ мой золотые часы и трехъ-годовая плаша за мою службу. Бѣдная отецъ вашъ не воротился: помните это.»

Дикъ съ бѣшенствомъ опшалакиваетъ кошелекъ и облокотившись обѣими руками на столъ закрываетъ себѣ лицо. «Это что значить?» спросилъ его Дордрекъ. Дикъ онемѣла. Онъ

поспѣшно встаетъ и сжимаетъ Дордрека въ своихъ объятіяхъ :—Ты другъ моего отца! поди сюда . . . —Онъ еще прижимаетъ его къ себѣ и плачетъ. Дордрекъ , самъ не зная для чего , также плачетъ , обнимаетъ Дика отъ искренняго сердца , и они разсплаются , крѣпко пожавъ другъ у друга руки.

Между тѣмъ настало время обѣда и Пасторъ ушелъ въ церковь. Дикъ окончилъ свое письмо , положилъ его на бюро Гупшенберга , и взявъ кошелекъ и нѣсколько томовъ , подаренныхъ ему Пасторомъ , скрылся.

Возвратившись домой , Гупшенбергъ нашелъ письмо , прочиталъ его и явился къ Полковнику , котораго поутру онъ не могъ видѣть по тому , что тотъ спалъ , пробывши часъ ночи безъ сна , подлѣ постели своей дочери. — Другъ мой ! — сказалъ Пальмеръ увидѣвъ Пастора : — на каминѣ золото : оно въ вашемъ распоряженіи. Оправьте Дика въ Университетъ , потому что теперь онъ не можетъ здѣсь оставаться. Не щадите ничего , и . . . — У Гупшенберга было въ рукахъ письмо Дика : онъ отдалъ его Пальмеру , который прочиталъ слѣдующее :

« Скоро удалюсь я на вѣки. Послѣ того , что вчера случилось передъ глазами Полковника , я не боюсь , чтобы вы или онъ послали за мною погоню: вы оба очень хорошо понимаете , что нога моя никогда не должна быть болѣе въ

« зѣнкі. Я долженъ обонѣ вамъ данъ опчепъ въ
 « пеперешныхъ моихъ тувспованіяхъ : Полков-
 « янку, какъ подпоръ, защипнику моего дн-
 « сша, какъ великодушному покровишелю, копо-
 « рий никогда не забудетъ сына слуги, спаса-
 « го ему жизнь ; вамъ, достойный служитель а-
 « шара, я долженъ данъ опчепъ, какъ человѣко-
 « любовному насширю, просвѣтившему мой разумъ
 « и посѣтившему въ моемъ сердцѣ сімена религій
 « и добродѣтели.

« Не знаю, успѣю-ли я заснавишь себя понять,
 « пошому что въ настоящую минушу я самъ для
 « себя загадка неразрѣшная. Должно быть, какъ
 « я чинивать много разъ, не понимая этого, что
 « несчастіе великій учитель. Два дня назадъ и
 « былъ не иное что какъ диня, не думалъ и не
 « загадывалъ ни о чемъ, не помышлялъ о прошед-
 « шемъ и будущемъ, и вдругъ всѣ мысли, всѣ
 « движенія души, всѣ спраси, могущія нис-
 « провергнушь, уничтожишь существованіе чело-
 « вѣка, буишующъ въ моемъ сердцѣ и раздра-
 « ютъ его.

« Почли однихъ лѣтъ съ нею, виѣспѣ восни-
 « шанный и почли взмѣняемый на ея колѣняхъ,
 « я любилъ ее, не зная того, любилъ по нисшви-
 « япу, по привычкѣ, какъ любашъ сестру, какъ
 « любашъ свѣтъ дневный. Эта братская дружба,
 « возрасшая, взмѣнялась, но я не подозрѣвалъ
 « этого, и вошъ причина моей гибели ! Подъ это-

«ломъ, искавши ножа, который она уронила,
«я поцѣловалъ ногу ея, и на другой день, когда
«она отказалась отъ супружескаго, въ радости,
«въ безуміи, я прижалъ мои губы къ ея платью:
«она видѣла это и желала поспѣвать вѣчную пре-
«граду между собою и мною, напомнила мнѣ,
«что я слуга, не болѣе. Она сдѣлала то, что
«должна была сдѣлать; но для меня это было
«смертнымъ ударомъ.

«Слуга!.. пораженный, подавленный этою ни-
«щью... О, Г. Гумпшенбергъ! Я не достоинъ
«болѣе вашей нѣжности: истребите ее изъ сво-
«его сердца! Да, я проклиналъ жизнь, дарован-
«ную мнѣ Богомъ, потому только, что я смѣя
«слуги. Я оштрафовалъ моего отца, и въ какую
«минуту! когда получалъ цѣну трудовъ его, цѣ-
«ну его крови, когда Дордрекъ, старый другъ его,
«оплачивалъ мнѣ часамъ, вѣренныя ему опцомъ моимъ
«при отъѣздѣ въ армию, когда онъ оплачивалъ
«мнѣ трехъ-годовую плату, сохраненную опцомъ
«для своего сына. Слово *плата*, снова напо-
«минало мнѣ всю мою ничтожность и сдѣлало
«меня виновнымъ прошивъ того, кому я обязанъ
«жизнью. О Г. Гумпшенбергъ! вы близки къ Богу:
«молите его, да проспитъ онъ меня. Въ мою
«лѣта, вокругъ меня слишкомъ много бѣдствій.

«Я иду, Г. Гумпшенбергъ! Вы никогда болѣе
«не увидите меня и не услышите обо мнѣ. Не
«забывайтесь о моей участи: у меня пелеръ есть

«золотые часы и шесть сотъ франковъ, а сверхъ
«пого, вы знаете что я люблю трудиться.

«Скажите Полковнику, моему драгоценному
«благодѣтелю, шакъ часто съ мыслию о моемъ
«ощѣ принимавшему меня къ своему сердцу,
«скажите ему, что бѣдный Дикъ будетъ любить
«его до послѣдняго дыханія. Ощъ искренней ду-
«ши молю Небо, чтобы Оно прибавило къ его
«и къ вашимъ днямъ то, что благости Его угод-
«но будетъ взять у моей жизни.

«Густавъ Геллеръ, прозванный Дикомъ.»

— Онъ ушелъ—сказалъ Полковникъ выпустивъ
изъ рукъ письмо, которое упало на постель.—
Онъ ушелъ. Со своими часами и шестью стами
франковъ несчастный уйдетъ далеко. Я хотѣлъ
помѣстить его въ Академію, заспаивать пуше-
щеспивовашъ послѣ этого и наконецъ обезпечить
его жребій: по крайней мѣрѣ тогда я распахива-
ся-бы съ его опцомъ. Но пусть идетъ время!
Когда я задумаю увидѣть его, то очень знаю
какъ его отыскать. Мнѣ спойшъ только по-
сласть по его слѣдамъ Блака, и онъ привезетъ
мнѣ этого шалуна. Я не хочу умереть не об-
нявши его хоть еще разъ.

Теперь, кю-же этого Г-нъ Блакъ, котораго
въ случаѣ нужды надобно послать въ погоню за
бѣглецомъ, чтобы привезти его къ Полковнику?

Это главный наставникъ Дика , бывший фехтовальный учитель въ Пальмеровомъ полку и самая задорливая собака во всемъ Курфиршестве ; въ сущесствѣ славный малый, съ превосходнымъ сердцемъ , но , какъ называютъ такихъ людей , *забілка* , сумасбродная голова , который не хопѣлъ терпѣть ни одного двусмысленнаго слова , сказаннаго на его счетъ , и являлся защитникомъ рекрутъ до пѣхъ поръ , покуда не научалъ ихъ владѣть саблею и шпагою. Онъ не хопѣлъ слышать , чтобы надъ новобранцами подшучивали , чтобы имъ говорили грубѣе нежели другимъ ; иначе , надобно было развѣдываться съ нимъ.

Когда онъ не былъ на полѣ сраженія , его надобно было держать въ тюрьмѣ , чтобы предупредить забіячества : и онъ надѣлалъ ихъ сполна , что въ Военномъ Совѣтѣ рѣшено было выслать его изъ полка. Пальмеръ , въ двадцати сраженіяхъ бывший свидѣтелемъ неустрашимости и хладнокровія Блага , чувствовалъ къ нему слабость и далъ ему убѣжище въ Бронѣ , сдѣлавши его своимъ лѣсничимъ. Когда онъ занялъ эту должность , въ замкѣ спало сполна дичи , что не знали куда дѣться съ ней , потому что Благу было препоручено приносить ее , и что вмѣсто пива , по приказанію Полковника ему давали бутылку вина.

Проходя черезъ дворы , черезъ садъ , и пивши

указанное ему, Блэкъ часто встрѣчался съ Дикомъ и всегда видалъ его съ удовольствіемъ. Онъ бралъ малютку на руки, ласкалъ его, позволялъ ему играть своими усами и давалъ пить по кляпъ вина. «Эта фигурка, кажется, оплывша въ хорошую форму,» говорилъ онъ самъ себѣ. «Погоди: я изъ него сдѣлаю славнаго парня.» Гусаръ сдержалъ свое слово.

Дикъ не было еще осьми лѣтъ, когда Блэкъ приучилъ его ходить къ себѣ въ хижину, водилъ его съ собою на охоту, стрѣлялъ у него подлѣ ушей, чтобы окурить его порохомъ, и, доставши небольшое ружье, научилъ Дика заряжать его и стрѣлять въ цѣль. Одиннадцать лѣтъ, Дикъ стрѣлялъ лучше своего учителя. Но Блэкъ думалъ, что воспитанникъ его долженъ нападать не на одну дичь. — Когда кто нибудь, проходя мимо—говорилъ онъ—посмотришь на себя косо, надвини шляпу на уши, иди прямо къ нему и заставь его опустить глаза къ землѣ. Коли онъ не сдѣлаетъ этого, шпагу на голо, и убей его. Не то, пропала честь, малютка. — «Но вѣдь шпагою на голо можешь убить и онъ?» — Вадоръ! никогда. А впрочесть, это можешь случиться шолько одинъ разъ, и все кончено. — «Но,» прибавилъ Дикъ: «бьюсь на смерть, кажется, не ружьемъ, а саблею, пистолею, шпагою.» Слѣны и каминъ у Блага были унизаны карабинами, мушкетонами, дробовиками, огнивами, пашпрон-

пашами; комнапа его была похожа на арсеналь; въ ней не доставало только пушекъ.

Онъ научилъ своего воспитанника ѣздить верхомъ безъ сѣдла и вскакивать на коня не ставя ноги въ спрѣмя, не бравшись за граву. Онъ научилъ его плавать, какъ рыбу; кидалъ его въ воду, когда ребенокъ совѣтъ не могъ ожидать этого, и замѣчая въ немъ даже малѣйшій испугъ, называлъ *трусомъ*, *гадкимъ трусомъ*, и бранилъ его цѣлую недѣлю.

Онъ научилъ его владѣть оружіемъ по-военному, дѣлалъ экзерцицію, мѣтко стрѣлять изъ пистолета, и когда увидѣлъ, что руки его воспитанника довольно укрѣпились и могли владѣть рапирой, онъ не опасалъ опъ него до шѣхъ поръ. Пока потъ не сдѣлался сколько-же искуснѣе, какъ и учитель его. Въ первый разъ, когда Динъ кошронулся до него, онъ чуть не задушилъ его своими ласками. «Если-бы бѣдняга твой отецъ видѣлъ тебя!» сказалъ онъ ему. «Вотъ была-бы ему радость! Я помню, какъ онъ, за часъ до своей смерти, съ саблею въ рукѣ, былъ подлѣ Полковника, который скакалъ впереди насъ. Онъ принялъ смерть, и славно! Онъ не жаловался: понимаешь? Иди по его слѣдамъ, но, смощри, не вздумай пересказать моихъ словъ этому небесному жителю (шакъ называлъ онъ Гутшенберга): потъ мнѣ глаза выпараиваетъ.»

Августъ 1829.

29

Дикъ боялся говорить о нравственныхъ урокахъ стараго гусара, и часто уходилъ къ нему тихонько, потому что Вильгельмина, нѣживъ ошъ природы, съ неудовольствіемъ видѣла Дика, когда, по возвращеніи изъ Блаковой жизни, ошъ него разило запахомъ шрубки и водки, когда плашье его было разодрано, лицо черно ошъ пороха, а изъ устъ слышались грубья выраженія. — Ошкуда эшо ты пришелъ? — сказала она однажды, раздѣлая ему волосы, въ безпорядкѣ закрывавшіе его лобъ: — ошкуда ты пришелъ? — Она поссорилась съ нимъ за дружбу Блака и бранила его за грубья привычки.

Послѣ эшого Дикъ не курилъ болѣе, не пилъ можжевелевой водки, не говорилъ грубыхъ словъ, и возвращаясь въ замокъ не забывалъ умыть свое лицо. Онъ опдалъ-бы жизнь свою за Вильгельмину, но она однакожъ не могла угомонить его не видавшись съ милымъ другомъ. Удѣляя навсегда, онъ печалился что уходилъ не увидѣвши его еще разъ. Дорогою ему вспрѣтился случай напомнить о себѣ Блаку, и онъ шотчасъ воспользовался имъ.

Блакъ, никогда не распававшійся со своимъ шрубкою, держалъ пабакъ въ кожаномъ ясешѣ, довольно заслуженомъ, по естѣ сдѣлавшемъ съ нимъ всѣ кампаніи семилѣтней войны. Проходя черезъ Кельнъ, Дикъ увидѣлъ въ одной лавкѣ множество коробочекъ изъ лакированной жести, въ

которыхъ держатъ шабакъ и которыя неуспра-
шанные курители носятъ всегда съ собою. Онъ
вошелъ въ лавку, осмотрѣлъ коробочки и вы-
бралъ самую красивую, съ крышкою, гдѣ написа-
на была кавалерійская атака. Онъ купилъ ее, и
наполнивъ лучшимъ шабакомъ, какой только мож-
но было достать въ Кельнѣ, положилъ въ нее
бумажку, съ надписью: *Дикъ, своему добро-*
му другу. Послѣ этого онъ завернулъ ее въ
холстъ, обвязалъ веревочкою и пришелъ на поч-
ту, гдѣ спросилъ, можешь-ли это, за извѣстныя
пошлины, дойдти по адресу. Ему сказали, что
если адресъ будетъ вѣрно выставленъ, то коро-
бочка дойдетъ въ назначенное мѣсто, хотя-бы
то было на краю свѣта. Ему подали перо и онъ
надписалъ: *Господину Блаку, смотрителю*
надъ лѣсами Полковника Пальмера, въ
замокъ Брно, черезъ Вемдингенъ, въ Ба-
варіи. Онъ останавливался въ коншортѣ, покуда по-
сылку его не положили въ шукъ съ письмами, и
послѣ этого отправился далѣе.

Удаляясь, бѣдный Дикъ имѣлъ одну цѣль: уйдти
далеко, столь далеко, чтобы въ Брно о немъ
болѣе не было слышно, и чтобы онъ самъ ни-
чего не слыхалъ о Брно. Онъ шелъ впередъ,
самъ не зная куда.

Бѣдный Геллеръ никогда не останавливалъ малень-
кой деревушки, гдѣ онъ родился, и не зналъ въ

міръ ничего величественнѣе очень скромнаго замка Полковника. Если-бы печаль не поглощала всѣхъ его мыслей, онъ былъ-бы пораженъ великолѣніемъ многихъ Имперскихъ городовъ, памятниками ихъ, народонаселеніемъ, берегами Рейна, столь романтическими, величіемъ сей рѣки, ея лѣсами, наклонившимися съ береговъ, и суровостію дикихъ горъ, носящихъ на верхушкахъ своихъ укрѣпленные замки, перяющіеся въ облакахъ и какъ будто поспроенные орлами, вмѣсто гнѣздъ. Всѣ эти предметы поразили-бы его, но онъ не видалъ ихъ.

Рѣдко останавливался онъ въ гостиницахъ для отдыха или для подкрѣпленія себя пищею; онъ шелъ машинально, углублялся въ темноту ночи, не беспокоясь о ней, и часто утренняя заря заставляла его на той-же дорогѣ, по которой онъ шелъ вечеромъ.

Одно утѣшеніе оставалось у него: оплутанный онъ всего на землѣ, онъ успокаивалъ свою горесть вспоминая о чувствахъ любви и вѣжностяхъ ему пѣхъ, которые уже не существовали. Печальное, но сладостное прибѣжище несчастныхъ, покидаемыхъ міромъ! Онъ останавливался, вынималъ изъ кармана кошелекъ, отданный ему Дордрехомъ онъ прижималъ его къ груди, и, прижимая его къ своему сердцу, къ своимъ губамъ, орошалъ слезами раскаянія и покрывалъ поцѣлуями.

Такъ бродилъ онъ болѣе трехъ недѣль , когда однажды , при восхожденіи солнца , онъ почувствовалъ , что ноги его едва двигаются и подгибаются . Онъ сѣлъ на правѣ , подлѣ дороги . Не видя ни путешественниковъ , ни проѣзжихъ , которые помогли-бы ему допашиться до первой деревни , онъ осмошрѣлся вокругъ , увидѣлъ въ отдаленіи ферму и попытался дойти до нея .

Оставивъ дорогу , онъ пошелъ въ долину ; но дорога къ фермѣ , замѣченная имъ , была гораздо длиннѣе нежели онъ думалъ . Послѣ получаса тяжостной ходьбы , все слѣдуя извилинами небольшой рѣки , онъ едва успѣлъ прислониться къ аблоновому дереву и потомъ лечь у корня его , какъ вдругъ палъ въ обморокъ .

Онъ былъ еще безъ чувствъ , когда одинъ человѣкъ , работавшій въ полѣ со своимъ семействомъ , подошелъ къ дереву , чтобы собрать съ него плоды , и увидѣлъ Густава . Незнакомецъ старался привести его въ чувство , но не успѣлъ въ этомъ ; положивъ руку на сердце Геллера , и замѣшивъ что онъ дышитъ , незнакомецъ положилъ его , какъ на носилки , на лѣстницу , служившую при собираніи плодовъ , и съ помощію сыновей своихъ отнесъ на ферму .

Когда Густавъ очнулся , онъ лежалъ въ постели . Подлѣ него была старушка , Г-жа Гупманъ , съ младшею изъ своихъ дочерей и старшимъ сыномъ . Женщины сидѣли , а сынъ спалъ

подлѣ Гуспава, держалъ его руку и наблюдалъ пульсъ, ожидая что путешественникъ откроетъ глаза.

Гушманъ былъ арендаторъ значительнаго участка земли. У него было много дѣшей; миръ и довольство царствовали въ его домѣ; самъ онъ былъ человекъ прямодушный и семейство его напоминало собою семейства папирарховъ.

Г-жа Гушманъ спросила у Гуспава, чѣмъ онъ боленъ, и узнала, что онъ не ѣлъ три дня. Она поспѣшила дать ему укрѣпляющихъ напитковъ и позволила ѣсть съ большою осторожностью. — Успокойтесь — сказала она ему — у васъ нѣтъ горячки, а силы въ ваши лѣта скоро возвращаются.

Силы Гуспава не совсѣмъ еще возвратились, когда черезъ нѣсколько дней, оставшись наединѣ съ Г-жею Гушманъ, онъ схватилъ ея руки, крѣпко пожалъ ихъ, и, благодаря ее за попоманіе, сказалъ, глядя на нее полными слезъ глазами: «Не могу-ли я жить у васъ? Нѣтъ-ли у васъ для меня какой-нибудь работы? Денегъ у меня нѣтъ, но мнѣ нужно работать!» — Какъ же быть работнику на арендѣ, дядя мое! Если для жизни твоей нужна работа, то насъ ты нѣкогда не оставишь.

Г-жа Гушманъ, сказавши сіи слова, потѣшась пошла къ своему мужу и пересказала ему просьбу

Гусшава и свое согласіе на оную. — Языкъ, обращеніе и одежда этого молодого человека — сказать Гусшманъ — не показываютъ, чтобы онъ былъ рожденъ для деревенской работы, и мы не знаемъ, кто онъ шаковъ. Однакожъ намъ хорошо сдѣлала; я поспѣхъ займу его работою, а послѣ увидимъ.

Эта рѣчка, скрывающаяся между ольхами и тополями, Тирнау; эта ферма, лежащая при берегахъ Тирнау, находящаяся въ самой плодотворной споронѣ Венгріи, въ прехъ милыхъ отъ Леопольдсбадта, и въ девяти отъ Пресбурга. Она такъ окружена холмами, виноградниками, лугами и рощами, что вдыхая свѣжесть ея воздуха, находясь среди глубокой тишины, царствующей кругомъ ея, можно подумать что это самое уединенное, самое пустынное мѣсто изъ жилищъ человѣческихъ.

Гусшавъ восхищенъ этою пустынею: онъ сравниваетъ ее съ большимъ садомъ и съ земнымъ раемъ. Очарованіе этого прелестнаго убѣжища увеличивается въ глазахъ его широкимъ просторомъ семейства, въ которомъ онъ принятъ, и особенно сладостнымъ равенствомъ между всеми окружающими Гусшмана. Нѣтъ различія между жителями фермы: хозяева и всѣ работники ихъ садятся за одинъ столъ. Послѣ обѣда, опдихъ,

веселье, и каждый вечеръ общая молитва. Кто не знаетъ ея, тотъ долженъ выучить, потому что каждый обязанъ сказывать ее въ свою очередь.

Чужеземецъ, начавшій работать на фермѣ, рѣдко оставляетъ ее. Одна изъ дочерей Гусмана вышла за-мужъ за молодца, десять лѣтъ разделявшаго съ нею сельскіе труды; старшій сынъ Гусмана женился на сиротѣ, воспитанной въ домѣ его отца, столь-же хорошей хозяйкѣ какъ сама Г-жа Гусманъ, радовавшаяся атому браку и благославлявшая его въ глубинѣ души своей.

Въ одно прекрасное утро Іюня мѣсяца, пожилой человекъ, скромно одѣтый, благородный, простой, но важный наружностью, шелъ по берегу рѣки, къ фермѣ. Густавъ, сидѣвшій на берегу, былъ углубленъ въ чтеніе книги, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ, и не замѣтилъ что къ нему подошелъ кто-то.—Позвольте мнѣ вопросъ нескромный—сказалъ старикъ, подошедшій къ нему:—какую книгу читаете вы съ такимъ вниманіемъ?—Удивленный Густавъ вспалъ и почтительно подаль свою книгу незнакомцу; тотъ взялъ ее и увидѣлъ что это Греческій подлинникъ *Отступленія десяти тысячъ*. Въ свою очередь старикъ снялъ шляпу, вѣжливо отдалъ книгу Густаву и, не сказавъ ни слова, продолжалъ свой путь на мизу. Густавъ снова сѣлъ и началъ читать.—Не знаете-ли вы—сказалъ при-

шедши къ Гупману, своему арендатору, Грѣхъ Синадіонъ, или, что все равно, любопытный старикъ—не знаете-ли вы этого молодого человека, что сидитъ вонъ тамъ, на берегу, и читаетъ? — «Такой пріятный видомъ?» — Да. — «Одѣтъ вонъ такъ-шо?» Гупманъ описалъ его одежду. — Да. — «Полтора года назадъ, я нашелъ его, лежавшаго безъ чувствъ подъ деревомъ, на берегу рѣки. Я и дѣти мои перенесли его сюда; онъ умиралъ отъ того что долго не ѣлъ. Когда силы возвратились къ нему, онъ просилъ мою жену осанавить его у себя и дать ему работу на нашей фермѣ. Знаете-ли, М. Г., что его наружность взумила меня. Мнѣ казалось, что такія бѣлыя руки не сошворены копать землю, что такая привлекательная наружность слишкомъ опасна для дочерей моихъ, и, если-бы моя жена не общала, еще не посоветовавшись со мною, принять его, думаю что я отказался-бы отъ его услугъ; однакожъ, слава Богу, теперь я не раскаиваюсь что принялъ его. Этому юношѣ все сносно: онъ не уклоняется ни отъ чего, всегда готовъ къ своей работѣ, умѣетъ такъ, что рѣдкость, и въ последнюю зиму, въ городѣ Тирнау, куда посылалъ я его для продажи своего хлѣба, онъ оказалъ мнѣ большую услугу. Ну, вонъ такъ какъ вы его видѣли, М. Г., съ его пріятною улыбкою и вѣжливымъ видомъ, онъ не дастъ себѣ наступить на ногу. Старшій сынъ

мой издалъ съ нимъ въ Тирнау и былъ обичаетъ двумя фурманчиками, которыми онъ продалъ хлѣбъ. — Ты, брашъ, теперь ошойди — сказалъ Густавъ Іоанну: — ты человекъ жеватый, и я долженъ заступиться за тебя. — Одинъ добрый человекъ, бывшій свидѣтелемъ этой ссоры, отдалъ свое оружіе Густаву, и шопъ, меньше чѣмъ въ двѣ минушы отдѣлалъ соддашъ. Право, это прехорошій малый; но въ немъ есть маленькіе недоспаши. Онъ всегда говоритъ, что я даю ему слишкомъ много денегъ, и однакожь не копитъ ихъ, а всякой разъ, какъ пошлю его въ городъ, ворошится съ пущимъ кошелькомъ, и только карманъ набьетъ книгами, отъ которыхъ пользы-то немного, какъ вамъ извѣстно. Еще молодъ, не знаешь цѣны деньгамъ, но честенъ и богобоязливъ. Если-бы не такъ былъ печаленъ, то былъ-бы еще лучше. Но, каковъ, сударь, вы есть онъ, а насъ любилъ и мы также его любимъ.»

— Но откуда онъ? кто онъ? Неужели вы никогда не спарались узнать объ этомъ? — «Я спарался, сударь, узнать, но всякой разъ, какъ скоро жена моя или я доводили рѣчь до этого, онъ молчалъ и слезы текли изъ глазъ его. Чшоби не опечаливать такого молодца, мы рѣшились не доштрогиваться до этой спруны, и знаемъ только то, что его зовутъ Густавъ Геллеръ.»

Графъ Спадіонъ , знаменитый родомъ , наслѣдовавшій большое имѣніе и любимый Марією Терезією , служилъ своей Государинѣ шпагою противъ Франціи , и перомъ въ главнѣйшихъ Европейскихъ посольствахъ. Съ великимъ трудомъ испросилъ онъ у своей Императрицы позволеніе оставить Вѣну , Дворъ , и окончить славную и полезную для отечества жизнь въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ.

Онъ любилъ и уважалъ Гупмана , арендатора его земли близъ Люцена. Онъ рѣдко видалъ его, потому что до сихъ поръ рѣдко и не надолго посѣщалъ свое Люценское помѣстье. Поселившись въ немъ навсегда и осматривая свои обширныя владѣнія , онъ оставилъ недалеко свою карету , желая пройтись по лугу и посѣтить доброе семейство мызника.

Возвращаясь прежнею дорогою , онъ увидѣлъ Геллера на прежнемъ мѣстѣ и сказалъ , подойдя къ нему : — Г-нъ Гуспавъ ! Кто читаетъ Ксенофонта на его языкѣ и исправляетъ весь доходъ свой на книги , поэтъ , кажется мнѣ , не предназначенъ быть работникомъ у арендатора. — « М. Г. , я счастливъ . » — Г-нъ Гуспавъ , я не вѣрю этому . Сердечныя извиненія миновались для меня , а для васъ они , можетъ быть , только начинаются . Я прошу у васъ не открытія вашей тайны , а нѣкоторой откровенности . Я неспособенъ употребить во зло ваши слова ; мы одни , Богъ

свидѣтель вамъ , отвѣчайте мнѣ : не можете-ли вы укорить себя въ чемъ нибудь постыдномъ? — « Нѣтъ ; въ этомъ свидѣтельствуюсь Богомъ. » — И такъ , Г-нъ Гуславъ , силою участія , которое вы мнѣ внушаете , и власпію моихъ старыхъ лѣтъ , я приказываю вамъ слѣдовать за мною .

Изумленный Гуславъ глядитъ на незнакомца . Онъ пораженъ его словами , пропустъ его участіемъ , увлеченъ непобѣдимомъ силою чувства , въ которомъ не лзя дать себѣ отчета . Онъ слѣдуетъ за старцемъ , но говоритъ ему : — Не долженъ-ли я предупредить Г-на Гутмана. . . — « Это мое дѣло. » — Его благодаренія ко мнѣ. . . — « Вы будете имѣть время отблагодарить за нихъ. » И , перемѣнивъ разговоръ , Графъ прибавилъ : « На этихъ лугахъ , подлѣ этихъ ручьевъ и цвѣтущихъ деревьевъ , я думаю вамъ пріятно также читать Θεοκριτα ? » — Я мало знаю его — отвѣчалъ Гуславъ . — Однажды , когда я просилъ добродѣтельного человека , учившаго меня , объяснить мнѣ одно мѣсто въ Θεοκριтѣ , онъ , вмѣсто объясненія , отнялъ у меня книгу . — « Кого изъ древнихъ Грековъ , исключая Сократа , любите вы болѣе всѣхъ ? » — Эпаминонда . — « Я также избралъ его . А изъ Римлянъ ? » — Катона Улическаго . — « Это не мой герой , » сказалъ Графъ : « Регуль для меня выше его . А кого изъ древнихъ законодателей почитаете вы мудрейшимъ ? » — Мнѣ извѣстны Зороастръ , Ликуръ , Солонъ ,

Конфуцій ; но я не смѣю оцѣнивать ихъ. — « Эпо-
миѣ нравишься.

Такъ разговаривая , они удалялись отъ бере-
говъ Тарнау. Взошедши по дорожкѣ , пролегав-
шей чрезъ виноградники , и послѣ этого спустив-
шись по оплогосни холма , Густавъ увидѣлъ при
входѣ въ лѣсъ карету и людей Графа , которые
топчасть засуетились , замѣтивши своего госно-
дина , и поспѣшили къ нему на встрѣчу.

Эпо была не почтовая пѣлежка Полковника ,
не развалившаяся колымага Судьи или Канонники
изъ окрестностей Брно , но прекрасный эки-
пажъ , заложенный въ чепыре превосходныхъ лоша-
ди , управляемый двумя проводниками , окружен-
ный конюшими , жокеями , скороходомъ , егеремъ
и высокими слугами въ богатой ливреѣ. — Вхо-
дите—сказалъ Графъ Густаву , который не смѣлъ
заставить его повторить эпо , вошелъ въ каре-
ту и очутился подлѣ Графа , потому что каре-
та была двумѣстная.

Лошади лепятъ какъ стрѣла ; дорога , по ко-
шорой бѣгутъ они въ лѣсу , усыпана пескомъ ,
выпрямлена и болѣе похожа на аллею сада , неже-
ли на проѣзжую дорогу. При выѣздѣ изъ лѣсу ,
три ряда цвѣтущихъ каштановыхъ деревьевъ ве-
дутъ къ огромному замку , построенному въ но-
вомъ вкусѣ. Рѣшетка воротъ отворена ; карета ,

прохаживавшись черезъ нѣсколько переднихъ дворовъ, въѣзжаетъ на парадный дворъ, останавливается передъ первостепенемъ, и конюшій, шажетъ какъ Графу, подаетъ руку Гуспаву и помогаетъ выйти изъ кареты.

Графъ удалился на минушу въ кабинетъ. Гуспавъ, оставшись одинъ въ гостиной, не занимается ни картинами, ни вазами, ни другими предметами роскоши, украшающими оную. Гуспавъ ясно видитъ, что онъ въ домѣ знашаго барина, но не знаетъ, чего хочетъ отъ него этотъ знатный баринъ, и что все это значитъ. Замѣшательство его увеличивается, когда черезъ нѣсколько минутъ приходитъ слуга и говоритъ ему, что Графъ за столомъ.

— Для чего сказывашъ мнѣ, что Графъ за столомъ? — говоритъ самъ себѣ Гуспавъ. — Развѣ... О, лучше ворошиться на ферму! Но, вѣдь; если бы онъ хотѣлъ помѣстить меня въ число своихъ слугъ, онъ не заставлялъ-бы меня войти въ карету и сѣсть подлѣ него. — Гуспавъ идетъ за слугою.

Графъ уже сидѣлъ за столомъ, на которомъ было только два прибора: онъ дѣлаетъ знакъ Гуспаву, что другой приборъ для него. Гуспавъ оробѣлъ, но, зная приличія, не смѣшался и не сдѣлалъ никакой неловкости, неучливости. А Графъ замѣчалъ это съ большимъ вниманіемъ, хотя и не показывалъ вида, что онъ занимается своимъ собесѣдникомъ.

Когда Графъ бывалъ одинъ, онъ не оставался долго за столомъ. Во все время обѣда онъ екалъ только: — Вы не кушаете. — И Густавъ усиливался ѣсть.

Послѣ обѣда Графъ увелъ его въ свой рабочій кабинетъ, находившійся въ концѣ длинной галлерей. — Я думалъ—сказалъ Графъ—что послѣ пятидесяти лѣтъ дѣятельной жизни, для меня всего приличнѣе спокойствіе, деревня и книги. Я обманывалъ себя. Кто долго занимался головоломною работою, тому, какъ я вижу, невозможно отвыкнуть отъ нея, и я рѣшительно отказываюсь отъ лѣтоси, о кошорой прежде вздыхалъ. Бывши гораздо моложе, я началъ одно сочиненіе, безпрестанно прерывавшееся занятіями, болѣе значительными. Я опчаялся окончить его, и отказался отъ него уже много лѣтъ тому назадъ; но удалившись въ это помѣстье, гдѣ ничто не отвлекаетъ меня отъ моихъ размышленій, я рѣшился окончить мое сочиненіе и посвятить ему свои досуги. Оно совершенно политическое, и, объясня выгоды и невыгоды одного правительственнаго мѣста, не можетъ быть понятно для васъ. Но мнѣ нужны доказательства для подтвержденія моихъ сужденій, а съ книгами подъ рукою вы очень въ состояніи заняться этимъ. Чтобы знать, чего я требую, прочитайте оконченную уже часть сочиненія, и послѣ сдѣлайте изъ нея извлеченіе. У меня былъ человекъ, спо-

собный для этого; онъ былъ при мнѣ сорокъ лѣтъ; я хотѣлъ, чтобы онъ послѣдовалъ за мною въ мое уединеніе, но онъ предпочелъ удалиться къ своему семейству. Это былъ мой старый другъ: я потерялъ его, и желаю чтобы въ васъ была его скромность. Вы займете комнату подлѣ меня, потому что я сплю мало, и если ночью мнѣ придутъ на умъ новыя мысли, вы позволите разбудить васъ, чтобы положить ихъ на бумагу, когда онъ сподобитъ того. Черезъ мѣсяцъ дочь моя оставитъ Вѣну и придетъ сюда на житье. Угождайте ей, старайтесь заслужить ея благоволеніе: эшимъ вы угодили мнѣ. Завтра камердинеръ мой проводитъ васъ въ Леопольдштадтъ: я хочу, чтобы вы были одѣты хорошо, и ему приказано заняться вашимъ гардеробомъ. Густавъ! умѣете-ли вы владѣть шпагой?

« Да, Графъ, »

— Занимаетесь-ли вы охотой?

« Да, Графъ! »

— Вѣдите-ли вы верхомъ?

« Да, Графъ. »

— Возьмите этотъ свертокъ золота: его доставлю вамъ на издержки. Вотъ сочиненіе, которымъ прошу васъ заняться. Не спѣшите работою, однакожь занимайтесь. Когда я не буду призывать васъ къ себѣ въ кабинетъ, работайте въ галлерей, чтобы не переносить книгъ

въ другое мѣсто, и особенно чтобы не разбѣ-
 нять драгоценныхъ документовъ, извлеченныхъ
 изъ Государственныхъ архивовъ и доставляемыхъ
 ко мнѣ изъ Вѣны. Слуги мои будутъ вачъ поди-
 новаться; одинъ изъ нихъ будетъ особенно слу-
 жить вамъ. Завтра выберите для себя коня въ
 моихъ конюшняхъ. Я послалъ сказать Гушману,
 чтобы онъ не беспокоился, когда увидитъ что
 вы не возвращаетесь къ нему, и зналъ, что я
 оставилъ васъ у себя.

« Чѣмъ могу заслужить я вашу необыкновенную
 благосклонность? »

— Справленіемъ быть достойнымъ ея.

« Я употреблю всѣ силы свои. »

— Я увѣренъ въ это.

« Чего онъ претовалъ онъ меня? » говоритъ Гу-
 спавъ самъ себя. « Прочитать его сочиненіе? »
 И онъ прочиталъ его внимательно, прочиталъ
 въ другой, въ претій разъ; онъ зналъ его на-
 изустъ.

« Сдѣлать изъ этого извлеченіе? » Онъ сдѣлалъ
 его съ намиши.

« Наконецъ, сыскать и озвѣщать доказатель-
 ства его сужденій? Это не трудно, потому
 что на поляхъ своей тетради онъ выставлялъ,
 прошивъ каждаго сужденія: *заглянуть въ та-
 кого-то Автора, пересмотрѣть такую-*
Августъ 1829.

то рукопись.» И Густавъ принялся пересматривать различныхъ авторовъ и пробѣгать рукописи.

Онъ находитъ доказательство, событіе, перепроверяетъ его, и дѣлаетъ ссылку на авторитетъ, на страницу, изъ которой оно заимствовано. Онъ доволенъ и продолжаетъ свой трудъ.

Вдругъ, какой переворотъ въ его умѣ! Какъ распухъ его идеи, и, въ тоже время, какое измѣненіе, какой хаосъ въ его головѣ! Одно событіе, одно дѣйствіе, одна причина приводитъ его къ другой причинѣ, другая къ третьей. Войны, договоры, перемѣны, все соединяется, все связывается. Онъ не знаетъ еще ничего, если не знаетъ что предсказывало и что слѣдовало. Одни властители исчезаютъ, другіе возвышаются; на сценѣ великіе люди, достойные соизмѣнники Древнихъ; расколъ въ Нѣмецкой Имперіи, Курфюрсты, вооруженные одинъ противъ другаго, Баварія, мѣсто его рожденія, играющая важную роль. Среди сихъ раздоровъ и пожаровъ, среди выгодъ Испаніи, Франціи и Италіи, Домъ Австрійскій, иногда идущій на встрѣчу, иногда уступающій бурѣ, уклоняющійся или гордый, поддающійся или господствующій, но упорный и можетъ быть обязанный своему Высшему Совѣту, своей олигархіи невиданнымъ вліяніемъ на остальную Европу.

Это было предметомъ сочиненія Графа , но теперь дѣло шло уже не о немъ. Густавъ ужасается своего невѣдѣнія. Воспитаніе юношей обыкновенно начинають пѣть , чѣмъ надлежало-бы его оканчивашь. Голова Густава , такъ-же какъ и всѣхъ молодыхъ людей его лѣтъ , была набита Египтянами , Греками , Римлянами , Іудеями , Карфагеномъ и Вавилономъ. Онъ безъ труда позволялъ , что ближайшія происшествія должны были занимать его болѣе , нежели случившіяся за три , за четыре тысячи лѣтъ , и что Нѣмцу осмнадцатаго столѣтія гораздо важнѣе было знать Исторію Реформаци и Вестфальскій договоръ , нежели происхожденіе Пирамидъ , переходъ черезъ Черное море и ошибки Аннибала послѣ битвы при Каннахъ.

И вотъ , онъ непремѣнно хотѣлъ знать Исторію своей страны ; источники у него есть. До сихъ поръ онъ думалъ , что *Классики* , и нѣсколько томовъ Древней Исторіи , духовныхъ споровъ и Медицины , занимавшіе дюжину полокъ въ кабинетѣ Густенберга , составляли полное собраніе всего , что явилось въ свѣтъ со времени изобрѣтенія книгопечатанія; теперь , онъ не могъ безъ радостнаго шрепета и восторга видѣть галлерей , или лучше сказать , богатой библіотеки Графа Стадіона , гдѣ собрано было все полезное и любопытное.

Густавъ пожираетъ книги; все время его посвящено чтенію, размышленію, сравненію одного Историка съ другимъ, записыванію притчѣй и письменному изложенію своихъ размышленій. Онъ совсѣмъ не занимается частными замѣтками, о коихъ просилъ его Графъ. — Я сдѣлаю ихъ гораздо лучше, говоритъ онъ, когда узнаю нѣсколько то, что хочу узнать.

Онъ проводитъ дни и ночи въ галлерей, едаеиъ себѣ время отобѣдать, и такъ прилежно занимается, что цѣлыя при недѣли семейство Густмановъ, нѣжно любимое имъ, не приходитъ ему на память. Онъ не сѣздалъ даже повидаться съ ними и поблагодарить ихъ; но вдругъ, Богъ знаетъ почему, онъ вспомнилъ объ этомъ, вскричалъ, бросился на коня и во весь духъ прискакалъ на ферму.

Его осыпаютъ поздравленіями, вопросами, а онъ уже залетѣлъ далеко и не слышитъ ничего: работа, занимающая его, поглощаетъ всѣ его умственныя способности. Сидя на концѣ скамьи, съ карандашемъ въ рукѣ, онъ чертитъ что-то на углу стола. Его оставляютъ одного; наконецъ, подлѣ него тихонько ставяиъ зажженную лампу и вскорѣ принуждены уже дергать его за платье, чтобы заставиить понять, что наступила ночь и что время ему воротиться въ замокъ. Онъ садится на коня, не видитъ что все

сестейство окружаетъ его, онъ идееть не про-
спавшись ни съ кѣмъ. «Если Геллеръ не сошелъ съ
ума,» говоритъ Густавъ, «то не будь я слуга
моего Государя!»

Густавъ желалъ-бы, чтобы у него оставалось
еще два или три мѣсяца времени, прежде нежели
онъ представитъ Графу свою работу. Тогда, къ
выписаннымъ смыкамъ онъ присовокупилъ-бы осо-
бенную статью, гдѣ показалъ-бы ошибки въ со-
чиненіи Графа, происшедшія вѣроятно отъ по-
спѣшности и отъ того что Графъ вначалѣ тру-
дился въ разное время, урывками. Густавъ
также исправилъ-бы невѣрно показанныя событія,
замышляемыя, правда, изъ утвержденныхъ под-
писанн договоровъ между Державами, однакожь
опровергаемыя дополнительными, тайными ак-
тами. Но прошло уже шесть недѣль какъ Графъ
отдалъ ему свою рукопись: искать долѣе бы-
ло невозможно. Это заставило его ограничить-
ся тѣмъ, что онъ прибавилъ къ тетради, за-
ключавшей въ себѣ требованныя смыки, краткое
изложеніе замѣчаній, копорыя онъ развилъ-бы,
когда-бы имѣлъ время. Къ этому особенному тру-
ду, или, лучше сказать, къ этой крѣпкѣ, Гу-
ставъ приложилъ записку, гдѣ просилъ Графа
простить его дерзость. Онъ прибавилъ, что
съ прелепомъ ожидаетъ на все это отвѣща.

Событія и числа , находившіеся въ заказномъ шрудѣ Густава , были не что иное какъ компіляція и не показывали никакой побужденной шрудности ; но когда Графъ вдругъ прочиталъ присовокупленное шупъ-же начертаніе , онъ долго не могъ придти въ себя отъ изумленія .

Конечно эшо не былъ шрудъ опытнаго , искуснаго дипломата , но въ немъ видна была шкая смѣшлявость и шочность , шполь быспрый и вѣрный взглядъ , что Графъ , человекъ спокойный и безспраспный , не могъ удержати своего перваго движенія и велѣлъ позвати къ себѣ Густава , желая поздравити его .

Густава не было дома : онъ побѣжалъ обѣдаться своимъ друзьямъ , на ферму , и былъ на эшопъ разъ меньше разбѣганъ и больше говорливъ ; но Гупманъ , все еще предубѣжденный , не пересчитывалъ вѣришь что онъ не въ полномъ умѣ .

Густавъ еще ни разу не оплутался во время обѣда и всегда былъ вѣрнымъ собесѣдникомъ за шоломъ Графа , который сначала удивился его невѣжливости , но вспомнивъ о запискѣ , гдѣ Густавъ сказалъ , что съ шрепешомъ ожидаетъ его отвѣта , онъ написалъ и велѣлъ положить на бюро своего секретаря слѣдующую записку :

« Я прочиталъ присланное , и хотѣлъ-бы сдѣлать что нибудь пріятное Г-ну Геллеру : чего желаетъ онъ всего болѣе ? »

Никогда не оставляй васъ, подписалъ Гуславъ внизу записки и послалъ сей опѣтъ къ Графу.

Въ это время Графъ былъ со своимъ намерднеромъ. «Годѣруа!» сказалъ онъ ему: «замѣнилъ-ли ты, какъ похожъ Гуславъ на моего сына (онъ потерялъ единственнаго сына, однихъ лѣтъ съ Гуславомъ, подававшаго большія надежды)?» — Я замѣнилъ это сходство — опѣталъ Годѣруа — но боялся опечалить Ваше Сіятельство, сказавъ вамъ о немъ. — «А что думаешь ты о Гуславѣ?» — До сихъ поръ думаю о немъ не иначе, какъ о человѣкѣ весьма хорошемъ. — «Что говоришь о немъ слуга, который служишь ему?» — Что это сама добродѣль, что душа его такова-же какъ и наружность. — «Не говорилъ-ли онъ съ тобою когда нибудь обо мнѣ?» — Однажды говорилъ. — «Что?» — Онъ спросилъ у меня, любишь-ли васъ Герцогиня, дочь ваша, и счастливый-ли вы отецъ. Ваше Сіятельство угадаете опѣтъ мой. *Тѣмъ лучше*, сказалъ Г. Геллеръ. *А сколько ему лѣтъ?* прибавилъ онъ. Семьдесятъ одинъ годъ. *Ахъ, это много*, примолвилъ онъ. *Такіе люди никогда не должны-бъ были умирать!*»

Графъ не хотѣлъ чтобы замѣнили его чувствительность и приказалъ Годѣруа удалиться.

Ему нетерпѣливо хотѣлось призвать Гуслава

проникнуть тайнослѣнность, окружавшую его, и спросить у него, кто онъ; но вспомнивъ о томъ, что сказалъ ему Гупманъ, о томъ что онъ самъ сказалъ молодому человѣку: *я не требую отъ васъ вашей тайны*, онъ побоялся, чтобы невольное повиновение не заставило Густава открыться противъ своего желанія, или подумавъ, что любопытство, которое было внушаемо однимъ участіемъ къ нему, происходило отъ недоувѣренности. Графъ перемѣнилъ свое намѣреніе; но въ то же время перемѣнилъ и свое обращеніе съ Густавомъ, то есть сталъ болѣе приближать его къ себѣ.

Графъ Спадіонъ долго жилъ, долго наблюдалъ людей въ дѣйствіи и видѣлъ Дворъ вблизи. Разговоръ его былъ равно поучителенъ и занимателенъ, рассказъ весьма складенъ; но онъ отъ природы былъ молчаливъ и больше размышлялъ нежели говорилъ. Живя въ Люцери, онъ привыкъ прогуливаться одинъ. Шедши по берегу Тирнау онъ обо многомъ говорилъ съ Густавомъ для того, чтобы судить о его познаніяхъ; но послѣ этого разговора, и послѣ разговора въ кабинетѣ, онъ рѣдко обращалъ къ нему рѣчь.

Теперь, напрошивъ, онъ разговаривалъ съ нимъ часто и выходя прогуливаться бралъ его съ собою. Онъ зналъ, что съешь на землѣ не безплодной, и въ разговорахъ объяснялъ Густаву многое, чему не лѣзя научиться изъ книгъ.

Недѣль пять уже въ замкѣ ожидали прибытія Герцогини Арбергъ. Она оспавалась въ Вѣнѣ и медлила приѣздомъ къ отцу единственно потому, что съ нею долженъ былъ ѣхать Министръ, назначенный Императрицею сопровождать ее до Люцеа и изъяснить благоволеніе Графу. Наконецъ она извѣстила въ какой день пріѣдетъ съ Министромъ, и Графъ, желая достойнымъ образомъ принять посланнаго своей Государыни, пригласилъ въ этотъ день значительнѣйшихъ особъ изъ Пресбурга и Леопольдштадта.

Герцогиня Арбергъ была последнее дитя Графа Спадіона и изъ всѣхъ дѣтей оставалась у него одна. Ей было придцать лѣтъ и уже полтора года она вдовѣла. Дворъ удивлялся ея красотѣ и пріятнымъ свойствамъ; добродѣтели ея внушали къ себѣ почтеніе.

Когда она пріѣхала, почти всѣ приглашенные къ Графу уже собрались въ залахъ. Облѣбизавъ свою дочь, Графъ повелъ Министра къ себѣ въ кабинетъ и получилъ отъ него посланный Императрицею драгоценный ящичекъ, гдѣ находилось слѣдующее письмо:

« Наконецъ мы разспались съ вами, любезный Графъ, и я не раскаиваюсь что согласилась на это; однакожь мнѣ не съ кѣмъ совѣтоваться. Последнее происшествіе, на Сѣверѣ случившееся, беспокоитъ меня. Я желала-бы вмѣшаться

« въ это дѣло я поручила Штарембергу перего-
ворить съ вами о немъ. Посылаю вамъ пор-
шрелъ моего сосшарѣшагося лица и желаю что-
бы вы всегда любили оригиналъ его. »

Переговоривши съ Миниспромъ о главномъ предметѣ его посольства, Графъ велѣлъ сс-сашъ Густава и привелъ его къ своей дочери.

« Предсшавляю шебъ моего юнаго любимца. Онъ навѣрное заслужилъ швое вниманіе. Теперь я не имѣю времени, но послѣ ми поговоримъ о немъ. »

Герцогиня убирала волосы. Она велѣла Густаву сѣсть, сказала ему нѣсколько словъ, была довольна его ошвѣтами и наградила его улыбкою. « Войдите въ ближнюю комнату, » сказала она. « Когда я окончу мой шуалетъ, вы проводите меня въ гостиную. »

Не одинъ Министръ сопровождалъ Герцогиню Арбергъ изъ Вѣны до Люцева: многія особы притѣхали съ немъ, одна по приверженности къ Графу Сшадіону, уважаемому ими, другіе потому что надѣялись угодить Императрицѣ посшавъ человека, котораго она любила.

Видя эти наряды, блестящіе шншешъ, эти фельдмаршальскіе мундиры, эти ленты, кресшм, звѣзды и драгоцѣнные камни; находясь между шакимъ множесшвомъ знашныхъ людей, Густавъ болѣе нежели когда либо чувствовалъ, какъ онъ

былъ не на своемъ мѣстѣ. Когда, сѣдя за однимъ столомъ, господа обращаются къ нему, говорятъ вѣжливо и предупреждаютъ его желанія, онъ въ смущеніи, онъ желалъ-бы провалиться сквозь землю. Онъ чувствуетъ, что скрывая отъ Графа свое происхожденіе, онъ виновенъ, ибо насильно пользуется опличіями и принимаетъ вѣжливости, которыхъ не принадлежатъ ему. Сидѣть, раскаяніе мучитъ его.

Какъ скоро можно было, не нарушая приличій, скрыться, онъ убѣжалъ въ садъ, бросился въ паркъ, и, прислонивъ голову къ дереву, предавался самымъ ужаснымъ размышленіямъ о своемъ грѣбѣ, о судьбѣ, привязывающей его къ такимъ мѣстамъ, которыхъ онъ долженъ бѣжать, гдѣ окружающъ его люди, слишкомъ высокаго для него круга, слѣдственно не могущіе плащить ему за любовь любовью, за привязанностью привязанностью. — Ну, что-же? я убѣгу изъ Люцена, такъ-же какъ убѣжалъ изъ Брно. Небо не вѣчно будетъ неумолимо; другой Гутманъ снова приметъ меня въ свои объятія. Я сыщу его, и уиру подъ чуждымъ небомъ.

Въ это время были самыя большіе лѣтніе жары. Графъ имѣлъ привычку, каждый вечеръ выходилъ въ садъ и дышалъ свѣжимъ воздухомъ подъ купою кленовъ и сикоморовъ, непроницаемыхъ для солнечнаго свѣта и насажденныхъ соб-

своими его руками. Приведши шута, онъ очутился подлѣ Гуслава, и, пораженный его положеніемъ, сказалъ: — Чѣмъ съ вами случилось? Отъ чего вы такъ разстроены?

Гуславъ не знаетъ что говорить: онъ хотѣлъ-бы бѣжать, но не смѣлъ пронуться съ мѣста.

— Гуславъ! Вы ужасаете меня! Я не понимаю, что это значитъ?

«Графъ!...»

— Ну! Что-же?

Гуславъ не могъ говорить далѣе. Сердце его препещетъ, грудь подымается, онъ взглядываетъ на небо и снова опускаетъ голову. Взявъ Графа за руку, онъ ведетъ его въ тѣнь деревь. Эта короткость во всякое другое время изумила-бы Графа, но теперь онъ идетъ за Гуславомъ и поддерживаетъ его, видя что онъ шатается. Они подъ сикоморами; Гуславъ говоритъ:

— Графъ... вы... ваша дочь... эти знатные... я съ ними!... я, принявшій въ вашъ кругъ, за вашимъ столомъ... вы думаете, что по своему рожденію я могу... Графъ... я... (упадая къ его ногамъ) я сынъ слуги!...»

— И вы желали-бы видѣть другаго отца?

«О, нѣтъ, Графъ! Никогда! хотя-бы черезъ это я долженъ былъ лишиться вашей дружбы.»

— Если-бы вы сказали не это... Вспомните. После этого признанія мѣсто ваше не у ногъ монаховъ, а въ монаховъ обѣщаніяхъ.

Слезы облегчили спѣшенное сердце юноши. Онъ схватываешь руки Графа, орошаешь ихъ своими слезами и снова гладишь на небо, но уже съ любовію, съ признательностью.

Въ свою очередь Графъ беретъ Густава за руку, спѣшишь подойди къ скамьѣ, помогаетъ ему сѣсть и говоритъ:

— Отдыхайте, отдыхайте, не сходите съ этого мѣста. Вамъ слишкомъ нужно говорить со мною, а мнѣ слушать васъ. Отдыхайте.

Когда Густавъ могъ говорить, онъ разсказалъ Графу, что онъ родился въ Брно, въ Баваріи, въ домѣ Полковника Пальмера, что отецъ его, служивши Полковнику, умеръ на полѣ бѣглымъ, спасая жизнь своего господина; что онъ самъ, Густавъ, былъ любимъ Полковникомъ, воспитанъ вмѣстѣ съ его дочерью, и что благороднѣйшій изъ людей, Пасторъ Гупшенбергъ, также заботился о немъ. Онъ прибавилъ, поникнувъ взорами, что воспитывался съ Вильгельминою, онъ влюбился въ нее и что эта безумная спрашиваетъ заставила его бѣжать изъ Брно.

— Не скрывайтесь: были-ль вы взаимно любимы?

« Думаю. »

— Зналъ-ли Полковникъ о вашихъ чувствахъ и чувствахъ своей дочери ?

« Зналъ. »

— Онъ-ли выслалъ васъ изъ Брно ?

« Я ушелъ опшуда по собственной своей волѣ. »

— Для чего-же, покуда вамъ не сказали чинобы вы шли ?

« Это я долженъ былъ сдѣлать для Полковника и для его дочери. »

— Знаешь-ли онъ, гдѣ вы ?

« Онъ никогда не узнаешь этого. »

— Развѣ вы спрашиваете его по чему нибудь ?

« Напротивъ : его благодаренія смыслили-бы меня вездѣ. Онъ усыновилъ меня. »

— Я любилъ васъ , Густава , теперь уважаю . Могу-ли , въ случай нужды , располагать вашею тайною ?

« Моею тайною и моею жизнью. »

— Теперь разскажемся ; но никто не долженъ замѣнить вашего состоянія .

Онъ оставилъ Густава , показъ ему руку .

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Constantinople et le Bosphore de Thrace , pendant les années 1812 , 1813 et 1814 , et pendant l'année 1826 , avec un atlas , par M. le Comte Andreossy. Paris. 1828. (*Константинополь и Босфоръ Ѳракійскій*, въ 1812, 1813, 1814 годахъ, и въ 1826 году. Съ атласомъ. Сочиненіе Графа Андреосси. Парижъ. 1828. XLIV и 525 стр. in 8).

Itinéraire de Tiflis à Constantinople ; par le Colonel Rottiers. Bruxelles. 1829 (*Описаніе пути отъ Тифлиса до Константинополя*. Бриссель. 1829. 373 стр. in 8).

Можетъ быть ни одинъ предметъ не обращаетъ на себя, въ настоящее время, столько вниманія, какъ нынѣшнее состояніе Турціи. На Русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ еще полнаго изображенія сего любопытнаго предмета. Въ означенныхъ выше книгахъ находясь хорошіе матеріалы для подобнаго труда, но они должны быть подвергнуты суду здравой критики. Желая показать читателямъ нашимъ достоинство сихъ книгъ и представивъ очеркъ нынѣшней Турціи, особенно-же мѣстъ, служащихъ театромъ дивныхъ подвиговъ Русскихъ войскъ, мы извлечемъ изъ сочиненій Гг. Андреосси и Роттье любопытнѣйшія указанія и присовокупимъ къ нимъ наши объясненія.

Въ то время, когда Греческая Имперія клонилась къ своему паденію, Турки, кочевой народъ, пришедшій отъ береговъ Каспійскаго моря, утвер-

дѣлись въ срединахъ Малой Азіи. Османъ, нѣ первый предводитель, сначала помогавшій Алла-Эддину, овладѣлъ въ 1289 году всѣмъ государствомъ Сельджукидовъ. Оживляясь духомъ завоеванія, властители Османлисовъ скоро увеличили свои владѣнія. Они подвинулись къ Бруссу, главному городу Визиніи, овладѣли ею и сдѣлали изъ нея свою вторую столицу. Оттуда они легко могли обратиться къ Босфору и напасть на Константинополь, или завладѣть Дарданеллами и перейти въ Европу. Но они оставляли еще Константинополь. Не имѣвши флота, они на плотахъ переплыли Дарданеллы, проникли въ Фракію и основали третью столицу свою въ Адрианополь. Тамъ-то созрѣлъ въ головѣ Магомета II планъ, уничтожить Греческую Имперію и взять Константинополь. Волнуемый страстью завоеванія, онъ обрываетъ наконецъ столицу и мѣстопребываніе Греческихъ Императоровъ. Слабые числомъ, осажденные геройски противились могущественнымъ усиліямъ Магомета, но наконецъ, 29 Мая 1453 года, городъ Константиновъ падаетъ подъ власть Турковъ, черезъ 1123 года послѣ его основанія. Событіе всемірное! Оно имѣло великое вліяніе на судьбу и образованность Востока и Запада.

Сдѣлавшись обладателемъ Константинополя, Магометъ II простираетъ далѣе свои завоеванія; преемники его подражали ему, и во время продолжительнаго періода своихъ успѣховъ спали ужасомъ Европы. Владѣнія ихъ распространились въ трехъ частяхъ стараго Свѣта; они два раза доходили до востовъ Вѣны (въ 1529 и 1689 годахъ)

и угрожалъ нгою всему Христіанству. Но наконецъ Христіане научились побѣждать снѣ варваровъ: ученый Монтекули, Принцъ Евгений и другими героями, Румянцевъ и Суворовъ, показали, что дикія толпы не могутъ выдерживать правды войны съ образованными войсками. Несудачи Турковъ въ послѣднемъ столѣтіи, и, еще болѣе, постепенное истощеніе силъ, внутренніе безпорядки и наконецъ несообразное съ вѣкомъ и обстоятельствами правленіе, склоняющіе гордую выю Султановъ. Достополніе наслѣдниковъ Магомета представляетъ въ наше время поучительную картину государства, сокрушаемаго вѣншими и внутренними ударами.

Нынешній Султанъ Магмудъ II-й, сынъ Султана Абдулъ-Гампада и младшій братъ Султана Мустафы IV-го, родился 20 Іюля 1785 года и вступилъ на престолъ 28 Іюля 1808 года, вслѣдствіе заговора, сдѣланнаго Таіяръ-Пашею, съ помощію Байракшара-Мустафы-Паши, гдѣ первою жертвою былъ сверженный прежде Султанъ Селимъ, а впоследствии и Султанъ Мустафа. Въ какомъ состояніи находится нынѣ Турція?

Султанъ есть высшій властитель своего государства. Онъ соединяетъ въ себѣ неограниченную власть свѣтскую и духовную, будучи первосвященникомъ Исламизма въ качествѣ Халифа, или наслѣдника Магометова (*). Названіе Султана озна-

(*) Оттоманскій Домъ облеченъ сими высшими достоинствами со времени завоеванія Египта Селимомъ I-мъ, въ 1517 году.

часть болѣе власть свѣтскую, *Имама* духовную. Какъ Халифъ, онъ раздаетъ власти Мусульманскимъ государямъ, независимымъ отъ него, напримеръ Императору Марокскому и всѣмъ владѣтелямъ, разстѣянными въ Индіи и другихъ частяхъ Востока. *Падшакъ* есть почетный титулъ его.

Пагубный для Оштоманскихъ повелителей обычай издавна передалъ исполнительную власть въ руки Верховнаго Визиря. Онъ есть глава *Дивана* или Совѣта Министрскаго. Члены, составляющіе оный, управляютъ каждый своею частію и собираются въ видѣ Государственнаго Совѣта, какъ скоро требуютъ того обстоятельства.

Подъ административною и военной властью Визиря находится власть законодательная, или словіе *Улемовъ*, начальствуемыхъ *Муфтіемъ* (*Шейхъ-уль Исламъ*), главою Мусульманскаго закона, разсылающимъ *фетвы*, или юридическіе приговоры, которые должны исполняться даже надъ Султаномъ, если судомъ сего рода признано виновнымъ его.

Существовала шрещя власть, болѣе страшная, нежели обѣ упомянутыя, составившаяся сама собою при Сербальскихъ несогласіяхъ, превратившая дѣйствіе двухъ другихъ властей и даже могущество Султана: это Янычары, буйный, некорыстный корпусъ войска. Неудовольствіе ихъ начинало обнаруживаться пожарами и пономъ они самовластно требовали головы кого либо изъ своихъ начальниковъ, министровъ, высшихъ чиновниковъ и даже обагралъ свои руки въ крови Султана.

Ихъ старались смирять многими мѣрами, но безъ успѣха, и пошому-то нынѣшній Султанъ рѣшился уничтожить сіе зло достойнымъ варвара средствомъ то есть истребленіемъ Янычаровъ на голову, что и было приведено въ исполненіе въ 1826 году.

Слѣдуя давнему обычаю, каждый годъ, въ четвертый день Луны Шевала, въ десятомъ мѣсяцѣ луннаго года Мусульманъ, всѣ назначаемые Султаномъ правители и чиновники избираются вновь, или прежніе ушверждаются въ исполненіи ихъ должностей. Но гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ подобныя установленія существуютъ только въ обрядахъ, ибо Султанъ безпрестанно перемѣляетъ и даже казнитъ своихъ министровъ и правителей, дожидаясь срочнаго времени.

Верховный Визирь (*Везири-ацель* или *Садри-ацель*), первенствуя надъ *Портою* или *Диваномъ*, то есть собраніемъ всѣхъ чиновниковъ, составляющихъ Министерское Османское, начальствуетъ и всѣми власными, принадлежащими Султану, который ввѣряетъ ихъ ему *Хатти-Шерифомъ*. Съ тѣхъ временъ, какъ Султаны не выѣзжаютъ изъ Константинополя, Верховный Визирь предводительствуетъ арміями. Когда ему ввѣряется начальство надъ Султанскими войсками, онъ принимаетъ шивуль *Векили Мутлака*, или неограниченнаго представителя Его Величества, и получаетъ знамя Пророка или Санджакъ Шерифъ. Ближайшая Порта находится тамъ, гдѣ ея Верховный Визирь; безъ него столица именуется *Императорскимъ стремениемъ* (*Рякіаби-Гумаюнъ*). Всѣ высшіе

чиновники утѣжаютъ съ Верховнымъ Визиремъ и мѣста ихъ занимаютъ чиновники запасные, второстепенные. Напримѣръ, *Кіаіа-Бей* Константинопольскій только занимаетъ мѣсто отсутствующаго *Кіаіа-Бей* и оставляетъ сію должность, какъ скоро сей послѣдній возвращается изъ арміи. Такъ и всѣ другіе министры. *Каймакамъ-Паша* есть наместникъ Верховнаго Визиря и обыкновенно назначается Султаномъ.

Послѣ Верховнаго Визиря важнѣе всѣхъ *Кіаіа-Бей* или Министръ внутреннихъ дѣлъ. *Рейсъ-Эфенди*, Государственный Канцлеръ, есть Министръ иностранныхъ дѣлъ. *Чаушъ-Баша*, Великій Маршаль Двора, исполняетъ всѣ повелѣнія Султана, Верховнаго Визиря и приговоры гражданскаго или уголовнаго правосудія. Эта должность у Турковъ въ великомъ уваженіи. *Дефтердаръ - Эфенди* тоже что Министръ Финансовъ. *Капитанъ* или *Калуданъ-Паша* начальствуетъ всѣмъ Турецкимъ флотомъ.

Исчисливъ главнѣйшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ Оштоманскаго Правительства, прибавимъ, что всѣ они болѣе носятъ названіе того чина, коимъ облечены, но не имѣютъ дѣйствительной власти, ибо система Турецкаго правленія основана на деспотизмѣ. Вся власть соединяется въ Верховномъ Визирѣ, такъ сказать, представителѣ Султана, и всѣ другіе сановники суть не иное что какъ его слуги. Посему-то каждый изъ нихъ, не будучи увѣренъ даже въ слѣдующемъ днѣ, старается пользоваться выгодами своей должности и позволяетъ себѣ всѣ роды злоупотребленій,

дабы послѣ, если удастся сохранить голову, наслаждаться выгодами богатства.

Шенъ-уль Исламъ, или *Муфти*, есть наместникъ Султана по духовной части, такъ-же какъ Верховный Визирь по административной и военной. Уважаемый народомъ, какъ первосвященникъ или начальникъ всего сословія Улемовъ, онъ, въ семь отношеній, послѣ своего повелителя есть первое лицо въ Государствѣ. Муфти пользуется столько-же почестями, сколько Верховный Визирь могуществомъ и властью.

Улемы раздѣляются на три разряда: 1-е, управляющіе службу въ мечетяхъ и занимающіеся управленіемъ храмовъ, училищъ и больницъ; 2-е, судьи всѣхъ классовъ, Моллы, Кадіи, Нанбы; 3-е, Муфти въ областяхъ, учишеля и изъяснишеля законовъ, разрѣшающіе предлагаемыя имъ вопросы касательно сихъ законовъ. Сіе могущественное сословіе, состоящее изъ духовенства и судей, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи Муфти, блюстишеля законовъ.

Управление областями вѣрено Пашамъ, Бейамъ и Агамъ. Чтобы получить яснѣйшее понятіе о политическомъ составѣ и раздѣленіи власти Турецкаго Государства, мы должны обозрѣть управление областей при нынѣшнемъ Султанѣ, котораго многіе починають преобразователемъ своей Имперіи.

Въ Египтѣ видимъ Мегеммеда-Али Пашу, управляющаго симъ знаменитымъ участкомъ земли въ качествѣ Вице-Короля или наместника Султанова, но въ существѣ самовластнаго деспота. Сей Ви-

зирь (яко каждый шрехъ-бунчужный Паша есть Визирь) приобрѣлъ несмѣшныя богатства, сдѣлавшись монополистомъ всей торговли благословенной ошраны, управляемой имъ. Онъ плащитъ ежегодную дань Султану и сохраняешь видъ покорности къ своему повелителю, помогая ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Мегеммедъ-Али извѣстенъ завоеваніемъ Мекки, истребленіемъ Вехабисовъ и покореніемъ острова Кандін. Онъ посылалъ значительныя силы, морскія и сухопутныя, для усмиренія Грековъ, но, ко благу человечества, безуспѣшно. Многіе изъ молодыхъ Египтянъ воспишывающся на счетъ Мегеммеда въ Европѣ, и вообще онъ, побуждаясь корыстными видами, вводитъ въ свои области просвѣщеніе, хоня и варварскіе образы.

Акра, Сивдъ и Триполи Сирійскій долго были подъ властію Сулеймана; по смерти его Акра была вѣрена Абдуллагу - Папѣ, который возмущался противъ Поршы въ 1822 — 1823 годахъ, но за огромную плату и при посредничествѣ Мегеммеда-Али примирился съ Султаномъ.

Алеппо, бывшее гнѣздомъ непокорныхъ Янычаровъ, не въ давнемъ времени находилось подъ властію Рагиба-Паши, одного изъ первыхъ истребителей буйной шодпы Янычарской.

Города Орфа, Діарбекиръ, Мердинъ, Моссуль состоятъ подъ управленіемъ Пашей, часто воюющихъ, или между собою, или съ Туркоманскими и Курдскими народами, живущими вблизи ихъ Пашалыковъ.. Воинственное состояніе приучило этихъ Пашей къ независимости и потому они худо по-

видающихся Султану, который принужденъ ссорить ихъ, дабы не дать ни одному усилиться.

Багдадъ и Бассора, при владычествѣ надъ ними корыстолюбиваго Сулеймана - Паша, стали страшны Султану, и онъ послалъ извѣстнаго Галестъ-Эфенди погубить Сулеймана. Послѣ него сдѣланъ былъ Пашею Абдулла, не наследовавшій власти своего предшественника, потому что Пашадыкъ его былъ ослабленъ непокорными соседственными Пашами и Курдами и Арабами.

Въ остальной части Азіи, Пашалями Ванскій, Арзерумскій, Трепизондскій и проч., были подъ управленіемъ Пашей, коихъ семейства издавна владѣствовали надъ сими областями. Они имѣли большія богатства и пользовались даже нѣкоторымъ уваженіемъ, но шѣли не менѣе Порты смотрѣла на нихъ подозрительными глазами. Въ настоящее время отношенія сіи исчезли, ибо Русское оружіе разогнало многихъ изъ этихъ мѣстныхъ деспотовъ Турецкихъ; Паша Арзерумскій въ плѣну; Трепизондъ ожидаетъ своего часа. Даже мы упомянемъ съ болѣею подробностію о занятыхъ Русскими войсками мѣстахъ. Но вообще, говоря о Турціи, надобно употреблять прошедшее время, ибо сія нестройная масса волнуется безпрерывными междоусобіями, и, вѣроятно, самъ Султанъ не знаетъ состоянія многихъ изъ своихъ областей, потому что власть его на оныя простирается только по наружности.

Бен, правивши Караманіи, Пайаса и Вейлана, при началѣ государствованія Магмуда II былъ въ

совершеннѣйшій пожитіи, не повиновались Порты; грабили караваны, проходившіе по ихъ землямъ, и сѣяли торговля смущенія. Султанъ принужденъ былъ употребить военную силу противъ могущественнѣйшаго изъ сихъ Беевъ, Аги Сасалийскаго, и привелъ въ повиновеніе сію область, усмири сѣккиши Чанана-Оглу и Кара-Османа-Оглу, изъ коихъ первый жилъ близъ Ангоры, а другой въ крѣпости между Магнезією и Пергамомъ, близъ Смирны. Правитель Смирискій былъ неожиданно схваченъ и умерщвленъ на островѣ Метелинѣ. Нынѣ Смирна состоитъ подъ желѣзною властію Гассана-Паши, преданнаго Султану.

Управленіе Европейскихъ владѣній Султана представляетъ картину еще болѣе нестройную.

Дарданеллы состоятъ подѣ смотрѣніемъ Муга-физа, военного чиновника, покорнаго власти Порты. Для сбора пошлинъ съ кораблей, ежегодно присылается особенный смотритель.

Острова Архипелага были по большей части подѣ управленіемъ Капудана-Паши, вѣрившаго судъ и расправу ежегодно избиравшимся старшинамъ.

Островъ Хіо былъ удѣломъ одной Султанши и носилъ шѣнь свободнаго управленія. Бѣдствіе, постигшее въ послѣднее время Хіосцевъ, извѣстно цѣлому міру. Кипръ былъ раздираемъ варварскими всѣхъ родовъ. Метелинъ, Родось, Лемносъ и Спихо состояли подѣ властію Турецкихъ чиновниковъ, назначавшихся Капуданомъ-Пашею. Сира, Тино и Андросъ были въ завѣдываніи Монетнаго

Приставка. Кандія была раздѣлена между тремя Пашами. Островъ Негропонтъ имѣлъ особеннаго Пашу.

Древній Пелопоннезъ или нынѣшнія Морея сѣнонала подъ игомъ Вели-Паши, сына злодѣя Янинскаго, Али-Паши, который повелѣвалъ Эпиромъ, Ливадіею, Фессаліею и всею Нижнею Албаніею. Сынъ его Вели былъ сбитъ и сдѣланъ Пашею въ Трикалѣ. Другой сынъ Али, Мухшаръ, также Паша, управлялъ Пашалыкомъ Эдбассанскимъ и Берамскимъ. Хотя Али выдалъ дочь своего сына Вели за Мустафу, Пашу Сеншарійскаго (въ Верхней Албаніи), но Султанъ зналъ, что это не помѣшаетъ Али завладѣть и Верхнею Албаніею. Али приниславля даже намѣреніе низвергнуть своего зятя, котораго Пашалыкъ, по малолѣтству Паши, управлялся Совѣшомъ. Рѣшившись погубить Али, Султанъ видѣлъ въ немъ не ожесточеннаго злодѣя, а только непокорнаго слугу. Онъ послалъ прошивъ него значительное войско, въ то время, когда уже свобода Греціи загоралась. Съ Али вступили въ переговоры и, нечаянно окруживъ его жилище, избавили Султана отъ опаснаго врага, а Грековъ отъ коварнаго и ужаснаго сосѣда. Семейство Али было также истреблено.

Сересъ и столица Македоніи, Салоники, были взѣрены двумя человѣкамъ, преданнымъ Султану. Бей Сересскій, отецъ Паши Салоникскаго, никогда не хотѣлъ принять названія Паши и могъ выставить до шестидесяти тысячъ войска.

Воснія донныя находятся подъ управленіемъ Па-

ни, живущаго въ главномъ городѣ сей области, Тразинѣ. Въ ней есть нѣкоторыя особенныя установленія и права, но деспотизмъ Пашы часто ихъ проверяетъ ихъ.

- Сербія сѣмьмѣна съ 1821-го года, пошому что она поставила себя почти въ независимость отъ Порты.

Черногорія или Моншенегро населена Христіанами Греческаго исповѣданія, коихъ число простирается до сорока тысячъ душъ. Они Славянскаго племени, повинуются своему Епископу (Владыкѣ) и сохраняютъ независимость.

Румелія, нынѣшній театръ войны Забалканской, состояла подъ управленіемъ Пашы, покорнаго Султану. Двадцать лѣтъ спрана сія раздражаема была внутренними смятеніями; поему, не удивительно, что жилали ея, особенно не-Магомешанскаго исповѣданія, встрѣчаютъ Рускихъ какъ своихъ избавителей.

Мы не будемъ ничего говорить о прежнемъ управленіи Булгаріи, Молдавіи и Валахіи, занятыхъ нынѣ войсками нашего Императора. Сіи обширныя спраны испытали все ширяство Порты и были доведены до того, что жизнь становилась для нихъ невыносимымъ бременемъ.

Изъ сего крашкаго очерка видимъ, что Порты Оттоманская не составляетъ политическаго шта, связаннаго единообразнымъ, благодѣтельнымъ правленіемъ, взаимными выгодами и надеждами на будущее. Это спранный феноменъ, коего существованіе основывается на фанатизмѣ и на личныхъ ин-

одахъ тирановъ-Пашей. Долговременный деспотизмъ приучилъ подданныхъ Султана переносить время рабской жизни, но прочность его государства дряхлѣетъ съ каждымъ днемъ. Доказательства того очевидны.

Турецкій подданный никогда не можетъ быть въренъ въ своей безопасности; онъ, не зная за обою никакой вины, не предполагаетъ, что завтра будешь носить голову на плечахъ. Призракъ коновъ Турецкихъ существуетъ только для выгоды исполнителей онаго, ибо Улемы и Кадимъ рѣшаютъ дѣла окончательно, не отдавая въ томъ никому ошчета. Чтобы пользоваться небольшими выгодами въ жизни, въ Турціи, не такъ какъ у образованныхъ Европейцевъ, гдѣ каждый въ своемъ состояніи можетъ быть доволенъ, въ Турціи наоборотъ приобрести для сего большую силу; она необходима для того, чтобы быть въ нѣкоторой независимости и не спрашиваться насильственной мерой. Но и люди сильные, то есть богатые и знатные, всегда находятся подъ мечемъ Пашей. и послѣдніе, имѣя дѣлю также личную безопасность, стараются всѣми средствами собирать богатства и умножать число своихъ приверженцевъ. Со сдѣлавшись сильными властителями, они становятся подозрительны для Султана, который, если ослабишь сихъ вассаловъ, сорвишь ихъ съ содѣшвенными Пашами и такимъ образомъ уничтожишь свою собственную силу.

Не одно природное варварство, укрѣпленное ослѣпленіемъ и обстоятельствами, служитъ для

Турковъ побудительною причиною къ злодѣйствамъ. Ихъ правленіе основано на убійствахъ и насиліяхъ. Каждый Паша обязанъ прислать требуемое отъ него количество золота, хотя-бы то было и несообразно съ его средствами. Онъ принужденъ для этого взвеситъ на какого нибудь богатаго человека небывалое преступленіе, умершвѣвъ его, и, завладѣвъ его имѣніемъ, расплашиться съ Султаномъ. Не то, низверженіе и смерть Пашы неизбежны. Сія непрерывная борьба Султана съ Пашами и сихъ послѣднихъ между собою, сопровождаемая тиранствомъ въ отношеніи къ подданнымъ Турецкимъ, есть такимъ образомъ необходимое слѣдствіе образа правленія. Каждый думаетъ только о своей личной безопасности и для сохраненія ея готовъ на всѣ злодѣйства.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается главная причина неизбежнаго паденія Турецкаго Государства. Волнуемое всеми возможными неусустройствами, оно поддерживается единственно казнями, насиліемъ и фанатизмомъ, соединяющимъ Турковъ въ минуты опасности.

Нынешній Султанъ видѣлъ, что онъ можетъ укрѣпить на нѣкоторое время распадающіяся части своего Государства, если преобразуетъ войско, и, сколько возможно, нравы своихъ подданныхъ. Последнее для него недостижимо при Магометанскомъ исповѣданіи, ибо не корсеты и не Французскія плашья, въ которыхъ онъ наряжаетъ своихъ женъ, могутъ усмирить нравы и возвысить духъ народа. Преобразование арміи онъ началъ истреб-

женіемъ Янычаровъ. Войско сіе, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлало его властвіе во многихъ отношеніяхъ, но всего болѣе прошинилось оно учрежденію регулярныхъ войскъ. Нынѣшняя кампанія показала, какво вновь образованное регулярное войско, которое Туркофамъ расхваливали и надъ которымъ благоразумные люди смѣялись и называли его каррикашурою Европейскихъ войскъ (*). Рускіе войны гоняшъ его вездѣ, гдѣ ни встрѣяшъ. Толпы нерегулярныя, собственно составляющія Турецкую военную силу, не могли выдерживать сраженій съ Русскими войсками еще во времена Румянцева. Взятіе Арзерума и Адріанополя показываесть, что и нынѣ толпы сіи столько-же страшатся меча Русскаго, какъ спрашивались его при Кагулѣ.

Флотъ Турецкій, послѣ Наваринской битвы состоялъ едва изъ нѣсколькихъ кораблей. Но если-бы Туркамъ и удалось построить еще нѣкоторое число кораблей, то гдѣ возмущъ они мастросовъ послѣ ошпаденія оныхъ нѣхъ Греціи? Если они не могутъ образовать сухопутнаго войска, то какъ образуютъ моряковъ? Положимъ, что Туркофамъ управляютъ нѣхъ кораблями, но могутъ-ли они поселить въ своихъ подчиненныхъ храброствъ, мужество, могутъ-ли сообщить имъ искусство и ловкость, необходимыя въ морскомъ дѣлѣ? Безсмертный подвигъ Казарскаго доказалъ, что первое нѣшто, на которомъ Турецкій флотъ встрѣтился

(*) Два года въ Константинополѣ и Моревъ.
СПб. 1829. Второго изданія стран. 136-я.

съ Русскими морскими силами, будетъ для него новыиъ Навариномъ.

Таково политическое состояніе Турецкаго Государства. Раздѣленіе власей, не вѣющихъ постоянныхъ законовъ, деспотизмъ, основанный на взаимной враждѣ управляющихъ областями, варварское, нечеловѣческое состояніе народа, не вѣщающаго никакого покровительства, никакой защиты, вотъ что видишь мы въ семъ Государствѣ! Туркофилы удивляются рѣшительности Султана и прославляютъ неумѣстную строгость его вѣры. Давно-ли подобныя поступки стали находить себѣ хвалителей? Хороша рѣшительность благоразумная; но истребивъ въ одинъ день сорокъ тысячъ своего лучшаго збіска, приведешь великую сосѣдственную Державу, неисполненіемъ договоровъ и нарушеніемъ правъ народныхъ, въ необходимость получить оружіемъ удовлетвореніе, наконецъ слышишь громъ побѣдителей близъ стѣнъ Серальскихъ и не думаешь о мирѣ — это рѣшительность морскаго разбойника, который провелъ всю жизнь свою въ захватываніи чужаго, и напослѣдокъ, въ безумномъ отчаяніи, окруженный праведными мстителями, невозвратно погибшій для стези законной, бѣгуща до истощенія жизненныхъ силъ.

Не вражда, не неприязненность заставляетъ насъ громко говорить о несчастномъ состояніи Турецкаго Государства, но справедливое негодованіе, возбуждаемое чтеніемъ нынѣшнихъ сочиненій о Турецкихъ дѣлахъ. И Графъ Андреевъ, изъ книги котораго мы заимствовали многое въ нашей

каршинѣ, идешь по сѣдамъ продажныхъ писакъ, съ недавняго времени видащихъ въ Султанѣ героя, въ Пашахъ его благоразумныхъ правителей, а въ войскахъ Турецкомъ мужество и храбрость, въ самомъ дѣлѣ проявляющіяся бѣгствомъ отъ нашихъ войскъ и сдачею намъ неприсущныхъ крѣпостей. Гр. Андреосси старается представить каждый поступокъ Султана съ геройской стороны; но, не смотря на его усилія, дѣла говорятъ сильнѣе словъ. Чишашели могутъ подтвердить наши указанія самою книгою Графа Андреосси и прекрасными сочиненіями, недавно издаанными на Русскомъ языкѣ: *Два года въ Константинополѣ* и *Морей и Путешествіе Вальша*. Въ свое время, мы назвали ихъ за безпристрастіе и вѣрное изображеніе занимающаго насъ предмета.

Обозрѣвъ Турецкое Государство въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, мы должны теперь представить чишашелямъ нашимъ физическое или матеріальное состояніе онаго, ибо статистическій обзоръ Турціи едва-ли возможенъ, по недостатку свидѣній о семъ Азіатскомъ Государствѣ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

КНИГИ 1829 ГОДА.

— *О пользѣ и необходимости водворенія въ Россіи плодоперемѣннаго сельскаго хозяйства.* Издано отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. СПб., 1829., въ ш. Ивана Байкова. 101 стр., in 8, и 7 таблѣцъ.

— *О выкармливаніи шелковичныхъ червей по способу Графа Дандоло.* Сочиненіе Матвея Бонафу. Переведено съ Французскаго и издано штиціемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. СПб., 1828 (*). Въ ш. Академіи Наукъ. VI и 102 стр., in 8, съ рисунками.

Вотъ два новыя сочиненія, изданныя Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ! Почтенное Общество сіе, знаменитое и давнымъ своимъ существованіемъ, и неутомимою, полезною дѣятельностію, въ теченіе 63-хъ лѣтъ своего существованія стремится безпрерывно къ своей цѣли и ознаменовываетъ себя каждый годъ многими важными подвигами. Оно заботится о водвореніи въ Россіи плодоперемѣннаго земледѣлія и въ тоже время вразумляетъ владѣльцевъ земель, что они

(*) Книга сія вышла въ свѣтъ въ 1829-мъ году. Предувѣдомленіе къ оной подписано 18 Мая 1829 года. *Изд.*

должны обращать вниманіе не на одну сію промышленность. «Цѣль земледѣлія состоятъ не въ одномъ произведеніи сколь возможно большаго количества хлѣба; оно должно вездѣ производить то, что или необходимо нужно, или на что можно имѣть выгодный сбытъ. Если выгоднѣе пшеницы сѣять лукъ и горохъ, какъ-то признано въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, то должно сѣять сіи овощи и оставивъ пшеницу, и такимъ-же образомъ поступать вездѣ и во всякое время, сообразно съ обстоятельствомъ.» Такъ говорилъ Г-нъ Щегловъ въ сочиненіи своемъ *О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности*, читанномъ въ собраніи Общества. Слова Г-на Щеглова показываютъ степень полезности сочиненія о плодощеремѣнномъ земледѣліи. Но далѣе онъ говоритъ, что наши помѣщики должны обращать вниманіе, послѣ земледѣлія, на винокурениѣ, и на другіе выгоднѣйшіе въ настоящее время и полезнѣйшіе роды промышленности, изъ коихъ онъ указываетъ на слѣдующіе: Добываніе сахара изъ туземныхъ растений — добываніе изъ растений красокъ — добываніе шелка. Посему Общество весьма къ стати издаде сочиненіе *О выкармливаніи шелковичныхъ червей*. Оно также приготовило къ печати слѣдующія сочиненія: Земледѣльческую Химию Гумфри Дави, Земледѣліе Джона Синклера, и еще одно сочиненіе о винодѣліи. Мы не беремся судить о достоинствѣ подобныхъ книгъ, но зная выгоды разнообразнаго направленія промышленности въ отношеніи къ По-

Августъ 1829.

32

лишней Экономіи, не можемъ не отдаватьъ справедливой хвалы усиліямъ Общества.

— *Описаніе знаменитаго и неслыханнаго сраженія между Россійскимъ бригамъ Меркуріемъ и двумя Турецкими линейными кораблями, 14 Мая 1829 года.* Съ приложеніемъ осьми рисунковъ, ясно показывающихъ различныя положенія брига и непріятельскихъ кораблей въ продолженіе погони за нимъ и сраженія; также съ объясненіемъ многихъ морскихъ терминовъ. Сочинено съ офиціальнымъ бумагъ М. 1829., въ Унив. тип., 31 стр., in 8.

Кому изъ Рускихъ не извѣстенъ знаменитый подвигъ Меркурія, брига Черноморскаго флота, свершенный подъ начальствомъ Капитана-Лейтенанта Каварскаго? Мы увѣрены, что, пересказавъ его здѣсь, не скажемъ ничего новаго нашимъ соотечественникамъ: они знаютъ всѣ подробности сего геройскаго подвига и помнятъ объ истинно-Императорскихъ наградахъ, коими Государь Императоръ благоволилъ означить заслуги каждаго изъ бывшихъ на брига Меркуріи. Но мы считаемъ себя счастливыми, что имѣемъ случай внести въ наши листы воспоминаніе о семъ безсмертномъ дѣлѣ, которому подобнаго нѣтъ въ морскихъ дѣлоисяхъ всѣхъ народовъ. Англіійскіе журналы, не охотно раздающіе похвалы морякамъ не-Англіійскимъ, признаются, что дѣйствительно подвигъ брига Меркурія безпримѣренъ, и что дѣлоиса ихъ флота не представляютъ ничего подобнаго. Честъ и слава нашимъ храбрымъ соотечественникамъ! . . . Въ книжкѣ, изданной подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ, подробно описано сіе достопамятное собы-

тѣ и въ концѣ оной приложено изъясненіе всѣхъ морскихъ терминновъ и выраженій, находящихся въ официальномъ донесеніи о подвигѣ брига Меркурія. Рисунки, коими обогащена сія книжка, показываютъ различныя положенія брига и непріятельскихъ кораблей во время боя. Сочиненіемъ симъ, публика обязана одному почтенному моряку: эпомы знаемъ изъ достовернаго источника. Впрочемъ, и не зная эпого, всякій читатель увидишь, по необыкновенному участию, живости и знанію, съ которыми написана сія книжка, что сочинишь ее могъ не иной кто, какъ человекъ, знакомый и съ грозною стихіею моря и съ непріятельскими ядрами и картечами.

— *Древнѣе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народописномъ (?) , историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историко-пришическія изысканія, коими опредѣляются, вопреки общепринятому мнѣнію, происхожденіе, колыбель и древности сихъ двухъ племенъ въ частности, и Славянъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ вообще, и разрѣшаются многіе важнѣйшіе вопросы изъ Древней Исторіи Россіи, составленные Юріемъ Венелинымъ. Т. I. М., 1829, въ Унив. тип., XVI и 256 стр., in 8.*

Есть два рода невѣжества : одно неученое, другое ученое, и второе гораздо смѣшнѣе и несноснѣе пераго. Оно производило Рудбековъ, Тредьяковскихъ, Эммануиловъ, и въ наше время произвело книгу Г-на Венелина, истинное чадо твореній Рудбека и его собратій! Мы не говорили-бы такъ сильно,

если-бы не видѣли въ Г-нѣ Венелинѣ упрямства, хвастовства и насмѣшливости, не только непримѣнимыхъ ученому писателю, но и самому разсказчику о походеиіяхъ Царя Картауса Θεοδουловича.

Главная мысль Автора, что Булгары были Славяне; но этого мало: онъ почитаетъ Славянами Гунновъ, Аваровъ, Хазаровъ; утверждаетъ, что Ашшила былъ Славянинъ, и что Рускіе произошли отъ Роксоланъ, словомъ, не лзя читать книги Г-на Венелина не смѣясь, и смѣяться не досадуя, что въ нашъ вѣкъ еще осмѣливаются вывозить изъ бѣлый свѣтъ литературныя чудовища такого рода.

Кажется, что подобныя созданія не стоятъ крикяки. Не понимаятъ только, какъ М. П. Погодинъ могъ одобрить книгу Г-на Венелина, и — даже дать ему средства напечатать ее! Опъ конечно хотѣлъ подшутить надъ нами, но, Богъ знаетъ, одѣлаетъ-ли подобная шутка честь его общественой литературной извѣстности.

Н. II.

— *Подробное описаніе Персін и государствъ Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белуджистана, землі Хорассана, также Грузін и Персидскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи. Съ приложениемъ описанія похода Персіанъ противъ Россіи въ 1826, 1827 и 1828 годахъ. М., 1829., въ ш. Селивановскаго. 3 части. Въ I-й IV и 164, во II-й 84, въ III-й 128 стр., in 8.*

Не смотря на громкія увѣренія Автора, что онъ « тщательнo разсматривалъ все до сего вре-

мени вышедшія (?) путешествія, Географія, Исторія, коими имѣлъ случай пользоваться,» что онъ сравнивалъ оныя со всевозможнымъ вниманіемъ, старался избѣгать ложнаго и выбирать справедливое — книга его есть самая обыкновенная компиляція, и труда въ ней не видно. Во первыхъ, исчисляя источники, коими онъ пользовался, Авторъ облачаетъ себя, что онъ не знаетъ новѣйшихъ и лучшихъ источниковъ для его предмета, а именно: Путешествія Морьера, Англійскихъ Обзорѣній и изъ нихъ особенно Quarterly Review, гдѣ заключаются почти всѣ новыя географическія свѣдѣнія. Во вторыхъ, касаясь древней Персіи, онъ не пользовался изысканіями Геерена, пролившаго ясный свѣтъ на состояніе древнихъ справъ и народовъ, въ своихъ Ideen. Наконецъ, даже изъ штихъ источниковъ, коими пользовался Авторъ, можно и должно было составить что-то болѣе стройное. Почему, напримѣръ, называетъ Авторъ провинціи, присоединенныя къ Россіи, Персидскими? Къ чему при описаніи Персіи описаніе Кавказскихъ земель? Онъ далеко ушелъ отъ Персіи. Почему Авторъ называетъ Кавказскія горы Альпами Восточной Азіи? Что-же будетъ Западъ Азіи, если это Востокъ? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать не одну сотню, и Авторъ затруднится въ отвѣтъ на оныя. Заключающееся въ третьей части описаніе послѣдней войны Россіи съ Персіею, не заслуживаетъ большаго вниманія, потому что это не Исторія и не сборникъ однихъ оффиціальныхъ бумагъ, а какой-то рассказъ съ реляцій. Его не лзя принять за матеріалъ и не лзя читать съ

удовольствіемъ, какъ Историческое описаніе достопамятной послѣдней войны Россіи съ Персіею. Скажемъ вообще, что главный недостатокъ сей книги состоитъ въ томъ, отъ чего Авторъ почтѣлъ себя свободнымъ: въ неосмотрительности. Разшительныхъ ошибокъ въ его сочиненіи мы не замѣтили.

— *Katalog der deutschen Reich-Bibliothek, von Ferdinand Delius* (Роспись книгамъ Нѣмецкой Библиотеки для чтенія, Фердинанда Эльцнера). М. 1829., въ м. Селивановскаго. 185 стр., in 8.

Въ столь большомъ городѣ какъ Москва, разумеется, живешь, между прочимъ, много Нѣмцевъ. Въ самомъ дѣлѣ достойно замѣчанія, что это какой-то особенный классъ людей, необходимый для Русскихъ городовъ, или по крайней мѣрѣ неразлучный съ ними. Но какъ Нѣмцу быть безъ чтенія? Оно для него также потребно, какъ для Русскаго разгульное житье. Нашъ соотечественникъ ошдыхаетъ въ шумной бесѣдѣ, а Нѣмецъ и книгою. И Московскіе Нѣмцы любящъ читающъ; доказательствомъ этого можетъ служить Библиотека Г-на Эльцнера, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ. Нынѣ изданный Каталогъ оной заключаетъ въ себѣ 4520 №, въ числѣ коихъ находится почти все лучшее Нѣмецкой Литтературы. Есть полныя собранія сочиненій Гёте, Геллерта, Виланда, почти всѣ сочиненія Жанъ-Поля, Шиллера, Кюцера, Фанъ-дель-Фельда и многихъ другихъ Нѣмецкихъ авторовъ. Сверхъ сего есть много переводовъ лучшихъ сочиненій иностранныхъ, такъ, что

плаща бездѣлу въ сію Библиотеку, изъ нея можно пользоваться почти всѣмъ богатствомъ литературнымъ, даже не одной Германіи. Не льзя ожидать чтобы тутъ былъ какія нибудь дорогія или рѣдкія сочиненія, но *только* найдется почти все. Вѣроятно зная своихъ чинашелей, Г-нъ Эльцнеръ имѣетъ особенно большой запасъ романовъ и театральныхъ сочиненій.

Надобно прибавить, что кромѣ Библиотеки для чтенія, Г-нъ Эльцнеръ имѣетъ довольно богатую книжную лавку. Въ ней найдете полныя собранія сочиненій почти всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ авторовъ, множество книгъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, и много новыхъ, эфемерныхъ сочиненій. Г-нъ Эльцнеръ также принимаетъ на себя обязанность выписывать изъ Германіи *все*, по возможности, книги, и такимъ образомъ Москвитинъ не можетъ жаловаться, чтобы имъ не ошкуда было взять Нѣмецкихъ книгъ. Еще нѣсколько лѣтъ, еще побольше любви къ чтенію, къ ученымъ занятіямъ, и Москва будетъ имѣть своего Грефа.

— *Американскія степи.* Сочиненіе Д. Фенимора Купера. Переводъ съ Французскаго. 3 части. 1829. въ ш. Селивановскаго. Въ I-й ч. 272 стр., во II-й 326 стр., въ III-й 323 стр., in 12.

Кажется, до сихъ поръ на Русскомъ языкѣ это второй романъ знаменитаго Американскаго Писателя. Романъ сей имѣетъ большое достоинство, какъ вѣрное изображеніе дикой природы и оригинальныхъ народовъ Сѣверной Америки. Правда, нѣкоторыя *дѣйствія* не рѣдко кажутся чинашело

нашими, но, прочитавъ всю начерпанную Куперомъ карьеру, онъ остается доволенъ.—Въ началѣ сей книжки М. Телеграфа напечатано письмо самого Купера, гдѣ онъ весьма основательно показываетъ причины безцѣлности Северо-Американской Изящной Словесности. Дѣйствительно, романистъ Северо-Американскій непременно долженъ переноситься къ дикимъ, сосѣдственнымъ его обществу народамъ, чтобы имѣть какой нибудь оригинальный предметъ. Его родное общество столько благоразумно, столько не разнообразно, и шакъ хорошо въ политическомъ отношеніи, что съ него нечего списывать, или, списывая должно вести шакъ журналъ, какой вѣдь одинъ хорошій, добрый человѣкъ, выразившій всею жизнію своею слѣдующую фразу: *Всталъ въ 7 часовъ утра, занимался дѣлами по обыкновенію, и легъ спать въ 11 часовъ вечера*. Вотъ причина, заставляющая Купера вводить насъ въ общество дикихъ и подобныхъ имъ необщественныхъ людей. Нужно-ли говорить, какъ мастерски пользуется онъ своими предметами? Куперъ художникъ. Читатели согласятся съ этимъ, прочитавъ его *Степи*, романъ, который переведенъ на Русскій языкъ не совсѣмъ дурно.

— *Описаніе Нижняго Новгорода* и ежегодно бывающей въ немъ ярмарки. М. 1829, въ ш. Августа Семеча. 127 стр., in 8. Съ планомъ.

Г-нъ Леконсъ де Лаво, извѣстный сочиненіемъ Пушководителя въ Москвѣ, переводомъ на Французскій языкъ Путешествія Г-на Муравьева въ Туркменію и Хиву, и особенно изданіемъ хорошаго

Журнала *Bulletin du Nord*, составивъ сію книгу на Французскомъ языкѣ. Какой-то неизвѣстный перевелъ ее на Русскій языкъ, и весьма неисправно; но книга сама по себѣ хороша. Авторъ обозрѣваетъ Нижній Новгородъ исторически, топографически и статистически, замѣчаетъ разныя достопамятности онаго и судитъ обо многомъ весьма справедливо. Въ доказательство сего приводимъ его мнѣніе о Нижегородскомъ Гостинномъ дворѣ: «Если-бы ограничились только совѣщаніемъ съ выгодами торговли, то сіе огромное зданіе не представляло-бы ничего, кромѣ обширныхъ лавокъ для поклажи приносящей, хлопчатой бумаги, мѣховъ, вина и другихъ торговыхъ вещей, привозимыхъ въ большомъ количествѣ и составляющихъ истинное богатство ярмарки, а малыя лавки были-бы оставлены для купцовъ, торгующихъ не крупнымъ товаромъ и могущихъ помѣщаться въ небольшомъ пространствѣ; но тогда-бы должно было по большей части нарушить симметрію, которой требуютъ правила Архитектуры, и разсѣявъ зданія, нужныя для ярмарки, на гораздо большемъ пространствѣ, не строить магазиновъ въ мѣстахъ, подверженныхъ ежегодному и правильному разлитію двухъ рѣкъ. Чтобы вездѣ сохранить эту симметрію, Архитекторъ сдѣлалъ всѣ лавки одинакой величины, и это единообразіе, которое непременно должно было сохранить, породило нѣкоторыя неудобства. Отъ сего, напримѣръ, происходитъ, что покой, занимаемый ювелиромъ или часовщикомъ, такой-же величины какъ и лавка, занимаемая торговцемъ мебелью; такимъ образомъ одному слишкомъ простор-

на, между тѣмъ какъ другому очень шѣсна; а если купецъ, торгующій мебелью, для удобнѣйшаго помѣщенія своего товара, найметъ нѣсколько лавокъ, то онъ будетъ принужденъ платить втрое или вчетверо дороже прошивъ ювелира, между тѣмъ какъ торговля его гораздо маловажнѣе послѣдняго.»

Въ концѣ сей книги находятся отдѣльныя любопытныя статьи, подъ названіемъ: *Пуганы и Прогулка по Нижегородской ярмаркѣ.*

— *Славолюбивый Султанъ*, или рѣдкій прикѣръ владычества надъ самимъ собою. Историческое происшествіе. Сочиненіе Николая Данилевскаго. М. 1829. въ ш. Селивановскаго. VIII и 65 стр., in 12.

Кто-бы подумалъ, что можно сочинить *Историческое происшествіе*? Однакожъ Г-нъ Данилевскій свершилъ сей подвигъ и провозглашаешь о немъ на заглавномъ листкѣ изданной имъ книжечки. Славолюбивый Султанъ есть не иной кто, какъ Магометъ II-й, покоритель Константинополя. Историческое сочиненіе состоятъ въ томъ, что Магометъ страстно полюбилъ какую-то Ирину (не Ирину-ли?). Для нея онъ сталъ забывать свои обширные замыслы, и когда ему напомнили объ этомъ, онъ собралъ своихъ придворныхъ, показалъ имъ свою красавицу и отсѣкъ ей голову (*кижаломъ*, какъ говоритъ Авторъ). Содержаніе, не правда-ли, замысловатое? Слогъ этой сказочки достоинъ Бовы Королевича. Вотъ какъ Авторъ изображаетъ Магомета: «Представьте себѣ человека лѣтъ двадцати двухъ, имѣющаго ростъ сред-

ній и какъ-бы сжатый (!?), лицо смугловатое, глаза черные, взглядъ суровый, брови на подобіе лука, носъ орлиный, но *весьма* длинной, чело высокое, ротъ и зубы *весьма* красивые.» Хорошъ молодецъ! Авторъ особенно мастеръ описывать наружную красоту человека. Стоишь заглянуть на 14-ю страницу его книжки, гдѣ описана «осмынадашилѣшняя дѣвушка, или лучше Греческая красавица, имѣющая столь очаровательныя прелести, столь волшебную миловидность и дивную нѣжность, что никакія выраженія пера не въ силахъ, въ точности сдѣлать удовлетворительнаго описанія красоты ея,» и проч. Надобно замѣтить, что это Гречанка *бѣлокурал*. Ошибокъ противъ языка найдется въ этомъ сочиненіи по крайней мѣрѣ въдесятеро противъ числа страницъ; противъ смысла нѣсколько поменьше.

С М Ъ С Ъ.

ПРОГУЛКА НА ЧАТЫРЬ-ДАГЪ.

5-го Мая 1829-го года.

Вставъ на зарѣ, пустился я отыскивать по Симферополу товарищей своихъ, съ которыми, за нѣсколько времени еще прежде сего, уговорился ѣхать на разсвѣтъ назначеннаго дня къ источнику Салгира и на Чатырь-дагъ. Солнце, не дожидавшееся нашихъ сборовъ, взошло уже высоко, и погода была

прекрасная. Являясь почтовым тройка, и мы поехали вдоль Салгира. Виды по долине, где он протекает, освещаемые крошечными лучами весеннего солнца, неподобыны. Дорогою любовались мы прекрасным загородным домом Д. В. Нарышкина и дачею Н. И. Перовского, где множество красивых строений, на прелестном возвышенном расположенных, издали сквозь густую зелень деревьев представляють нечто подобное малому городку. Несколько Татарских деревень и разных домиков, разбросанных между садами и рощами на берегах излучистаго Салгира, пышные нивы и зеленяющіе луга составляют прелестную картину, въ отдаленной перспективѣ коей снѣются громады южныхъ горъ, а надъ ними дѣль нашего путешествія, огромный Чатырь-дагъ, величественный шатеръ Тавриды — исчезаетъ въ облакахъ.

Подъѣзжая къ *Эски-Сараю* (старому дворцу), видите раздвинувшіяся горы, которыя образуютъ довольно обширную круглую равнину. Здѣсь было когда-то мѣсто пребыванія Крымскихъ Хановъ, нынѣ-же, одно полуразвалившееся зданіе, похожее на мечеть, и часть стѣны, ограждавшей садъ, уцѣлѣли только отъ разрушенія. *Мурза Мехмет Крымтаевъ*, значительнѣйшій изъ здѣшнихъ Татарскихъ помѣщиковъ, живетъ здѣсь, владѣя обширными, хорошо обработанными полями, пышными пажитями и богатыми лѣсными угодьями. Въ 10-е часовъ утра остановились мы въ домѣ его, построенномъ въ полу-Азіатскомъ и полу-Европейскомъ вкусѣ, въ 18-ми верстахъ отъ Симферополя, и хотя не застали самого хозяина, однакожъ во

распоряженію его нашимъ гонимымъ зашпракъ, составленный по Ташарскому обыкновению изъ свижаго масла, смешаны, хлѣба, меду, каймака (*) и Турецкаго кофе. Для прѣзжихъ отведена особливая комната, довольно чистая, съ мягкими диванами, а прислуживавшіе намъ Ташары всѣ почти говорятъ по-Русски довольно хорошо. Здѣсь спустились мы обратно почтовую повозку, взяли верховыхъ лошадей, и черезъ часъ прѣехали въ Ташарскую деревню *Аля*, находящуюся близъ источника Салгпра, изъ коему и отправились немедленно. Вскорѣ увидѣли мы съ горы большой круглый оврагъ, какъ будто изъ одного камня изсѣченный въ видѣ воронки, прорѣзанной съ одного бока, куда стремишься ручей, вытекающій изъ самаго углубленія. Надобно было слѣзть съ лошадей и пѣшкомъ спускаться внизъ къ самому источнику, коего шумъ слышенъ съ верху. Пошокъ выходитъ изъ земли съ большимъ стремленіемъ, подъ навѣсомъ скалъ, въ видѣ довольно правильнаго свода. Вода, выше и ниже бьющаго ключа, составляетъ два бассейна, изъ коихъ верхній долженъ быть весьма глубока, ибо не смотря на прозрачность, чистой какъ хрусталь, воды, дна не только не видно, но, говоряшь, и достать не можно.

Возвратясь отсюда опять въ *Аля*, перемѣнили мы лошадей и взяли проводника, при чемъ бывшій съ нами Ташаринъ отъ Мурзы Мемета, зная по-

(*) *Каймакъ* есть родъ густыхъ, особеннымъ образомъ приготовленныхъ сливокъ съ пѣнками.

Русски, очень для насъ пригодился. Когда мы приблизились къ горамъ; Салгиръ остался у насъ вправо. Вскорѣ начали мы подыматься сквозь тѣсноту, на первую высоту къ Чашыр-дагу. Чѣмъ выше, тѣмъ круче и каменистѣе становилась дорога, а наконецъ, превратилась въ едва замѣтную, проложенную стадами пропашку, по голымъ камнямъ, сыпавшимся подъ ногами лошадей, которыя съ удивительными перпѣтїемъ выбирались на крутизнахъ разными излучинами. Поднявшись такимъ образомъ вверхъ болѣе двухъ сотъ сажень, достигли мы ровнаго мѣста, гдѣ частію растенья шрва, но болѣе шортамъ острые камни, по которымъ даже и здѣшнимъ, привычнымъ къ такой дорогѣ лошадямъ, очень трудно ступать. Я полагалъ, что мы уже находимся около самой вершины; но вышло, что мы были еще далеко отъ нея, ибо еще два раза должны были подниматься на такіа-же высоты, прежде нежели достигли большой, на нѣскольکو верстъ простирающейся площади или равнины, по срединѣ которой возвышается та огромная скала, которая собственно называется *Чашыр-дагомъ* или *шатромъ-горою*, по причинѣ сходства ея съ раскинутымъ шатромъ; но ея намъ почти не видно было за облаками.

На высотѣ, гдѣ мы тогда находились, воздухъ несравненно холоднѣе, нежели въ долинѣ. Густой туманъ окружалъ насъ и препятствовалъ смотрѣть вдаль, а изъ тучъ, висѣвшихъ низко надъ нами, вдругъ полился сильный дождь; по временамъ слышанъ былъ громъ, и молніи огненной лентою окос-

сызала вершину Чашыр-дага. Зрелище величественное и единственное въ своемъ родѣ.

Буря усиливалась, и мы принуждены были искать убѣжища. Къ счастью случился, по близости, пустой пастушескій шалашъ, сложенный изъ камней и покрытый дерномъ. Укрывшись въ немъ отъ ненастья, развели мы огонь, и принялись за дорожный запасъ водки, хлѣба, сыру и вина. Уставшимъ отъ шрудной ѣзды по горамъ и сильно проголодавшимся, скудный обѣдъ показался несравненно вкуснѣ всѣхъ пышныхъ барскихъ обѣдовъ. Ташары, провожавшіе насъ, отъ водки не отказывались, но вина пить не хотѣли, изъ опасенія нарушить законъ свой. Стыранная и смѣшная разборчивость! Они рассказывали намъ, что неприступныя мѣста сіи наполнены были прежде разбойниками, которые теперь уже совершенно перевелись. Изъ словъ ихъ можно было замѣтить, что и сами они если не принадлежали къ числу шакскихъ головорезовъ, то, вѣроятно, имѣли съ ними близкое знакомство.

Наконецъ дождь пересталъ, солнце начало мѣстами показываться, и мы, отдохнувъ, подкрѣпивъ себя пищею и обогрѣвшись у огня, съ новыми силами пустились далѣе. Вскорѣ подѣхали мы къ послѣднему возвышенію, или подошвѣ скалы, составляющей вершину необъятной громады Крымскихъ горъ. Здѣсь, оставя лошадей въ шѣни ольховой и буковой рощи, подъ надзоромъ одного изъ Ташаръ, мы пошли съ другимъ Ташариномъ на самый верхъ горы. Перемѣна климата здѣсь весьма ощущимель-

на. Весенніе цвѣты, которые въ долинахъ давно уже опцѣли, на сихъ высотахъ только еще начинали распускаться. Трава здѣсь хотя и не высока, но очень густа и питательна для скотины, а по-тому лѣшомъ, всѣ пастухи окрестныхъ деревень пригоняють сюда стада свои, съ которыми и остаются до осени.

Поднявшись еще выше, мы находили уже только мохжевелникъ, низко по камнямъ разстланный, а на самой вершинѣ голые камни, между которыми во многихъ мѣстахъ снѣгъ еще не растаялъ; въ нѣкоторыхъ ущельяхъ онъ и никогда не таетъ, такъ, что въ самые большіе жары можно доставать ледъ изъ сихъ природныхъ погребовъ.

Кто не былъ на такой высотѣ, тотъ не можетъ себѣ представить, какое непонятное, смѣльное чувство волнуешь грудь путешественника, стоящаго надъ облаками! Все земное кажется ничтожнымъ тому, для кого небо отверсно.

Проходя сквозь тучи, мы непримѣтно были окроплены влажностію. На вершинѣ горы, сначала густой туманъ окружалъ насъ и ничего не было видно; облака подъ ногами нашими волновались со всѣхъ сторонъ, какъ мрачное море. Долго лежалъ я на скалѣ, завернувшись въ космашую бургу, составляющую въ здѣшнихъ мѣстахъ необходимую принадлежность путешественника, ибо ничто такъ не защищаетъ отъ влажности и произительныхъ горныхъ вѣтровъ. Густыя облака, клубясь подобно дыму, неслись мимо насъ отъ юга къ сѣ-

веру; но подувшій отсюда вѣтеръ изъ сени проводилъ ихъ обратно къ морю. Солнце начало пробиваться сквозь тучи, и онѣ, раздвигаясь какъ театральныя кулисы, позволяли намъ видѣть въ промежуткахъ неизмѣримую отдаленность.

Въ ясную погоду можно видѣть отсюда почти весь Крымъ. Съ одной стороны блистаетъ необъятное пространство моря, съ другой стелется гладкая сени до самаго Перекопа, а волнообразныя горы отсюда смиренно упадаютъ къ стопамъ своего владыки; всѣ онѣ отсюда кажутся малыми пригорками, тогда какъ изъ долины представляются ужасными гигантами. Не имѣя при себѣ хорошей зрительной трубы, не могли мы разсмотрѣть Перекопа, Козлова, Керчи и другихъ городовъ; но Симферополь былъ намъ видѣнъ, какъ на ладони; Салгиръ-же означался едва приметною блестящею чертою, и вся долина, гдѣ онъ протекаетъ, казалась небольшимъ углубленіемъ или рытвиной. На южномъ берегу Алушты и многія другія селенія казались у насъ подъ ногами, какъ нестрыя раковины близь моря. Густые лѣса, въ изобиліи расшумѣ между горъ, мрачною своею зеленью составляли разительную противоположность съ голыми скалами, насъ окружавшими.

Но красотоу сего единственнаго зрѣлища можно только видѣть и восхищаться онымъ, описывать-же его было-бы напрасно: никакое перо не изобразитъ его величія, никакой языкъ не выразитъ его пріятности. Заходящее солнце напоминало намъ, что ночь могла застать насъ въ непри-

стунныхъ сикъ иѣстахъ, и мы поспѣшная дозира-
лись. Точно такимъ-же образомъ спустились
въ долину, только съ большимъ затрудненіемъ, не-
жели при въѣздѣ на горы, благополучно добжали
мы на усталыхъ лошадяхъ до селенія Часкова на
большой дорогѣ, гдѣ на станціи взяли почтовую
човозку, поздно ввечеру возвратились въ Симфе-
рополь.

Александръ Лосаго.

Русскій Театръ.

Недоросль, комедія въ пяти дѣйствіяхъ (по воз-
обновленіи первое представленіе, 16-го Августа).

Кто что ни говори, а Классицизмъ, прошедъ
коего нынѣ всѣ возопіали, было дѣло весьма удоб-
ное. Съ правилами и постановленіями преслову-
тыхъ Пиншихъ, можно было справиться какъ съ
календаремъ. Появилось новое произведеніе — есте-
ственнымъ образомъ рождался вопросъ: хорошо
оно или дурно? Должно-ли оно нравиться или не
должно? Съ помощью Классицизма, не нужно было
ломать голову. Спондо раскрыть кодексъ Лаште-
рашуръ, и посмотрѣвъ, прошивъ какого аршикула
грѣшишь новое сочиненіе, а посмотрѣвши условія
Изящнаго, легко было повѣрить, соблюдены-ли оныя
въ точности, иѣтъ-ли какихъ отступленій, и проч.?
Критики этого блаженнаго времени были до такой
степени облегчены, что каждый въ умѣющаго

держатъ перо въ рукахъ, могъ бытъ неогрѣшительнымъ судьей въ Липсгералпурѣ, что и доказать не мудрено. Подождимъ, что вышло въ свѣтъ новое Драматическое сочиненіе. Рецензентъ, не прочтеніи оного, что рѣшимо смотришь; соблюдаемы-ли при единствѣ? Не соблюдаемы? слѣдовательно твореніе подвергается хуль, и на сѣмъ первомъ пунктѣ основывалась уже кришнина осуждающая. Не выступлено отъ правила шрехъ единствъ? Это общаешь нѣчто хорошее. Про *se-cundo* — разбирались стихи. Гладки-ли они? Найдутся-ли между оными *septenціи*, *des vers à rime*? Не противны-ли выраженія *утомисмому* вкусу (последовца говоришь: гдѣ шонко, шамъ и рвешся)? Удобно-ли актеру выкрикивать ихъ напыщеннымъ голосомъ на расцѣвъ? Оказалось все въ несправности, слѣдовательно и пьеса хороша. Но хвалишь безусловно, не годишься; надобно приправить кришнику замѣчаніями и сошвами. Это легче всего! Стоитъ только наметнуть о *растянутостяхъ* (*les longueurs*), о нѣкоторыхъ замедленіяхъ дѣйствія и т. п. А впрочемъ, все обшонишь благополучно и новаго ничего нѣтъ. Смыъ заключался въ Классическія кришники въ пользу автора. Но ежели авторъ, недовольный шѣсными предѣлами схоластики, дерзнулъ расширить кругъ своего дѣйствія? Если онъ расторгнулъ окомъ школьныхъ правилъ и вѣтви предписанными условіями пожертвовалъ живости дѣйствія, вѣрности изображеній и рѣзкими чертами, опредѣляющими характеры лицъ? О! въ такомъ случаѣ рецензенту есть надѣ чѣмъ пошѣшиться! Начнемъ съ того, что самыя ошступле-

нія, суть пресупленія, етго цѣлая пьеса есть не иное что какъ нарушеніе священнѣйшихъ законовъ Литшерашурнаго міра. А красота ея оправдывающія? Мы ихъ не видимъ! гдѣ онѣ? Да что-же худого въ пьесѣ, спросишь кто нибудь? Мало-ли что? Тушъ неправдоподобіе (NB. неизбежное во всѣхъ твореніяхъ Классическихъ и Романтическихъ, безъ изъятія), шамъ сцены, противныя вышесказанному утонченному вкусу; здѣсь выраженія, оскорбляющія слухъ любознательный и скромную любоспытательность Гг. неданшова. Ну, словомъ, все не хорошо, и да будетъ стыдно тому, кто восхищается подобными нехлѣбостями. Блаженное время Классицизма! На все были средства! Кто хотѣлъ, тотъ былъ судьей и даже мудрецомъ! Нынѣ, плохіе времена настали!... Школьных правилъ и древнія Пѣншки получали чистую отставку. Теперь требуютъ, чтобы Критика руководствовалась въ разборахъ своихъ чѣмъ-нибудь прочнымъ, не условнымъ, а поясняющимъ сущность дѣла всѣмъ и каждому, не основываясь на правилахъ принятыхъ и ограниченныхъ, а изыскивая настоящіе признаки Изначнаго, во всемъ его разнообразіи и многообразныхъ проявленіяхъ. Требованія сіи простерлись до того, что Гг. критики, разбирая чье-либо произведеніе, обязаны давать подробнѣйшіе отчеты о средствахъ и даже образѣ жизни творившаго, о духѣ и наклонности его времени, должны угадывать, какія причины заставляли его дѣйствовать такъ, а не иначе, принуждены открывать малѣйшіе его замыслы и показывать всѣ предпосылки, воспрѣчавшіяся ему на пути, всѣ пред-

меты, оставленные имъ безъ вниманія, всѣ неудобства, сопряженные съ его работою. Дѣло не только шрудное, но и многотрудное! По симъ причинамъ наши современники сдѣлались чрезвычайно прихотливы на счетъ кришкѣ. Для удовлетворенія симъ требованіямъ, умнѣйшіе люди просвѣщенной Европы стараются опредѣлить самое Изящное, и хотя сей трудъ вѣроятно увѣнчается не большимъ успѣхомъ, какъ и ошыскиваніе квадратуры круга, но тѣмъ не менѣе сіи усилія разума были не безплодны, и новѣйшая Кришка, не взирая на излишнюю выскателность, сдѣлалась несравненно прочтѣе и удовлетворительнѣе старинныхъ пустословіи, приправленныхъ несносными ссылками на давно умершаго Аристотеля. — Не принадлежа къ числу тѣхъ людей, которые за все берутся, ничего не зная основательно, я не рѣшаюсь судить о безсмертномъ твореніи фонъ Визина, сообразно съ требованіями нашихъ современниковъ. По моему мнѣнію, въ этомъ случаѣ, кришкѣ долженъ быть едва-ли не такой-же геній, каковъ былъ самъ творецъ Недоросля. Ограничусь разсмотрѣніемъ характеровъ сей пьесы, въ отношеніи къ сценическому искусству исключительно.

Вольшеръ, котораго не взирая на безпрестанныя измѣненія моды въ ученomъ свѣтѣ, не лзя не признашь однимъ изъ умнѣйшихъ писателей, соизнается, что смѣшное гораздо разительнѣе въ противоположности полупросвѣщенія съ истинною образованностью, нежели въ сравностяхъ общества, почивающаго себя вполне просвѣщеннымъ. И дѣйствительно, Альцестъ и Чацкій смѣшашь

своею брюзгливостію и неумѣстными выходками, но шѣмъ не менѣе они внушаютъ къ себѣ какое-то уваженіе, и многіе изъ зрителей скорѣе раздѣляють ихъ досаду, нежели смѣхъ надъ оною людей, совершенно покорившихся приличіямъ. Напротивъ этого убѣдительные доводы Мыцанна во дворнишнѣ, въ разговорахъ съ благоразумною женою и доброю служанкою, невольно возбуждаютъ смѣхъ, не смотря на то, что Журденъ стремился къ цѣли благородной и сдѣлался поборникомъ просвѣщенія. Онъ не во время принялся за это, и на сей запоздалости бессмертный Комикъ основалъ характеръ забавнаго лица своей комедіи. Фонъ Визинъ, во время взялся за изображеніе смѣшной и даже каррикатурной противоположности невѣжества съ просвѣщеніемъ, уже начинавшимъ распространяться въ сословія, къ коему принадлежалъ его Митрофанушка. Въ тѣ годы, зная только что начинала развивать свой благотворный свѣтъ. Великій Петръ, при всей своей дѣятельности, при всемъ своемъ гонимъ, могъ образовати только своихъ приближенныхъ и проложити шову къ достиженію высокой цѣли преобразованія отечества. Преемники его слѣдовали мудрому указанію безсмертнаго Монарха; число особъ, окружающихъ престолъ, увеличивалось по мѣрѣ распространенія свѣта. Петербургъ и Дворъ содѣлались фокусами образованности. На эту голову Россіи устремлены были взоры цѣлой Имперіи. Дворянское сословіе, высшее въ нашемъ отечествѣ (и вездѣ), первое почувствовало необходимость сообразоваться съ потребностями века. Награды, почести и быстрыя повышенія дворянъ,

близкихъ къ Монархамъ, естественнымъ образомъ разлакомили и другихъ. Мало по малу начали приниматься за ученіе, въ чадѣхъ великихъ милосердій. Но закоренѣлыя предрассудки не были истреблены, поному чѣмъ люди, уснарьвшіе для просвѣщенія, не настрены были нускаемыя вдалѣ и дожидали свой вѣкъ, предославая пономукамъ просвѣщаться въ таинственна образованности и учености. Фонъ Визинъ поймалъ на ходу эту минушу и подарилъ Россію вѣрнымъ изображеніемъ сей внохъ.

Постараемся разгадать искусство Кошкина, относительно къ выбору мѣста дѣйствія, аицъ и обстоятельствъ. Онъ отыскалъ своего Недоросля не въ столицѣ и не въ большомъ городѣ. Онъ умѣлъ удалишь его отъ мѣстъ, болѣе или менѣе согрѣваемыхъ благотворными лучами просвѣщенія; онъ уединилъ его отъ сверстниковъ, болѣе или менѣе образованныхъ, съ коими сообщество могло-бы тотъ нѣсколько угадывъ грубое невѣжество Митрофанушки. Фонъ Визинъ помѣстилъ его въ деревнѣ; гдѣ родивши его, по званію дворянъ и помѣщиковъ, были первыя и самовластныя особы. Кнѣже таковы эти родивши? Мать, природная дворянка, не знающая грамоты, злая, властолюбивая и до безумія любящая единственнаго сына; отецъ, добрый, но слабоумный дворянинъ, во всемъ послушный своей женѣ. Замѣтивъ въ семь слугатъ, какъ хорошо зналъ Авторъ сердце человѣческое и какъ искусство онъ воспользовался симъ знаніемъ. Если-бы Простаковъ былъ представлень человѣкомъ, хотя необразованнымъ, но по крайней мѣрѣ швердымъ, рѣшительнымъ, умѣющимъ держати въ рукахъ свою

супругушо, Мишрофанушка никогда не былъ-бы итьмъ Мишрофанушкою , котораго мы видимъ въ комедіи. Оиды балуютъ дочерей, матери портятъ сыновей. Это вѣсти дознано. Самъ способомъ и Мишрофанушка лишенъ благодѣтельной власти надъ собою и хорошихъ примѣровъ. Какія лица окружаютъ этого бѣднаго дворянчика? Дядя, нѣчто среднее между человекомъ и четвероногими дьявольскими, составляющими обыкновенную его бѣду; старая мамка, безсильная, несчастная раба, и наконецъ, вмѣсто наставника, необразованный Пѣмецъ, бывшій нѣкогда кучеромъ и, по собственному признанію, изъ всецѣльной нужды принявшійся за ремесло учителя. Послѣ этого, легко угадаешь, каково должно быть воспитаніе Мишрофанушки. Но каковъ онъ самъ? Въ изображеніи его характера явился во всемъ блескъ талантъ Авшора. Его Недоросль представленъ не слабоумнымъ, не вялымъ, не однимъ изъ тѣхъ существъ, которые, будучи какъ будто обижены природою, лишены всѣхъ интеллектуальныхъ и умственныхъ способностей и болѣе жалки нежели смѣшны. Напротивъ: его Мишрофанушка здоровъ, добръ, силенъ, не глупъ и даже гораздо не выдумки. Если Мишрофанушка лишенъ общества съ городскими сверстниками, отъ которыхъ могъ-бы онъ набраться нѣсколько ума, за то онъ непримѣтитъ порочнымъ наклонностямъ, не рѣдко и даже часто заимствуемымъ отъ шатающейся опаснаго перехода изъ дѣтскихъ лѣтъ къ возмужалости. Правда, Мишрофанушка неучъ и баловень, но онъ еще похожъ на сына природы, сохранившаго свою грубую простоту и непримѣ-

наго порча утонченностей. Мишпрофанушка утверждаетъ, что онъ почти не ужиналъ, съѣвши три ломтя солонины и подюжины подовыхъ пироговъ; но за то Мишпрофанушка не ознакомился съ буш-лочками, наполненными нектаромъ береговъ Марны или Гаронны, изнуряющими карманы и здоровье столичныхъ юношей. Мишпрофанушка весьма проси-оудушно признается, что его *забираетъ охота жеваться*, однако Мишпрофанушка чуждъ преждевременнаго распустиства, которое не чуждо штиль-же вышеупомянутымъ, столичнымъ юношамъ. Мишпрофанушка не знаетъ складовъ и даже не умѣетъ прехъ перечесть, по увѣренію его учителей; въ замѣтъ того Мишпрофанушка не утомленъ насильнымъ ученіемъ прежде совершеннаго прозябенія умственныхъ способностей; онъ не представляетъ собою одного изъ ~~тѣхъ~~ жалкихъ скороспѣлоск-мудрецовъ, которымъ нашолковано что ученость есть достояніе каждаго возраста, и которые преждевременно состарѣлись штильно, онъ непрерывнаго напряженія не развившихся умственныхъ силъ. Словомъ, фонъ Визинъ, изобразивши всю гнусность шогдашняго деревенскаго воспитанія, какъ будто хотѣлъ ушѣшить зрителей на счетъ будущей судьбы его Недоросля, такъ что извѣстная и справедливая поговорка: *поживетъ въ большомъ свѣтѣ — выправится!* въ полномъ смыслѣ относится къ Мишпрофану Простакову. И подлинно! Его недоспапки принадлежатъ не столько его особѣ, взятой ошдѣльно, сколько его вѣку, воспитанію, дурнымъ примѣрамъ и безумной любви матери, которая даже покушается на преступленіе для устройсва

участіи своего дѣльца. Ксѣмпи, о семъ преступленіи. Многіе критики находили сцену похищенія Софіи отвращительною и болѣе приличною узкой мелодрамѣ нежели веселой комедіи; но имъ кажется, что зини господи не были права обвинять Автора. Грустный поступокъ, имъ изображенный, есть послѣдняя черта, довершающая описаніе слѣпой и безразсудной мажериинской любви, которой не чужда была сама Фурія-Прометеева, любви, за которую чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ любима женщина вводитъ наказавшагося шотландскій равнодушіемъ избалованнаго сына. И въ этомъ случаѣ Митрофанушку можно извинить. Онъ такъ привыкъ къ неуспѣшнымъ ласкамъ своей мажерины, что снѣжность ему надоела; онъ никогда не видѣлъ съ благоразумной строгости, сѣдовавшейся на него, нѣтъ къ ней должнаго почтенія, всегда и вездѣ внушаемаго страхомъ. Митрофанушка не образованъ, однако понимаетъ, что взятое въ оныя нѣжныя роднищелѣ дѣлаетъ для него весьма замудренною эпоху вступленія въ свѣтъ и пору житія своимъ умомъ. Въ досадѣ своей онъ не можетъ скрыть равнодушія къ глупой мажерѣ; выведенные на сцену, благомыслящіе люди, осыпаютъ его укоризнами, которыхъ онъ не понимаетъ, а слова Стародума, заключающія цѣлую комедію, совершенно характеризуютъ мысль Автора и цѣль его пьесы.

Изъ сего краткаго изложенія видно, что Митрофанушка фонъ Визина, бойкій, деревенскій паренъ, избалованный непросвѣщенными родителями и между тѣмъ подающій нѣкоторую надежду на исправленіе, не принадлежитъ нашему

вѣку. Мы видимъ другихъ недорослей, и если-бы Фонъ Визинъ въ наше время задумалъ описать нѣчто похожее на Мишрофанушку, то уже не въ деревнѣ, а въ столицѣ выбралъ-бы онъ своего героя. Вѣроятно онъ представилъ-бы намъ одного изъ шѣхъ молодчиковъ, которыхъ и мы видали: какого нибудь машушкина сына, взлѣхлянаго на ушонченыхъ приличіяхъ большого свѣта, выученаго танцовашъ, болтавшъ по-Французски, одѣвашъ по послѣдней модѣ, надѣдавшъ столичнымъ дамамъ неуѣданнымъ и несноснымъ любезничаньемъ, быть странствующимъ рыцаремъ театралныхъ корридоровъ, исправнымъ поѣзжистелемъ ресторацій и домашнихъ баловъ, щеголемъ на гуляньяхъ, и проч. и проч. Онъ назвалъ-бы его не Мишрофаномъ, а въ уменьшительномъ не употребилъ-бы грубаго окончанія на *ушка*, а далъ-бы ему нѣчто помягше, на пр. *Лѣлѣнька*, *Комѣнька*, *Сержѣнька*, и тому подобныя. Этого..... нѣку, Фонъ Визинъ одѣлъ-бы въ новомодный фракъ, не Тряпичной работы; приставилъ-бы къ нему, не Еремишну, получающую по пяти рублей на годъ и по пяти пощегинъ на день, а гувернера, исправно снимающаго пять тысячъ въ годъ и некушающаго о своемъ воспитанникѣ также усердно, какъ и Вральманъ. Безсмертный Комикъ, можешь быть, представилъ-бы и сцену ученія, съ тою разницею, что предметамъ онаго были-бы не *азъ есмь серъ*, а не дѣленіе найденныхъ шрегъ сошъ рублей, а кое что поважше, наприимѣръ, *Стамбисника*, *Юриспруденція* илѣ другія науки, необходимыя для полученія ашшесташа. Тутъ явился-бы не Ку-

шейкинъ, и не Цифиркинъ, а люди ученые, которые, углубившись въ мудрость, не забыли современнаго мірозданію правила, что *надобно всякому человеку жить на свѣтѣ, во что-бы имъ стало*. Въ свѣдѣніе сей аксіомы наставники новаго Недоросля, вмѣсто домашней лекціи, распили-бы съ нимъ на сценѣ по бутылочкѣ Шампанскаго, и получивши по бѣленькой ассигнаціи за визитъ, рѣшились-бы сказали, что *нѣтъ ученикъ можетъ выдержать экзамень*, надобно-де только еще дать нѣсколько подобныхъ уроковъ. Родители новаго Недоросля были-бы также *Простаковы*, но не старинные, а боѣе сообразные съ нынѣшнимъ просвѣщеніемъ. Такъ, наприкладъ, *бабушка* принадлежала-бы къ числу тѣхъ добрыхъ, трудолюбивыхъ и не богатыхъ дворянъ, которые долговременною и дѣлательною службою приобретаютъ чинъ и довѣренность начальства, не приобретши ни умѣнья жить въ свѣтѣ, ни благоразумія, пошребнаго въ домашнемъ быту; *матушка* была-бы избрана изъ многого множества свѣтскихъ дамъ, принесшихъ за собою въ приданое боѣе знанія приличій и утонченностей общества, нежели денегъ. Само собою разумѣется, что *наковая* женщина, воспитанная по модѣ, должна быть настоящею филантропкою въ отношеніи къ домашнимъ, а особливо — къ мужу, съ коимъ никогда не употребляетъ другихъ средствъ, кромѣ истерикъ и спазмовъ. Эта дама, положимъ *Превосходительная*, печется о поддержаніи великолѣпія своего дома и о соблюденіи приличій; она такъ благоразумна, что не намѣрена слушать всеняжайшихъ рапортовъ мужа о чрезмѣрности издержекъ

и о трудности удовлетворять онымъ. *Превосходительная* должна жить превосходно. Это неоспоримо!... А единственный, дражайшій сыночекъ? Онъ вѣрно будешь предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій родительницы? Разумѣется! *Превосходительная* любитъ до безумія свое дѣшнще, старается образовашъ его... для гостинныхъ; старается вывести его... въ Камеръ-Юнкеры; прощаетъ ему всѣ слабости, шалости, ошибки, свойственныя юному возрасту; платишь его долги, вымучивая деньги отъ добраго супруга. Рѣзвъ это не мать чадолюбивая? Какая любовь къ сыну!... прииѣрная!... Вотъ настоящее семейство Недоросля—современнаго. Развязка подобной комедіи была-бы самая естественная. Въ вѣдѣніи новаго Простакова состоятъ казенная сумма, изъ коей онъ, ради вышерѣченныхъ причинъ, принужденъ былъ кое что почерпнуть заимообразно. Начальство узнало о семъ поступкѣ; Простаковъ лишенъ мѣста; жена плачетъ и падаетъ въ истерику, а сынъ, выпивши съ горя бутылочку Шампанскаго, начинаетъ упрекать своихъ родителей за то, что они не оставляютъ ему никакого имѣнія!... Ручаюсь, что такая сцена была-бы очень разительна, а что всего важнѣе..... *очень правдоподобна.....*

Попросимъ извиненія у читашелей въ семъ длинномъ отступленіи отъ нашего предмета, и постараемся дасть ошчесть о новѣйшемъ представленіи комедіи, которая, какъ уже выше сказано, не принадлежитъ нашему вѣку и есть памятникъ нравовъ и обычаевъ давноминувшихъ. Начнемъ съ наружной обстановки оной, или, просто, съ костюмовъ.

Митрофанушка явился на сценѣ въ распудренномъ парикѣ!... Не только можно, но и должно знать, что въ представляемую эпоху молодые люди возраста Митрофанушки, пудрились очень рѣдко, а дома, и въ особенности въ деревнѣ, носили волосы приглаженные, и на запылитъ связанные лентою. — Тришка, вѣроятно, былъ очень искусный морщикъ и соизволя объявлявши своей госпожѣ, что онъ усмѣлся самоускою Кафманъ его работы, который имъ видѣли на Недерасѣ, былъ съ шашки вышурани, что либо дорого посмотреть. Но это еще цѣшочки, а вотъ и ягодки! Какъ думаешь читатель, въ какомъ костюмѣ показался на сцену Скопичкинъ, дворянинъ, служившій во дни оны не болѣе какъ капраломъ и проводящій всю жизнь на скопичьихъ дворахъ? Вѣроятно, въ какомъ нибудь чепчикѣ, подпоясанный ремнемъ или кушакомъ, а можетъ быть для дня сговора въ простомъ кафтанѣ, шароватого покрою? Нѣтъ! Скопичкинъ былъ одѣтъ въ мундиръ съ галуномъ!!! Многие изъ читателей могутъ мнѣ не повѣрить, а я признаюсь, что самъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Провинціальныи дворянинъ, не заслужившій почтеннаго права ношенія мундира, *Тарасъ Скопичкинъ*, въ костюмѣ вестерана! Это уже черезъ чуръ! но еще не все! У Тараса Скопичкина портала изъ подъ шалии длинная коса, какъ у шароватого Прусскаго солдата! Гдѣ перенялъ онъ эту моду? Уже не служилъ-ли онъ во время семилѣтней кампаніи, подъ начальствомъ Салтыкова или Фермора? Въ такомъ случаѣ честь и слава Тарасу Скопичкину: онъ по крайней мѣрѣ былъ обшарпанъ и ознакомленъ съ порокомъ. Только изъ

разговоръ его не видно, чтобы онъ когда либо принадлежалъ къ числу нашихъ богатырей, и упомянаемые нѣ громкіе ошѣты на сѣзжей перекладе не выказываютъ мотна, сражавшагося подъ знаменами нашихъ полководцевъ. Скошеникъ выходилъ на сцену въ шланѣ! Вотъ уже неodinно Скошеникъ! На овяной Руси и мужикъ не входилъ въ избу съ напрыною головою. Дозволено-ли несеобразностей? Камешся, саншомъ дозвольо: но это еще не все. — Нѣмецъ Вральманъ, уишелъ въ дворянскомъ домѣ, былъ обушъ въ огромные ботфорты!... Ей, ей не лгу!... Госножа Простакова была одѣта въ шелковое плашье, со шьей-фомъ; волосы ея были убраны по модѣ послѣднихъ годовъ. прошекшаго ошолѣшя, а ченецъ ея свидѣтельсцивовалъ о короткомъ знакомствѣ съ искусницами Кузнецкаго моста. Повиоримъ еще разъ: не только можно, но и должно знать, что провинціальныя или деревенскія барыни того времени носили прослыя сншцерыя плашья, кнѣя голову обязанную плашкомъ. Этотъ обычай сохранился до перваго десятилѣтшя XIX-го вѣка. Г-жа Рахманова, занимавшая на Петербургскомъ театрѣ, роль Простаковой, всегда являлась въ подобномъ костюмѣ. Наружный видъ мамы Еремѣевны, въ-рояшно, заставилъ многихъ позавидовать ея жишью бышью. Она была такъ шучна, такъ доредна! такъ... и проч.

Вотъ въ какомъ видѣ была представлена безсмертная комедія Фонъ Визина, эта картина давно миновшихъ обычаевъ нашего отечества. Не такъ поступаютъ въ другихъ странахъ Европы

съ изящными произведеніями своихъ единосемцовъ! Но оставимъ сравненія и посмощримъ, не выкупало ли искусство актеровъ несообразностей костюмовъ? Улыбн-ли наши артысты постигнувъ духъ того времени и передашь намъ вѣрное понятіе о лицахъ, изображенныхъ насмерскою кистью нашего Комика? Къ сожалѣнію мы должны сказать, что характеры были представлены въ томъ-же искаженномъ видѣ, въ какомъ и костюмы. Не будемъ разбирать игры всѣхъ актеровъ и ограничимся главнымъ лицомъ Недоросля. Выше сего сказано, что идеалъ Фонъ Визина не обиженъ природою на счетъ физическихъ и умственныхъ способностей; что онъ только избалованъ и необразованъ. Слѣдовательно Мишрофанушка есть не иное что, какъ живое доказательство необходимости въ хорошихъ воспитаніи. Ссылаюсь на всѣхъ здравомыслящихъ людей, въ томъ, что естественными признаками избалованнаго юноши бывающъ упрямство и сильная досада, не только въ то время, когда что нибудъ дѣлается не по немъ, но даже когда все идетъ ему въ угоду и онъ самъ не знаетъ чего ему желать? Эти рѣзкія черты сего характера изображены Фонъ Визинимъ въ его комедіи, и изображены съ искусствомъ, свойственнымъ великому писателю. Но Г. Живокини, представлявшій Мишрофанушку, не понялъ мысли Автора, и вмѣсто несноснаго баловня явился невиннымъ и рѣзвымъ мальчикомъ, который занимается хлопучками, бумажными зѣнками, безпрестанно попрыгиваетъ и улыбается. Это совсѣмъ не то! Безпечная веселость бываетъ свойственна дѣтскимъ дѣшамъ и ошрокъ, какъ-бы

ни былъ онъ избалованъ, имѣешь сколько прищипностей, принадлежащихъ его нѣжному возрасту, что недосшатками своими онъ возбуждаешь искреннее состраданіе, а не негодованіе. Правда, избалованный отрокъ, занимающійся одними игрушками, также бываетъ упрямъ и золъ; но сія дурная склонность оказывающся въ его слезахъ, упорномъ молчаніи и прочихъ подобныхъ уловкахъ существа безсильнаго. У фонъ Визина, баловень поспунаешь иначе; онъ не бѣжитъ съ крикомъ отъ разсерженнаго дяди, онъ не жалуется на него мащери своей, съ пролипіемъ обильныхъ слезъ. Нѣтъ! Мищрофанушка ругаетъ дядю въ глаза, а мащери грозитъ покушеніемъ на жизнь свою. Это уже не дитя! Такой молодець не будетъ безпрестанно прыгать и заниматься игрушечками. Самыя забавы его должны носить отпечатокъ упрямства, досады и привычки, все покорять своей волѣ. Кого нибудь подразнишь, толкнушь, свалишь съ ногъ, а въ случаѣ нужды выдумаешь что либо обидное для другаго. Вошь забавы Недоросля. Рѣшительно скажемъ, что хлопущки, пищалки и скачки Г-на Живокини были совсѣмъ не у мѣста. Въ дополненіе сей несообразности, голосъ и лицо актера изображали нѣчто устарѣвшее прежде времени. Въ этомъ не виноватъ Г. Живокини, но шѣмъ не менѣе это служило доказательствомъ, что роль Недоросля для него негодилась (*). Мищрофанушка

(*) Она была-бы прилична несравненному Рязанцеву!.... Но такова уже судьба нашей старушки Москвы, что она все уступаетъ щеголю Петербур-

живешь въ нѣдрахъ самой природы: отъ него отдѣлено все, могущее препятствовать развитію тѣлесныхъ способностей; онъ, вѣроятно, встаетъ очень рано, по деревенскому обычаю; не бываетъ ничѣмъ озабоченъ, гуляетъ въ волю, употребляетъ пищу здоровую и сытную; такой ларекъ, всегда бываетъ здоровъ, свѣжъ, бодръ и силенъ, даже не по лѣтамъ. Г. Живокини вѣдетъ рѣшительный папаншъ для ролей каррикатурныхъ стариковъ и слабоумныхъ молодыхъ людей (les piais). Онъ могъ-бы быть папшииъ Поппе.... если-бы захотѣлъ. Роли Инкваршуса (въ ком. Пустодомы), Фамусова (въ оп. Лучшій день въ жизни), Кокшляра (въ вод. Невинный въ винѣ) и нѣскольکو другихъ, свидѣтельствуютъ о его способностяхъ. Роль Минрофанушки рѣшительно не по немъ.

О вновь принятой актрисѣ, занимавшей роль Г-жи Простаковой, не скажемъ ни слова, по той причинѣ, что это былъ ея первый дебютъ, а мнѣніе наше о дебютахъ театральныхъ артистовъ таково: дебютантъ намъ замѣняетъ потерю для публики извѣстнаго актера или состязается съ нимъ въ его амплуа. Въ томъ и другомъ случаѣ, назначается для дебюта пьеса извѣстная и часто играемая, для того, чтобы зрители могли судить и сравнивать основываясь не на преданіяхъ, а на свѣ-

гу! Онъ переманилъ къ себѣ Развѣцева, а мы должны довольствоваться.... увы!... Г. В. Степановымъ. Бѣдная Московская публика!....

жихъ воспоминавіяхъ, и какъ будто выводъ на эчную сѣанку предшественника съ преемникомъ. Роли для дебютовъ выбираются самыя характерныя и главныя въ пьесѣ. Комедія Недоросль, и по давности появленія на сценѣ и по разнообразіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, на сей разъ не годилась для дебюта актрисы.

Въ вышеупомянутое представленіе, болѣе всѣхъ доставилъ удовольствія актеръ, занимавшій роль Скопнина, не смотря на его безобразный костюмъ. Игра его была проста и естественна. Многимъ показалось смѣшно, что эшотъ самый актеръ перешагнулъ на роль ошставнаго капрала-любителя свиней, изъ трагическихъ героевъ!.. Но это дѣло постороннее! Лишь-бы только хорошо игралъ, а до превращеній какая нужда!..

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

**Пакетъ писемъ изъ подмосковной деревни
въ Москву.**

Лишь нѣсколько шому, поднявъ я, на одной изъ большихъ улицъ въ Москвѣ, пакетъ, съ надписью: *Аншину Федорову, въ Москву.* Въ немъ было нѣсколько писемъ и записка. Надобно полагать, что эшотъ пакетъ изъ ближайшей подмосковной деревни посланъ былъ помѣщикомъ, въ Москву, къ служащему, управляющему его домомъ. Вотъ записка:

« Аншинъ Федоровъ !

« По полученіи сего исполни немедленно слѣдующее :

1-е. Сходи къ мадамъ Клемансъ и Фало и возьми рендегошъ и шляпку Аксиньи Федосеевны; отъ Готье возьми мои книги : *Le Solitaire, Le Renégat, Irsiboé, par M. le Vicomte d'Arincourt*, и четыре новые романа В. Скопша; да спроси: нѣтъ-ли у него Прадшова послѣдняго сочиненія.

2-е. Ошдай Барону Вассершринку письмо, здѣсь приложенное.

3-е. Ошдай С. П. Воспрокогшину другое письмо.

4-е. Записку барыни передай по адресу.

5-е. Найми на будущій бенефисъ ложу въ бѣдѣ-ашахъ, непременно; это на твоемъ ошчетѣ.

6-е. Скажи подрядчику Бѣдникову, что деньги за ошдаку паркета въ залѣ, я ошдаю ему зимокъ. Если ошдай возьмешь ты отъ него письмо ко мнѣ, то въ награду получишь оплеуху.

7-е. Если Ленгольдъ согласенъ взять съ меня вексель, то рояль у него возьми, и притай сюда, взявъ подводу у Фильки подрядчика. Ксташи, скажи ему, что пріятель его Сндорка обманулъ меня лошадыю, и что я съ Фильки возьму все, что понесу убышка, проданая эту клячу.

8-е. Если Капюшка выздоровѣла, то притай ее сюда; да напиши, правда-ли, что Ахулька при допросѣ показала, будто она бѣжала отъ нестерпимыхъ побоевъ барыни, и что сказала объ этомъ Яковъ Филипповичъ? Ты сущій болванъ: ни о чемъ нужномъ не увѣдомляешь, а пишешь о глупостяхъ. Не смѣй никогда упоминать мнѣ о приходѣ изъ деревень бѣдныхъ погорѣлыхъ. Я не могу кормить ашихъ скотовъ, когда отъ меня учреждено еди-вожды, какъ ихъ кормишь, обстронивашъ и давашъ имъ подъ пару коровъ и лошадей.»

Р. S. Сходи къ Графу Пустозвонову и спроси о здоровьѣ.»

При этомъ приложены были запечатанныя письма, одно съ надписью: а Monsieur, Monsieur le Baron de Wassertrink, другое съ надписью: *Его Благородію,*

Милостивому Государю моему, Слѣдору Нафкутъеву Вострокогину. Оба сія письма писаны, первое на Французскомъ языкѣ, прекрасно и чисто, другое на Русскомъ, дурно и съ ошибками, но, какъ можно судить по почерку, одною особою. Тутъ-же вложена была записка, на какомъ-то Французско-Русскомъ діалектѣ, женскою рукою написанная, съ адресомъ: *Княгинѣ Евдокіи Котильоновой.* Первое въ переводѣ, второе въ исправленномъ видѣ, третье какъ есть, представляю читателямъ.

1-е. Ты безсовѣстенъ, милый Баронъ, если думаешь, что я забылъ тебя. Скорѣе ты забудешь свою Фантешту, нежели я тебя, моего демона, Дамона или Пидеаса, моего Каснора и Поллукса. Но, хлопоты и глупости людскія помѣшали мнѣ приехать въ Москву на вашъ пикникъ. За то и въ этотъ день вынулъ лишнюю бутылку за тебя, и испилъ, шото самого вина, которое мы достали въѣхавъ у Перре. Если-бы у меня были шенерь деньги, надобно-бы еще захватить его. Нѣтъ-ли у тебя? Впрочемъ, что спрашивать о несуществованіи у тебя денегъ, такъ-же какъ о существованіи швоей любезности и дружбы ко мнѣ. Мнѣ здѣсь скучно до смерти: глупые сосѣди, жена со спазмами и мигренемъ, дѣти съ крикомъ и Русскіе крестьяне, съ своею бѣдностью, пьянствомъ и поклонами, бѣсятъ меня. Ухожу въ садъ, кашаюсь по рѣкѣ, мечтаю о... тебѣ — потому, что мечта о ней сливается съ тобою. Могъ-ли я думать, что начну романизировать и ботанизировать? Чшо дѣлать! хорошо тебѣ, холодное сердце, а не намъ. Вчера, за вѣшномъ, досталось мнѣ за мою разсѣянность

Что у васъ въ Москвѣ? Что Пустозвоновъ? Скоро-ли онъ скажется и освободитъ-ли нашего Юлія? Думаю, что Бѣдижъ зачнешь отъ зѣвоты у его кровати, если зѣвотъ спаричника еще прокапляется недѣли двѣ. Впрочемъ, для 1000 душъ можно познать и мѣсяць. — Если увидишь нашего пухлаго Князьна Федюшу, скажи ему, что такъ честные люди не дѣлають; вообрази, что проигрываешь своего, помнишь у Князя Петра, онъ еще не ошдаль мнѣ. Подумай, мой милый: вѣдь это не по векселю, а каршочный долгъ, свяшой, самценный, и много-ли всего? 560 рублей! Замѣть, Баронъ, какъ раз-вращаются нравы: прежде горѣли отъ сшмды, если вшавали изъ-за каршъ не заплачивъ проигрыва, теперь — и не думаютъ! Но я заговорился съ то-бою! Въ Четвергъ буду въ Москву и обниму тебя. Твой

Théodore.

2-е. Меня изумляетъ письмо ваше, Милостивый Государь мой, Сидоръ Пафнушьевичъ! которымъ угодно было вамъ почтить меня. Пишеть о подачѣ ко взысканію моихъ обязательствъ, никто не ошн-маетъ у васъ воли; но прибавлять къ нимъ нѣко-торымъ выраженіямъ, я не позволю не только вамъ, но и никому. Впрочемъ, я радъ забыть вашу не-учтивую досаду, и еще болѣе — радъ согласиться на предлагаемое вами условіе; но вспомните со-вѣсть, вспомните, что весь долгъ мой вамъ со-стоялъ собственно изъ 17.000 рублей, всѣ-же ос-тальные скопились временемъ, которое считашъ въ большой масерь. Чистогривно стѣбашъ, по

крайней мѣрѣ, 150 т. рублей, и хотя правда, что оно не въ хозяйственномъ видѣ, но черезъ него соединяются ваши чрезполосныя земли. Словомъ: если вы придадите къ иску вашему 30,000 рублей — деревня ваша, но вещами я ничего не возьму, и кромѣ наличныхъ денегъ ни въ какіе расчеты не пойду. Думаю, что началъ шажбу, вы ничего не выиграете, и я готовъ скорѣе согласиться на утѣжденіе надо мною опеки, нежели на ваши условія. Прошу васъ переговорить впрочемъ съ Яковомъ Филипповичемъ Дузыченкомъ: ему извѣстны мои послѣднія условія. Поздравляю васъ съ умноженіемъ вашего семейства: я слышала, что у васъ родился сыночекъ. Съ истиннымъ, и проч.

Князь Федоръ Безрутовъ.

З-е. Il y a des siècles, que je ne reçois pas de tes lettres, ma chère Eudoxie, и не знаю *што* думать *а* *твоемъ* здоровье — Ecrivez donc quelques lignes и обрадуй меня *што* у васъ новаго въ *Москве* и *што* твой кузень Поль, скоро онъ поѣдетъ въ *Парижъ*, ou bien il ne partira jamais — я не могу думать какъ *а* тебе, а ты забывавшь мене въ деревне скупинов, съ дѣшками и долгоносимъ учишелемъ, которой бьетъ мухъ и дремантъ за уроками — безъ этого учишеля я соскучилася бы. Еще ты забыла о канцѣ, а я тебѣ просила, adieu ma chère Eudoxie! Je t'embrasse mille fois, ta *Xénie*.

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ПРЕДПРИЯТІЯ.

— Г-нъ Трандафель рѣшился конечно хочешь принятьсь за историческую крѣпость, и доказать, что Судебникъ Царя Іоанна Васильевича составленъ при Царѣ Іоаннѣ Алексіевичѣ.

— Г-нъ Мотыльковъ, извѣстный нашъ поэтъ, рѣшился перевести вполнѣ мѣлкія стихотворенія Лафара, и издать ихъ на веленовой бумагѣ, въ 32-ю долю листа. Уже перевелъ онъ семь пьесъ. Подкрѣпя его Аполлонъ!

— Говорятъ, что Г-нъ Ваккаларъ Закашаевъ рѣшается печатать свои извлеченія изъ Лагарпа, Батшю, Мармоншедя, Блера, Эшенбурга, Сульцера и Мейнерса, подъ титуломъ: *Полный Курсъ древней и новой Словесности*. Если-бы Г-да Трандафель и Плоскодумовъ рѣшились также напечатать, первый свои выписки изъ Шрекка, а второй извлеченія изъ Баумейстера, то мы имѣли-бы, такъ-же какъ Французы, три превосходные современные курса *Словесности*, *Исторіи* и *Философіи*, поставили-бы ихъ рядомъ съ Кузенеиъ, Гизо и Вильменемъ, и не завидовали Франціи.

— Открыта важная новая рукопись извѣстнымъ Археологомъ Дискордовымъ: *Дѣло Гришки Иванова съ Сидоркою Михайловымъ, о покражѣ у него трехъ алтынъ съ полъ-тетвертомъ*. Вся рукопись XVI-го вѣка и писана скорописью на 928 столбцахъ. Эта важная находка не можетъ не порадовать Историковъ отечественныхъ, ибо пахнетъ гнилью весьма сильно, и на половину встала.

Отрывокъ изъ поэмы.

(С. К. Конфешинъ, юный поэтъ, извѣстный многими стихотвореніями, помѣщенными въ Журналахъ и альманахахъ, сообщилъ намъ неконченную свою поэму: *Зюлейка*. Онъ хочетъ издать ее вполнѣ, но прежде намѣренъ напечатать изъ нея *лалъ-надцать* отрывковъ въ альманахахъ; вся поэма составила до 600 стиховъ. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ отрывокъ, изъ котораго читатели могутъ судить объ оригинальности, силѣ чувства и вкусу поэта).

... Нѣтъ, нѣтъ! подъ небомъ Хоразма
 Такъ пышно роза не цвѣтѣтъ,
 И твоей, о Пери Шамахава,
 Не столько сладостенъ полетъ,
 Какъ пышно грудь молодой Хариты
 Цвѣла подъ дымкой кисей,
 И черныхъ доконовъ спруи
 На грудь вилась и на ланиты!
 Она горитъ огнемъ любви
 Отъ поцѣлуя молодого,
 И жаръ кипитъ въ ея крови
 Страстей и чувства не-земнаго!
 Съ привѣтной ласкою рѣчей
 Сливался огонь ея очей.
 И ярко луть луны свѣтился
 Въ поповѣ тихомъ и въ рѣкѣ,
 Гдѣ рыбарь въ легкомъ челнокѣ
 Съ унылой пѣснью капился,
 Скользя по влагѣ голубой,
 Подернутой потною мглой.

Онъ о бываломъ , миломъ счастьѣ
 Тихомъко пѣсню напѣвалъ ,
 И память — сердца следострастье —
 Словами грусти волновалъ :

ПѢСНЯ РЫБАКА.

Какъ газели легконогой
 Мчался бѣгъ среди полей ;
 Какъ средь рощицы далекой
 Пѣлъ мгновенный соловей ;
 Какъ ему внимали розы
 Чуть колышемымъ листомъ ;
 Какъ невѣрной дѣвы слѣзы
 Осушались при другомъ :
 Такъ и ны мнѣ шамѣнила ,
 Дѣва нѣги и любви :
 Все забыла , все забыла ,
 И воспоргъ , и жаръ въ крови !
 О бываломъ , о мечтанъ
 Ты-ль не вспомнишь никогда ,
 Дѣва , Гурій красота ?
 Самъ хоту я , самъ люблю я
 Дѣву рая забывашъ ,
 И о счастьи шоскуя ,
 О тебѣ не шосковашъ . . .

И онъ умолкъ въ тишинѣ далекой ,
 И снова шито ; лишь порой .
 Какъ надъ луною одинокой
 И надъ заснувшемъ волной
 Тихомъко облачно мелькаешъ ,
 Все звуки еси издаека . . .
 Такъ звукъ на лирѣ умолкаешъ ,

Когда Туманскаго рука
 Не игрой не оживляется ,
 А звукъ привычный все звучитъ ,
 И душу грустью шагопитъ . . .

Письмо Егора Крылоперова , Коллежскаго Регистратора, къ Предсѣдателю Уголовной Палаты.

Ваше Высокородіе !

Милостивѣйшій Государь !

Отецъ дѣтей своихъ всегда пріемлешь съ кротостию ; они къ нему приступаютъ безбоязненно. Все подчиненное Вашему Высокородію проповѣдуетъ , что Ваше Высокородіе отецъ его , а посему каждый вашъ подчиненный , а коими паче невинный , къ Вашему Высокородію можешь приступитъ безъ опасенія , яко къ отцу и благодѣтелю , съ воззваніемъ сердца прискорбнаго , поеленку отверженныхъ приступленіе такое неожиданною радостію преесполнять.

Извѣстно Вашему Высокородію , что обучавшись въ здѣшней Семинаріи , и неокончательно довершивъ курсъ наукъ , порываемый ревностію на службу , вступилъ я въ шо присущественное мѣсто , кое благодѣтельнымъ присуществіемъ Вашимъ освѣщаясь , радуется и трудится ко исполненію закона , и былъ въ прошломъ 1799-мъ году удостоенъ произведенія въ настоящій чинъ ; но съ сего времени не удостоивался получать никакой награды , и угнетенный горестію прискорбія , видя свер-

спинковъ своихъ въ слѣдующихъ чинахъ, осмысливаясь прибѣгнуть къ Вашему Высокородію, яко опцу, находямый въ теченіе многолѣтней должности чистъ и исправенъ, но ничего не удостоенъ.

Воззрите милосливнымъ, начальническимъ окомъ на мое спрадасельное состояніе, будучи обойденъ слѣдующимъ чиномъ, и заставше къ числу облагодѣлательствованныхъ вами сопричислши и себя, и тѣмъ побудить на новые подвиги.

Съ науглубочайшимъ высокопочитаемъ и истинною, совершеннѣйшею высокопреданностію, имѣю счастье именоватьсѣ, вашъ

Ваше Высокородіе!

Милостивѣйшій Государь!

всепокорѣйшій слуга

Егоръ Кривоперовъ.

Письмо къ Живописцу.

Милостивый Государь! высокопочтенный господинъ Живописецъ!

Заблагоразсудилось вамъ, государю моему, посѣдовать примѣру вашего дѣдушки (вѣчна ему память!), и подобно обвѣшталому и нынѣ, за давностію лѣтъ, мало чтимому и читаемому остроумнику семидесятихъ годовъ, забавлять и научать поколѣніе къ XIX столѣтію принадлежащее; о каковомъ намѣреніи вашемъ, весьма красивымъ и четкимъ шрифтомъ на 104-й стр. 13-й книжки Московскаго Телеграфа, за подписью ва-

шею : *Живописецъ*, и подъ вѣнѣшкою, хромоногаго бѣса изображающею, напечатано, свидѣнія ради всей читающей публики и, вѣроятно, съ намѣреніемъ (устрашить насѣкомыхъ и пресмыкающихся, ими-же превозбнауетъ міръ нравственный, едва-ли не болѣе физическаго. — Спичное ваше, государь мой Живописецъ, предпріятіе, не токмо великія хвалы достойно, но и благодарность вамъ заслуживаетъ отъ современниковъ, ибо дознаю, что искусная и ищкая сатира, иглами своими уязвляетъ нѣ чувствительныя мѣста пороковъ, предрасудковъ и злоупотребленій, кои отъ самыхъ перуновъ громовержцевъ и отъ меча правосудія, съ помощію гибкости своей, укрываются. Но успѣшно-ли будешь сіе ваше намѣреніе? И дѣйствительно-ли вы достаспачное искусство имѣете для изощренія новаго оружія, вами избраннаго? Сіе подлежаще сомнѣнію и тщательному разсмотрѣнію.

Все сіе некрашкое вступленіе къ рѣчи моей, слогомъ нѣсколько устарѣлымъ писанное, да не устрашитъ васъ, и паче да возбудитъ вашу внимательность, нижеписанныхъ ради причинъ. Я былъ во дни оны, превесѣма въ большой дружбѣ съ покойнымъ дѣдушкою вашимъ Живописцемъ, когото произведенія, въ типографіи Г. Новикова, писменію преданы были. По толикой пріятности съ достославнымъ вашимъ предшественникомъ, шѣлъ я вѣрнѣйшую оказію узнать весь секретъ его наблюденій. Но не мало вы подивитесь, когда узнаете, что оный состоялъ въ Россійской поговоркѣ : *дѣло мастера боится!* Вѣдомо намъ старожиламъ, что повсемѣстно распространяющееся просвѣщеніе влечетъ за собою та-

кую уверенность, что люди, кои въ наше время съ указкою сжигали я, за неумѣныя чтенія, по пальцамъ безщадно биты бывали — нынѣ мнѣ бытъ зѣло свѣдущими и даромъ наблюденія прекословны. Не включая васъ въ такое число превозносящихся, дерзаю спросить васъ, государь мой, господинъ Живописецъ! въ полномъ-ли смыслѣ одарены вы шѣмъ *остроуміемъ*, которое управляло перомъ незабвеннаго и хвалы достойнаго вашего дѣда? И не слишкомъ-ли великому риску вы подвергаетесь, полагая, что вышписанная способность приобретается посредствомъ чтенія или тщательнаго изученія чужихъ сочиненій? Признаете-ли вы ту, оспориванію не подлежащую, истину, что остроуміе даръ природы есть, подобный лѣпотѣ нашего брѣвнаго шѣла и ни въ какихъ прикрасахъ ниже малѣйшія нужды не нуждается?

Не безызвѣстно мнѣ, что нѣкто, превесьма ученый мужъ настоящаго времени, задумалъ составлять сословы или синонимы языка Россійскаго, и въ образецъ шаковыхъ посильныхъ трудовъ и изысканій своихъ, представилъ на судъ публикѣ слова: *острота* и *остроуміе*. И сѣпошествоующій можетъ узнати, что *острота*, какъ физическое свойство шѣла, не можетъ бытъ сословомъ или синонимомъ съ *остроуміемъ*. Будучи-же принятою въ отношеніи къ уму, являетъ въ себѣ не синонимъ, а тожко корень другаго мнимаго сослова, ибо *остроуміе* есть сокращенное выраженіе: оспроша ума. Ерго, синонимами сіи два рѣченія именоваться не могутъ. — Взвѣря на сщечныя мудрствованія, столь неудачныя и смѣху достойныя, дозволилъ-ли мнѣ,

лько свидѣтелю истиннаго остроумія, нѣтъ-же пре-
обладалъ хвалы достойный дѣдъ вашъ, усомнился
въ вашихъ способностяхъ, и, прежде нежели вы къ
многошрудному подвигу приступили, услуживъ
вамъ нѣкими уроками и назидаіями, сопровождае-
мыми ревностнѣйшимъ желаніемъ, да послушаетъ
оныя вамъ въ пользу.

Сѣдина есть мудрость, гласитъ пословица, а я
провозглашу: сѣдина есть источникъ мудрости.
Сколь многіе примѣры видимъ мы тому, что убогія
достоианія, стяжанныя трудами предковъ, были клю-
чами къ богатству ихъ потомковъ. Правда, имѣ-
ніе сіе подлежитъ измѣненію, и богатства предковъ
бываютъ причиною раззоренія и нищеты пото-
ковъ; но не о семъ рѣчь идесть. Новомодные копу-
ны не рѣдко издѣваются надъ обычными ошце-
своихъ и думаютъ, что вся опытность, симъ при-
обрѣтенная, не годится для новѣйшаго поколѣнія.
О заблужденіе! . . . Но вѣроятно вы, господинъ
Живописецъ, къ числу таковыхъ не принадлежите
и вѣдаете, что опытность старшихъ удобо-
блится иждивенію или капиталу, въ пость лица приобрѣ-
тенному и могущему принести обильную лѣтѣ
умѣющему онымъ воспользоваться. Сего ради пред-
лагаю вамъ небольшую часлицу капитала мнѣ на-
блюденій на счетъ остроумія, мною отъ достопоч-
теннаго дѣда вашего заимствованнаго.

Зѣло ошибаются тѣ, кои мнятъ, что все остро-
умное должно быть изыскано и изобрѣшено. Не
рѣдко случается, что сатиры, Ювеналовыя же-
стотайшія, и эпиграммы, всѣхъ Парижскихъ остро-
умниковъ заѣвшихъ, рождаются безъ всякаго усилія

ума. Сему единый примѣръ могу назвать, господина Живописца, представляюща. Въ старыя годы Россійскій театръ имѣлъ не менше любителей, какъ и нынѣ, а можешь быть и болѣе. Видимый наъ павловыхъ самозванцевъ-знапотовъ возмнилъ бытъ нечестивымъ судью сценнаго искусства и не мало досаждалъ лицедѣямъ своими выходками неосновательными и неразумными, за что и былъ унодочиванъ Эпиграммою одного изъ нихъ:

Любитель Русскаго театра не знапоть,
Немного въ немъ ума, хотѣ рощомъ и дысокъ,
и проч.

Надлежишь вѣдать, что упомянутый самозванецъ-знапоть принадлежалъ къ числу тѣхъ, кои, по пословицѣ, *велики выросли, да мало вынесли*. Сей-то самый театръ любитель, печатающа свои велемудрыя сужденія въ ежепедѣльномъ того вѣка изданіи, навлекъ на себя негодованіе другаго пошлителя храма Талии, и былъ имъ угощенъ зложестокимъ возраженіемъ. О! какое бѣснованіе воспослѣдовало! Самозванецъ-знапоть не замедлялъ ошвѣтомъ, толково-же тяжелымъ какъ и собственная его, тучная корпуленція. — Лицедѣи, знающа желая, какіе плоды принесешь сія нован выходка нхъ грознаго судьи, собрались у единого изъ своихъ собратовъ и, во ожиданіи книжицы, по старинному обычаю занялись поставленною на закуску, домашней работы, вешчиною. И вошъ появилась книжица! и хозяинъ долгомъ себѣ поставилъ, поподчивашъ гостей чтеніемъ пресловутой статьи, и псѣ внима-

Августъ 1829.

35

тельно слушали его, за исключеніемъ одного, нѣ большую аттенцію обращая на завтракъ. По прѣчищеніи, хозяинъ спросилъ сидящаго и исправнаго кушающаго : Что ? какова ? — Хороша, отвѣчалъ сей, ния, что дѣло идетъ не о снатьѣ, а о вешнѣй. Только мало въ ней соли и ошзывается свининою !»

Въ Исторической вѣрности сего анекдота, вамъ, государь мой, достопочтенный Живописецъ, ручюсь. А изъ сего моего описанія можете вы заключить, что остроуміе безъ приготовленія, не рѣдко удачнѣе бываетъ самыхъ обдуманнѣхъ выходовъ. — И желая вамъ симъ первымъ урокомъ воспользоваться, готовъ продолжать мою объ остроуміи пражіацію, всегда Историческими фактами подкрѣпляемую. Да послужишь она въ назиданіе вамъ и потомству. — А я пребыть честь имѣю, вашъ,

Господинъ Живописецъ !

всепокорнѣйшій слуга ,

Тимофеевъ.

Письмо къ Издателю Телеграфа.

М. Г.!

Въ 10^{мъ} номеръ Телеграфа, на стр. 264^а, въ сѣмъ о новыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, вы изволили сдѣлать строгое сужденіе обо мнѣ, касательно трехъ романсовъ: 1^й, *Что ты ерошій соловей*, 2^й *Порхай узорный мотылекъ*, и 3^й *Гдѣ ты души моей отрада*, изъ коихъ два первые не мои, а взятые изъ *Золотого Рожка*. Впрочемъ, замѣчаніе ваше, можете сѣмъ, сдѣлаю на счетъ только третьяго моего романа: *Гдѣ ты души моей отрада*, и проп., но оный есть опытъ моей юной Музы, и не можете подлежать столь строгому отзыву, ибо я не составляю себя поэтомъ, а просто занимаюсь стихами для собственнаго удовольствія и усовершенствованія. Надѣюсь, что вы помѣстите сѣ письмо въ сѣдующемъ номеръ Телеграфа, и оправдаете меня предъ публикою въ несправедливомъ вашемъ отзывѣ.

Николай Девинше.

ОТВѢТЪ.

Писавшій сѣмъ о музыкальныхъ произведеніяхъ просимъ у Гна Девинше извиненія въ томъ, что онъ почелъ его авторомъ двухъ плохихъ романсовъ. Причина этой ошибки понятна: *Золотой Рожокъ* остался въ Россіи нечитаннымъ, а Г. Девинше не означилъ автора словъ двухъ упомянутыхъ романсовъ. Можно-ли знать наизусть всѣ стихи, которые выдаютъ на золотыхъ и подобныхъ имъ рожкахъ?

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Chaque jour la mode des capotes à l'anglaise augmente, surtout la mode des capotes doublées en rouge-cerise.

Quelques élégantes qui aiment la forme des capotes à l'anglaise, mais qui ne veulent pas porter de paille, en font faire de crêpe-crêpé, rose, bleu ou blanc. A ces capotes tient un voile froncé au bas de la forme, relevé sur la passe, et pendant à droite et à gauche.

La *vinolins* est une étoffe de crin dont la finesse donne l'idée de linon: pour la campagne, l'on en fait des capotes grises, ou de la nuance jaune des toiles écruës.

Plusieurs jeunes femmes, et même des demoiselles portent en *partiche* (faux cheveux) les tire-bouchons qu'on nomme des *anglaises*, et qui descendent jusqu'au bas des oreilles: l'humidité des soirées en a fait connaître l'avantage, et ils ne se défrisent pas comme des cheveux non bouillis.

En demi-toilette, les chapeaux de paille d'Italie ont la passe étroite, très-évasée, et la doublée de gros de Naples ou de moire.

Beaucoup de chapeaux d'étoffe de soie à forme basse ont pour garniture deux bouquets de roses-nymphes ou de marguerites. Un de ces bouquets est fixé au bas de la forme à droite; l'autre est placé sur la passe, à gauche.

(*) До 30 Августа (н. ст.) 1829.

La garniture des bonnets parés est si large, qu'on met, pour la soutenir, trois brins de laiton. Une guirlande de fleurs cache le laiton. Derrière ces bonnets de blonde est une rosette en ruban de gaze, qui attache de longues barbes.

L'étoffe de soie à la mode pour les robes et les redingotes habillées, est le gros des Indes : ses couleurs sont changeantes ; la trame, par exemple, étant bleue, la chaîne est verte, et, à chaque mouvement, l'étoffe paraît de Pune ou de l'autre de ces couleurs.

Les robes les plus nouvelles, pour les promenades du matin, sont de jaconnat fond rouge d'Andrinople, ou vert, avec semis de fleurs blanches à queue noire, et bordées d'un filet noir, qui en marque les contours. On porte ces robes avec un canezou blanc.

Les dames qui portent des robes d'étoffe de soie, ont, au lieu de bas de coton, des bas de soie blancs, ou couleur de chair, à jour, et brodés blanc sur blanc, ou couleur de chair sur couleur de chair. Jamais de broderies de couleurs tranchantes. Quelquefois les coins seuls sont brodés.

Avec un canezou blanc à manches flottantes et à corsage collant, quelques élégantes portent une jupe très courte, en perkale fond rouge et à dessins de foulard imprimés en noir. Une petite ruche à deux têtes, cousue par le milieu, en forme la garniture. Cette ruche est fixée à la hauteur des genoux.

Une guirlande de feuilles de chêne en velours, placée à la hauteur des genoux, est la garniture la plus nouvelle des robes de bal.

Les boutons des redingotes sont petits et rapprochés. Les redingotes à la mode ne descendent pas plus bas que les jarrets. — Les nouvelles cravates noires sont de taffetas satiné. — Le bord des chapeaux est plat et étroit : la forme ne doit pas avoir plus de six pouces de hauteur.

Годовные уборы. Англійскія шляпки-капошъ входятъ въ моду съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, особенно подбишья матерією вишнезаго цвѣта.

Нѣкоторымъ щеголяхамъ нравится форма Англійскихъ шляпокъ-капошъ, но не нравится вещество, изъ котораго онѣ дѣлаются, то есть солома; для этого онѣ велятъ дѣлать ихъ изъ крепъ-крепе, розоваго, голубаго или бѣлаго. На сихъ шляпкахъ-капошахъ бываетъ вуаль, собранный внизу тульи, опкинушый на поля шляпки и висящій на право и на лѣво.

Кренoliniъ, модная матерія, дѣлается изъ конскихъ волосовъ и тонкостію своею даетъ понятіе о ланонѣ, или шонкомъ полотнѣ. Для деревни, изъ кренolina дѣлають шляпки-капошъ, сѣрыя или жѣлтого опшѣнка не бѣлыхъ тканей.

Многія молодыя дамы, и даже дѣвушки, носятъ изъ накладныхъ или искусственныхъ волосовъ les tire-bouchons, называемые Англійскими, и спускающіеся до нижней части ушей. Вечерняя сырость показала выгоду сихъ букей: онѣ не развиваются, какъ обыкновенные волосы.

Не въ большой нарядъ надѣвають соломенные Итальянскія шляпки, съ узкими, опкрышыми полями и съ подбоемъ изъ гроденаля или волнистой ткани.

Многія шляпки изъ шелковыхъ матерій, съ низкою тульею, украшаются двумя букетами розъ не распустившихся или маргаритокъ. Одинъ изъ сихъ букетовъ утверждается внизу шляпы, на правой сторонѣ, другой на поляхъ, съ лѣвой стороны.

Уборка нарядныхъ чепчиковъ шакъ огромна, что ее укрѣпляютъ на трехъ латуныхъ проволокахъ. Латуны закрываются цѣпочною гирляндой. Назадъ сѣхъ блондовыхъ чепчиковъ, розетка изъ газовой ленты, придерживающая длинныя полоски чепчика.

Платья и разныя моды. Для нарядныхъ платьевъ и рединготовъ, шелковая модная матерія Индійскій гро. Цвѣтъ его съ омливомъ: напримѣръ, если ушкъ голубой, то основа зеленая, и отъ этого матерія при каждомъ движеніи кажется то того, то другаго цвѣта.

Самыя новыя платья, для утреннихъ прогулокъ, дѣлаются изъ жаконна, цвѣта зеленого, или краснаго *Адрианопольскаго* (какъ ксматы: Русскіе герои только что заняли знаменитый Адрианополь! Французы угадали наше блестящее завоеваніе); по этому полю бѣлые цвѣты, съ черными стебельками. Платье обшивается чернымъ филе, по округлостямъ. Такіе платья носятъ съ бѣлымъ канзу.

При шелковыхъ платьяхъ надѣваютъ не бумажные, а шелковые чулки, бѣлые или шѣлеснаго цвѣта, ажуръ; шитье на нихъ одного цвѣта съ цвѣтомъ чулковъ. Шитье яркими цвѣтами вовсе не употребляется. Иногда бывають вышины однѣ шнѣлки.

Съ бѣлымъ канзу, котораго рукава вѣющіеся и корсажъ гладкій, нѣкоторыя щеголихи носятъ весьма короткую юбку, перкалевую, по красному полю съ узо-

рами фулара или Индійской шаффы, выписанными черною краскою. Небольшой двойной рюшъ, пришитый срединною своею, составляетъ при этомъ уборку и находится напрошивъ колынь.

Гирланда дубовыхъ листьевъ, барташнакъ, прикрѣпляемая на высотѣ колынь : вотъ самая новая уборка для балльных платьевъ.

Мужскія моды. Пуговицы у сюртуконъ маленькія и близко одна отъ другой. Данна сюртуконъ только до колынь. Новые черныя галстуки изъ атласной шаффы. Поля у пиджакъ плоскія и узкія; шириною въ шесть дюймовъ, не выше.

На приложенныхъ картинкахъ :

Дама. Креповая шляпка. Платье изъ органзы, украшенное разрезаннымъ косякомъ. Рукава открытыя.

Мужчина. Фракъ казимировый, съ широкими фалдами. Гургурановый жилетъ. Нанковые панталоны. Гелевоная шпорова.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Августа 28 дня 1829 года.

Цензоръ *Сергей Глинка.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 16. *Августъ 1829.*

О ВЗАИМНОМЪ ДѢЙСТВІИ

МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ОКИСЛОВЪ.

(Продолженіе).

Стекла Сен-говинскія.

Бѣлый песокъ.	400 част.
Гашеная на воздухъ извѣсть. . . .	42
Пережженная содовая соль, содержащая въ себѣ 44 частей на одну кислоту щелочной соли (*)	45 и 48
Стеклянный порошокъ или дребезги стеклянные, такого-же свойства какъ и самое стекло.	400

Если въ веществахъ останутся угольные час-
тицы и дадутъ стеклу бѣдный цвѣтъ, оп-

(*) Соль, содержащая въ себѣ много содовой щело-
чной соли.

зывающійся желѣзной, тогда должно прибавить 0,25 марганцового окисла (*).

Стекло, изъ котораго дѣлаютъ столовую бѣлую стеклянную посуду на многихъ стеклянныхъ заводахъ.

Бѣлый песокъ. 400 част.

Коммерческій пошашъ, по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе или менѣе содержитъ щелочной пошашной соли. отъ 50 до 65

Гашеная на воздухѣ известь въ порошокъ. отъ 6 до 12

Спеклянные обломки. отъ 10 до 100

Если стекло блѣдно отъ недостаточна перешаженныхъ веществъ, тогда прибавляютъ марганцового окисла 0, отъ 2 до 0,4.

Обыкновенныя стекла, годныя для электрическихъ машинъ, каретныхъ оконъ, для полу-бѣлой столовой посуды, и проч.

Песокъ. 400 част.

Невыдѣланная Аликантская сода, перваго сорта, растертая въ порошокъ. 100

(*) Намъ кажется также, что марганцовый окислъ истребляетъ зеленоватый цвѣтъ, сообщаемый желѣзнымъ окисломъ; отъ котораго употребленны въ дѣло вещества не всегда свободны. Въ самомъ дѣлѣ,

Стекланныя дребезги или обломки. 400
 Марганцовый окисль. 0, отъ 5 до 1
 Песокъ и сода, тщательно смѣшанные вѣсѣмъ,
 попомъ должны быть пересѣяны.

*Стекло для бутылокъ , дѣлаемое съ
 Варенской содой.*

Песокъ. 400 част.
 Невыдѣланная варенская сода. 200
 Новая зола. 50
 Обломки бутыллокъ, по желанію, а обыкновенно. 400.

*Бутылочное стекло , въ составъ коего
 входятъ назолки или земли, происходящія отъ выщелочиванія соды или
 обыкновенной золы, простой глины или
 глины кирпичной.*

Обыкновенный песокъ бѣлый или желтый. 400 час.
 Варенская сода. отъ 30 до 40
 Назолки. отъ 160 до 170
 Новая зола. отъ 30 до 40
 Желтая или кирпичная глина. отъ 80 до 100
 Обломки бутыллокъ, по волѣ, обыкновенно. . 400

фіолетово-красный цвѣтъ, происходящій отъ марганцоваго окисля, составляетъ, смѣшиваясь съ предъидущимъ, цвѣтъ грязно-бѣлый, лишь-бы ни одинъ изъ окисловъ не господствовалъ надъ другимъ.

Бутылочное стекло получаетъ свой зеленый цвѣтъ отъ желѣзнаго окисла , содержащагося во многихъ составныхъ частяхъ онаго.

Стекло хрустальное или флинтглазъ.

Бѣлый песокъ.	100 час.
Красный свинцовый окисль.	отъ 80 до 85
Пересеченный и немного <i>вывѣтренный</i> попашъ.	отъ 35 до 40
Селифра первой варки.	отъ 2 до 3
Марганцовый окисль.	0,06

Всѣ сего стекла 3., 2, такой-же точно, какъ и хрустали или бѣлаго Англійскаго стекла.

Изъ энаго стекла дѣлають хрустальную столовую посуду, люстры, шандалы, и проч.

Въ продолженіе многаго времени Англія исключительно доставляла намъ всѣ флинтглазъ , для выдѣлыванія большихъ предметныхъ стеколъ. Г. Даршигъ первый во Франціи сдѣлалъ флинтглазъ со всѣми желаемыми качествами для предметныхъ стеколъ въ 4 вершка въ діаметръ: онъ былъ прозраченъ, однослоненъ, безъ струй, и соразмѣрной величины; очки, выдѣланные изъ сего флинтглаза Г. Консуа, однимъ изъ нашихъ искуснѣйшихъ оптиковъ, оказались столь же хорошими, какъ и лучшія очки изъ мастерскихъ Доллонда. Пошомъ, Г. Гиванъ, въ окрестностяхъ Нёпателя, пошелъ еще гораздо далѣе: онъ дѣлаетъ по заказу стекло для предметныхъ

спеколь въ 4, 5, 6, 7, 8 вершковъ; Г. Гинанъ достигалъ даже до 11 вершковъ: стекло прекрасно. Теперь ГГ. Леребуръ и Консуа употребляютъ оное предпочтительнѣе предъ всякимъ другимъ.

Легко отдать себѣ отчетъ во всемъ, что происходитъ, когда пережигаютъ предыдущія смѣси. Песокъ или кремнистая земля, служащая основой для сихъ производствъ, шѣсно соединяюща съ пошашемъ, содой, известью и вообще со всеми окислами. Угольная кислота щелочныхъ солей здѣсь употребляемая, освобождается; тоже можно сказать о селитренной кислотѣ селитры, или о ея началахъ; сурикъ приведенъ въ состояніе закисла, а перекись марганца въ состояніе недокисла: слѣдовательно, стекло есть настоящій *кремень*, иногда съ пошашнымъ или содовымъ основаніемъ, иногда съ основаніемъ одной изъ сихъ щелочей и свинцоваго или известковаго закисла: квасцы встрѣчаются рѣдко. Окислы марганца и желѣза должны считаться случайными.

Если есть возможность спекловать различныя смѣси, нами упомянутыя, нагревая ихъ доспашочно, то можно также посредствомъ жара и разостеклять происходящія отъ того стекла. Это разостекленіе, замѣченное въ первой разѣ Реомюромъ, съ особеннымъ лпчаніемъ было изслѣдовано Г. Даршигомъ: оно состоитъ въ на-

стоящей кристаллизациі стекловатого кремня. Чтобы совершить эту кристаллизацию, надо только весьма медленно простудить расплавленное стекло. Изъ всѣхъ стеколъ, подвергающихся сему дѣйствию, самое удобное есть стекло бушмачное. Когда продержимъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ размягченное шѣсто сего стекла, оно превращается тогда въ вещество непрозрачное, сѣро-бѣлое, на видъ похожее на гончарную глину. Самые прудныя стекла для разостеклованія шѣ, которыя не содержатъ ни извести, ни квасцовъ: кажешся даже, что не содержащія вовсе ни квасцовъ, ни извести, разостеклаются съ величайшимъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ, стекло, послѣ разостеклованія, чтобы расплавиться, пребудетъ огня несравненно сильнѣйшаго нежели прежде. (Смотри записку Г. Даршига, Journal de Phys. на 1804 годъ).

Цвѣтное стекло.

Цвѣтные стекла не иное что, какъ простые стекла, къ которымъ, когда ихъ дѣлають, прибавляютъ известное количество краснаго окисла. Эти стекла употребляютъ для оконъ; они часто встрѣчаются въ старинныхъ храмахъ. Ихъ употребляютъ также для подражанія драгоценнымъ камнямъ, и искусство въ этомъ отношеніи такъ совершенно, что нельзя часто отличать искусственныхъ камней отъ естественныхъ; одна

разница между ними та, что послѣдніе тверже первыхъ.

Въ красный цвѣтъ красятъ стекла алмазъ извергомъ кислѣ (1074), всего чаще смѣшаннымъ съ марганцовымъ окисломъ;

Въ голубой, окисломъ кобальта;

Въ зеленый: 1° окисломъ хромѣ; 2° смѣсмью кобальтоваго окисла съ хлоромъ серебра или сурьмяннаго стекла; 3° окислами желѣза и мѣди, употребляемыми по отдельности или съ окислами сурьмы и кобальта;

Въ фиолетовый, марганцовымъ окисломъ.

Во всякомъ случаѣ, для полученія даже весьма густаго цвѣта, требуется малое количество красильныхъ веществъ.

Л а з у р ь.

Лазурь есть стекло вѣщенное въ порошокъ и окрашенное въ голубую краску окисломъ кобальта. Этотъ продуктъ готовится слѣдующимъ образомъ: въ Шнеебергѣ, въ Саксоніи; въ Платтенѣ и въ Іоахимсбургѣ, въ Богеміи; въ Глокницѣ, въ Австріи. Отобравши руду кобальта, ее разбиваютъ, испираютъ, промываютъ водой рѣшето или моютъ на столахъ (*); помомъ,

(*) Эта руда составлена изъ кобальта, мышьяка, желѣза, сѣры, и иногда никкеля, бисмута, мѣди: отбираютъ ее, значить отдѣляютъ ее отъ постороннихъ веществъ, въ ней содержащихся.

выжариваютъ ее въ отбавной печи, и такими образомъ превращаютъ ея составныя части, какъ то: сѣру въ сѣрный газъ, освобождающійся; мышьякъ въ недожисъ, которая сублимируется и сгущается въ шрубѣ, довершающей печь; а кобальтъ и желѣзо превращаются въ окислы, осѣдающіеся на полу печи. Когда руда выжарена, ее снова просѣиваютъ сквозь рѣшето, испаряютъ въ порошокъ, смѣшиваютъ съ кремнистыми чистыми пескомъ, въсомъ вдвое или втрое тяжелѣе руды и почвы съ такимъ-же количествомъ попаша; эту смѣсь кладутъ въ плазменный и подвергаютъ дѣйствию возвышенной температуры; отъ сего происходитъ чрезъ нѣсколько времени стекло, цвѣтомъ голубое, называемое *смальтомъ*, которое, когда оно еще горячо, бросаютъ въ воду. Сіе-то стекло, истертое между двухъ жерновъ и превращенное въ порошокъ, болѣе или менѣе мелкіе, составляетъ лазурь. Это послѣднее дѣйствіе происходитъ, когда истертый смальтъ кладутъ въ бочки, наполненныя водою, и когда сей растворъ попеременно взбалтываютъ и сѣживаютъ воду. Чѣмъ болѣе продолжашь времени между взбалтываніемъ и сѣживаніемъ, тѣмъ лазурь мелче; она бываетъ тѣмъ голубѣе, чѣмъ болѣе содержишь кобальта, мѣнѣе желѣзнаго окисла, и проч.

Э м а л и.

Есть два рода эмалей: эмали прозрачныя и эмали непрозрачныя. Первые суть стекла обыкновенно съ свинцовымъ основаніемъ, разцвѣченныя однимъ какимъ-либо изъ упомянутыхъ нами выше окисловъ. Непрозрачныя тѣмъ только различаются отъ первыхъ, что, кромѣ того, онѣ содержатъ въ себѣ еще и оловянный окисль; онѣ иногда бѣлы, иногда цвѣтны.

Чтобы получить бѣлую эмаль, должно по словамъ Клуеца, пережечь 100 частей свинца съ 15, 20, 30 и даже 40 частями олова, пока все совершенно не окислится, что обыкновенно и случается; послѣ, надо взять 100 частей окисла или *выжиги*, такимъ образомъ составленной: 25 или 30 частей морской соли, и 100 частей песка, содержащаго четверть своего тальковаго вѣса; изъ смѣси различныхъ веществъ составляется смѣсь, которая топится въ печи для фаянсовой посуды. Слѣдствіе сего плавленія есть бѣлая эмаль; эмаль тѣмъ болѣе способна расплаиваться, тѣмъ болѣе въ нее подложатъ свинцоваго окисла.

Эмали посредствомъ расплаиванія наводятся на мешаллы, обожженныя глины и проч. Эмаль можно наводить только на золото, серебро и мѣдь; лакъ, покрывающій фаянсы, есть бѣлая эмаль. (Смотри для болѣе подробностей, сочиненія Пери и Кумпеля; *l'Art de l'Emailleur*,

М. А Броньяра, Annales de Chimie, томъ IX;
и Mémoire Клауша, Annales de Chimie, томъ
XXXIV.)

С т р а з ъ.

Спразъ есть бѣлое стекло, составленное изъ кремнистой земли, поташа, буріевой кислоты свинцоваго окисла, и иногда мышьяковаго окисла. Это-то стекло, будучи огранено, походитъ на алмазъ. По словамъ Г. Дюо-Виланда, получающіеся прекрасные спразы при слѣдующихъ пропорціяхъ: 6 унцій горнаго хрустала, 9 унцій 2 грановъ сурика, 3 унцій 3 драхмъ поташа, 3 драхмъ буріевой кислоты и 6 грановъ мышьяковаго окисла.

Горный хрусталь долженъ быть потертъ въ порошокъ и просіянъ сквозь сито. Прозрачный песокъ можеть до нѣкоторой степени замѣнять горный хрусталь, когда песокъ сей предварительно будетъ подвергнутъ гидро-хлорической кислотѣ; но кремень, производящій всегда массу желтоватую, можеть быть употребленъ съ успѣхомъ только для спразовъ небольшихъ или среднихъ. Желтый опилѣнокъ исчезнетъ отъ грани или придастъ еще много лучей и огня.

Поташъ должно избирать осторожно; предпochтается обыкновенно лучшій перлассъ, такой, въ кошоромъ нтъ желѣза и марганца. Г. Дюо совѣтуетъ употреблять тѣкій поташъ, очищенный алкоголемъ. Я полагаю, что щелочная по-

пашная соль, происходящая отъ смѣшеніи одной часши селишры съ двумя часшиами углекислаго пошаша, разложенныхъ огнемъ въ глиняномъ или фарфоровомъ плавильникѣ, удовлетворила-бы всѣмъ условіямъ.

Буріева кислота, извлеченная изъ искусственной буры, казалась лучше кислотой самородной буры, безъ сомнѣнія пошому, что она тогда освобождена отъ жирнаго вещества, заключеннаго въ сей послѣдней, и которое, въ дѣйствіи, обугливалось, сообщаетъ продукшу желтоватый цвѣтъ; но пошлему искусственная бора походитъ теперь на самородную, то должно очищать кислоту: до сего можно достигнуть расплавления ее, сливая, разводи ее въ горячей водѣ и пропуская растворъ.

Свинцовый окисль долженъ быть совершенно чистъ; въ немъ не должно быть ни олова, ни жѣды. Самое малое количество олова сдѣлаетъ его молочнаго цвѣта; крошка жѣды окраситъ его въ зеленую краску.

Мышьяковъ окисль долженъ быть также весьма чистъ; въ строгомъ смыслѣ, его можно даже исключить изъ состава.

Выборъ плавильниковъ весьма важенъ; ни одна часшица не должна отъ нихъ испаряться и окрашивать собою содержащагося въ нихъ вещества: фарфоровые плавильники въ этомъ отношеніи не оправдываютъ ничего желанъ; но они слишкомъ

проницаемы. Надо употреблять хорошіе Гессенскіе плавильники.

Обыкновенно вещество плавится въ печахъ, служащихъ для обжиганія горшковъ или фарфора. Оно должно ослабаваться на огнѣ около двадцати чetyрехъ часовъ. Чѣмъ плавка продолжительнѣе и тише шѣмъ болѣе спразъ пріобрѣтаешь швердоспи и красоти.

Искусственные цвѣтныя камни.

Сія камни имѣють основаніемъ спразъ; всѣ происходятъ отъ сего стекла, разцвѣченнаго разными металлическими окислами.

Топазъ. Этопъ камень во время своего образования представляетъ весьма любопытныя измѣненія цвѣта : онъ переходитъ отъ бѣлаго спраза въ желтый, сѣрый, въ фіолетовой, въ красный пурпуровый, смотря по разнымъ степенямъ температуры и по продолженію огня. Пропорціи, употребленныя Г. Дуо для составленія прекраснаго топаза, слѣдующія : 4 унціи 6 драхмъ спраза, 43 грана сурьмянаго стекла, и 4 гранъ пурпура Кассіева; иногда вещество, происходящее отъ сего смѣшенія, остается темнымъ и прозрачно только на краяхъ : тогда употребляютъ его для выдѣлки рубина.

Рубинъ. — 4 часть темнаго топазнаго вещества съ 8 частями спраза произвело прекрасный желтоватый кристаллъ, который, будучи под-

вергнувъ дѣйствию паяльной трубки, превратился въ превосходный рубинъ.

Можно также выдѣлывать рубины, впрочемъ, не столь высокой доброты и съ другими опѣнками, упошребляя 5 унцій спраза и 1 драхму марганцоваго окисла.

Изумрудъ. — Вещества и пропорціи, коихъ соединеніе самымъ лучшимъ образомъ подражаетъ изумуду, слѣдующія: 8 унцій спраза, 42 грана мѣднаго окисла, и 2 окисла хромія.

Сапфиръ. — Чѣмбы произвести прекрасный голубой воспочный цвѣтъ, надо взять 8 унцій самаго бѣлаго спраза и самаго чистаго кобальтоваго окисла 68 грановъ.

Аметистъ. — Опытившіе фабриканши искусственныхъ камней не согласны въ опредѣленіи пропорцій самыхъ удобныхъ: впрочемъ, обозначаемы нами здѣсь, и которыми мы обязаны Г. Лансону, кажется, предпочтительнѣе другихъ; вотъ онѣ: 1 фунтъ спраза, онъ 15 до 24 грановъ марганцоваго окисла, 1 гранъ окисла кобальтоваго.

Аква-марина. — Этошъ камень, не весьма уважаемый, даже когда онъ и не искусственный, есть блѣдный изумрудъ, болѣе голубоватый, нежели зеленый, и цвѣтомъ похожій на цвѣтъ морской воды, онъ чего онъ и получалъ свое названіе. Онъ добывается онъ смѣшеніи 6 унцій

спраза съ 24 гранами сурьмянаго стекла и 1 грана съ $\frac{1}{2}$ кобальтоваго окисла.

Сирийской гранатъ. — Этошъ камень, называемый древними *карбункуломъ*, цвѣта краснаго, яркаго, очень пріятнаго : его составляютъ слѣдующимъ образомъ : берутъ

Спраза.	7 8
Сурьмянаго стекла.	3 $\frac{1}{2}$ 4
Кассіева пурпура.	2
Марганцоваго окисла.	2

Вообще, для выдѣлки хорошихъ искусственныхъ камней, надо, не только соблюдать пропорціи, но и вѣснѣ быть весьма осторожнымъ. Одна изъ важныхъ предосторожностей состоятъ въ томъ, чтобы какъ можно меньше испарять въ порошокъ и поребризировать вещества; издѣй ссыавъ долженъ быть протертъ сквозь особенное сито; огонь долженъ быть поспешный и ровный въ высшемъ градусѣ своей температуры; наконецъ, надо вещества подвергать дѣйствию огня въ продолженіе 24 или 30 часовъ, и проспужать плавыльники весьма медленно. (Для большихъ подробностей можно прочесть Bulletins de la Société d'Encouragement et Annales de Chimie et de Physique, Томъ XIV, стр. 57.)

(Окончаніе въ слѣд. №)

Къ сему № Прибавленія приложено изображеніе писменнаго стола.